Артем Рудаков

Лаки Лючано

Последний великий дон

Крестный отец

ЭКСМО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ему удалось пережить таких монстров итальянской мафии, как Аль Капоне, Вито Дженовезе, Фрэнк Айяле. Высоко поднявшись во времена «сухого закона», этот сицилиец стал еще при жизни человеком-легендой. Да, он сделал свои миллионы на героине, игорных и публичных домах, но самые известные американские политики и бизнесмены почитали за честь встретиться с ним. Он был последним Великим боссом «Коза Ностры», человеком, которого боялись и уважали гангстеры всего мира. В его жизни было все — бедность и роскошь, любовь и тюрьма, большая кровь и большие интриги…

- А.Л. Рудаков. Лаки Лючано. Последний Великий Дон
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Эпилог
  - Иллюстрации
  - Об авторе
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49

- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

А.Л. Рудаков. Лаки Лючано. Последний Великий Дон

АРТЕМ
РУДАКОВ

Лаки Лючано

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЛИКИЙ ДОН

ЭКСМО-ПРЕСС
Москва, 2000

Артем Леонидович Рудаков
Лаки Лючано
Последний Великий Дон

АРХИВНАЯ СПРАВКА НЬЮ-ЙОРКСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ОРГАНИЗОВАННЫМ ФОРМАМ РЭКЕТА

«Сальваторе Луканиа, профессиональный преступник, год рождения — 1897-й. Место рождения — Леркала-Фридди, Кальтаниссетта, Сицилия. Регистрация Федерального Иммиграционного Комитета от 15.05.1906. В криминальном мире известен под прозвищем Чарли Счастливчик Лючано (фотография прилагается).

СВЕДЕНИЯ О СУДИМОСТЯХ:

1) 1916 год, торговля наркотиками, Восточный округ, Манхэттен.

2) 1921 год, незаконное ношение оружия, Джерси-Сити, штат Нью-Джерси.

3) 1923 год, торговля наркотиками, Центральный округ, Манхэттен.

4) 1928 год, вооруженное ограбление, Южный округ, Бруклин.

5) 1936 год, создание преступной организации, штат Нью-Йорк.

С 1936 года к нему применена формула “враг общества номер один”.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В активную преступную деятельность втянут с 14 лет. При совершении преступлений выступает как организатор, мозговой центр. Имеет широкую сеть контактов в криминальной среде Восточного побережья, ряда южных штатов, региона Больших Озер. Прямые сферы преступной деятельности: незаконные азартные игры, организованная проституция, индустриальный рэкет. Косвенно замешан в крупномасштабном наркобизнесе.

ОПЕРАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В криминальном мире имеет официальный статус главаря преступного сообщества “Семейство Массерия”, координирует деятельность преступных организаций на территории тридцати штатов. Возможно, осуществляет коллегиальное управление всеми формами организованной преступности в целом по Америке».

Подготовил:

старший офицер-инспектор Уильям Скотти.

Глава 1
Счастливое детство

Девятилетним мальчишкой Сальваторе Луканиа прибыл в Америку в трюме грузового парохода. Его отец — Антонио — сумел скопить достаточно денег только на оформление необходимых бумаг для себя, жены и пятерых детей. На билеты не осталось ни единой лиры. Впрочем, покинуть нищую Сицилию даже в трюме было неслыханной удачей. Для сицилийцев того времени Америка стала национальной мечтой. Многим не хватало целой жизни, чтобы собрать сумму, необходимую для переезда. Остров покидали самые ловкие, оборотистые и предприимчивые.

Семейство Луканиа обосновалось в Манхэттене, в трущобах Ист-Сайда, где за время второй волны иммиграции широко раскинулись кварталы итальянского гетто — Малая Италия.

Подобно большинству иммигрантов-новичков, Антонио боготворил Америку и еще не догадывался, что суровые законы жизни везде одинаковы. Чтобы уже окончательно сделать детей стопроцентными американцами, он изменил имена всех на американский лад: старший, Джузеппе, стал Джозефом, Франческа — Фанни, младшие Бартоло и Консетта — Бертом и Конни. Проблемы возникли только со средним — Сальваторе. Будущий король гангстеров уже в девятилетием возрасте открыто презирал американцев. После дерзкого заявления: «Если у меня будет имя, как у янки, тогда я тоже буду янки, а я не хочу быть янки, потому что все янки — придурки» — отец врезал непокорному сыну здоровенную затрещину и пригрозил выпороть. Но маленький Сальваторе упорно стоял на своем.

Школа на 109-й Восточной улице, в которой учился Сальваторе, внешне напоминала двухэтажный барак.

Под ржавой жестяной крышей этого «дворца просвещения» собрался настоящий Вавилон — все «цвета» иммиграции. Учителя воспринимали работу в гетто, как наказание божье; эти крикливые, одетые в рванье мальчишки и девчонки, говорящие на всех языках мира, кроме английского, были глубоко безразличны классным наставникам. Единственной государственной структурой, которая всерьез «заботилась» о детях иммигрантов, была, разумеется, полиция.

Маленькие американцы жестоко высмеивали иностранных пришельцев. Такие же нищие, они отличались от цветных только тем, что ели гамбургеры — а не, скажем, спагетти — и

разговаривали по-английски без акцента. Но даже этих ничтожных различий было достаточно для начала травли. Дети с той и другой стороны объединялись в шайки, на переменах устраивали настоящие побоища. Это была не просто национальная вражда, а способ заработать несколько лишних центов, вывернув карманы поверженного врага. После уроков маленькие гангстеры подстерегали мальчиков побогаче, грабили их и с наслаждением избивали. В этих «бесплатных школах» могли научить чему угодно — кроме того, для чего их, собственно, создавали. Добавим, что ограбленные мальчишки собирали компанию друзей и брали жестокий реванш. Эти детские войны продолжались бесконечно, из поколения в поколение.

В каменных джунглях этой «адской кухни» десятилетний Сальваторе Луканиа чувствовал себя, как рыба в воде. Каждое утро, собираясь в школу, он брал с собой заточку и кусок свинцовой трубы. Эти предметы заменяли ему учебники с тетрадями. Где бы зашибить деньжат побольше, утруждаясь при этом поменьше, — вот что его интересовало. Смуглый, темноволосый, как все сицилийцы, с угольно-черными глазами, Сальваторе обладал истинно сицилийским характером: горячий, очень темпераментный, он, в случае необходимости, умел сохранять несокрушимое хладнокровие. На посвящении в банду сицилийских мальчишек без колебаний разрезал ножом свою ладонь. Когда поймали паренька-калабрийца из соперничающей шайки, капо вложил в руку Сальваторе железный прут и сказал: «Бей». Даже сами подельники потом признали, что он перестарался.

Калабрийцы, поклявшиеся отомстить за своего брата, выловили Сальваторе примерно через месяц.

В темном переулке не горел ни один фонарь. Прутья в руках калабрийцев упруго стегали воздух. Рыча как загнанный зверь, Сальваторе отступал назад. Неизвестно откуда к нему вдруг пришла уверенность, что все будет хорошо. Какая-то неведомая сила заставила покрепче сжать в руках свинцовую трубу — и швырнула его вперед, прямо на стенку калабрийцев. Руки работали без участия мозга. Будто в забытьи, Сальваторе услышал громкий крик боли. Дорога была свободна. Калабрийцы исчезли где-то в темноте. Сальваторе выбросил на свалку забрызганную кровью трубу.

Этот случай заставил его поверить в свое предназначение — vocazione. Он не должен был уйти из того переулка. Если бы не чудо…

Он решил, что пойдет по своему собственному пути и никого

другого это не касается. Очень быстро Сальваторе понял, что групповые ограбления невыгодны. Жалкая добыча раскидывалась на нескольких подельников, и в итоге получалось по два-три цента «на клюв». Сальваторе пришел к мысли, что ему необходимо найти свой собственный источник доходов. Уже в то время его отличала редкая для такого юного возраста наблюдательность.

Вся шпана в школе хорошо знала, что евреи не любят драк. Поэтому чаще всего нападали именно на евреев. Но только один Сальваторе сделал из этого правильные выводы. За несколько центов в день он стал предлагать потенциальным жертвам свою защиту. После того как однажды вечером Сальваторе отдубасил свинцовой трубой троих ирландцев, попытавшихся ограбить его «пациента», еврейские мальчики из других классов потянулись к нему с предложениями платить за защиту. Дело пошло, клиентура стремительно расширялась. Сальваторе пришлось нанять еще нескольких «горилл» из числа ребят покрепче. Каждый обязан был отстегивать ему процент со своих доходов. Теперь у Сальваторе была собственная банда «зубастых» мальчишек. Чистить карманы евреев становилось опасно, земляки-итальянцы, известные своим антисемитизмом, называли его «жидовской подстилкой», но Сальваторе, посмеиваясь, спокойно отвечал: «Вы, тупицы, просто завидуете мне».

Он предлагал свое покровительство всем евреям подряд. И только однажды получил резкий отказ. Худощавый, узкоплечий, бледный от недоедания мальчишка, ниже его на целую голову, злобно сверкнул глазами и хладнокровно ответил: «А пошел ты…» Этого мальчишку звали Мейер Суховлянский. Он славился способностью производить в уме сложные арифметические действия с многозначными числами и даже заработал кличку Счетная Машина. Рядом, сжимая в кармане нож, стоял другой еврей — Бенни Сигел. Красивый, даже немного франтоватый, хорошо сложенный, с модной прической и редкими для евреев голубыми глазами, он сопровождал старшего на год Мейера везде и всюду. Репутация Сальваторе Луканиа была отлично известна обоим. Они приготовились к неприятностям. Но сицилиец не стал поднимать шум. Неожиданно он рассмеялся и хлопнул Мейера по плечу:

— О’кей, я буду поддерживать тебя задаром, раз ты такой смелый.

Мейер отпрянул в сторону.

— Я же тебе сказал: засунь свою поддержку в задницу. Я в ней не нуждаюсь.

И опять сицилиец промолчал. Эти двое поразили его

воображение. Впервые он встречал таких стойких, бесстрашных типов. И решил их запомнить. На будущее. Ссориться с ними не входило в его планы.

Эту сцену наблюдали многие мальчишки. Уважение, которым пользовался Сальваторе Луканиа, отныне распространялось на Мейера Суховлянского и Бена Сигела.

Школа осточертела Сальваторе в первый же учебный год. Его манила улица. На улице можно было заработать больше денег. А деньги — это самое главное, что есть в жизни, что превращает жизнь из пытки в удовольствие. Деньги позволяют есть досыта, носить красивый костюм, исполняют любое желание, но что важнее всего — дают независимость и власть над людьми. Забросив школу, Сальваторе со своими ребятами начал новую жизнь. Он решил заняться рэкетом прямо у себя в квартале. Но для начала следовало отвоевать территорию у других банд. Сальваторе думал, что договориться по-хорошему не получится. В конце концов, сам будучи главарем, он понимал, что это вопрос чести — дать по мозгам тому, кто лезет в твой карман. И решил напасть первым. В один день его ребята прошли по всей 107-й улице, избивая и калеча конкурентов. Эта дерзкая операция удалась на славу. Пятнадцатилетний Джимми Люко, местный молодой авторитет, вышел из больницы только три месяца спустя. К тому времени на «небосклоне» 107-й улицы зажглась новая «звезда» — по имени Сальваторе Луканиа. Предложения всем лавочникам он делал самолично. Поскольку хорошее начало — это половина дела, Сальваторе решил начать с лавки Капорелли.

Марио Капорелли был известным грубияном. Его кулаки больше походили на две тыквы. Но устрашающие габариты Капорелли не испугали Сальваторе Луканиа. Придя в лавку, он разговаривал решительно и властно.

— Синьор Капорелли, я хочу заключить с вами сделку.

Лавочник невольно раскрыл рот.

— Мне стало известно, что ваше дело может серьезно пострадать. Я мог бы решить все ваши проблемы. И сейчас, и потом. За пять долларов в неделю.

Капорелли наконец оправился от удивления, побагровел и крикнул:

— Пшел вон, щенок! Уши надеру!

Сальваторе Луканиа не стал настаивать. Сплюнув на чисто вымытый пол, он спокойно ответил:

— Скоро я приду к вам еще раз. Но тогда цена будет больше. Семь долларов.

Прежде чем лавочник успел выскочить из-за прилавка, юный

рэкетир исчез. Тогда ему недавно исполнилось 13 лет!

На следующий день Марио Капорелли не нашел в окнах своей лавки ни одного целого стекла. Выругавшись в адрес «проклятых щенков», Капорелли за десять долларов вставил новые стекла. К утру их опять разбили. Когда же история повторилась в третий раз, Капорелли кое-что понял. Мало того что лавочников в Малой Италии обдирала мафия, им еще добавляли проблем шайки уличных сорванцов. Лоточники и мелкие торговцы наркотиками, чтобы иметь возможность спокойно работать, вынуждены были откупаться от юных бандитов небольшими суммами. В Ист-Сайде так было повсюду. Просить у мафии защиты от двенадцатилетних мальчишек было немыслимо.

Когда Сальваторе Луканиа вновь появился в лавке, Капорелли скрепя сердце согласился платить. После непродолжительного торга они сошлись на пяти с половиной долларах. Для Сальваторе это была первая огромная победа. Вскоре еще несколько торговцев купили его защиту. Доход Сальваторе достиг огромной цифры — двадцать долларов в неделю. Для тринадцатилетнего мальчика это были приличные деньги. Его авторитет в банде был непререкаем. Под руководством Сальваторе маленькие гангстеры взяли под контроль всю 107-ю улицу и даже распространили свою экспансию на соседнюю, 106-ю. Шайка, созданная Сальваторе, имела репутацию одной из самых «зубастых команд» в Ист-Сайде наряду с такими мощными бандами подростков, как «Гудзонские дворники», «Чудища» и «Черные жабы». Теперь у него был свой личный «бизнес», он стал занятым, «деловым» человеком и редко появлялся дома.

Сальваторе широко зажил в штаб-квартире своей банды, которая располагалась в заброшенном складе на южной окраине Малой Италии. Подражая взрослым гангстерам, ребята курили дешевые сигары, пили не менее дешевое виски, нанимали для развлечений дешевых проституток и резались в клоб — гангстерский покер. Но Сальваторе не останавливался на достигнутом. Его видели среди торговцев наркотиками, причем обсуждающим с ними какие-то дела. Или в подпольных притонах мафии, где он просил у «солдат» дона Игнацио Саетты работу для своей банды. На сходках главарей подростковых банд, распределявших и перераспределявших территорию. В опиумокурильнях Чайна-Тауна. Вот это была жизнь!

Очередной конфликт из-за переулка между 107-й и 108-й улицами вылился в кровопролитную разборку. Неаполитанцы пустили в ход огнестрельное оружие. Были ранены двое из банды

Сальваторе. На сходке горячие головы призывали громить неаполитанский квартал. Более хладнокровный Сальваторе рассудительно заметил: «Да, мы можем это сделать. Но потом они отомстят нам. Этому не будет конца, а наши дела пострадают. Я думаю, лучше с ними договориться по-хорошему. А за кровь они заплатят нам выкуп».

Главарь конкурирующей банды, девятнадцатилетний Франческо Кастилья, пришел на встречу в сопровождении верных телохранителей. Все они были широко известны за пределами Малой Италии.

Эдди Кастилья — ловкий угонщик и отличный стрелок.

Уилли Моретти — с лицом ангелочка, любитель скабрезных шуточек, душа компании, но вместе с тем и крепкий уличный боец, отчаянный задира. Никто лучше его не умел в нужный момент отвлечь на себя внимание полицейских.

Оуни Мадден — англичанин — его уважали за исключительную смелость. Он не колеблясь шел на риск, был трижды ранен, на одной только голове у него насчитывалось восемь шрамов от ударов ножом.

Из всех четырех неаполитанцем был только Моретти. То, что эти парни, такие разные, работают в одной упряжке, заставило Сальваторе призадуматься. Он и раньше не очень-то уважал своих сицилийцев за косность и шаблонность мышления. Для него национальность, религия и язык общения с тем или иным парнем значения не имели. В его глазах всякий человек оставался человеком, пока вызывал уважение к себе. Безразлично, был ли он евреем или сицилийцем.

Тот самый злополучный револьвер 38-го калибра, из которого пустили кровь двум сицилийцам, выглядывал из-под распахнутого пиджака Франческо Кастильи. Сальваторе стало ясно, кто стрелял. Франческо сразу же заявил, что сожалеет о своем поступке. По его словам, первыми в драку полезли сицилийцы. Их было больше, и поэтому Франческо, чтобы сохранить свою жизнь, открыл огонь.

— Но я, — добавил главарь неаполитанцев, — стрелял так, чтобы ранить, а не убить.

Невысокий, широколобый, коротко подстриженный, он говорил тихо, похрипывая, и был настроен вполне мирно.

— Мы можем проворачивать свои дела, не мешая друг другу, — произнес Сальваторе.

Кастилья охотно согласился.

— Я из Козенцы, что в Калабрии, — доверительно сообщил он и представил сицилийцу своих друзей.

— Как же ты управляешь неаполитанцами, если сам

калабриец? — полюбопытствовал Сальваторе. Кастилья широко улыбнулся:

— Дружище, какая разница, ведь главное в человеке не национальность, а то, что есть у него в башке.

С этими словами Франческо выразительно постучал по своей макушке.

Главари конкурирующих банд быстро нашли общий язык. Они уже подумывали обтяпать кое-какие совместные дела, но беда нагрянула с той стороны, откуда ее не ждали.

Полиция неоднократно приходила в дом Антонио Луканиа с предупреждением, что его сын Сальваторе смывается с уроков и ведет довольно подозрительный, с точки зрения закона, образ жизни. Отец уже не решался драть сына ремнем, как делал это раньше, и только просил: «Одумайся, пока не поздно». Но школа совершенно не входила в планы Сальваторе.

По распоряжению окружного инспектора подготовительных классов 14-летний Сальваторе Луканиа был помещен в одно из бруклинских учреждений по перевоспитанию трудных подростков. К тому времени он часто фигурировал в полицейских сводках. Комиссар Бреннан вынес приговор: два года исправительной «трудотерапии». Массивные железные ворота захлопнулись за спиной Сальваторе. Так закончилось его детство.

Глава 2
Розовая юность

В 1912 году Сальваторе Луканиа вышел на свободу. После двухлетнего пребывания в бетонном ящике он долго не мог привыкнуть к яркому солнечному свету. В кармане не было ни цента. До дома пришлось идти пешком через весь Бруклин и половину Манхэттена. Ноги, за время отсидки отвыкшие от ходьбы, мучительно болели. Сальваторе часто останавливался, чтобы отдохнуть. На 107-ю улицу в Малой Италии он добрался только к вечеру.

Дома его встретили довольно равнодушно. Отец уже давно махнул рукой на своего среднего и вместо приветствия проворчал: «А-а, явился». Братья и сестры, стремившиеся стать добропорядочными американцами, тоже отнеслись к Сальваторе с равнодушием. Мать была единственным человеком в семье, который обрадовался его возвращению.

На улице тоже многое изменилось. Сальваторе не смог собрать свою старую шайку. Многих бывших подельников он вообще не нашел. Кое-кто из них уже успел крепко привязаться к героину и потерять человеческий облик, некоторые погибли в уличных драках, другие мотали срок в тюрьме, а остальные скрывались от полиции или присоединились к другим бандам. Сальваторе остался один. Зарабатывать как раньше он не мог. Пришлось смириться с этим и подыскивать себе работу.

Неожиданно его выручили старые связи в еврейском гетто. Ребята, которых он защищал четыре года назад, не забыли об оказанной услуге. Из всех сицилийцев в школе на 109-й улице один только Сальваторе не называл их «иудами». При посредничестве старых знакомых он устроился на работу к Максу Гудману, владельцу небольшого магазинчика дамских шляпок. Гудман и его жена Софи испытывали к юному сицилийцу искреннюю симпатию. Он не особенно утруждался, работая курьером. Хозяева платили ему приличные деньги, часто приглашали на ужин в семейном кругу, а когда Сальваторе, с отлично разыгранным, подлинно актерским мастерством, рассказал сердобольной мадам Софи о своих проблемах с родителями, ему отвели отдельную каморку в задней части магазина. В обстановке сытости и достатка Сальваторе скоро забыл проведенные за решеткой два кошмарных года и стал подумывать о том, как бы заняться более серьезным делом, достойным мужчины.

Приняв свой обычный деловой вид, Сальваторе снова вышел на улицу. Он не забыл друзей из неаполитанского квартала, но хотел прийти к ним не просто только что освободившимся ничтожеством, а уважаемым человеком. В черном костюме, с розой в петлице. С бумажником, полным денег. Этого требовала его мужская гордость.

Неделя — и Сальваторе уже был своим в подпольных игорных притонах. В этих местах крутились деньги — большие по меркам Ист-Сайда — и собирались преступники всех мастей. Сальваторе умел слушать и быстро уяснил, что самый выгодный бизнес — это героин.

В то время один весовой грамм белого порошка стоил пятьдесят долларов. Чистый товар можно было достать через оптовиков из Чайна-Тауна. В любом количестве, только плати. Большинство пушеров[1] в Ист-Сайде были евреями. Они имели налаженные контакты с поставщиками и собственные маленькие «лаборатории», в которых размешивали порошок мелом, мукой или сахарной пудрой. То, что затем попадало к наркоманам, содержало не более пятнадцати процентов исходного продукта. Дело, в общем, не сложное — так считал Сальваторе.

Для начала он занялся поиском клиентов для мелких пушеров. За каждого ему платили по пятнадцать долларов. Такая мелочевка не устраивала Сальваторе. Он мечтал о работе с торговцами среднего, а еще лучше — высшего звена. Но для этого нужно было постараться, создать себе репутацию и тогда, рано или поздно, его заметят действительно серьезные люди. Помимо поиска клиентов, Сальваторе взялся за другую работу — подыскивал помещения для притонов. Но реально крупное дело ему удалось провернуть почти год спустя.

К Сальваторе обратился начинающий пушер Ральф Ноланд с просьбой найти хорошего поставщика. Сразу смекнув, какие перспективы это сулит, сицилиец предложил свой вариант:

— Да, я знаю человека, у которого есть хороший товар. За качество я ручаюсь — не менее восьмидесяти процентов. Но здесь одна проблема: он не работает с незнакомыми людьми. Сомневаюсь, что он захочет иметь с тобой дело. Ведь ты только начинаешь свой бизнес. Никто не защитит тебя, если ты попадешься полиции.

— Сальва, как только дело наладится, я без проблем куплю себе поддержку.

— Вот именно: «если наладится», — назидательно изрек Луканиа.

Ноланд спросил:

— Ты можешь как-нибудь договориться с этим типом?

Сальваторе сделал вид, что размышляет.

— В принципе, я мог бы это уладить, — наконец произнес он, — риск общения с тобой я готов взять на себя. Думаю, на таких условиях ты получишь товар. Столько, сколько нужно. У того парня свои принципы: он любит оставаться в тени. Пусть думает, что имеет дело со мной.

Это было в порядке вещей. Каждый, кто крутился в бизнесе на наркотиках, прежде всего заботился о себе и стремился свести риск к минимуму.

Через посредников работать было менее рискованно, чем напрямую. А посредник всегда имел право на свою долю прибыли. Ральф Ноланд кивнул: «О'кей, я согласен».

Вскоре к Сальваторе обратились еще несколько пушеров. Теперь, когда он открыл собственную линию, его уже не могли не заметить.

По вечерам Сальваторе любил проводить время в небольшом ресторанчике с громким названием «Палас Парадайз» на 65-й улице. Джазовый оркестр играл модный фокстрот. Здесь было полно смазливых девочек, готовых запрыгнуть на колени к любому парню, чей костюм стоил дороже пятидесяти долларов. У Сальваторе никогда не возникало с ними проблем. Он угощал шампанским очередную пассию, — хорошенькую блондинку Джесси, — когда в зале появился шикарно одетый мужчина. От него исходил яркий блеск, необычный для дешевых заведений такого типа. Блестела набриолиненная прическа, бриллиантовая заколка на ярком галстуке, сверкал перстень на мизинце. Этого парня никогда здесь раньше не видели. От него пахло деньгами. Большими деньгами.

Не обращая внимания на оценивающие взгляды, мужчина направился к стойке и что-то спросил у бармена. Из рук в руки перешла банкнота в десять долларов. Бармен услужливо изогнулся и указал пальцем на Сальваторе Луканиа.

Джесси вдруг сложила губки сердечком и восхищенно произнесла:

— О!

— Прошу прощения, детка, — прогудел за спиной Сальваторе густой, чуть хриплый мужской бас, — я хотел бы пару минут потолковать с этим парнем. Надеюсь, ты не будешь возражать?

— Конечно, конечно, мистер. — Джесси поспешно вскочила. Ее глаза затуманились. Костюм этого мужика стоил по меньшей мере пятьсот долларов, да еще камней на нем было тысячи на полторы!

Сальваторе обернулся и внимательно рассмотрел незваного собеседника. Мужчина был евреем. Это сразу бросалось в глаза.

Массивный подбородок и губы, узкие, как лезвие ножа, указывали на жесткий характер.

Не спрашивая разрешения, мужчина уселся на место Джесси.

— Ты — Сальваторе Луканиа?

— Может быть. — Сицилийцу вдруг стало не по себе. Кто этот тип и откуда он? Чего хочет? Сальваторе пожалел, что не взял с собой оружие. Незнакомец, казалось, прочел его мысли.

— Тебе не о чем волноваться, — успокоил он, — я пришел только поговорить.

И щелкнул пальцами:

— Бой, виски для меня и моего друга! Самое лучшее!

Сальваторе невольно следил за движением руки, на которой сверкал бриллиант в четыре карата.

Кельнер мгновенно принес заказ:

— Самое лучшее, что у нас есть, сэр. Только для вас.

Мужчина бросил ему два доллара. Хотя по виду незнакомец был вылитый гангстер, но говорил нарочито вежливо, без грубых слов и жаргона:

— Прежде всего я хотел бы представиться: Джордж Скоплон. Ты, надо думать, слышал это имя.

— О, конечно, мистер Скоплон, — сердце Сальваторе лихорадочно заколотилось, — еще бы!

Скоплон улыбнулся:

— С этой минуты я для тебя просто Джордж. Давай обойдемся без снобизма, о'кей?

Сальваторе не знал, что такое снобизм, но тем не менее утвердительно кивнул головой.

Биг Джордж Скоплон входил в число десяти самых крупных торговцев наркотиками в Ист-Сайде. В разных кварталах Манхэттена на него работали около пятидесяти мелких пушеров. Для устранения конкурентов или нежелательных свидетелей он пользовался услугами собственной бригады наемных убийц. Годовой оборот организации Скоплона достигал огромной по тем временам суммы — четырехсот тысяч долларов. Биг Джордж владел тремя дорогими автомобилями, имел недвижимость в престижном Северном округе, вкладывал деньги в игорные притоны и публичные дома. Неприкосновенность его бизнеса обеспечивали друзья из полиции и окружного муниципального совета. То, что человек такого масштаба обратил внимание на Сальваторе Луканиа, было прямо-таки сверхъестественной удачей.

— Вот что я хочу сказать тебе, парень, — неторопливо басил Скоплон. — С некоторого времени я наблюдаю за тобой, за тем, как ты делаешь свою работу, и мне это определенно нравится. У

тебя есть хватка и голова на плечах. Ты можешь далеко пойти. Но только при одном условии: если тебе помогут друзья, у которых имеются необходимые связи с нужными людьми. В нашем бизнесе ты не первый день и поэтому понимаешь, что это значит… Без надежного прикрытия ты не протянешь долго. Я узнавал, в полиции уже есть на тебя досье. И если ты не изменишь методы своей работы, то в скором времени здорово влипнешь. Так вот, дело в том, что недавно с одним из моих ребят случилось несчастье и теперь его место свободно. Он работал по линии доставки.

Сальваторе понимающе склонил голову:

— В нашем деле всякое случается, Джордж.

— Да, все мы рискуем, но игра стоит свеч. Короче говоря, я предлагаю тебе работать на меня. Будешь получать двести монет в неделю.

Названная цифра заворожила Сальваторе. При всем старании за то же время он мог заработать не более сотни. И, не раздумывая, дал ответ:

— О'кей, я с вами.

Работа, которую предложил Биг Джордж, оказалась несложной. Сальваторе мог заниматься ею, одновременно продолжая служить курьером в магазине Гудмана. Только теперь, когда ему поручали доставить какой-нибудь даме заказанную шляпку, Сальваторе прятал за ленточкой две-три ампулы с героином. А прежде чем передать шляпку заказчице, забегал на минуту в заранее условленную бильярдную или бар, где в обмен на стекляшки получал от наркоманов деньги. Сальваторе купил дорогой кожаный бумажник, в котором никогда не бывало пусто. Он шагал по улицам с высоко поднятой головой. Он уже становился большим человеком. Пришло время нанести визит в неаполитанский квартал.

На 108-й Восточной улице Сальваторе не нашел своего друга Франческо Кастилью. Мать не захотела объяснить, куда делся ее сын. Эдди тоже не было дома. Сальваторе пришлось выложить десять долларов, чтобы всезнающие уличные мальчишки привели его к Уиллу Моретти. Никогда не унывающий неаполитанец на этот раз был мрачен.

— Мы раскручивали большое дело в пакгаузах Вест-Сайда, — рассказывал Моретти, — работали все вместе: Фрэнк, Оуни, Эдди и я.

— Кто это — Фрэнк? — перебил Сальваторе.

— Франческо, кто ж еще, — удивился Моретти, — ты разве не знаешь, что он заделался янки, изменил имя и фамилию? Теперь он Фрэнк Костелло.

— Туда, где я был два года, новости не доходили, — объяснил Сальваторе, — я не мог этого знать.

— Ты, я смотрю, снова в деле?

— Да, мои дела идут неплохо. А где все-таки Фрэнк? Его мамаша как воды в рот набрала, когда я спросил о нем.

Моретти усмехнулся:

— Она такая же, как все. Считает, что можно вкалывать за две сотни в месяц и при этом быть довольным жизнью. Но Фрэнки так не хотел. И никто из нас не хотел так. А в нашем деле, сам знаешь, как в покере — иногда везет, иногда нет. Фрэнку не повезло. Чертовы легаши пришили ему незаконное ношение оружия. Он сейчас мотает срок в Вельфе-Айленде. А Эдди, не будь дурак, смылся, чтобы переждать. Правильно, пусть все уляжется, а там мы снова возьмемся за дело.

В полном молчании оба итальянца допили бутылку отличного французского коньяка «Хеннесси».

Фрэнк Костелло вышел на свободу в июне 1916 года. Как только за спиной хлопнула железная тюремная дверь, он дал себе клятву: «Больше никогда»[2]. За полтора года, проведенных в камере, он успел о многом подумать. А теперь его торжественно встречали подельники. Фрэнк был приятно удивлен, увидев среди них старину Сальваторе.

В честь возвращения Фрэнка устроили настоящий банкет с музыкой, шампанским и девочками. Костелло и Луканиа делились друг с другом тюремным опытом, долго обсуждали детали будущей совместной работы. Сальваторе встретился с Мейером Суховлянским, который к тому времени тоже американизировал свою фамилию, став Лански, и его неразлучным другом Беном Сигелом. Имя Сигела уже гремело в еврейском гетто, хотя ему было всего лишь четырнадцать лет. Около месяца назад он участвовал в вооруженном ограблении и, прикрывая отход подельников, застрелил двух человек. Именно тогда к Сигелу прилипло прозвище Багси. В среде нью-йоркских гангстеров-евреев право на ношение этой клички имели самые опасные и беспощадные бандиты, убийцы. Никто не мог сказать, что Бенджамин Сигел получил ее незаслуженно.

Сальваторе Луканиа познакомил Багси и Мейера со своими друзьями-итальянцами. Костяк будущей банды, таким образом, сформировался. Но судьбе было угодно распорядиться иначе.

12 июня Сальваторе задержали полицейские из отдела по борьбе с наркотиками. Копы появились в бильярдной на Четырнадцатой авеню в не самый подходящий момент — когда сицилиец извлек из дамской шляпки ампулу с героином. Сальваторе не мог знать, что все эти наркоманы давно известны

полиции.

Его взяли с поличным. В ампуле содержалось два грамма 35 %-ного героина. Понимая, что дело дрянь, Сальваторе все равно держал рот на замке, надеясь на помощь босса. Через две недели состоялось заседание манхэттенского уголовного суда. Сальваторе Луканиа признали виновным. Даже заступничество Биг Джорджа Скоплона и поручительство Макса Гудмана ничего не изменили. Улики были настолько явными, что избавить Сальваторе от тюрьмы не смог бы даже господь бог. Единственное, чего удалось добиться Биг Джорджу, — это максимально скостить срок. Вместо положенных в этом случае «от трех до восьми» Луканиа приговорили к одному году заключения в исправительной тюрьме Хэмптон-Фармс. Остаток своей юности Сальваторе провел за решеткой.

Глава 3
«Банда четырех»

В тюрьме молодому сицилийцу пришлось туго. Тех, кто идет по первой ходке, обычно мучают и травят. Сначала заключенные называли его Саль, потом переименовали в Салли, а огромный, заросший густым волосом Джим Сэнд, по кличке Тарантул, мотавший двадцать лет за убийство, захотел сделать его своей «любовницей». Сальваторе, которому предстояло отсидеть всего лишь год, не хотел неприятностей и пытался сдержаться. Но его разумную покладистость приняли за трусость. Маленький, щуплый, он вдруг оскалился, как волк, бросился на Джима Тарантула и мгновенно выколол ему оба глаза. Этот инцидент был настолько устрашающим, что тюремные охранники воздержались от представления рапорта и списали увечье Сэнда на несчастный случай. Ни один заключенный больше не осмеливался задевать сицилийского волка. В свою очередь, Сальваторе старался вести себя тихо в надежде на досрочное освобождение.

На этот раз все получилось так, как он рассчитывал. По прошествии семи месяцев Сальваторе Луканиа получил свободу и прощение. Видимо, те, кто держал его под замком, посчитали, что он в достаточной мере исправился. Но, как бы там ни было, для себя Сальваторе твердо решил, что больше не станет связываться с наркотиками. Это дело представлялось ему слишком ненадежным.

За воротами тюрьмы стояло такси. С радостным ревом из салона выскочили Фрэнк Костелло, Мейер Лански и Багси Сигел: «С возвращением, Саль, с возвращением!» Рассматривая друзей, Сальваторе отметил про себя, что они одеты с подлинно гангстерским шиком: лихо сдвинутые на бок фетровые шляпы, яркие галстуки, длиннополые плащи.

— Ну, как идут дела, ребята?

— Отлично, черт побери, отлично! Едем, мы приготовили для тебя кое-что особенное.

Торжество в честь возвращения Сальваторе состоялось на съемной квартире в Центральном округе Манхэттена. Фрэнк Костелло с гордостью показал ему ящик французского шампанского «Моэ Шандон», которое стоило бешеных денег — пятьдесят долларов за бутылку — и было по карману только очень богатым людям.

— Смотри, все самое лучшее — для тебя, — хрипел

Костелло, — это напиток миллионеров, дружище.

Сальваторе был действительно растроган и прочувствованно произнес:

— Хорошо, когда есть друзья. Настоящие друзья.

Багси открыл бутылку и разлил вино. Костелло поднял бокал:

— Саль, я пью за твою долгую и свободную жи…

Глаза сицилийца внезапно сверкнули демонической яростью. Не контролируя себя, он вскочил и как следует тряхнул Фрэнка за лацканы дорогого пиджака.

— Вот что я скажу тебе, приятель…

Отпустив ошеломленного Костелло, он обернулся к притихшим Багси и Мейеру.

— Вот что я скажу всем вам… С сегодняшнего дня вы будете звать меня Чарли. Чарли, запомнили? А если кто все же не запомнил, пусть пеняет на себя: имя такого придурка я напишу на его могиле.

Пока Фрэнк, Мейер и Багси пытались сообразить, что это вдруг случилось с Сальваторе, тот одним глотком осушил бокал шампанского, выпив таким образом сам за себя, за свое новое имя. Смущенный Костелло вновь поднял бокал:

— Гм, о'кей. Нет проблем, Чарли, я пью за твою долгую и свободную жизнь.

— За тебя, Чарли, — присоединились Багси Сигел и Мейер Лански.

Сицилиец довольно кивнул и выпил вместе со всеми. Праздничный вечер завершили в одном из самых фешенебельных борделей на 42-й улице. Это заведение славилось своими девочками на весь Нью-Йорк.

— Мы «Банда четырех», — втолковывал друзьям Фрэнк Костелло, — потому что нас теперь четверо.

Это была старинная традиция преступного мира Нью-Йорка, да и не только Нью-Йорка: находить для своих шаек звонкие, крутые названия. Такие, чтобы у законопослушных осликов тряслись поджилки.

— Сейчас самое время действовать, Чарли, — продолжал Костелло. — Наша 108-я улица считается территорией Рика Альфано[3], но он боится даже нос высунуть из своей норы — люди Саетты и Чиро Терранова охотятся за ним по всей Малой Италии.

Чарли Луканиа кивнул:

— Я кое-что слышал об этом. В Хэмптоне говорили, что сицилийцы начали большую чистку — ripulitura.

— Не чистку, — покачал головой Костелло, — идет большая война. Дон Игнацио Саетта открыл кран крови. Он хочет стать

«numero uno». Все пять семейств его поддерживают. Пока. Дальше совместных действий против каморры у них договоренности нет. Я так думаю: когда Альфано исчезнет, сицилийцы начнут рвать друг друга.

— У них на это хватит ума, — пренебрежительно ответил Чарли. Несмотря на свое сицилийское происхождение, он отказывался уважать Общество Чести и его сильно устаревшие законы.

— Пока идет война, у нас есть шанс прибрать к рукам уличный рэкет. Габолотты[4] боятся выходить на работу — сицилийцы убивают каждого, неважно капо ли, солдат ли. Уже две недели никто не платит за защиту во всем квартале. Мы могли бы заняться этим. Дело стоящее.

Чарли немного подумал.

— Но если сицилийцы победят, то займутся уже нами. Ведь это будет ИХ ТЕРРИТОРИЯ. А если победит каморра, с нас сдерут шкуру живьем. Такие вещи не прощают.

— Я все продумал, — заторопился Костелло, — война ведь не закончится завтра, а за это время мы, во-первых, создадим себе имя и, во-вторых, сделаем достаточно денег, чтобы потом прибиться к какой-нибудь сильной команде. Тогда нас никто не тронет.

— Что же это за шайка, о которой ты говоришь? — поинтересовался Чарли.

— «Банда пяти точек», конечно! Ты же знаешь этих ребят. Их ведет Джо Массерия, у них почти сотня стволов. А еще связи в «Сицилийском союзе» — Массерия-то сицилиец.

Чарли не торопился с ответом.

— Пожалуй, сработает, — наконец сказал он, — тут главное — вовремя уйти из-под удара.

— Мы будем держать руку на пульсе, дружище, — отозвался Костелло.

Идея Фрэнка в самом деле оказалась неплохой. Мейер Лански и Багси Сигел согласились с этим.

Через несколько дней «Банда четырех» принялась за работу. Владельцы игорных притонов, содержатели дешевых борделей и прочая уголовная шушера в неаполитанском квартале немного расслабились, заплыли «зеленым жиром», поскольку дон Альфано давно не присылал к ним своих людей. Лавочники и лоточники, с которых вторую неделю не взимался налог за покровительство, оживились, повеселели, стали вкладывать излишек денег в расширение своего дела, тогда как раньше эти деньги текли в карман босса местной каморры.

Но идиллия оказалась кратковременной. Вместо усатых

пичотто на оставшуюся бесхозной добычу набросились молодые гангстеры.

С «клиентами» разговаривали коротко, жестко, внушительно. Чарли Луканиа взывал к их благоразумию. Фрэнк Костелло демонстративно играл двумя револьверами и хищно улыбался. Экспансивный, кровожадный Багси Сигел хватал испуганных людей за шиворот и яростно тряс — так, что у несчастных громко клацали зубы. Мейер Лански взял на себя ведение бухгалтерии — его стихией были финансы и цифры.

В большинстве случаев договор заключали мгновенно. Некоторых убеждали стволом пистолета, приставленным ко лбу. Парочке упрямцев Багси прострелил ноги. Сыновья пострадавших поспешили выложить сумму, указанную гангстерами. Касса «Банды четырех» быстро наполнялась. Не ограничиваясь рэкетом притонов и торговцев, они вошли в долю к местным пушерам. Разумеется, применив соответствующие методы убеждения. С этой публикой пришлось повозиться: торговцы зельем, как известно, люди грубые и вспыльчивые. Для Сигела снова нашлась работа — надо было проучить одного несговорчивого пушера, который зашел настолько далеко, что настучал на своих нежелательных компаньонов. Полиция не успела принять меры. Заявитель просто исчез. Бесследно. На счету Багси это было уже третье убийство. А ему тогда исполнилось всего лишь шестнадцать лет! Вокруг лилась кровь, гремели выстрелы, взрывались динамитные шашки, неаполитанцы и сицилийцы убивали друг друга в уличных сражениях. И пока что никому не было дела до того, в чьих руках сосредоточен рэкет на 106-й Восточной улице. Масла в огонь подлила удачная операция боевиков Альфано. Им удалось застать врасплох самого главного из своих врагов: в ноябре 1916 года был убит дон Игнацио Саетта. После чего кровопускание продолжалось в еще больших масштабах. Ребята из «Банды четырех» ни о чем не беспокоились до тех пор, пока через полтора месяца в войне не обозначился заметный перевес сицилийцев. Чиро Терранова, по прозвищу Король Артишоков, возглавивший семью после смерти дона Игнацио, все-таки сумел достать босса неаполитанцев.

Шансов на победу у каморры к тому времени уже не осталось. Это было ясно каждому. Организацию разъедало предательство. Чтобы спасти свою шкуру, несколько капореджиме организовали в заговор и выдали своего дона сицилийцам под гарантию сохранения собственной жизни. О том, что сделал Чиро Терранова, в Нью-Йорке говорили еще долго.

На 107-й Восточной улице Король Артишоков имел персональный клуб, главным образом служивший местом для

сходок. Здесь же, в подвале, устраивали жестокие казни, а трупы, по сицилийскому обычаю, закладывали в фундамент[5]. Но казнь, которую придумали для Энрико Альфано, применялась первый и последний раз. Вооружившись мясницкими топориками, двое палачей из семейства Саетта изрубили его, живого, на мелкие куски. Это изуверство наблюдали боссы всех пяти семейств сицилийской мафии в Нью-Йорке — Айяле, Бальзамо, Массерия, Маранцано и сам Чиро Терранова. Неаполитанские капо, в награду за оказанную услугу, получили по пуле в затылок. «Если они предали своего дона, могут предать и меня», — здраво рассудил Король Артишоков.

С разгромом каморры в Малой Италии раз и навсегда завершилась борьба за власть между национальными мафиозными кланами. Отныне здесь безраздельно господствовала сицилийская мафия. А все прочие общины: апулийская, кампаньская, калабрийская — подчинились диктату Общества Чести. Впрочем, война отнюдь не прекратилась. Сицилийские боссы хорошо понимали, что всякая империя остается прочной до тех пор, пока захватывает все новые и новые территории. Самый агрессивный из них, Фрэнк Айяле, начал вторжение в зону влияния ирландской банды «Белая рука». Немедленно в Манхэттене возобновились вооруженные разборки с кровью и стрельбой.

Лански, Костелло, Сигел и Луканиа вовремя сориентировались, кто же одержит победу, и заблаговременно изъяли все деньги из уличного оборота. За несколько дней до гибели Альфано они прекратили все операции по рэкету. Вскоре на 108-ю Восточную улицу пришли люди Чиро Терранова. В кассе «Банды четырех» остался капитал в три с половиной тысячи долларов — сумма по тем временам довольно значительная. Но деньги до тех пор остаются деньгами, пока делают новые деньги. Это первое правило бизнеса было отлично известно молодым гангстерам. Мейер Лански даже предложил внести всю сумму на счет в Банке Соединенных Штатов под десять процентов в год. Но все остальные восприняли идею Мейера как шутку и долго смеялись. Смеха ради Костелло пошел еще дальше — наведался в банк. Но вернулся оттуда очень серьезным.

— Парни, спасибо старине Мейеру, я нашел то, что нам надо. А нам сегодня надо что? Какое-нибудь громкое дело, чтобы создать себе по-настоящему крутую репутацию, и еще несколько штук наличными. Так?

Осторожный Чарли Луканиа заметил:

— Все это так, Фрэнки. Но что нам для этого надо сделать?

— Я скажу, что нам надо сделать. Взять банк — вот что нам

надо сделать! — И Костелло торжествующе оглядел подельников. Они пока помалкивали. Слишком уж неожиданно свалилась на их головы эта идея.

— Допустим, — проскрипел Мейер Лански, — а какой банк ты предлагаешь взять?

Костелло с готовностью ответил:

— Банк Соединенных Штатов, ясное дело. Я был там сегодня. По-моему, это местечко давно никто не грабил. Там слабая охрана, всего лишь четыре человека: двое на входе и двое в кассовом зале. Между собой они никак не связаны. Если отключить двоих у входа, те, которые в зале, ничего об этом не узнают. Мы можем взять их тепленькими.

— Двое из нас могут заранее пройти в холл, — внезапно произнес Чарли.

— Верно! — подхватил Костелло. — А когда мы вырубим двоих у входа и влетим в холл с оружием, те из нас, кто там уже будет, просто направят пушки на остальных легашей. Я думаю, нам даже стрелять не придется.

— Подожди, — перебил хладнокровный Лански, — получается, двоих из нас потом опознают. Ведь заранее нельзя войти в холл с маской ha морде: Пари держу, копы через час уже будут знать, кто обчистил банк.

— Можно изменить внешность, — вмешался Сигел, — надеть парик, приклеить усы.

— Но все-таки надо подготовиться как следует, — упорствовал Лански, — зайти, посмотреть, все пощупать. Нельзя такое крупное дело делать сгоряча.

Фрэнк Костелло согласно закивал:

— Само собой, Мейер. Ведь я же не сказал, что мы пойдем туда завтра.

Банк ограбили через неделю. Без сучка без задоринки. Как и предполагал Костелло, без единого выстрела.

На краденой машине с поддельными номерами подъехали к зданию «Банк оф Юнайтед Стейтс». Сначала из авто вышли загримированные Лански и Сигел. Подождав три минуты, Фрэнк Костелло и Чарли Луканиа надели маски, взяли обрезы, вместительный саквояж и одним рывком подскочили к двум полицейским, стоявшим в дверях. Действительно, этот банк давно не грабили, и стражи порядка держались очень раскованно, даже оружие у них оказалось незаряженным. Ударами прикладов обоих горе-охранников загнали внутрь, там их связали. Когда двое грабителей ворвались в зал с криками: «Спокойно, это ограбление!» — ни один охранник не смог даже шевельнуться, так как почувствовал на виске холодный ствол револьвера.

Очистив кассу, грабители исчезли.

Улов оказался приличным — восемь тысяч долларов. С такими деньгами «Банда четырех» могла смело рассчитывать на уважение в преступном мире. Все полосы газет заняло сообщение об этом дерзком налете. Фрэнк Костелло, способный лучше всех вести переговоры (друзья в шутку называли его Дипломатом), отправился в штаб-квартиру «Банды пяти точек» на стыке Бродвея и Бауэр-стрит. Это была одна из самых мощных организованных группировок Нью-Йорка, ни в чем не уступавшая таким известным бандам, как «Белая рука» Денни Михана или «Верная рука» сицилийцев. Костелло объяснил, кто он такой, кто его друзья, уплатил вступительный взнос — по тысяче долларов за каждого[6]. В их пользу говорило также то, что преступление не было раскрыто.

Весной 1917 года «Банда четырех» присоединилась к «Банде пяти точек», из которой вышли такие известные гангстеры, как Джонни Торрио и Джузеппе Массерия. Перед ними открылась дорога к успеху в преступном мире.

Глава 4
Начало прохибишена [7]

В апреле 1917 года Соединенные Штаты вступили в первую мировую войну, тем самым создав для молодых бандитов большие проблемы. Самому старшему из них — Фрэнку Костелло — в то время исполнилось 26 лет. Чарли Луканиа приближался к совершеннолетию. В Америке тогда вошли в моду разговоры о патриотизме. Это слово не сходило со страниц газет и языков обывателей. «С ума все посходили!» — ворчал Мейер Лански. «Страна самоубийц», — поддакивал Сигел. Фрэнк Костелло сострил по этому поводу: «Мы — патриоты собственных карманов». Но им стало не до смеха, когда они получили повестки с требованием явиться на призывной пункт.

Костелло и Луканиа здорово влипли. Оба подлежали мобилизации. Их приписали к 77-й пехотной дивизии армии США. Но ни тот, ни другой не желал воевать — ни 9 немцами, ни с кем бы то ни было вообще. У них были дела поважнее. Что же касается Багси Сигела и Мейера Лански, то на призывном пункте им сказали, что они «еще слишком молоды для ужасов войны».

— Обхохочешься, — заметил на это Багси.

Фрэнку удалось увильнуть от призыва, причем он не потратил на это дело ни цента. Еще в детстве дешевый врач-практикант неудачно удалил ему миндалины. Всю оставшуюся жизнь Костелло разговаривал тихо и хрипло. Врачи обнаружили у него хроническую болезнь горла и решили, что армии США не нужны такие хлюпики. Единственный физический недостаток принес Фрэнку огромную пользу.

Иначе обстояло дело с Чарли. Он был вполне здоров, и его признали годным к строевой службе. День за днем друзья Чарли проводили в раздумьях, как бы избавив его от солдатской лямки. Почему вдруг Чарли должен подохнуть ни за что ни про что? Он ничего не имеет против немцев, а немцы ничего не имеют против него, Им нечего делить! Осталось только найти способ одурачить военных врачей. Багси Сигел, красавчик, наиболее искушенный в возможностях слабого пола, предложил свой вариант решения проблемы:

— Чарли, тебе надо подхватить хорошенький триппер — и дело в шляпе. Это совсем просто, а главное, обойдется очень дешево.

Идея Багси не вызывала у Луканиа особого восторга. Для сицилийского мужчины венерическая болезнь — это позор,

infamita. Такой тип в Сицилии становился изгоем. Чарли, хотя и считал себя человеком прогрессивных взглядов, но кое в чем оставался по-настоящему закоснелым сицилийцем, деревенщиной, напичканным предрассудками.

— А что, это идея, — заметил Костелло.

— Ничего лучшего мы все равно придумать не сможем, — подтвердил Лански.

Умом отдавая должное аргументам друзей, в душе Чарли отчаянно противился. Чтобы не пасть слишком низко в их глазах, сицилиец стал рассуждать практически:

— Эта дрянь не нужна мне ни за какие деньги. За два месяца меня вылечат и все равно заарканят.

— Не совсем так, — поправил Костелло, — смотря какой врач займется твоим лечением. Можно сделать так, чтобы у тебя капало круглый год, а если надо — до самого конца войны. Уж будь уверен: найдется док, который поможет тебе в этом деле. Я беру это на себя.

— Да чего ты кипятишься, Чарли, — уговаривал Мейер Лански, — война ведь не продлится больше года. Я читал сводки в газетах. Немцам уже нечего жрать.

Благодаря настойчивости Мейера сицилийца удалось уговорить. Багси Сигел занялся поиском подходящей проститутки. Фрэнк Костелло сделал широкий жест — взял на себя все расходы. Чарли оставалось только подцепить заразу.

Багси быстро нашел то, что надо. Опустившаяся, грязная шлюха, наркоманка, в свои двадцать пять лет выглядевшая на все сорок, она вызвала у Чарли Луканиа здоровое отвращение. Багси оправдывался, что ничего почище найти не мог: в публичных домах таких дешевок не держат, равно как избавляются от тех, кто болеет тяжелой формой гонореи и теряет «товарный вид». Но выбора не было. Чарли получил от девки то, что хотел[8]. Военным врачам пришлось изменить формулировку в медицинском заключении. Чарли признали «временно освобожденным от призыва на военную службу».

«Банда пяти точек» имела влиятельных покровителей в полиции. Если же иногда какой-нибудь чрезмерно принципиальный офицер доводил дело до суда, в ход пускались политические связи. В отличие от Старого Света, где должность судьи занимают по назначению, в Америке совершенно иная система — выборы. Так что изначально всякий судья является либо республиканцем, либо демократом, поэтому воздействовать на него при помощи необходимых политических рычагов проще простого. За многие годы ни один головорез из «Банды пяти точек» не был казнен или хотя бы заперт под замок пожизненно.

Эта банда стала хорошей школой для самых авторитетных преступников в Америке. Наиболее известным выходцем из этой манхэттенской команды был Джонни Торрио. Он начинал обычным наемным убийцей, а к сорока годам достиг вершин преступного мира — стал «советником» Джима Колоссимо, босса сицилийской мафии в Чикаго. Но даже став большим человеком, Джонни Торрио не забыл своих старых друзей в Нью-Йорке. Он хорошо знал двух самых многообещающих молодых главарей мафии — Чиро Терранову и Фрэнка Айяле. Мафия уважала его, несмотря на неаполитанское происхождение. Элегантный, одетый с несомненным вкусом, обладающий хорошими манерами, он всячески избегал характерной для гангстеров вульгарности. Благодаря своему врожденному аристократизму Торрио легко находил общий язык с большими шишками американского бизнеса и политики, известными своей корпоративной замкнутостью. Часто посещая штаб-квартиру «Банды пяти точек», Джонни высматривал новые имена и рекрутировал талантливую молодежь. Человек проницательный, Торрио сразу распознал в Чарли Луканиа и Фрэнке Костелло будущих лидеров. Умны, хладнокровны, расчетливы — так он охарактеризовал молодых гангстеров. Как истинный мафиозо, Торрио брезгливо отвернулся от двух евреев — Багси Сигела и Мейера Лански. Костелло был искренне восхищен своим знаменитым земляком и отныне старался во всем ему подражать, приобретая тот дипломатический лоск, который впоследствии окажет неоценимую услугу всему преступному миру в целом.

Посиживая в компании своих учеников в клубе Чиро Террановы на 107-й Восточной улице, Торрио рассуждал:

— Помяните мое слово: придурки из Вашингтона скоро додумаются ввести «сухой закон». Вой, который подняли антиалкогольные лиги вокруг этого дела, становится уже нестерпимым — впору затыкать уши.

Луканиа и Костелло только хлопали глазами:

— Но что это значит, Джонни?

Торрио с наслаждением отхлебнул из бокала дорогого французского коньяку и ответил:

— Неужели вы не догадываетесь? Ну, ничего, ребятки, я не виню вас, что вы еще низко летаете. Смотрите сюда, — Торрио щелкнул пальцем по хрустальному бокалу, издавшему мелодичный звон, — бутылка такого коньяка сейчас стоит двадцать пять долларов. Теперь представьте, что парламент принял закон, запрещающий употребление спиртного.

Луканиа тонко улыбнулся:

— Джонни, ты разыгрываешь нас. Как такое может быть?

Помню, мой папаша выхлестывал в день по две бутылки вина, а по сицилийским меркам это даже нельзя считать выпивкой. В Америке люди пьют так, что закон, запрещающий пьянство, просто не имеет смысла. Это все равно что запретить дышать или трахаться.

— Умница, мальчик, — глаза Торрио удовлетворенно сверкнули, — все так: нельзя запретить дышать. Это ты очень хорошо сказал. Но, видишь ли, в Америке очень много особого рода придурков, которые называются аскетами. Они не пьют, не любят веселых женщин и хороший покер. И в жилах у них — сельтерская вода вместе крови. Но вся штука в том, что среди этих больных людей много шишек, настоящих perronovantes, есть даже сенаторы.

Костелло и Луканиа с горящими глазами слушали разглагольствования Торрио. Как хотелось им в тот момент знать так же много и с легкостью рассуждать о таких сложных вещах, как политика и психология!

— Они вполне способны протащить этот закон через обе палаты парламента. Что тогда произойдет?

Молодые гангстеры задумались. Для них это было слишком сложно.

— Для начала я бы сказал, что янки меньше пить не станут, — задумчиво произнес Чарли.

— Так, так, очень хорошо, — подбадривал Торрио, — дальше!

— При этом правительство закроет все заведения, торгующие спиртным, — подал голос Костелло. Торрио взволнованно заерзал на стуле и закивал головой так, что хрустнули шейные позвонки. Чарли Луканиа сделал первый, очень существенный вывод:

— Получается, вся торговля спиртным станет нелегальной.

— И? — спросил Торрио. Молодые гангстеры неуверенно посмотрели друг на друга.

— Тот, кто займется этим… — начал Чарли.

— По уши утонет в долларах, — развивал идею Фрэнк.

— Черт возьми, да это же золотое дно! — громко воскликнули оба.

Торрио рассмеялся.

— Ага, поняли теперь? Я не ошибся в вас, мои маленькие друзья. Вот вам слово старика Джонни: вас ожидает большое будущее. Но только смотрите, никому — ни слова. Время еще не пришло. Вы первые, кому я рассказал об этом. Во всей организации я пока что единственный, не считая вас двоих, кто додумался до этого. Так что держите ушки на макушке. Почаще читайте газеты и слушайте радио. Я чувствую, что-то готовится.

Торрио прикрыл глаза. Чарли и Фрэнк смотрели на него как

зачарованные. Благодаря ему они стали на голову выше всех остальных.

Через несколько дней Джонни возвращался в Чикаго. На вокзале Гранд-Сентрал его провожали самые известные гангстеры Нью-Йорка. Луканиа и Костелло по праву молодых друзей тоже попали в их число. Оба ожидали от Торрио хоть какого-то намека на то, что делать дальше. Но Джонни держался как обычно. Будто между ними никогда не было никакого разговора в клубе Чиро Терранова. Он был поглощен своими мыслями и рассеянно попрощался с друзьями.

После отъезда Торрио молодые гангстеры собрались, как в старые добрые времена, вчетвером и решили действовать самостоятельно. Багси и Мейер сразу смекнули, какие возможности заложены в «сухом законе». Все четверо вскоре были в курсе драматических перипетий борьбы за его введение. Их немало позабавило заявление Вайнера Векслера, президента одной из антиалкогольных лиг: «Алкоголь должен исчезнуть в нашей стране, как кайзеризм в мире. Алкоголь разрушает патриотические чувства, потому что пиво ставится превыше родины». Ну при чем же тут, спрашивается, пиво?

Именно Векслер сформулировал в качестве восемнадцатой поправки к конституции проект федерального закона, запрещающего продажу спиртных напитков на период войны. Джозеф Уолстед, конгрессмен от штата Миннесота, внес законопроект на обсуждение в нижнюю палату. Так появился на свет пресловутый закон Уолстеда, прозванный прохибишеном.

Комизм ситуации достиг апогея, когда «сухой закон» был утвержден в сенате. Произошло это 21 ноября 1918 года, то есть ровно через десять дней после Компьенского перемирия, когда уже было ясно, что война закончилась. Сам по себе законопроект потерял всякий смысл, ибо должен был культивировать патриотические чувства американцев на время боевых действий. Президент Вудро Вильсон воспользовался правом вето. Тем не менее при повторном голосовании сенаторы вновь приняли его. И вот 16 января 1919 года «сухой закон» вступил в силу на всей территории Соединенных Штатов.

В первые дни эры «сухого закона» в Нью-Йорке царила настоящая алкогольная анархия. Закон нарушали весело, с подлинно американским юмором. По городу сновали катафалки, но вместо покойников в гробах лежали бутылки с джином или виски, провожаемые в последний путь под траурную мелодию похоронного марша. Церемонию «погребения» устраивали в каком-нибудь ресторане или ночном клубе.

Гангстеры тоже веселились, но на свой манер. Их юмор был

черным. Известен, например, случай, когда в первый же день прохибишена гангстер-ирландец Уильям Ловетт по прозвищу Дикий Билл явился в свой любимый бар и потребовал виски. Когда парень за стойкой осторожно намекнул ему, что в Америке, мол, со вчерашнего дня «сухой закон», Ловетт пришел в ярость и заорал: «Плевать мне на это, плевать!» Психованный гангстер застрелил законопослушного бармена, после чего перепуганный хозяин заведения принес Дикому Биллу бутылку виски из своих личных запасов. Коллеги Ловетта из банды «Белая рука» долго зубоскалили по этому поводу и рассказывали всем, что «раньше старина Билли мог убить за пятьдесят баксов, а теперь пристрелит любого за бутылку».

Но время шуток быстро прошло. До сознания общественности наконец дошел тот факт, что спиртное ДЕЙСТВИТЕЛЬНО запретили. В Вашингтоне была создана специальная федеральная служба, занимавшаяся контролем за надлежащим соблюдением «сухого закона». Пятнадцать тысяч новоиспеченных агентов разъехались по всей стране, навешивая замки на ворота пивоваренных и винных заводов, складов, на двери магазинов, лавок и забегаловок. В барах и ресторанах были разрешены к продаже только безалкогольные напитки. Так, будто в насмешку, в Америке появилось полуторапроцентное пиво и четырехпроцентное шампанское. Американцы наконец осознали, какое неслыханное бедствие свалилось на их головы, и лихорадочно бросились запасаться спиртным. Даже те, кто имел репутацию трезвенников. Владельцам винных заводов, магазинов и баров пришлось выдерживать настоящую осаду. Жаждущие выпивки клиенты обступили их плотной стеной, ибо запретный плод, как известно, сладок.

Никогда в Америке не пили так, как в первые недели «сухого закона». Люди стремились как следует надраться напоследок. Цены на алкоголь мгновенно подскочили в пять-шесть раз. Но это не умаляло ажиотажного спроса. Распродавая обыкновенное виски за бешеные деньги, розничные торговцы спиртным только вздыхали. Вот кабы знать да вовремя запасти пару тысяч ящиков, легко было бы сделать на этом целое состояние. Так возник своеобразный «эффект бумеранга». «Сухой закон», принятый с задекларированными благими целями, обернулся десятилетием вопиющих беспорядков и разгулом бандитизма, доселе невиданным в Америке.

Лански, Сигел, Костелло и Луканиа отпочковались от «Файв пойнтс ганг» и возродили свою старую «Банду четырех». В отличие от большинства гангстеров, они сразу разобрались в происходящем. Надо было действовать, пока не поздно. Сразу же

возникли три вопроса.

Если производство алкоголя запрещено, то много ли его еще осталось? Как его заполучить и организовать доставку? И, наконец, после получения и доставки, кому его продавать? Надо признать, вопросы были несложные и на них нашлись простые ответы.

До «сухого закона» оптовые и розничные торговцы алкоголем хранили свой товар на складах. Как только закон вступил в силу, они вынуждены были передать свои склады федеральным агентам. В результате на окраинах Нью-Йорка скопились миллионы гектолитров спиртного. Первое время на таких складах не было надежной охраны. Все усилия «Банда четырех» направила на поиск этих «золотых местечек». Около десятка складов находилось здесь же, в Манхэттене, в портовой зоне. Фрэнк Костелло, у которого лучше всех был подвешен язык, по-приятельски пообщался с одним из охранников. Получив двадцать долларов, коп окончательно размяк и позволил Фрэнку осмотреть склад.

— Ребята, да там тысячи баксов просто под ногами валяются! — взволнованно рассказывал Костелло своим друзьям.

— А охрана? — спросил, как всегда, осторожный Мейер Лански.

— Пустяки: пять или шесть легашей, все в дымину пьяные, сидят там, ни черта не делают и только хлещут дармовое виски. Мы с ними легко справимся. Надо быстрее, пока нас никто не опередил. Слишком уж это легкая добыча.

Чарли Луканиа поинтересовался:

— А что там, на этом складе?

— Выбор, как в ресторане! — захохотал Костелло. — «Джонни Уолкер», «Деверe», «Хай энд драй», «Голден Уилдинг».

Гангстеры навострили уши. Каждое из этих названий стоило многих тысяч долларов.

— Мой новый приятель Хью, — шутил Костелло, — один из этих насквозь проспиртовавшихся ирландцев, рассказал мне, что склад принадлежал какому-то типу по имени Уайт, Ричард Уайт. У него был свой большой магазин на Фултон-авеню. Лучшие сорта английского виски! Кстати, чуть не забыл, нам понадобится грузовик.

— Грузови-и-ик? — весело протянул Багси Сигел. — Это совсем неплохо звучит.

— Для такого дела нам нужны еще люди, — задумчиво сказал Чарли.

Костелло понял его с полуслова:

— Ты прав, Чарли, скоро в этот бизнес кинутся многие,

начнется стрельба. Вчетвером нам будет трудно. Соберем всю нашу старую шайку: Оуни, Эдди, Уилла.

— А чем они занимаются сейчас?

— Да так, — Костелло пожал плечами, — всякой мелочью.

Эдди Костелло, Уилли Моретти и Оуни Мадден присоединились к «Банде четырех» на следующий день. Не откладывая в долгий ящик, сразу же отправились на дело.

По вечерам портовая зона в Манхэттене вымирала в буквальном смысле слова. Это место считалось не менее опасным, чем Ист-Сайд. Особенно в последнее время, когда причалы стали ареной ожесточенной борьбы за влияние между ирландскими и сицилийскими гангстерами. Ирландцы принимали жесткие меры к охране своей территории. Крупные неприятности грозили любому чужаку, застигнутому в порту с наступлением темноты. Но ребята из «Банды четырех» плевать хотели на ирландцев. Для нападения на склад они выбрали именно ночное время, так как заранее знали, что свидетелей не будет.

К складу подъехали на двух автомобилях — легковом и грузовом. Последние триста метров машины шли с потушенными фарами на скорости десять миль в час. Как оказалось, все эти предосторожности были излишни.

Ударом ноги Оуни Мадден высадил дверь сторожевой будки. С револьверами в руках Костелло и Моретти ворвались внутрь.

В маленькой комнатке тускло горел старый газовый фонарь. Задрав ноги на стол, тучный, заплывший нездоровым жиром полисмен в расстегнутом мундире неторопливо читал газету. Увидев направленные на себя револьверы, коп благоразумно поднял руки. Моретти за шиворот стащил его на пол:

— Хэлло, начальник, вот и мы. Где твои дружки?

Еще не до конца придя в себя, полицейский молчал.

— Ну! — Моретти вдавил ствол ему в горло.

— В ма…шине, — прохрипел коп.

— Сколько их?

— Двое.

Двигатель патрульного «Форда» работал всю ночь, иначе полицейские просто околели бы на январском морозе. Оба яростно ругали агента федеральной службы, который поставил их здесь, а сам смылся в теплую квартиру. Чтобы утренняя смена приближалась быстрее, полицейские распили бутылочку-другую из обильных складских запасов и завалились спать. Их ожидало кошмарное пробуждение.

Лобовое стекло рассыпалось от удара прикладом.

— Что ж вы, парни, спите на посту! — рявкнул Оуни Мадден.

Эдди Костелло не стал возиться с замком на складских

воротах. Проще было как следует разогнать грузовик и выбить их таранным ударом. Эдди так и сделал. «Быстрее, быстрее!» — нервно покрикивал Мейер Лански.

Работа закипела. Не жалея рук, налетчики тащили по три-четыре ящика зараз и складывали их в кузов. Следовало поторопиться, хотя полицейские патрули нечасто наведывались в пустынную портовую зону. Любой риск можно считать минимальным до тех пор, пока он остается разумным.

Багси Сигел, стоявший на стреме возле ворот, курил одну сигарету за другой и беспокойно посматривал на часы. Кузов уже был загружен на две трети.

— О'кей, хватит, — тяжело дыша, решил Чарли. Эдди Костелло забрался в кабину. Рядом, утирая обильный пот, уселся Фрэнк с ружьем 12-го калибра.

Чарли пронзительно свистнул. Багси Сигел подогнал машину к воротам. Гангстеры запрыгнули в салон. Оба автомобиля исчезли в ночной тьме. Полицейские, скрученные по рукам и ногам собственными ремнями, стучали зубами всю ночь, до самой утренней пересменки.

На обратном пути не обошлось без приключений.

Выезд из портовой зоны преградил огромный «Студебеккер». Выругавшись, Сигел нажал на тормоза. Эдди Костелло остановил грузовик. Похоже, назревала заварушка. Кто-то устроил на них засаду.

Откуда-то сбоку вынырнул черный «Бьюик». На ходу из салона выпрыгнули двое с автоматами Томпсона в руках. Слева появился серебристый красавец «Шевроле». Распахнулись дверцы. Из машины вышли четверо мужчин. В свете фар мелькнули их лица типичных головорезов. Каждый держал в руках обрез.

— Не может быть, — взвыл Багси, — ведь все шло так удачно!

Бормоча проклятия, Оуни Мадден выудил из карманов два здоровенных «кольта» 45-го калибра, из которых можно было завалить слона.

— Попались, сицилийские выродки! — пронзительно крикнул один из автоматчиков. — А ну, живо выходите из тачки! Да руки задирайте повыше, чтоб нам было видно. И без фокусов!

Мейер Лански наконец понял, что происходит.

— Спокойно, ребята, — бросил он своим, — не дергайтесь. Это типы из шайки Денни Михана. Я сейчас с ними поговорю.

Он осторожно открыл дверцу и с высоко поднятыми руками вышел наружу.

— Меня зовут Мейер Лански! Среди нас нет сицилийцев!

Яркий луч света брызнул ему в лицо.

— Может, вранье? — неуверенно произнес один из

ирландцев.

— Да ты посмотри на его нос! Сразу видно, кто он.

— Люди Фрэнка Айяле не водят компанию с евреями, — возразил другой.

Вперед выступил высокий огненно-рыжий ирландец, по-видимому, главный из всех.

— Чего ради вы шляетесь по нашей территории?

— Ну, а это уже не твое дело, приятель, — твердо ответил Лански.

— Черта с два «не мое», — проворчал рыжий, — это наши причалы, ясно? И мы имеем право спрашивать у каждого, что он здесь делает.

— Нам просто не спится. Устраивает?

Ирландец все еще колебался. Дерзость этого еврея пришлась ему не по вкусу. Но, с другой стороны, черт его знает, кто он такой. В принципе, стрелять в него не имело смысла. Кроме того, Денни Михану хватало проблем и без разборок с евреями.

— Откуда ты, Мейер Лански?

— Я работаю с братьями Костелло. Думаю, тебе приходилось слышать про них? Ребята из «Банды пяти точек».

— О'кей, — ирландец опустил оружие, — к этой команде у нас претензий нет.

И обернулся к своим:

— Уберите грузовик, дайте им проехать.

Лански сунул застывшие руки в карман. Заурчав мотором, «Студебеккер» медленно отъехал.

— Dio mio, — проворчал Чарли Луканиа, — я чуть было не выпустил кишки этому ирландскому подонку за его поганый язык.

— Спокойно, — предупредил Мейер, — у нас не было никаких шансов. Хорошо хоть, они не начали стрелять сразу.

— Разбили бы всю выпивку, — добавил Оуни Мадден, которому собственная жизнь была нипочем.

— А как же твоя шкура, Оуни? — захохотал Сигел. — Чертовы ирландцы могли сделать из тебя решето.

Оуни Мадден вполне резонно заметил:

— За мою шкуру никто не даст даже доллара.

Багси вновь захохотал. Теперь к нему присоединились все остальные.

Джордж Гудспет, владелец ресторана «Клаб 21» в престижном районе на севере Манхэттена, невольно стал одним из тех, чье дело пострадало в результате введения прохибишена. Первое время он держался за счет запасов вин в своих погребах и даже

взвинтил цену втрое, но никто не винил его за это. Однако погреба быстро опустели, а вместе с ними опустел и ресторанный зал. Ни один ланч, файв-о-клок или светский раут не обходился без спиртных напитков. Никто и не подозревал, насколько же это необходимая вещь — алкоголь, до того, как его запретили.

Люди искали выпивку на стороне — у самогонщиков или более расторопных предпринимателей, которые как-то сумели наладить доставку спиртного. Размышляя о своем скором и неизбежном банкротстве, Джордж слишком увлекся последним ящиком виски, который оставил для себя. Иногда он думал, где найти этих пресловутых ловкачей, прозванных бутлегерами. Но беспокоился он напрасно. Нужные люди сами нашли его.

В один прекрасный день в кабинете Джорджа Гудспета появился круглолицый широколобый парень лет двадцати семи с курчавыми волосами, по тогдашней, моде зачесанными назад. Смуглый цвет кожи выдавал в нем итальянца — скорее всего южанина. Гудспет сам, до того как встал на ноги, жил в Ист-Сайде и умел хорошо распознавать цветных. Этот парень говорил тихо и хрипло:

— Мистер Гудспет, я слышал краем уха, что у вас проблемы с поставками алкоголя?

Джордж озадаченно провел рукой по своей безукоризненной прическе:

— Допустим. А в чем дело?

Незнакомец улыбнулся:

— У вас приличное заведение. Хорошая обстановка, хорошая кухня, оркестр. Для процветания в нынешних условиях вам не хватает одной-единственной вещи — хорошего пойла.

Гудспет сдвинул брови:

— Пойла?

Незнакомец улыбнулся еще шире:

— Это просто термин. На самом деле я имею в виду высококачественные спиртные напитки.

— Звучит заманчиво. — Гудспет сложил руки в замок и подпер подбородок. Эта поза выдавала его крайнюю заинтересованность.

— Нам с вами остается только обсудить вопрос о цене.

— Подождите, вы что, серьезно? — Голос Джорджа Дал петуха. А кто бы на его месте поверил? Пришел человек с улицы и сказал: «Я сделаю тебя миллионером». Гудспет схватился пальцами за виски. — Послушайте, кто вы такой? Я знаю всех более-менее крупных оптовиков в этом районе. Все они на мели. Где же вы возьмете э-э-э… ваше пойло? Причем в таких количествах?

— Мистер Гудспет, — назидательно сказал незнакомец, — есть вопросы, которые не принято задавать. Не потому, что я вам не доверяю. Просто каждый должен делать свое дело. Ваше дело — продать спиртное, а наше — доставить его к вам. Я ведь не спрашиваю, сколько вы будете драть с клиентов.

— Да-да, я понимаю, — поспешно согласился Джордж.

— О'кей, вернемся к тому, с чего мы начинали.

Итальянец назвал цену. Гудспет покачал головой:

— Но это же безумие!

— Если вас что-то не устраивает… — незнакомец встал.

— Я не в том положении, чтобы торговаться, — торопливо произнес Гудспет, — но, видите ли, тут есть одна проблема — эти федеральные агенты…

— Они тоже люди, — перебил итальянец, — у них есть семьи и престарелые родители. Приготовьте деньги, мистер Гудспет. Первую партию товара получите сегодня вечером. Никаких чеков или векселей. Наша фирма принимает только наличные.

Уже на пороге он обернулся и сказал:

— Кстати, я забыл представиться. Фрэнк Костелло из Вест-Сайда.

В связи с лавиной нападений на склады спиртного по всему Нью-Йорку была резко усилена их охрана. Эта идея исчерпала себя до конца. В активе «Банды четырех» осталось еще шестьсот баррелей различных спиртных напитков. Этот солидный запас распродали за семьдесят два часа. Бутлегинг как отрасль бизнеса в то время только зарождался, спрос на выпивку значительно превышал предложение, поэтому любой человек, державший в руках крупную партию пойла, мог диктовать рынку свои условия. «Банда четырех» выручила за свой товар сто пятьдесят тысяч долларов — деньги неслыханные. На то, чтобы заработать такую сумму, раньше у них уходило пять лет. Теперь гангстеры сделали себе состояние за три дня. Они сами не ожидали такой бешеной наживы. И, разумеется, захотели еще больше. Вопрос о дальнейших действиях решался на сходке.

Гангстеры собрались в заведении Тони Октавио на 107-й улице. Как самым уважаемым клиентам, Тони выделил им отдельный кабинет на втором этаже.

— Так дальше нельзя! — горячился Чарли Луканиа. — Мы больше не можем чистить склады. Там теперь охрана, как в Форт-Ноксе. Кончится тем, что нас всех перестреляют.

Тут Мейер Лански задал вопрос, который волновал всех:

— Все это так, Чарли, ты верно говоришь, но что делать? У нас нет постоянного поставщика.

— Найти поставщика — это действительно проблема, —

вмешался Фрэнк Костелло, — все еще только налаживается, и пока не видно, что у кого есть.

— Когда все наладится, будет уже поздно искать, — проворчал Чарли. — Если мы сейчас опоздаем встать в круг, то можем вообще остаться за бортом.

В дверь постучали. Не вынимая изо рта сигару, Багси Сигел взял два револьвера и пошел открывать. Вернулся он в сопровождении молодого черноволосого парня поразительной красоты. На вид ему было не больше двадцати лет. Смуглое лицо с кожей оливкового цвета указывало на происхождение с юга Италии. По части внешней привлекательности незваный гость мог успешно конкурировать с Багси. Тот ткнул его револьвером в спину и сказал:

— Чарли, этот парень говорит, что пришел к тебе. Ты его знаешь?

— Конечно, Бен. Убери оружие. Это же Джо А!

Джузеппе Антонио Дото, которому в 1919 году исполнилось восемнадцать лет, был одним из самых ловких воров-взломщиков в Малой Италии. Чаще всего он обворовывал женщин, которых предварительно соблазнял, на все сто используя свою смазливую внешность. Примерно год назад в бильярдной «Тампе» на него обратил внимание дон Сальваторе Маранцано, которого за чрезмерную для сицилийца образованность в мафии называли Иль Дотторе (Доктор). Маранцано, помимо пяти языков, хорошо знал древнюю мифологию. Заметив юного красавца, он воскликнул: «Посмотрите, этот мальчик прекрасен, как Адонис!» Не зная, кто такой Адонис, молодой вор рассвирепел: «Дон Сальваторе, покажите мне этого типа. Или он уберется подальше на Запад, или я его прикончу!» Вместо ответа Маранцано долго хохотал. С тех пор кличка Адонис намертво прилипла к Джузеппе Дото. Позднее он сменил свое имя на более американское — Джозеф. Теперь гангстеры называли его Джо Адонис или просто Джо А.

Джо Адонис затаил обиду на дона Сальваторе Маранцано, так как тот отказался показать ему его якобы двойника. И только десять лет спустя, когда Джо Адонис стал одним из наиболее авторитетных гангстеров в Америке, один знакомый журналист объяснил ему, что Адонис — это персонаж финикийской мифологии, в реальности никогда не существовавший.

— Проходи, Джо, садись, — пригласил Чарли Луканиа. — Фрэнк, плесни ему чего-нибудь покрепче из наших запасов.

С благодарностью приняв из рук Костелло стакан хорошего шотландского виски, Адонис обратился к Чарли:

— Есть одно дело. Очень стоящее. Но я не могу провернуть

его в одиночку. Мне нужна твоя помощь, Чарли.

— О чем речь, мой мальчик! — Луканиа пристально посмотрел на него. — Если дело действительно того стоит.

Адонис заволновался:

— Чарли, понимаешь, вчера я был в Филадельфии, смотрел бой Фрэнки Доленаро. Он дерется что надо, этот парень. Его менеджер, Бу-Бу Гофор — ты его знаешь — старый пьянчуга. Он уже тогда был накачан и сказал мне: «Ты итальянец, а я уважаю итальянцев». Он пригласил меня выпить с ним. Сказал, что знает местечко, где есть первоклассный скотч. Там я познакомился с одним важным парнем. Его зовут Уэкси Гордон. Мы с ним поговорили по душам. Оказалось, он занимается контрабандой. Он с ходу предложил мне партию виски за двадцать тысяч долларов. У меня есть только десять. Если ты одолжишь мне еще десять, прибыль поделим поровну.

Теперь все очень внимательно слушали Джо Адониса, хотя по сравнению с ними он был сопливым мальчишкой. Сразу решили вложить в это дело не десять, а пятьдесят тысяч долларов. Вместе с Адонисом в Филадельфию отправились Луканиа, Костелло, Сигел и Лански. Уэкси Гордон встретил их весьма радушно: он тоже только начинал свой бизнес, поэтому нуждался в заказчиках. Еврей по происхождению, высокий, немного бледный (след голодного детства в трущобах), но вместе с тем широкоплечий, Уэкси крепко пожал руку Чарли Луканиа:

— Мистер Луканиа, ваша слава идет впереди вас. Рад познакомиться с таким уважаемым человеком.

Соглашение о сотрудничестве заключили мгновенно. Уэкси Гордон гарантировал поставки высококачественного алкоголя по оптовой цене на долгий период времени. Условие одно: платить наличными. Гости из Нью-Йорка не колеблясь приняли его.

— Мистер Гордон, — торжественно сказал Чарли Луканиа, — сегодня мы начинаем самое большое дело.

Партия 45-градусного шотландского виски на зафрахтованных грузовиках была доставлена в Манхэттен. Теперь «Банда четырех» могла приступить к формированию собственной сети подпольных заведений. Джо Адонис был принят в банду, несмотря на юный возраст, и получил свою долю прибыли наравне со всеми.

Глава 5
Гнездо мафии на Малберри-стрит

Холодным февральским вечером 1920 года в кабинете Джорджа Гудспета раздался резкий телефонный звонок. Произошло это в самый неподходящий момент: Джордж активно развлекался с молоденькой официанткой, недавно принятой на работу.

Телефон не умолкал. Выругавшись, Гудспет снял трубку. Звонили друзья. Бранные слова сразу застряли в горле. Хриплый голос в трубке говорил коротко, сухо и властно: из Филадельфии прибывает груз, мы ждем тебя в порту. «Хорошо, сейчас буду», — проворчал Джордж и стал одеваться. Шлепнул девушку пониже спины: «Выметайся, Синди, у меня дела».

На заброшенном, старом причале стоял одинокий «Форд» с погашенными фарами. Джордж лихо остановил свой новенький «Шевроле» у самой кромки воды. Высунувшись из окна, помахал рукой друзьям в «Форде».

Из машины вышли двое. Когда они приблизились вплотную, Джордж увидел, что Фрэнка Костелло среди них нет. Один, черноглазый красавчик, постучал по двери:

— Классная у тебя тачка, Джорджи.

Второй, широкоплечий гигант с обезображенным шрамами лицом, угрюмо произнес:

— Хреновый металл. В воде быстро заржавеет.

Джордж вдруг почувствовал острое беспокойство:

— Ребята, а где Фрэнк?

Красавчик насмешливо ответил:

— Он просил передать тебе вот это…

В вытянутой руке тускло блеснул револьвер. Два гулких выстрела разорвали тишину. Джордж медленно повалился на бок. Широкоплечий огляделся по сторонам.

— Брось, Оуни, — успокоил красавчик, — здесь никто ничего не услышит.

Он осторожно открыл дверь, приставил ствол к затылку Гудспета и сделал третий, контрольный выстрел. Голова безжизненно дернулась.

— Мертвее не бывает, — проворчал Уилли Моретти, пряча оружие в карман. Вдвоем с Оуни Мадденом они столкнули «Шевроле» в море. Ледяная вода плеснулась, навсегда поглотив Джорджа Гудспета с его роскошным автомобилем.

Не иначе как по наитию, Фрэнк Костелло, ранее

предпочитавший держаться в тени, вдруг пожелал официально оформить свое компаньонство в «Клаб 21» за несколько дней до исчезновения Гудспета. Удивленному хозяину он тогда объяснил, что таким образом хочет отмыть свои деньги. Добродушно похлопывая «друга Джорджи» по плечу, Костелло смеялся:

— Вот привяжется ко мне какой-нибудь придурок из налоговой полиции: «Откуда у тебя столько денег, Фрэнки, ведь ты за всю жизнь не работал ни дня?» А я ткну ему в харю вот этой бумагой и отвечу: «Со мной все о'кей, начальник. Я — компаньон Джорджи Гудспета».

Теперь ничто не мешало Фрэнку Костелло стать единоличным владельцем ресторана. Проблемы с женой Гудспета и официанткой, которая видела его в последний раз, уладил все тот же безжалостный Моретти. Однако Фрэнку пришлось держать ответ перед своими друзьями.

— Ты знаешь наше правило, — выведенный из себя Луканиа стучал кулаком по столу. — Решение об убийстве может быть принято только на сходке!

Костелло красноречиво поднял руки:

— О, mamma mia, сколько шума из-за этого жлоба Джорджи. Чарли, позволь, я все объясню…

— До чего мы докатимся, если каждый будет тянуть одеяло на себя?! — бушевал Луканиа.

— Постой, Чарли, — остановил его хладнокровный Лански, — пусть скажет, что случилось.

— Давай, Фрэнки, рассказывай, — присоединились Багси Сигел и Джо Адонис. Костелло воскликнул:

— Друзья, я думал только о нашем общем благе! Неделю назад я предложил покойному Джорджи поставить в клубе рулетку, столы для покера и макао, организовать хорошее пип-шоу и на втором этаже оборудовать номера, где клиенты могли бы развлечься с девчонками. Клуб стал бы доходнее в три раза. Чем это плохо? А Джорджи сказал, что он здесь хозяин и я не имею права ничего решать. Он сказал это без всякого уважения ко мне, будто я — пустое место. Ну, тут уж я не сдержался. Моя вина, Чарли, зато клуб теперь — наш. Мы избавились от ненужного посредника.

Луканиа рассмеялся:

— Хитрый ты парень, Фрэнки. Решил под шумок прикарманить клуб.

Костелло предпочел промолчать.

— Но ты подал нам хорошую идею, — заметил сицилиец. — Теперь каждый из нас сможет обзавестись собственным рестораном. Так мы быстро встанем на ноги.

— Мне нужно десять тысяч на оборудование клуба.

— Ты получишь их, Фрэнки, — мягко сказал Луканиа, — только помни, что я тебе говорил: хитрить в нашем бизнесе нельзя.

Костелло приложил руку к груди:

— Чарли… Ребята… Все деньги, что я заработаю в клубе — это ваши деньги. Мы по-прежнему — одна команда. Навсегда.

Едва гангстеры превратили «Клаб-21» в шикарный развлекательный комплекс, как моментально возникли проблемы с законом. Федеральные агенты и участковые полисмены были согласны сквозь пальцы смотреть на нарушение «сухого закона», причем за сравнительно небольшую мзду, но подпольный алкоголь, бордель и рулетка под одной крышей — это было уже слишком.

Первым в «Клаб 21» нанес визит сержант Энтони Маклоглин, распоряжавшийся участком от 39-й до 41-й Западной улицы. По единодушному мнению коллег, Маклоглин получил свои нашивки главным образом за тупоумие и формализм. Своих подчиненных он держал в жесткой узде, что очень нравилось начальству. Грузный, плешивый, потеющий даже зимой, Маклоглин разговаривал медленно, тягуче, как пришибленный. Костелло платил ему всего лишь пятьдесят долларов в неделю, обязательно присовокупляя к деньгам бутылку-другую виски — ибо Маклоглин, истый ирландец, пил как лошадь. В скором времени старого сержанта ожидала отставка, поэтому он брал взятки везде, где только мог.

Фрэнк Костелло — элегантный, с иголочки одетый — принял сержанта в кабинете покойного Гудспета. Мгновенно на столе появилась бутылка шотландского виски и два стакана. Волосатые ноздри Маклоглина затрепетали, уловив крепкий аромат старого доброго скотча.

— Убери, — потребовал сержант. Но Фрэнк Костелло (сам дьявол в обличье человеческом!) отлично знал, что нужно «старине Тони». Он протянул ему стакан:

— Прошу. За здоровье нашего благодетеля — сенатора Джозефа Уолстеда.

Пальцы Маклоглина жадно ухватили стакан. Он ничего не мог с собой поделать. Хлебнув виски, он довольно крякнул:

— Хорош!

— Скотч чистый как слеза, — уверял Костелло, наполняя второй стакан, — прямо из Шотландии. А теперь — за нашего мудрейшего президента Вильсона. Если бы не он, мы бы никогда не стали богатыми.

Третий раз пили за шефа нью-йоркской полиции Энригса,

который, как выразился Костелло, «парень простой и никому не мешает». После третьего стакана старый пьянчуга в мундире окончательно размяк. Он развалился в кресле, блаженно откинув голову назад, и уставился в потолок стеклянными глазами.

— Эй, Тони, ты вроде хотел со мной поговорить? — тормошил его Костелло.

— А? — Маклоглин мотнул головой, пытаясь прогнать хмельное оцепенение.

— Да что с тобой? Ты же ирландец, — посмеивался Костелло.

Сержант пустил слезу:

— Старею, видно. Силенки уже не те. То ли дело раньше.

— Может, позвать ребят? — предложил Костелло. — Они доведут тебя до машины. Отдохнешь, выспишься, а, Тони?

— Нет… Подожди, — сержант сделал отчаянное усилие, пытаясь собрать воедино разбегающиеся мысли, — э-э-э… вот что, Фрэнки. Я тут слышал, у тебя здесь… кхе, появилась рулетка?

Костелло нахмурился:

— Кто это настучал тебе, Тони?

— Ну-ну, — Маклоглин пьяно усмехнулся, — это же моя улица, Фрэнки. Я хоть и старик, но еще кое-что могу. Как-никак десять лет здесь служу. Никакие стукачи мне не нужны. Но еще я знаю, что и девочки тут у тебя, прямо скажем, увлекаются белым порошком…

— Понимаю, — многозначительно произнес Костелло, — сколько?

— Двести долларов, Фрэнки. Да. Двести долларов.

После ожесточенного торга сошлись на ста семидесяти. Кроме того, Костелло обязался и впредь снабжать «друга Тони» хорошей выпивкой. Веселый, благоухающий перегаром и позвякивающий бутылками, сержант ввалился в свою патрульную машину и отбыл в участок. Но это — сержант. Необразованный, тупой придурок. С ним легче. По-настоящему крупной проблемой для Костелло стал лейтенант Кевин Галлахер — начальник отдела по расследованию убийств в Западном округе. Обмануть его было не так-то просто. Умный, честолюбивый, очень жадный, Кевин Галлахер изобрел собственный, индивидуальный способ давления на бутлегеров. Он хорошо знал многих из них еще со времен службы в Ист-Сайде.

Лейтенант составил черный список, в который заносил имена гангстеров, быстро богатеющих на незаконных операциях с алкоголем. Разумеется, в столь выгодном бизнесе ни дня не обходилось без выяснения отношений между соперничающими бандами. Лейтенанту Галлахеру оставалось только быть в курсе событий. Он создал сеть информаторов, которые обеспечивали

его самыми горячими новостями. Сам гангстер в законе, Галлахер не боялся грубо шантажировать бандитов. Он умело играл на том, что в такое золотое время любые неприятности с законом были крайне нежелательны. Волей-неволей гангстерам приходилось платить Кевину Галлахеру довольно крупные суммы за молчание. Этот парень был у них как гвоздь в заднице. Но ни один даже самый отпетый головорез не мог решиться на убийство лейтенанта полиции.

Собрав оперативную информацию и сопоставив факты по делу об исчезновении Гудспета, Кевин Галлахер быстро раскусил подлинную суть нехитрой интриги Фрэнка Костелло. Достаточно красноречивым являлся и тот факт, что жена Гудспета через два дня забрала из полиции свое заявление. Лейтенант усмехнулся: обычная история, ребята растолковали дамочке, что эта бумажка мужа ей не вернет. Самое время встретиться с новым владельцем клуба.

Плечистый охранник у входа посторонился при виде полицейского значка. Широким, уверенным шагом Кевин Галлахер направился в кабинет Костелло. Но его опередил охранник, позвонивший по внутреннему телефону.

Тщательно скрывая беспокойство, Фрэнк Костелло поднялся навстречу вошедшему офицеру:

— Добро пожаловать, мистер Галлахер. Чем могу быть полезен?

Полицейский поморщился:

— Брось ломать комедию, Фрэнки. Мы ведь хорошо знаем друг друга.

Улыбка на лице Костелло сразу погасла.

— Садись, чего стоишь, — бросил Галлахер.

Досадуя на секундную слабость, Фрэнк нащупал задницей мягкое кресло и сел.

Лейтенант Галлахер сунул в рот сигарету. Изысканно-блатным жестом зажег спичку об край стола. По виду он был вылитый гангстер: зачесанные назад темные волосы, массивная, как у бульдога, нижняя челюсть, золотой перстень на мизинце.

— Может, выпьем по стаканчику? — развязно предложил Костелло, заранее зная ответ.

— Я на службе, — сухо отказался Галлахер.

— А я на работе, — улыбнулся Костелло.

— К тому же, — процедил лейтенант, — я не пью с убийцами.

Костелло даже глазом не моргнул.

— Вы меня с кем-то путаете, офицер.

Галлахер выпустил несколько колец дыма:

— На улицах идет снег, Фрэнки. И в этом снегу ты слишком

много наследил. Ты больше не маленький мальчик с «пушкой», дерущий с лоточников по пять монет в неделю. От тебя начинает сильно вонять. Так что ДАЖЕ Я это чувствую. Усекаешь?

— Мистер Галлахер, — ответил Костелло, — я не делаю ничего плохого. Ну, выпивка, ну, девочки, покер — это же естественно. Люди хотят весело провести время, и я предоставляю им такую возможность. «Сухой закон» очень непопулярен. Он как бы есть, но на самом деле его нет. И я не виноват в этом. Я честно зарабатываю деньги.

Полицейский не был настроен на долгую полемику.

— Рассказать тебе, почему убили Джорджа Джей Гудспета?

Костелло сжал зубы.

— Я, конечно, не знаю, кто его убил. Пока, — добавил Галлахер, — но думаю, что очень скоро узнаю. Это была грубая работа, Фрэнки.

— Я не мокрушник, — прохрипел Костелло. Он оставался спокойным ценой огромного напряжения.

Лейтенант пропустил его слова мимо ушей:

— Но тебе повезло, Фрэнки. У тебя есть шанс. Откровенно говоря, покойный Гудспет был изрядным куском дерьма. И мне на него глубоко начхать. Я согласен, — лейтенант хмыкнул, — КАК БЫ забыть об этом. Но так уж получилось, что я представляю закон. А закон должен получить компенсацию за Джорджа Гудспета. Скажем, тысячу баксов. Такую сумму ты будешь платить мне каждый месяц.

— Это большие деньги, мистер Галлахер, — ровным, тихим голосом произнес Костелло.

— А свобода вообще очень дорогой товар. Тебе ли не знать об этом, Фрэнки?

Костелло молча встал, открыл сейф и бросил на стол пачку денег. Лейтенант Галлахер так же молча переложил доллары себе в карман.

— Встретимся через месяц, — уходя, бросил он.

Костелло вынес вопрос о Галлахере на сходке. Но пока что решить эту проблему было невозможно. Лейтенант держался чертовски осторожно, не пил, не пользовался услугами шлюх, а деньги тратил во время отпуска где-нибудь в Европе. Разобраться с ним смогли только два месяца спустя. В этом деле им помог не кто иной, как Джонни Торрио. Он приехал в Нью-Йорк в поисках поставщиков алкоголя для увеселительных заведений Чикаго и не замедлил навестить своих «маленьких друзей».

— Я знал, что вы пойдете в гору, ребята, — сказал он, сидя в «Клаб 21» за бутылкой хорошего контрабандного рома.

— Но у нас есть проблемы, Джонни, — вздохнул Фрэнк

Костелло, — нам очень мешает один легавый.

Все дальнейшее было просто и красиво. Гангстеры обменялись услугами: Торрио взялся избавить своих друзей от лейтенанта Галлахера, а те взамен должны были познакомить его с Уэкси Гордоном.

Торрио хорошо знал главарей всех пяти семейств мафии в Нью-Йорке, которые обладали нужными политическими связями. При посредничестве Фрэнка Айяле Торрио обратился в муниципальный совет Манхэттена. К его проблемам прислушались. Шеф полиции капитан Брэкстон, выполняя просьбу своих друзей, перевел лейтенанта Галлахера на Статен-Айленд. Легкость, с которой была выдернута эта заноза, произвела огромное впечатление на Луканиа и Костелло. Фрэнк тут же предложил гениальную идею:

— Чарли, мы с тобой знаем, что все эти полицейские и чиновники охотно оттопыривают карманы для наших долларов. Можно считать, они с нами заодно. Чтоб больше никогда такой вот Галлахер не ставил нам палки в колеса, мы сами должны прийти в полицию, в муниципалитет, в суд и скупить их всех с потрохами. Тогда они будут на крепком крючке. Я готов взяться за это дело.

— А ты представляешь, какие деньги нужны для этого? — охладил своего друга Чарли.

— Да, нам придется отдавать не менее десяти процентов дохода. Но зато мы будем спать спокойно, зная, что все наши операции надежно прикрыты представителями закона.

По традиции банды идею Костелло обсудили на сходке. Ее поддержали все, кроме Мейера Лански, жадность которого затмевала здравый смысл. Он сидел на мешке с деньгами и оплакивал каждый потраченный доллар. Тем не менее Фрэнк Костелло получил для начала пять тысяч.

Искусный дипломат, очень расчетливый и взвешенный, он купил на эти пять тысяч весь департамент полиции в Западном округе. И тут же потребовал еще десять. Эти деньги пошли в карманы олдерменов и чиновников окружного суда. Маховик коррупции раскручивался не по дням, а по часам, глотая деньги в огромных количествах. Пришлось организовать черный банк, который Чарли Луканиа остроумно прозвал «смазным». Конечно, деньги уходили действительно большие, но это себя оправдывало. К началу 1921 года «Банда четырех» скупила на корню всю правоохранительную систему Вест-Сайда. Уже никто не мог им помешать. По схеме Костелло были захвачены четыре шикарных ночных клуба. Владельцы этих заведений надели «бетонные бушлаты» и утонули в Гудзоновом заливе.

Гангстеры оборудовали в клубах игорные залы и «номера». Соответственно, их доходы возросли. Так, Сигел стал хозяином клуба «Конни'с Инн», Лански — «Трокадеро», а Чарли Луканиа даже двух — «Лиго» и «Саттон клаб».

Деньги текли рекой. Отдельный поток устремлялся в бездонные недра «смазного банка». «Банде четырех» стало тесно в Западном округе. С чемоданом долларов Фрэнк Костелло проник в Гарлем и далее в Нью-Джерси. Он терпеливо сносил оскорбления высокомерных чиновников. С его лица не сходила вежливая улыбка. Вслед за Костелло шли парни с оружием: Джо Адонис, Сигел, Моретти, Оуни Мадцен, а в случае каких-то осложнений — с десяток наемных бандитов. В Гарлеме «Банда четырех» столкнулась с еврейскими гангстерами из шайки Джека Даймонда. Чарли Луканиа не стал доводить конфликт до стадии кровопускания и благоразумно предложил решить все возникшие затруднения путем переговоров.

Джек Даймонд по кличке Легз (Нога) считался одним из самых кровожадных гангстеров в Манхэттене. Эта нелепая кличка прилипла к нему еще с первой отсидки в Райкерз-Айленде. Джек хромал на левую ногу, которую ему прострелили во время потасовки в баре на 97-й улице.

Голливуд оказал большое влияние на внешность Ноги Даймонда. Его любимым актером был Дуглас Фэрбенкс — голодранец, создавший себе имидж джентльмена. Поэтому Джек обзавелся тонкими, как ниточка, усами (последний крик моды в то время), прической, сверкавшей от бриолина, и аккуратными бачками на висках. Подчеркивая свой аристократизм, он носил фрак, цилиндр, ежедневно чистил зубы. Однако наружный лоск мгновенно слетал с него, когда возникала необходимость кому-нибудь вправить мозги. Джек Даймонд лично застрелил пять человек. А в эру прохибишена ему приходилось все чаще браться за оружие: со дня введения запрета на спиртное прошло чуть больше года, а Джек уже успел прикончить троих конкурентов. Его банда часто выполняла заказные убийства для босса еврейской мафии Арнольда Ротштейна. Кроме того, Даймонд владел в Гарлеме ночным клубом «Хости-Тости» и сетью дешевых кабаков.

В первые дни «сухого закона» Джек отклонил предложение о покровительстве, поступившее от Денни Михана, босса могущественной «Белой руки». Размахивая револьвером, он выставил за дверь двух эмиссаров Михана — Косого Вэлли Уэлша и Эрни Ши. «Передайте вашему боссу, что я — независимый делец», — заявил Даймонд. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы на Михана не напали сицилийцы из банды «Черная рука»,

стремившиеся отобрать у ирландцев портовую зону Манхэттена. Михану пришлось забыть о своих планах насчет Гарлема. Тем не менее Джек Даймонд считал, что именно его решительность отрезвляюще подействовала на Денни Михана.

Предложение сицилийца Чарли Луканиа передал еврей Багси Сигел. Нога Даймонд, сгоряча вознамерившийся было перестрелять очередных конкурентов, неожиданно изменил решение. Сицилиец и еврей в одной шайке — такого ему еще не приходилось видеть. Он обратился за советом к большому боссу — Арнольду Ротштейну.

Свою карьеру в преступном мире Нью-Йорка Арнольд Ротштейн начинал в качестве профессионального картежника. Тщедушный, низкорослый, с болезненно-бледным лицом и огромными совиными глазами, он был слишком слаб для того, чтобы заниматься грабежами или убийствами. Но как шулер Ротштейн не имел себе равных. Доллары, выигранные у простаков, он давал в рост под акульи проценты начинающим владельцам игорных домов. Часто должники гибли от пуль наемных убийц, а их заведения прилипали к рукам Ротштейна. В 1917 году он провернул грандиозную аферу, сфальсифицировав результаты матчей национального чемпионата по бейсболу. С тех пор за Ротштейном утвердилось прозвище Мозг. Второе прозвище — Чистая Лапа — он получил в 1919 году, когда очередная бейсбольная афера была раскрыта, но ему удалось выйти сухим из воды. Принадлежавший Ротштейну ресторан «Коттон клаб» считался одним из самых фешенебельных в Нью-Йорке. Это заведение посещали очень важные люди, поэтому Ротштейн, как никто другой, обладал политическими связями на самом высшем уровне. Его бизнес со спиртным был абсолютно недосягаем для федеральных агентов и полиции. Кроме того, он проявлял значительный интерес к торговле наркотиками, понимая, что за ними будущее. Проблемы с гангстерами Арнольд Ротштейн решал при помощи Джека Даймонда. В 1920 году его состояние оценивалось в три миллиона долларов. Он был крупнейшим ростовщиком в Нью-Йорке. Все еврейские банды признавали его авторитет и прислушивались к его мнению.

«Сухой закон» открыл кран, из которого хлестала кровь. Честолюбивые гангстеры беспощадно убивали друг друга по всему Нью-Йорку. Это серьезно беспокоило Арнольда Ротштейна. Он стремился оградить свои владения от кровавой анархии, раздиравшей преступный мир. Постепенно Ротштейн стал склоняться к мысли, что необходимо созвать наиболее авторитетных гангстеров на большую сходку, уточнить сферы влияния и поделить территорию, не применяя оружия.

Столкновение в Гарлеме между людьми Даймонда и вест-сайдской бандой непосредственно затрагивало интересы Ротштейна, так как он вложил в гарлемские предприятия триста тысяч долларов.

— Вот что, Джек, — поразмыслив, сказал он Даймонду, — ты пока что не вмешивайся. Я сам встречусь с этим Чарли-сицилийцем и попробую с ним договориться. Чутье подсказывает мне, что этот парень — не просто уличный громила. Я слышал о команде из Вест-Сайда. Эти ребята славятся своим здравомыслием.

Встреча двух боссов состоялась в марте 1921 года на рубеже владений конкурирующих банд, в Ист-Гарлеме. «Банда четырех» прибыла в полном составе, на трех роскошных автомобилях. Арнольда Ротштейна сопровождали Джек Даймонд и еще один авторитетный еврейский гангстер — Биг Билл Двайер.

— Рад с вами познакомиться, мистер Луканиа, — протянул маленькую бледную ладонь Ротштейн, — весьма наслышан о вас и ваших друзьях.

— Встреча с вами — большая честь для меня и моих друзей, — не остался в долгу сицилиец.

— Я знаю, что вы уроженец Сицилии, — продолжал Ротштейн, — а между тем в вашей команде рука об руку работают люди многих национальностей. В нашем мире это большой прогресс.

Польщенный Луканиа улыбнулся:

— Я привык уважать людей не за цвет кожи, а за интеллект, мистер Ротштейн.

После этих церемонных приветствий боссы оставили свою свиту возле машин и повели беседу тет-а-тет. Вполне понимая друг друга, они быстро договорились о разделе сфер влияния в Гарлеме. Затем Ротштейн перешел к самой наболевшей теме:

— В городе царит кровавый хаос, который, к сожалению, коснулся даже меня, хотя я всегда предпочитал решать споры путем поиска компромисса. Надеюсь, мистер Луканиа, вы не откажетесь принять участие в конгрессе, над созывом которого я сейчас работаю?

— Мистер Ротштейн, вы считаете, что существующие противоречия возможно уладить? — вопросом на вопрос ответил сицилиец.

— Я думал над этим. И, кажется, нашел выход.

Можно собрать все шайки Нью-Йорка в одном месте и таким образом упорядочить их деятельность. Допустим, под предлогом обмена партий контрабандного алкоголя. То есть создать нечто вроде бутлегерской биржи. Вы же знаете, мистер Луканиа, самая

большая проблема бутлегинга — найти товар, соответствующий вкусам клиентов. Кто-то пьет только джин, кто-то — скотч, кто-то — коньяк. С созданием биржи обмена эта проблема исчезнет.

— Биржа обмена, — задумчиво произнес Чарли. — В самом деле, отличная идея, мистер Ротштейн! Я готов ее поддержать.

Договорившись о главном, боссы церемонно раскланялись.

Конгресс гангстеров состоялся в середине апреля 1921 года на территории Арнольда Ротштейна, в «Коттон клаб». Все самые крупные бутлегеры откликнулись на его призыв. Из Филадельфии прибыл Уэкси Гордон, весьма заинтересованный в результатах этого совещания. Биг Билл Двайер и Джек Даймонд представляли еврейскую группировку. За один стол уселись заклятые враги — Денни Михан, безраздельно господствовавший в ирландских кварталах, и Фрэнк Айяле, самый экспансивный из всех главарей сицилийской мафии. Чарли Луканиа представлял Вест-Сайд. На совещание также были приглашены восходящие звезды преступного мира Нью-Йорка: Мейер Шапиро и Якоб Орген из Бруклина и Артур Флегенхаймер из Бронкса.

Самый главный вопрос — о разделе сфер влияния — вызвал бурную перепалку. Фрэнк Айяле немедленно сцепился с Денни Миханом. Оба не сдерживались в выражениях. Арнольд Ротштейн заявил, что конфликт в портовой зоне — это их личное дело, и умело направил полемику в нужное русло. Чтобы никого не обидеть, было решено учредить биржу обмена в центре Манхэттена, на «нейтральной» Малберри-стрит.

— Там же рядом департамент полиции, — брезгливо произнес Денни Михан.

— Не беспокойтесь о полиции, мой друг, — бросил Ротштейн, — эта проблема заведомо разрешимая. Но, похоже, мы не сможем уладить ни один конфликт между нами. О чем я лично очень сожалею.

Фрэнк Айяле резко возразил:

— Мы собрались здесь не для этого. Никто не имеет права учить меня, как надо вести дела.

Лица всех боссов мгновенно превратились в каменные маски. Арнольд Ротштейн с горечью осознал, что абсолютно не влияет на ситуацию. Он встал из-за стола, давая понять, что совещание закончилось. Один лишь Чарли Луканиа подошел к нему, чтобы выразить уважение:

— Сегодня большой день, мистер Ротштейн. Вы много сделали для нас.

Ротштейн нехотя улыбнулся:

— Спасибо, Чарли. Отныне я для тебя — просто Арнольд.

Они расстались друзьями.

— Джек, — позвал Ротштейн, — этот малый из Бронкса, Флегенхаймер, он может оказаться полезным для нас. Предложи ему работу.

Нога Даймонд уточнил:

— Какую именно, босс?

— Я слышал, он хочет открыть ночной клуб. Дай ему пятьдесят тысяч под наш обычный процент.

— О'кей, — Даймонд усмехнулся, — можно считать, что парень влип.

Участок Малберри-стрит никогда не считался опасным в криминогенном отношении. Но как только фирма, оформленная на подставное лицо, арендовала здание Лоу-Холл, эту тихую, относительно спокойную улицу наводнили гангстеры всех мастей.

Конечно, Арнольду Ротштейну не удалось остановить войну в преступном мире, но необходимость биржи обмена признавали все. Помимо возможности сбыть с рук один товар и приобрести другой, бутлегеры на месте могли уточнять сферы влияния и завязывать деловые контакты, которые иногда продолжались один день, а иногда — всю жизнь. Но вот что было самым главным и бесспорным достижением: впервые в истории преступного мира Нью-Йорка итальянские, еврейские и ирландские гангстеры вели дела друг с другом. Даже заклятые враги из «Белой» и «Черной руки», встречаясь на бирже, не спешили стрелять друг в друга, если наклевывалось выгодное дельце. Тем не менее без стрельбы не проходило ни дня. Вслед за крупными акулами на биржу потянулась мелкая бутлегерская рыбешка. Бутлегеры из трущоб — выродки из выродков, типы грубые и кровожадные — не стеснялись пускать в ход оружие прямо в здании Лоу-Холл. Вот один довольно типичный эпизод.

На входе сталкиваются две безвкусно, весьма крикливо разодетые личности.

— Эй, Билли, что за дерьмо ты мне всучил в прошлый раз? Это не джин, а помои! Черт возьми, я потерял на этом полторы тысячи!

— Послушай-ка, Джо, только твоя мамаша виновата, что ее сын — лопух. Почему ты не попробовал товар? Я бы принес тебе другой.

— Что ты там вякнул насчет моей мамаши?!

Джо первым выхватывает «кольт». Гремят выстрелы. У менее проворного Билли — три свежие дырки в голове. Труп выбрасывают на улицу. Джо на время исчезает. Из расположенного неподалеку департамента полиции прибывает следственная бригада. Директора фирмы, арендующей Лоу-Холл,

как обычно, нет на месте. В данном случае роль мальчика для битья играет один из часто сменяемых заместителей. Едва только полицейские начинают задавать каверзные вопросы, как он моментально замыкается в себе и вызывает своего адвоката. Адвокат (один из лучших в Нью-Йорке) прибывает на место происшествия удивительно быстро — и немедленно обвиняет полицию в превышении власти, в посягательстве на конституционные права клиента или бог знает в чем еще. Тем временем участковому капитану звонят из мэрии. Некая весьма важная персона советует свернуть расследование, поскольку убит гангстер, а не законопослушный гражданин. Стало быть, совершенно незачем поднимать из-за этого шум. Любой капитан, естественно, очень хорошо знает, что в случае неповиновения завтра же вылетит в отставку. Поэтому дело об убийстве прекращается и тихо исчезает в архиве.

Все банды в городе рукоплескали Арнольду Ротштейну. Его авторитет поднялся необычайно высоко. В каком-то смысле каждый бутлегер невольно зависел от еврейского босса. Ротштейн знал об этом бизнесе все до мельчайших подробностей. К нему приезжали гангстеры из Бостона, Детройта, Питтсбурга, Чикаго и многих других городов. Ротштейн был первым, кому удалось собрать воедино почти все еврейские банды Америки. По существу, его можно считать «крестным отцом» еврейской мафии. Чарли Луканиа многому научился у него.

Работа полиции на Малберри-стрит свелась к простому ведению статистики. Обычный жаркий майский день 1921 года. В отдел по расследованию убийств поступило сообщение об очередной перестрелке в Лоу-Холл. Среди мусорных баков патруль обнаружил два трупа с огнестрельными ранениями. Оба мертвеца аккуратно упакованы в пластиковые мешки.

На место происшествия выехала следственная группа, чуть позже туда прибыл вернувшийся с обеда начальник отдела — лейтенант Уэйн. На сытый желудок ему было не очень приятно осматривать обезображенные трупы.

— Еще двое, сэр, — доложил детектив Слэттери, — и опять на нашем участке.

Журналисты — из категории любителей кровавосенсационных снимков — постоянно дежурили возле Лоу-Холл. Сколько бы полицейские ни разбивали фотоаппараты — газетчиков меньше не становилось. Что поделать: такого рода фотографии всегда пользовались огромным спросом. В отместку за разбитые фотоаппараты корреспонденты печатали в прессе разгромные статьи с названиями вроде «Полиция бессильна». При этом лейтенант Уэйн искренне переживал за честь мундира. Но

не он устанавливал правила в этом городе, а его переживания никого не интересовали.

— Личность убитых определена?

— Пока только одного, сэр, — ответил Слэттери, — Гарри О'Брайен по кличке Рыжий. Из банды Михана. Второго мы не знаем.

Махнув рукой, лейтенант Уэйн сел в патрульную машину. Неизвестно, редактор какой именно нью-йоркской газеты, просматривая подготовленный к набору номер, воскликнул:

— «Перестрелка в здании Лоу-Холл»! Ну что это за название? Нужно нечто новое, оригинальное и одновременно интригующее. Читатель требует от нас сенсаций!

Редактор задумался. Щелкнул пальцами:

— «Гнездо мафии на Малберри-стрит»! Вот то, что нам надо!

Под этим громким названием бутлегерская биржа, творение злого гения Арнольда Ротштейна, заняла подобающее место в истории и на страницах газет. До самого конца эры «сухого закона».

Глава 6
«Ромовый бульвар» [9]

— Чарли, нам незачем соваться в Ист-Сайд, — ворчал Мейер Лански, — наша выпивка слишком хороша для голодранцев из гетто.

Луканиа возразил:

— Из одной бутылки отличного виски мы можем сделать пять бутылок сивухи. В таком виде пойло сойдет даже для бродяг. Ты же знаешь, нам надо расширять наше дело. Фрэнк говорит: «Дайте мне сто тысяч долларов — и все кандидаты от демократической партии будут у меня в кармане». Мы должны выиграть эти выборы. А для этого нужны деньги. Сегодня. Сейчас.

— Я говорю тебе именно об этом! — воскликнул Лански. — В Ист-Сайде мы ни черта не заработаем! Я предлагаю поговорить с этим евреем из Бронкса. Арнольд уже вложил в его предприятие пятьдесят тысяч.

— Это медленный путь! Бронкс для нас — все равно что Северный полюс. Мы никого там не знаем. Надо разбавить партию виски и продать в Ист-Сайде. Ты умеешь считать лучше всех нас, вот и скажи, насколько больше это получится?

— Ну, хорошо, — ярился Лански, — сегодня, завтра и, может быть, послезавтра это сработает. А через месяц? Через год? В бизнесе нельзя жить только сегодняшним днем. Надо смотреть вперед, думать о будущем. Любой кретин в Ист-Сайде знает, что такое прохибишен. Дешевая дрянь продается там на каждом углу. Я уже не говорю о том, что каждый день эти придурки убивают друг друга. Запомни, Чарли, запомни, что я скажу: по-настоящему большой спрос был, есть и будет только на первоклассную контрабандную выпивку. В любом случае она будет стоить в десять раз дороже уличного дерьма.

Чарли Луканиа упорно стоял на своем:

— Я разговаривал с Уэкси, с этим парнем из Бруклина, Билли Двайером. У них проблемы с поставками. Заказчиков стало слишком много. Они не успевают пополнять свои запасы. Цены на спиртное подскочили даже на Багамских островах.

— Это временные затруднения, — сказал Лански. — Знаешь, Чарли, я тут прочел недавно одну книжку…

Брови Луканиа стремительно взлетели вверх. От старины Мейера он ожидал чего угодно, но это было что-то новенькое.

— …Она называется «Извлечение прибыли», написал какой-то янки, большая башка по всем этим экономическим делам.

Среди всякой чепухи там был закон спроса…

Лански изо всех сил напряг мозги:

— Это… основной закон капиталистической экономики, — выдавил он. — Поставляя продукт только высшего качества… кхе, можно обеспечить себе клиентуру высокого уровня и… гм, значит — стабильно высокую прибыль.

Гангстеры смотрели на Лански глазами величиной с монету в один доллар. Только Костелло сразу ухватил суть:

— Чарли, по-моему, у Мейера отличная идея. Нам есть с чем сравнивать. В борделях на 42-й улице девочки берут с клиента по сто баксов за «сеанс». Но это самые шикарные девочки в городе! С ними проводят время очень важные люди, которые своей властью защищают заведение от закона. Качественный товар, нужные связи, — Костелло загнул два пальца на руке, — вот так делается хороший бизнес. А вспомни эти грязные притоны в Ист-Гарлеме! Там шлюхи стоят всего десять баксов. От них воняет. Полжизни они проводят в тюрьме.

— Что верно, то верно, — поддакнул Багси Сигел, лучше всех разбиравшийся, где какие шлюхи.

Разговор о проститутках очень не нравился Чарли Луканиа, так как застарелый сифилис, полученный от девки четыре года назад, все еще давал себя знать. Но сицилиец ничем не показывал своего отвращения.

Костелло поучительно изрек:

— Человек до тех пор чувствует вкус денег, пока деньги дают ему возможность наслаждаться тем, что недоступно для других. В этом все дело.

— Я же говорю: нечего соваться в Ист-Сайд, — вмешался Мейер Лански, — нам без конца придется выяснять отношения с тамошними придурками. Ты знаешь эту породу, Чарли: за пять долларов они пристрелят родную мать. Мы с ними не договоримся. О чем с ними вообще можно разговаривать? Вместо того чтобы заниматься бизнесом, нам придется пускать кровь то одному, то другому. Так мы рано или поздно прогорим. Еще немного — и у нас будет лучшая клиентура в городе, влиятельные друзья. Для этого мы должны поставлять первоклассное пойло и не лезть в трущобы. Я по горло сыт «адской кухней».

— Это то, о чем говорил Джонни Торрио, — задумчиво произнес Костелло, — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ. Судьи, полицейские, адвокаты, политики, которые работают на нас и обеспечивают соблюдение наших интересов. Надо идти по этой дороге, не сворачивая. Когда-нибудь мы сможем забраться прямо в Белый дом.

Костелло вздохнул. Мечты о небывалом величии давно будоражили его воображение. И он видел реальные пути воплощения их в жизнь. Обведя лица друзей пристальным взглядом, Чарли Луканиа спросил:

— Ну, и где же мы возьмем столько хорошего пойла?

…Летом 1921 года многие крупные бутлегеры задавали себе тот же вопрос. Бизнес разрастался стремительно, как на дрожжах. Из кустарного промысла бутлегинг превращался в отрасль индустриального производства. Авторитетные боссы, вроде Сэма Бернштейна или Джонни Торрио, оборудовали на своих территориях перегонные фабрики, мощности которых достигали миллионов гектолитров в год. Алкоголя, завозимого с Багамских островов или из Канады, не хватало для удовлетворения ажиотажного спроса. В сфере контрабанды возникла необходимость новой стратегии.

Иной раз, изучая биографию человека, который был полным ничтожеством, а потом внезапно стал богат и всесилен, нельзя не позавидовать умению такого типа вовремя оказаться в нужном месте. Прослеживается даже некая историческая закономерность. В том смысле, что, в силу стечения определенных внешних обстоятельств, человек совершает судьбоносный прорыв в блистательное будущее. Карьера многих всемирно известных преступников складывалась именно так.

Шотландец Уильям Маккой был капитаном рыболовной шхуны «Аретьюза» водоизмещением в сорок пять тонн. Его ежегодный доход не превышал полутора тысяч долларов. Обыкновенный морской волк, просоленный водами трех океанов, он видел свою жизнь на много лет вперед. Годам к шестидесяти Билл Маккой намеревался передать шхуну своему старшему сыну Джерри и доживать дни в родном рыбацком поселке, каждую субботу обязательно посещая трактир. Темноволосый, дочерна загорелый под солнцем тропических морей, отрастивший по старой морской привычке густую бороду, Маккой был бы идеальным персонажем для рассказов Джека Лондона. Однако весной 1921 года случилась та самая судьбоносная встреча, которая перевернула его жизнь.

Некий англичанин зафрахтовал «Аретьюзу» для доставки ценного груза на Кубу. Когда тщательно опечатанные ящики опускались в трюм шхуны, англичанин так нервничал, что Маккой даже предложил ему страховку. Сразу по прибытии в Гавану на борт «Аретьюзы» поднялись двое американцев весьма подозрительного вида. Они пожелали осмотреть груз. Вот тогда-то Маккой с удивлением обнаружил, что в ящиках — самое обычное шотландское виски. Выпив по стаканчику, американцы

остались довольны, отсчитали англичанину толстую пачку долларов и приказали портовым грузчикам выносить ящики на берег.

Получив расчет, Билл Маккой не торопился покидать Гавану. По опыту зная, что все тайны раскрываются в портовых кабаках, он решил поговорить с коллегами по профессии. Билл не скупился на деньги, и в тот же вечер его познакомили с компанией контрабандистов. Через два дня Маккой вышел на одного еврея, который оптом скупал завозимый из Европы алкоголь, а затем втридорога перепродавал его американским бутлегерам. Маккой тогда впервые услышал это слово. Еврей, заинтересованный в расширении своих торговых связей, предложил ему доставлять спиртное на Кубу в любых количествах. «Вы станете богатым человеком, мистер Маккой, — уверял пройдоха-еврей, — сейчас это самый выгодный бизнес».

В мае — июне 1921 года «Аретьюза» совершила пять рейсов. Шестьдесят два дня Маккой не сходил с капитанского мостика. Его карманы стали понемногу наполняться деньгами. Но главным были не доллары, а приобретенный коммерческий опыт.

Билл Маккой не был дураком. Он очень быстро понял, что гораздо выгоднее доставлять товар прямо к побережью Соединенных Шатов, избегая жадных лап перекупщиков. Немного зная входы и выходы в мире контрабандистов, Маккой надеялся встретить нужного человека. В это же время на Кубу приехал Биг Билл Двайер, озабоченный решением проблемы поставок крупных партий спиртного для своих заказчиков.

Двайер и Маккой были необходимы друг другу. Едва услышав из уст шотландца слово «контрабанда», Биг Билл — сама любезность — пригласил его в лучший ресторан Гаваны «Эль Парадисо». И хотя в то время Куба считалась 52-м штатом США, прохибишен здесь не действовал. Поэтому с материка сюда приезжало множество состоятельных гуляк.

Маккой, как истый шотландец, заказал скотч. Двайер попросил сухой мартини.

— Вы не представляете, мистер Маккой, — обратился он к шотландцу, — как приятно вот так просто сидеть, пить хорошее вино и при этом не опасаться, что какой-нибудь чокнутый коп схватит тебя за руку.

Высокий, широкоплечий, одетый с изысканностью миллионера, Двайер производил впечатление человека, которому можно доверять. Его глаза не бегали, как у шулера, а смотрели прямо на собеседника. Маккой хорошо знал, какая категория людей крутится в бутлегерском бизнесе, но этот парень выглядел вполне прилично.

— Я слышал, мистер Двайер, что в Америке все полицейские — ирландцы, — заметил он, — а ирландцев уж никак нельзя назвать трезвенниками.

Двайер улыбнулся:

— Можно сказать, доверили чертям охрану райских ворот.

С наслаждением отпив из бокала немного вина, Биг Билл перешел на деловой тон:

— Мистер Маккой, я бизнесмен довольно высокого уровня, и меня интересуют только крупные партии товара. Очень крупные, — подчеркнул он, — вы меня понимаете? Целый флот, перевозящий сотни тысяч галлонов, миллионные обороты. Если это вам подходит, то мы могли бы наладить совместный бизнес.

Маккой бесстрастно вертел в пальцах бокал. Только горящие глаза выдавали его внутреннее волнение. Вот так просто, буднично сбылась его мечта о богатстве. Даже не верится. Тут главное — не закружилась бы голова.

— Вы говорите, флот, мистер Двайер, — с сомнением произнес Маккой, — но как моряк я хочу вам сказать, что для флота сначала нужно проложить морской путь, накатать трассу (шотландец употребил ходкое выражение контрабандистов), а уж потом разговаривать о миллионах.

Большой Билл театрально развел руками:

— Мой дорогой мистер Маккой, теперь я хочу сказать вам как бизнесмен: сейчас ситуация на рынке такова, что медлительность и нерешительность равноценны банкротству. Меня в буквальном смысле слова осаждают заказчики. И если в течение месяца я не найду способ доставить в страну достаточное количество спиртного, они сделают это сами, уже без меня. И я потеряю все. Мой вам совет, дружище: спешите, хватайте удачу за хвост, иначе всю жизнь будете на побегушках у Эндрю Лейбовича.

Услышав имя еврея-перекупщика, Маккой помрачнел:

— Ваша правда.

В самом деле, думать тут было нечего. Билл Маккой знал многих морских бродяг, таких же неудачников, каким сам был раньше. Он не сомневался, что старые приятели не откажут ему в услуге — тем более что эта услуга не без выгоды для них… В считанные дни Маккой мог собрать целую эскадру рыболовных шхун, подобных «Аретьюзе». Да и деньги на покупку нужного количества выпивки можно найти без проблем, заложив в банке все ту же «Аретьюзу». Судьба в лице Большого Билла Двайера молча ждала ответа. Маккой протянул ему свою широкую, мозолистую ладонь:

— О’кей, мистер Двайер, я — с вами.

Улыбка Двайера была искренней, теплой и сердечной:

— Я очень рад, мистер Маккой. Вы приняли правильное решение.

Уильям Двайер появился на свет божий в трущобах Десятой авеню в Бруклине. В юности он носил маску законопослушного гражданина и никогда не участвовал в делах ни одной из многочисленных подростковых банд. Джордж Шевлин — гангстер, которого сам Арнольд Ротштейн поставил присматривать за Десятой авеню, — заметил осторожного, сообразительного, а поэтому очень многообещающего юношу. Он устроил Двайера на работу в доки.

Не было такой грязной лужи, в которой не побывал бы молодой хитрец. Хищение грузов, скупка и перепродажа краденого, торговля наркотиками, ростовщичество, а со временем — взятки. Репутация честного трудяги служила ему щитом. В бруклинских доках работало около пятидесяти тысяч человек, и полицейские просто физически не могли уследить за каждым. Они подозревали более матерых, но менее хитрых преступников.

Билл Двайер заблаговременно подготовился к «сухому закону». Через год он поднялся настолько высоко, что стал правой рукой Арнольда Ротштейна. У него была собственная банда крепких и очень жестких парней, надежно прикрывавших операции своего босса. Теперь уже Двайер отдавал приказы Джорджу Шевлину, который стал для него всего лишь одним из многих заказчиков на выпивку. В первый год прохибишена Двайер заработал почти полтора миллиона долларов. Все гангстеры Нью-Йорка стали прибавлять к его имени уважительное прозвище Биг (Большой). Человек умный, он понимал, что «сухой закон» не вечен, поэтому спешил извлечь из этого золотого времени максимальную выгоду. К концу эры прохибишена Большой Билл Двайер рассчитывал довести свое состояние до цифры пятьдесят миллионов. Но для этого ему был позарез необходим надежный поставщик из Европы. Таким поставщиком стал Билл Маккой.

«Аретьюза» вышла из порта Глазго в сопровождении десяти шхун водоизмещением от 15 до 25 тонн. Все корабли были до отказа загружены ящиками с виски и просели в воду почти на два фута ниже ватерлинии. Июль в Атлантике — время штиля и попутных пассатов, поэтому Маккой не беспокоился насчет перегрузки судов своего флота.

Граница территориальных вод США в то время проходила в пределах семимильной полосы. Поднаторевший в делах контрабанды, Маккой заранее договорился с Двайером, что выгружать товар будет только в нейтральных водах. Весь риск брали на себя бутлегеры. Маккой справедливо считал, что

доставка груза на берег — это их проблема. Каждый должен заниматься своим делом.

Флот контрабандистов лег в дрейф. Около десяти вечера по радиосвязи с берега передали координаты рандеву и время — два часа ночи. Точка встречи была подобрана со знанием дела: на широте Фрипорта, маленького городка в семидесяти милях к северу от Нью-Йорка. Местность там была болотистая, лесистая, мало заселенная. Холодное океанское течение пересекалось с теплым прибрежным, поэтому над морем в районе Фрипорта постоянно клубился туман, который, как известно, идеальное прикрытие для контрабандистов. Билл Маккой не сомневался, что все будет о'кей.

Ровно в назначенное время из туманной мглы вынырнули несколько быстроходных катеров. Шли они с невероятной скоростью. Маккой сдвинул брови: буруны от этих дьявольских машин было видно почти за милю. Грохот двигателей стоял такой, будто все черти в аду одновременно ударили в барабаны. Помощник Маккоя, молодой моряк, во время войны служивший на торпедных катерах, прошептал:

— Господи боже, сэр! Да они, наверное, делают пятьдесят узлов!

Эти катера были изобретением Биг Билла Двайера, которым он по праву гордился. Идея простая и поэтому гениальная. Дело в том, что после первой мировой войны в Америке осталось немало никому не нужного хлама — то есть излишков оружия, боеприпасов и военного снаряжения, которое не успели продать в Европу. Американские промышленники, по своему обыкновению, перестарались и произвели больше смертоносного товара, чем это было необходимо. Поэтому они были рады-радешеньки сбросить все это добро кому угодно — по дешевке, лишь бы купили. Именно таким образом Биг Билл Двайер приобрел двадцать авиационных двигателей «Либерти», вообще-то предназначавшихся для английских морских бомбардировщиков. Теперь эти «моторчики» использовались в другом, гораздо более важном деле. К тому же флотилию катеров Двайера вел бывший воздушный ас Ронни Хиггинс, хорошо знакомый и с морской авиацией, и с двигателями «Либерти», и, разумеется, кое с кем из главарей мафии: Большому Биллу порекомендовал его как «толкового парня» сам Фрэнк Айяле, глава «Сицилийского союза» в Нью-Йорке. Впрочем, типы вроде Хиггинса встречаются довольно часто и везде.

Молодым парнем, с еще неокрепшей психикой, он попал на войну; риск, беспорядочная, шальная жизнь, каждый день которой мог быть последним, среда убийц в офицерских мундирах — все

это вошло 18-летнему Хиггинсу в плоть и кровь. Он вернулся с войны и не нашел себя в штатской жизни. Он умел только пить, стрелять и лезть на рожон. Другой профессии он не знал. Поэтому вполне закономерно, что Хиггинс попал в криминальный мир. Жизнь гангстеров чем-то напоминала ему войну — тот же риск, та же неуверенность в завтрашнем дне, — а война была для Хиггинса привычной средой обитания. Ребята, подобные Ронни Хиггинсу, и в наше время не покладая рук трудятся на уголовную хронику.

Хиггинс, по привычке одетый в кожаный реглан пилота, приказал посигналить прожектором. С борта «Аретьюзы» мигнули ответные огоньки. Сбросив ход, катера пришвартовались к бортам шхун. Болтанка на этих «летающих» штуковинах была ужасная, все уже промокли до нитки, а предстоял еще обратный путь.

Разгрузка шла бойко. Люди Маккоя подавали ящики из трюмов прямо в руки ребят с катеров. Хиггинс бросил на палубу «Аретьюзы» большой целлофановый сверток с деньгами.

— Эй, Билл, здесь триста грантов[10], как договаривались! — заорал он.

Маккой поднял сверток, развернул и принялся считать.

— О'кей, все в порядке! — донеслось с «Аретьюзы».

— До встречи! — крикнул Хиггинс.

Взревев двигателями, катера рванули к берегу. Изобретение Биг Билла Двайера работало с потрясающим результатом. Ни один корабль береговой охраны не мог угнаться за «летающими катерами». Ни одна бутылка виски не попала в руки федеральных властей. Каждый заказчик получал свой товар в лучшем виде: быстро, надежно и без проблем.

На берегу маленькой пустынной бухточки, которая носила целиком соответствующее название Хоул-Харбор (Дыра), прибытия катеров ожидали бутлегеры из Нью-Йорка, Филадельфии и Чикаго. В этом безлюдном, мрачном месте собрался весь цвет американского бутлегинга: Джо Адонис, филадельфиец Ник Розен, Тони Карфано из семьи Айяле, Джек Гузик из Чикаго со своими грузовиками и вооруженной охраной. Здесь же присутствовал сам Большой Билл Двайер, с нетерпением поглядывавший на часы.

Ронни Хиггинс подтвердил свою репутацию толкового парня. Катера прибыли в Хоул-Харбор минута в минуту. Сияющий Билл Двайер повернулся к заказчикам:

— Итак, джентльмены, прошу ваши наличные.

Каждый махнул рукой своим людям. Двайеру принесли три саквояжа, туго набитых деньгами. Только Джек Гузик, недавно наладивший контакты с Большим Биллом, потребовал:

— Сначала я хотел бы осмотреть товар.

Двайер не стал обижаться или протестовать. Пожав плечами, он спокойно произнес:

— Это ваше право, — и указал глазами на саквояжи, — Дик, Берти, Сэм, возьмите это.

Помощники Двайера принялись пересчитывать деньги. Тем временем люди Хиггинса выгружали ящики на берег. Джек Гузик открыл одну из бутылок, глотнул и, не удержавшись, причмокнул губами.

— Надеюсь, все в порядке? — с иронией спросил у него Двайер.

Передав Большому Биллу саквояж, Гузик сухо объяснил:

— У меня очень строгий босс.

Двайер улыбнулся:

— Я вам сочувствую, — и картинно развел руками. — Нет проблем, дорогой мистер Гузик, нет проблем. Хотя все мы здесь работаем на доверии и еще не было случая, чтобы кто-то кого-то наколол, я все равно сделаю для вас исключение. Из искреннего уважения к вашему боссу. Вы можете жестко контролировать груз, можете даже потребовать замены ящика, который вам почему-то не понравился.

Гузик молча надвинул шляпу на глаза и протянул Двайеру руку.

Пока Джо Адонис договаривался с Большим Биллом насчет следующей партии товара, Джо Док Стэйчер, молодой еврейский гангстер, протеже Мейера Лански, руководил погрузкой ящиков с виски на грузовики.

— Ну что? — спросил подошедший Адонис.

— Нормально, — ответил Стэйчер, — через пару минут закончим. Живее, живее, ребята! — подогнал он шестерок.

Справа взревели моторы — это отправлялся конвой на Филадельфию. Ник Розен, улыбающийся, приветливый, помахал рукой из кабины своего «Шевроле»:

— Эй, парни, счастливо добраться! До встречи через неделю!

— Так, приятель, — Джо Адонис повернулся к Стэйчеру, — я поведу колонну. Ты будешь с ребятами в задней машине. Если встретим легавых — не стрелять, всем сидеть на своих местах. Эту проблему я беру на себя. Все ясно?

Стэйчер кивнул.

— О'кей, тогда поехали!

Двадцатимильный участок пути проделали без приключений. Однако на границе графства Нассо колонну остановили вооруженные до зубов полицейские. Джо Адонис был наслышан о том, что фараоны в этом графстве отличаются особой жадностью.

Бросив стрелкам: «Сидите спокойно», он вышел из машины. Полицейские сейчас же направили на него оружие.

— Эй, господа начальники, в чем дело?! — крикнул Адонис.

Главный коп, грузный дядя с нашивками шерифа, намеренно оскорбительным тоном ответил:

— Да ты, я вижу, полный придурок. Скажи еще, что ничего не знаешь о дряни, которая на этих грузовиках.

Адонис примирительно сказал:

— Шериф, в Америке не хватит тюрем для всех, кто нарушает «сухой закон». А это не дрянь. Это отличный скотч. Прямо из Шотландии. Мы можем отгрузить вам пару ящиков. Бесплатно. Все мы люди и всегда друг друга поймем, правильно?

Шериф не стал играть в принципиальность. Бросив свой «кольт» в кобуру, он позвал:

— Подойди-ка сюда, парень.

После короткого разговора в руки шерифа перешла пачка банкнот. Бравый блюститель порядка сошел с дороги и махнул рукой:

— Проезжайте!

Джо Адонис ухмыльнулся:

— Не поминайте лихом, шериф.

— До свидания, малыш, — ласково поправил полицейский, — всегда держи денежки в зубах, если не хочешь проблем на моей территории.

Только оказавшись в машине, Джо Адонис дал волю эмоциям:

— Легавая скотина, бурдюк с дерьмом, старый пердун!

— Не стоит так волноваться, Джо, — успокоил его один из стрелков, — этот коп — всего лишь шлюха в мундире.

— Но он поимел нас, — возразил Джо, — а не мы — его.

Однако на этом проблемы не закончились. Как выяснилось позже, шериф графства Нассо очень дружил с шерифом графства Суффолк. Едва добравшись до телефона, он сразу позвонил своему другу. Когда конвой со спиртным пересек границу графства Суффолк, его там уже ждали. Джо Адонису вновь пришлось раскошелиться. Вне себя от злости, он по прибытии в Нью-Йорк потребовал от Фрэнка Костелло надрать задницы обоим шерифам.

— Джо, не принимай все так близко к сердцу, — уговаривал Костелло, — это вредно для здоровья. Сколько ты им заплатил? По тысяче? А знаешь, сколько каждый день приходится платить легавым здесь, в Вест-Сайде? Двадцать кусков, — Костелло поднял вверх указательный палец, — двадцать! Представляешь? И все для того, чтобы мы могли работать спокойно. Ничего не поделаешь, приятель. Лучше заплатить, чем париться в железной

клетке. Ты все сделал правильно. Так и делай дальше.

Едва успели разобраться с полицией, как с другой стороны возникли еще более крупные неприятности.

Билл Маккой, как обычно, доставил к Восточному побережью очередную партию контрабандного алкоголя. Свое дело он расширял стремительно. Теперь под его началом находилось уже около тридцати шхун. С ним сотрудничал не только Биг Билл Двайер, но и другие бутлегеры, предпочитавшие самолично доставлять товар на берег. И хотя в первых числах августа парламент США преподнес сюрприз всей этой братии, приняв закон о расширении полосы территориальных вод с семи до двенадцати миль, на ходе дела это существенно не отразилось. Контрабандисты не боялись ни бога, ни черта, ни открытого моря.

Душной августовской ночью в море кипела рутинная работенка: рыболовные шхуны были окружены плотным кольцом катеров, из рук в руки переходили ящики с выпивкой, на палубы шлепались толстые пачки денег, десятки голосов выкрикивали цену и сорт требуемого пойла:

— Три гранта за пятьсот «Джонни Уолкер»…

— Беру триста «Джи энд Би» и сотню «Девере»…

— Я взял «Голден Уилдинг», мы в расчете…

Внезапно эта вполне мирная торговая разноголосица была грубо прервана появлением чужаков. Два больших катера выскочили из тумана и с ходу прорезали скопище кораблей, как нож масло. От поднятой волны несколько человек свалились в море. Вслед чужакам неслась злобная ругань. Но все тут же прикусили языки, когда те ответили огнем из пулеметов. В считанные секунды появились убитые и раненые. Крупнокалиберные пули насквозь прошибали борта катеров, крушили бутылки, поднимали фонтаны воды. Тут было уже не до коммерции. Спасаясь от пуль, контрабандисты укрылись за бортами своих катеров.

— Эй, засранцы, до вас дошло, что мы не шутим, — закричали налетчики, — или еще объяснить?..

На палубах шхун люди изо всех сил задирали вверх руки, давая понять этим мясникам., что больше объяснять не надо.

— О'кей! — крикнули те. — Жалко портить такую хорошую выпивку!

Лица самозваных пиратов закрывали черные повязки. Каждый из них держал в руках автомат или пулемет. Ни один контрабандист не брал с собой оружия — ведь бизнес делали на почве взаимного доверия. Пираты знали это и чувствовали себя хозяевами положения. Нарочито неторопливо они подходили к

бортам шхун. Сверху им бросали ящики с выпивкой. До отказа нагрузив свои катера драгоценным товаром, пираты исчезли в тумане.

Тем временем на берегу пустынной бухты, недалеко от городка Уойстер-Бей, маститые бутлегеры ожидали прибытия груза. Кому-то из них послышались выстрелы в море, но «коллеги» подняли его на смех: «Уолти, приятель, ты слишком заработался, везде тебе чудится стрельба. Это, наверное, у осьминогов разборка: не могут поделить дохлую медузу». Но вскоре им стало не до шуток. Катера пришли, однако вместо выпивки с них стали выгружать кое-как перевязанных, истекающих кровью людей. Почти все ящики, которые успели принять до налета, были сильно повреждены пулями. Каждый бутлегер влетел сегодня на сто, а то и на триста тысяч долларов. Те, кто имел дело прямо с контрабандистами, подсчитывали убытки уже сейчас, ибо денежки уплыли в Шотландию вместе с Маккоем. Те, кто работал через посредника, тоже теряли, ибо доллары не нальешь в стаканы вместо виски и клиентам не предложишь. Кроме того, предстояли расходы на лечение раненых и ремонт катеров, изрядно продырявленных пулями.

Напрасными оказались попытки найти пиратов. Они не были простаками и продавать свои трофеи в чистом виде не стали. Десять против одного, что захваченное виски сразу же поместили в так называемый перегонный куб и разбавляли всякой дрянью. Ни один даже самый квалифицированный специалист-химик не смог бы восстановить из этой бурды первичную марку. Все бутлегеры хорошо понимали это. Значит, не пойман — не вор. И сделать тут ничего нельзя, разве что извлечь уроки на будущее.

Подобно своим коллегам, Билл Маккой сделал должные выводы из случившегося и приступил к созданию собственного военно-морского флота. На каждом корабле установили 47-миллиметровые скорострельные орудия и крупнокалиберные пулеметы системы «виккерс». Этим делом занимался помощник Маккоя, бывший военный моряк. Он же вербовал наемников и при этом проявлял максимум рвения. Скажем, на «Аретьюзе», флагманском корабле, расчетами командовали бывшие артиллерийские квартирмейстеры Королевского флота, все — участники Ютландского боя, имевшие солидный боевой опыт.

Помощник расстарался на славу. В пулеметных лентах каждый третий патрон был разрывной. Кроме того, имелись трассирующие патроны специально для стрельбы в ночных условиях, а также зажигательные. Артиллерия тоже была обеспечена всеми видами боеприпасов: специальные пристрелочные снаряды, дающие при взрыве дымовые хвосты,

осколочные, фугасные…

— Мы разнесем их вдребезги, мистер Маккой, — торжественно обещал помощник своему боссу. Он даже предложил приобрести пару комплектов «ныряющих» снарядов, но Маккой выразительно постучал по лбу:

— Да ты совсем спятил, Кейн! Хватит того, что есть.

Грозный, вооруженный до зубов флот Маккоя вышел в море.

В трюмах кораблей находился груз на сумму два миллиона долларов (по ценам черного рынка).. Разумеется, прибытие такой крупной партии спиртного не удалось сохранить в тайне. К встрече груза готовились не только партнеры Маккоя по бизнесу, но и кое-кто еще.

Как и следовало ожидать, пираты напали в нейтральных водах, вблизи от 12-мильной полосы. На этот раз их было больше (видимо, для налета объединились несколько мелких банд), но Билл Маккой предусмотрел такой поворот событий.

Пиратов встретили дружными артиллерийскими залпами. В ответ они открыли огонь из пулеметов. Начался самый настоящий морской бой. Обе стороны сражались с равным ожесточением, не жалея патронов — ведь на кону было два миллиона долларов!

Через пять минут все было кончено. Немногие уцелевшие пираты поспешили удрать. В воде плавали обломки их катеров. По волнам шарили прожекторы. Время от времени гремели короткие пулеметные очереди: люди Маккоя добивали пиратов, которые сумели спастись с затонувших катеров. Из тумана появились корабли бутлегеров. Ящики с виски перешли в одни руки, деньги — в другие. Груз был доставлен в Монтаун без единой потери.

Мелкие банды, не сумевшие найти собственных поставщиков спиртного, тоже должны были как-то зарабатывать на хлеб насущный. Пиратствовать на просторах «ромового бульвара» стало слишком опасно, поэтому они перешли на новую тактику — засады на дорогах. Все делалось очень просто: поперек дороги ставился грузовик или валилось дерево, налетчики, вооруженные ручными пулеметами Томпсона, располагались по обочинам и, как только подходил конвой со спиртным, открывали шквальный огонь. Часто охранники даже не успевали выскочить из машин. Одними из первых в такую засаду влетели люди Большого Билла Двайера. Он потерял на этом полмиллиона долларов. Немедленно охрана конвоев была усилена. Вперед теперь посылалась разведка. Ронни Хиггинс был отстранен от командования флотилией «летающих катеров». Большой Билл поручил ему обеспечить безопасность перевозок товара на суше. Другие банды тоже позаботились об ужесточении мер

безопасности. Все время пути каждый стрелок держал палец на спусковом крючке. Огонь открывали не колеблясь — по каждой подозрительной машине. При этом не обходилось без казусов.

На развилке федеральной дороги № 25 столкнулись две колонны, ведомые Джо Адонисом и Ронни Хиггинсом. Нервы у того и у другого были на пределе. И вот, когда из-за поворота выскочили какие-то машины, набитые вооруженными людьми, мгновенно вспыхнула перестрелка.

Пронзительно визжали тормоза. Вдребезги разбивались вылетавшие из кузовов бутылки. Скорострельные «томпсоны» бешено прыгали в дрожащих руках. Скрипели судорожно сжатые зубы. Отчаянными прыжками гангстеры выскакивали из кабин, ибо каждая секунда промедления грозила смертью. Пули стригли траву, взбивали фонтанчики земли, гулко барабанили по бортам грузовиков. Убитые лежали неподвижно. Раненые корчились от боли и истекали кровью прямо под пулями. Прошло по крайней мере четверть часа, прежде чем удалось остановить это безумие.

Морщась от боли в простреленном плече, Джо Адонис предстал перед Чарли Луканиа.

— Кто это сделал? — прорычал сицилиец.

— Хиггинс, ирландское отребье!

— Ронни?! Но он же друг наших друзей!

— Он прежде всего безмозглый ирландский придурок, — отрезал Адонис.

Чарли забеспокоился:

— Эй, Джо, ты там не сказал ему ничего лишнего?

Адонис вздохнул:

— Нет, Чарли, я же понимаю, что можно говорить и кому. Но, скажу по чести, у меня руки так и чесались прострелить ему башку. Пятеро наших ребят убиты! Да еще чертовы ирландцы расколотили четыреста ящиков с виски.

— Я сейчас же займусь этим, Джо, — заверил Луканиа.

Большой Билл Двайер, тоже очень обеспокоенный, немедленно согласился на встречу.

— Мне очень жаль, Чарли, — первым делом сказал он. Луканиа с горечью покачал головой:

— В нашем бизнесе случается всякое. Что поделаешь!

Люди умные, они не стали предъявлять претензии друг к другу. Все происшедшее было названо трагической случайностью. Оба босса тут же разработали график движения конвоев и систему взаимного оповещения, чтобы впредь подобное не повторялось. Чарли и Большой Билл привлекли к этому делу всех своих друзей. Они создали нечто вроде координационного совета бутлегеров Восточного побережья. Совместными усилиями было

намного легче бороться с дикими бандами, контролировавшими дороги от Лонг-Айленда до Нью-Йорка. В дальнейшем «ромовый бульвар» работал как часы.

Глава 7
Ударом на удар

После убедительной победы демократов на выборах 1921 года в Манхэттене «Банда четырех» значительно прибавила в политическом весе. Всюду были друзья. Враждебным республиканцам достались жалкие крохи в виде муниципального комитета по переименованию улиц и прочих «контор» подобного рода. В любом государственном учреждении Фрэнк Костелло был желанным гостем, так как «смазной банк» выделил на финансирование избирательной кампании демократов полмиллиона долларов. Из некогда небольшой шайки «Банда четырех» трансформировалась в мощную, влиятельную структуру. Помимо Ист-Гарлема, новым территориальным приобретением стал Бронкс, в котором всеми делами заправлял кровавый беспределыщик Артур Флегенхаймер — или, как он сам себя величал, Датч Шульц.

Если Арнольд Ротштейн ограничился вложением пятидесяти тысяч в развлекательный комплекс «Эмбасси клаб», в котором веселились денежные мешки из Бронкса, более дальновидный Мейер Лански инвестировал в «предприятия» Шульца сумму в пять раз большую. На эти деньги был построен подпольный завод, выпускавший имбирное пиво, открыты игорные дома и бордели. Естественно, Шульц отдал предпочтение тому, кто заплатил больше. Почувствовав за спиной поддержку, он сразу подтвердил свой имидж беспредельщика, когда залез в Гарлем, на территорию Джека Даймонда, и попытался вырвать у последнего контроль над нелегальной лотереей «числа». Ни Чарли Луканиа, ни Арнольд Ротштейн не успели вмешаться. Громкая разборка в клубе «Хости-Тости» закончилась плачевно для Ноги Даймонда. Молодчики Шульца разгромили ресторанный зал, а сам Датч едва не прострелил владельцу заведения вторую ногу. Под угрозой оружия Даймонд поклялся, что уступит гарлемскую лотерею. На следующий день Шульц поставил в Гарлеме своих банкиров.

Возникший конфликт пришлось улаживать на высшем уровне. На встрече с Чарли Луканиа Арнольд Ротштейн предъявил довольно резкие претензии.

— Я сам готов застрелить этого дикаря, — раздраженно ответил Чарли.

— Нет, стрелять — это, пожалуй, лишнее, — заметил Ротштейн, — но надеть на него крепкую узду не помешает.

Ротштейн привез с собой двух специалистов по героину —

Якоба Катценберга и Джорджа Аффнера. Оба недавно вернулись из Гонконга, где налаживали контакты с местными производителями. Представители китайской триады гарантировали поставку ста килограммов порошка ежемесячно, и перед Ротштейном вплотную встала проблема размещения такого огромного количества белого зелья. Он смотрел вперед дальше всех. Было очевидно, что «сухой закон» рано или поздно отменят. И тогда главным вопросом для всех гангстерских боссов станет переориентация на такой же высокодоходный бизнес, каким был бутлегинг. Ротштейн не сомневался: единственный товар, на котором можно будет хорошо зарабатывать в будущем, — это наркотики. Поэтому в то время как другие вкладывали миллионы в операции с пойлом, Ротштейн потихоньку прибирал к рукам контроль над торговлей героином. Эти неприятности с Шульцем подоспели как нельзя кстати. В качестве компенсации Ротштейн потребовал допустить в Гарлем и Бронкс своих толкачей. Вопрос контроля над лотереей «числа» его не интересовал.

— Арнольд, ты знаешь мое правило, — сказал на это Луканиа, — я не имею дел с наркотиками. Если тебе надо — я не возражаю. Тогда пусть «числа» остаются у Шульца — и на этом конфликт исчерпан.

Ротштейн согласно кивнул:

— Все справедливо, Чарли. Я вложил деньги в этого подлеца и имею право на свой кусок. А Даймонд сам виноват — десять человек слышали его слова: «Датч, я уступаю». Тут уже ничего не поделаешь. Пусть продает в своем клубе мой товар, а деньги на реконструкцию скачаем с Шульца.

Чарли не возражал. Он позвонил Мейеру Лански и честно высказал все, что думает по поводу его протеже.

— По-моему, с ним надо распрощаться.

— Чарли, не делай этого, — уговаривал Лански, — парень крепко держит весь Бронкс. Ну, молодой, ну, горячий — с кем не бывает. А знаешь ли ты, что каждый месяц он отчисляет в наш банк целых сто кусков?

К тому времени раздражение в душе Чарли несколько улеглось. Он спокойно выслушал Мейера и проворчал:

— Ладно, черт с ним. Пусть живет. Пока. А там видно будет.

Лански со своей стороны пообещал более тщательно подходить к вопросу подбора кандидатов в банду. Следующий неофит, Луис Бачелтер из Бруклина, по прозвищу Лепке, произвел на сицилийца благоприятное впечатление. Неуклюжий, долговязый, с огромными навыкате глазищами, отличавшийся крайней неопрятностью в одежде, Лепке проявил во время собеседования максимальную покладистость. В Бруклине он

работал на Якоба Оргена, известного под кличкой Литл Оджи (Маленький Людоед). Однако специфика еврейских банд была такова, что каждый, номинально подчиняясь тому или иному боссу, имел право работать самостоятельно. Лепке являлся по первому зову Оргена, но что он делал лично для себя, на стороне — никого не касалось. Вместе со своим другом детства, Якобом Шапиро, Лепке занимался рэкетом в сфере торговли готовой одеждой. Именно в этом бизнесе ему требовалась поддержка «Банды четырех». Внимательно выслушав его, Чарли Луканиа сказал: «О'кей». Вслед за Лепке в банду был принят еще один еврей — Абнер Цвиллман по прозвищу Лонджи (Длинный), занимавшийся крупномасштабным бутлегингом в Нью-Джерси. В составе банды также появились новые итальянские гангстеры: Фрэнки Чех Скализе, Карло Гамбино, Альберт Анастасиа из Бруклина и еще один тип из Малой Италии — Вито Дженовезе. Дружбы Чарли Луканиа искали Томми Луччезе, Джо Бонанно, Джо Профачи, Том Рейна — «капореджиме» из семейств Маранцано и Массерия. В 1923 году оборот «Банды четырех» достиг двенадцати миллионов долларов. Чарли становился весьма заметной фигурой в преступном мире Нью-Йорка. Имея широкий круг друзей среди городских политиков, он считал себя неуязвимым. На первый взгляд это было верно. Когда Чарли попался полицейским в Джерси-Сити с незаконным стволом в кармане, то без проблем получил условный приговор. Однако никогда ему не приходило в голову жалеть о том, что он родился сицилийцем. Но, как ни странно, неприятности возникли именно по этой причине.

Издавна сицилийская мафия (или, как она именуется официально, Общество Чести) имела право по-своему решать судьбу каждого сицилийца. Кем бы он ни был — епископом или простым крестьянином. И хотя Малую Италию отделяли от Сицилии пятнадцать тысяч морских миль, законы жизни здесь оставались те же самые.

Власть мафии распространялась на всех иммигрантов без исключения. А кем, по существу, был Чарли Луканиа? Самым обычным сицилийским иммигрантом! Так рассуждал дон Сальваторе Маранцано, глава самой могущественной мафиозной семьи в Нью-Йорке. Но этот простой иммигрант здорово обскакал дона Сальваторе в бутлегерском бизнесе. Впрочем, трудности с алкоголем были не только у Маранцано, но и у всех прочих донов, исключая хитрого Фрэнка Айяле, который, пренебрегая обычаями предков, вел дела с евреями и потому немало преуспевал. Однако дон Сальваторе, Джузеппе Бальзамо, Чиро Терранова и Джо Массерия, неукоснительно соблюдавшие

древние традиции мафии, считали ниже своего достоинства даже разговаривать с потомками Иуды. А поскольку евреи держали в руках основные потоки контрабанды, мафия лишь издалека улавливала аромат миллионов гектолитров великолепного алкоголя — в то время, как тот же Луканиа просто купался в нем. Не имея в перспективе ничего лучшего, старые доны принялись гнать самогон. Рецепты заимствовали у фермеров. Самогонные аппараты устанавливали везде, где только можно: в домах иммигрантов, в гаражах, в подвалах. Доны безжалостно обдирали своих земляков, платили им по десять центов за литр пойла, которое потом продавали по цене девять долларов. Дым от тысяч аппаратов день и ночь облаком клубился над Малой Италией — как смог над Лондоном. Более предприимчивые бутлегеры зло смеялись над мафией. Томми Луччезе едва не пристрелил Карло Гамбино, когда тот вздумал спросить:

— Знаешь, почему Маранцано так часто ходит в церковь? Оформляет великомучениками всех, кто травится его самогоном!

Дон Сальваторе прекрасно понимал необходимость перемен. Но, опять же, по-своему. Он решил просто надавить на самого преуспевающего молодого бутлегера — Чарли Луканиа, который, будучи сицилийцем, хорошо знал, что такое мафия.

Сальваторе Маранцано назначил Чарли встречу на своей территории, в ресторане «Палермо». Старый дон, несмотря на традиционную для сицилийцев ограниченность, был в своем роде уникальным типом. Он свободно владел пятью языками, в том числе латынью и греческим. Большой знаток истории древнего мира, Маранцано особенно восхищался Гаем Юлием Цезарем и старался во всем подражать великому римскому императору. Кроме того, дон Сальваторе обожал бросаться крылатыми латинскими фразами вроде: «Mortem effugere nemo potest»[11].

При появлении Чарли Луканиа Маранцано вышел ему навстречу и напыщенно произнес: «Salutami, juve Caesar!»[12]. После чего разразился назидательной тирадой на латыни, в которой молодой сицилиец уловил только одно знакомое слово: «pater», ибо в детстве слышал его от матери, читавшей на ночь «Отче наш».

Немного смутившись, Чарли ответил на сицилийском:

— Мой отец вполне здоров, дон Сальваторе, чего желаю вам и всем вашим родным.

Маранцано резко перешел на родной язык:

— Нет, я не спрашивал о твоем отце, потому что у тебя нет семьи.

Глаза Чарли вспыхнули негодованием, когда он услышал этот истинно сицилийский упрек.

— Тебе не нравятся мои слова? — спросил дон Сальваторе. — Но я сказал то, что есть. Разве настоящий сицилиец, настоящий galantuomo, устыдится своего имени? Разве станет он путаться с жидами? Кто его будет после этого уважать?

От ярости у Чарли свело скулы. С ним обращались, как с обвиняемым! Он сделал глубокий вздох, чтобы не сорваться, и твердо произнес:

— Дон Сальваторе, если вы меня не уважаете, то это не значит, что не уважают все. Если все, что вы хотели мне сказать, уже сказано, тогда я пойду. У меня, знаете ли, очень много дел.

— Не торопись, мой мальчик, — невозмутимо ответил Маранцано, — ты умен и поэтому понимаешь, что спешка иногда очень вредна. Конечно, я сказал тебе не все, что хотел. Я позвал тебя, чтобы оказать тебе помощь.

— Помощь? Мне?! — Чарли не скрывал своего удивления.

Маранцано говорил вдохновенно, крепко запутывая в паутине слов:

— Все сицилийцы одна большая семья — cosca. (Старый хитрец умышленно употребил это слово, так как на сицилийском диалекте оно означает одновременно два понятия: просто семья и семья мафии.) Во главе нашей большой cosca стоит capo di tutti capi, отец всех сицилийцев. Таким был дон Виттоне Ферро. И таким скоро стану я.

— А как же Джо Массерия? — коварно спросил Чарли. — Он вроде бы тоже метит в главные боссы? Недаром его так и зовут: Джо Босс.

При упоминании имени Массерии дон Сальваторе сморщился, будто проглотил лимон.

— Ему не быть capo di tutti capi, потому что он carogna[13]. Поставив на него, ты совершишь самую большую в своей жизни ошибку. Исправь ее, пока не поздно, Сальваторе, войди в мою семью и, клянусь именем господа, — при этих словах Маранцано перекрестился — ты станешь первым из моих сыновей!

Луканиа никак не ожидал такого поворота событий. Он меньше всего хотел подчиняться кому бы то ни было. Осторожно подбирая слова, Чарли сказал:

— Дон Сальваторе, вы перестали бы мне доверять, если бы я не поразмыслил как следует над вашим предложением.

— Что ж, подумай. — Маранцано разломил хлеб на два куска, посыпал солью, натер чесноком и протянул один Чарли. После хлеба выпили по стакану красного вина. Отказываться было нельзя — таков обычай. Ни к чему не обязывающее прощание — и вместе с тем эзотерический символ кровных «семейных» уз. Как сама жизнь в Сицилии: противоречивая, скользкая и

беспощадная.

На следующий день Чарли отправил своего шофера Джино в «штаб-квартиру» семьи Маранцано на Парк-авеню. В письме, написанном по-сицилийски, он сообщал, что не чувствует себя готовым взвалить на свои плечи столь серьезную ответственность и вообще это слишком большая честь для него. В виде бесплатного приложения к письму дон Сальваторе получил ящик виски «Кинг рансом» двенадцатилетней выдержки. Таким образом Чарли Луканиа позолотил пилюлю. Ознакомившись с содержанием письма, Маранцано разорвал его в мелкие клочья, немного подумал и со вздохом произнес: «Manum necessarium — necessarium»[14].

…Две недели спустя Вито Дженовезе бомбой влетел в апартаменты Луканиа в отеле «Кларидж»:

— Послушай-ка, Чарли, у меня на руках шикарная комбинация!

По радио передавали новости об очередной кровавой разборке в Бруклине. Только что был убит Натан Кид Дроппер Каплан, главарь одной из еврейских шаек. Неохотно приглушив звук, сицилиец кивнул головой в сторону приемника:

— Слышал? Это наш друг Лепке отличился. Его работа.

— Да к черту Лепке! — нетерпеливо сказал Дженовезе. — Ты лучше меня послушай!

— Ну, в чем дело, Вито?

— Я только что разговаривал с Питти Лагайпой. Он бегает по всей Малой Италии, ищет деньги. Ему надо помочь.

Луканиа сдвинул брови, пытаясь вспомнить:

— Лагайпа… Пит Лагайпа… Что это за тип?

— Вряд ли ты его знаешь. Он из молодых. Толкает героин на 109-й улице.

— Героин? — Чарли нахмурился. Он знал, что у Вито сдвиг на наркотиках. Дженовезе постоянно носился с идеей монополизировать торговлю героином в Манхэттене и утверждал, что в первый же год на этом можно заработать три миллиона долларов.

— Надо вложить всего лишь двадцать кусков, — рассказывал Дженовезе. — Питти говорит, что дело сулит двести пятьдесят тысяч чистыми.

Луканиа махнул рукой:

— Нет, я не согласен. Не втягивай меня во все это.

— Чарли, ты же умный парень, — терпеливо подзуживал Вито, — ты не теряешь свои деньги. На каждый вложенный доллар придется семь долларов прибыли. Как видишь, это серьезные бабки.

— Проклятье, я дважды попадал в дерьмо с этими наркотиками!

— Что тебя беспокоит, Чарли? Ведь ты же тут ни при чем. Главный риск берет на себя Пит Лагайпа. Твое дело только обеспечить финансовую поддержку. Все просто. Зачем отказываться от неплохих денег, которые сами плывут в руки?

Вито не вышел из номера, пока не добился своего.

— Ладно, — проворчал Чарли, — только сначала я сам встречусь с этим пушером.

Встреча состоялась в бильярдной Сарди на 106-й улице. Питер Лагайпа по кличке Биг Ноуз (Большой Нос) оказался бледным, тощим, вертлявым типом с мутными глазами неопределенного цвета. Свою кличку он получил за пристрастие нюхать героин через трубочку. Всякий раз после очередной «дорожки» ноздри Лагайпы чудовищно разбухали и наливались кровью. Этот парень сразу не понравился Чарли. Впрочем, обыкновенный уличный подонок, крепко привязавшийся к героину и зарабатывающий на жизнь его продажей, не мог выглядеть иначе. Преодолев отвращение, Луканиа бросил:

— Ну, рассказывай.

— В Чайна-Тауне есть один желтый, — заторопился Лагайпа, — на днях он привез из Гонконга партию товара. Я так понял, тип хочет открыть здесь свой канал, поэтому для начала продает очень дешево.

— «Дешево» — это сколько? — перебил Чарли.

— Пятнадцать грантов за килограмм. Порошок чистый. Восемьдесят процентов. Я пробовал. Его можно разбавить в пять раз. Десять тысяч у меня есть. Одолжите мне еще двадцать, и мы купим два кило. Ваша доля — сто пятьдесят плюс долг, всего, значит, получится сто семьдесят. Если вы решите брать больше, ну, скажем, килограммов семь-восемь, желтый уступит за пятьдесят. В общем, все как обычно, правила в этом бизнесе вы знаете.

Луканиа задумался. Килограмм героина, доставленный из Гонконга в Нью-Йорк, стоил как минимум двадцать пять тысяч. Если парнишка не врет, то дело действительно очень выгодное и отказываться глупо. Да и с чего бы ему врать? Кто он такой? Одно слово Чарли — и от этого наркомана мокрого места не останется.

— Хорошо, — наконец произнес сицилиец, — я дам тебе пятьдесят тысяч. Но если что-то случится с этими деньгами, ты пожалеешь, что появился на свет. Понял?

Питер Лагайпа доставил товар в условленное место — небольшое кафе на Малберри-стрит. Восемь килограммов героина были разложены по одному в пластиковые пакеты и аккуратно

упакованы в металлический контейнер. По требованию Чарли Лагайпа вскрыл один пакет. Попробовав на язык несколько кристаллов, сицилиец ощутил во рту знакомую горечь. Это был настоящий героин, но его чистоту еще предстояло проверить. Отмерив по одному грамму из каждого пакета, Чарли положил образцы в карман. Джо Адонис ждал его в отеле вместе с известным специалистом, который в считанные минуты мог определить степень чистоты героина с точностью до полпроцента.

Чарли вышел на улицу. Из припаркованного рядом черного «Бьюика» тотчас выскочили трое крепких мужчин. От удара в живот Луканиа согнулся пополам. Еще секунда — и на его руках щелкнули наручники. Перед глазами мелькнул полицейский значок.

— Отдел по борьбе с наркотиками! — рявкнул грубый голос с ирландским акцентом. — Вы арестованы по подозрению в торговле героином. Имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас. Ты все понял, засранец?

Копы ловко обыскали ошеломленного сицилийца. Из кармана пиджака на свет божий были извлечены восемь бумажных свертков. Изъятие наркотиков оформили тут же, на месте.

— Ну все, парень, — здоровенный фараон схватил Чарли за шею и швырнул в машину, — теперь ты к нам надолго.

…Офицер, допрашивавший Чарли, сразу взял доверительный тон:

— Мистер Луканиа, вы видите, у меня в руках ваше старое уголовное дело, тысяча девятьсот шестнадцатого года. Уверен, вы знаете, что это означает. На всякий случай напомню, что по законам штата Нью-Йорк повторность является фактором, существенно отягчающим вину. Сейчас вам… — офицер сверился с делом, — двадцать шесть лет. Если вы будете молчать, играть в эдакое блатное благородство, тем самым себя погубите. Вам обеспечено тюремное заключение сроком от двадцати до тридцати лет. Ваши лучшие годы пройдут в вонючей железной клетке. Неужели это вас не беспокоит?

— Офицер, произошла ошибка, — уверял Чарли, — я давным-давно завязал с этим бизнесом. Не верите мне — спросите у своих осведомителей. Они вам подтвердят. Героин, который у меня нашли, я брал для себя. Я просто хотел немного расслабиться, вот и все.

Полицейский усмехнулся:

— И поэтому расфасовали порошок по весовым граммам, как это делают розничные торговцы? Не смешите, Луканиа.

— Я хотел угостить друзей.

— Кого конкретно? Назовите имена.

— Офицер, ни к чему беспокоить этих уважаемых людей. Они ни в чем не виноваты.

— Луканиа, перестаньте! Вам грозит тридцать лет тюрьмы. Все улики налицо. Тем более вас взяли с поличным. Назовите своих сообщников, и я гарантирую, что вы предстанете перед судом как свидетель.

— Я ни в чем не виноват!

Слащавая улыбочка медленно сползла с лица офицера.

— Вижу, вы не хотите нам помочь. О'кей, сейчас с вами поговорят другие люди.

Чарли заперли в небольшой пустой камере. Ему пришлось томиться в ожидании не более пяти минут. В камеру вошли трое мордоворотов. Каучуковые дубинки в их мощных ручищах казались безобидными прутиками. Верхние пуговицы на форменных рубашках были расстегнуты, рукава по-хозяйски закатаны. Рядом с этими громилами Чарли сам себе показался пигмеем.

Полицейские не произнесли ни слова. Допрос шел при помощи дубинок. Подвешенный за руки к потолку, Чарли первые минуты только шипел сквозь судорожно сжатые зубы, но потом закричал. Этот страшный нечеловеческий вопль раздираемого болью тела отчаянно бился в каменные стены.

— Говори, подонок, или останешься без почек! — орали полицейские. Скованный по рукам и ногам, Чарли зубами рвал кожу на плечах, пытаясь хоть немного заглушить одну боль другой. Истязатели работали поочередно: один бьет, двое отдыхают. Таким образом обеспечивалась «непрерывность процесса». Примерно через два часа сицилиец сломался.

— Я буду говорить. Нет, ни одного имени не назову. Но я могу сказать, где хранится все это дерьмо, вся партия. Там восемь килограммов. Это будет ваша самая большая удача за год. Вы станете знаменитыми. Без трепотни. Но взамен вы должны выпустить меня отсюда.

Полицейские переглянулись.

— Ну-ка, Дик, сходи к лейтенанту, спроси, как ему эта идея, — приказал старший.

Оформление необходимых бумаг заняло около пяти часов. Лейтенант Мэйсон запросил согласие прокуратуры. Окружной атторней подписал все подготовленные документы. Оперативная группа, направленная в кафе на Малберри-стрит, обнаружила контейнер с героином. Вечером все газеты вышли с фотографиями Линдона Мэттингли, шефа Нью-Йоркского отдела по борьбе с наркотиками, который искренне считал себя героем

дня. Все это время Чарли Луканиа лежал на койке в камере и скрипел зубами от боли. Иногда вставал, держась руками за стену, подходил к параше и мочился кровью. Но самые большие неприятности ожидали его на свободе.

По всей Малой Италии люди Сальваторе Маранцано распространяли слухи, что Луканиа скурвился, стал стукачом. Хуже всего было то, что слухи эти имели под собой реальное основание. Репутация Чарли серьезно пострадала. Многие итальянские гангстеры поверили Маранцано и отшатнулись от него. Старый дон крепко поквитался с ним, это надо было признать. Чарли, вынужденный скрываться от позора в отеле «Кларидж», еще очень долго приходил в ярость при одном упоминании имени Вито Дженовезе. Тот, понимая, что своей жадностью подставил босса, стремился не попадаться ему на глаза. Расправиться с Питом Лагайпой не удалось, он куда-то исчез из города. И скорее всего навсегда. Даже Фрэнк Костелло, наиболее верный друг, хмуро советовал:

— Чарли, для тебя сейчас наступили не самые лучшие дни. Сделай вид, что ты отошел от дел. Покажи этому ублюдку Маранцано, что зализываешь раны. Пусть все немного успокоится. А там видно будет, что делать.

Случай вернуть уважение своему имени представился Чарли Луканиа неожиданно быстро. Видимо, фортуна, таинственная «Леди Лак», явно благоволила к нему.

На сентябрь 1923 года в Нью-Йорке был назначен бой за звание чемпиона мира по боксу в тяжелом весе. На этот титул претендовал Луис Анджело Фирпо по прозвищу Дикий Бык. Против него выступил чемпион мира 1922 года легендарный Джек Демпси. В течение нескольких дней цены на восемьдесят две тысячи мест в спорткомплексе «Поло граунд» подскочили до небес. Самые предприимчивые любители бокса искали помощи у гангстеров, которые могли достать любой товар, пользующийся широким спросом. Первым к Чарли обратился Бен Джимбе, владелец сети крупных магазинов. Он хотел иметь два места за любые деньги. Было вполне вероятно, что подобные просьбы поступят еще в ближайшие дни. И тогда у Чарли возникла гениальная идея. «Достаньте мне двести билетов, — сказал он Фрэнку Костелло и Мейеру Лански, — цена меня не интересует». Позднее Чарли признался, что эта затея обошлась ему в двадцать пять тысяч долларов. Заполучив билеты, он объявил, что собирается пригласить сто друзей, которые могут привести еще кого-нибудь по своему желанию. С этого момента дозвониться в отель «Кларидж» стало практически невозможно. Конечно, нашлись недовольные, но 14 сентября 1923 года две сотни новых

«друзей» приветствовали Чарли Луканиа из разных уголков зала.

Чарли в этот торжественный день надел темносерый костюм, белую шелковую рубашку, французский галстук от Шарле. С застывшей на лице улыбкой он едва успевал отвечать на приветствия и комплименты видных политических деятелей, звезд богемы, знаменитых спортсменов. «Все, даже судьи, гордились тем, что втиснули свои ж… в предоставленные мной кресла», — рассказывал Чарли после окончания боя, который длился всего два раунда. Самое интересное заключалось в том, что после столь короткого удовольствия Джимми Хиннес и Али Маринелли, «демократы номер один и номер два» в Нью-Йорке, не смотались под шумок, а подошли поблагодарить Чарли. Ричард Энгрис, шеф городской полиции, до боли тряс ему руку. Это был день великого триумфа!

Бурная радость Чарли несколько поутихла, когда к нему направился Сальваторе Маранцано с четырьмя своими телохранителями. Багси Сигел и Джо Адонис на всякий случай встали рядом. Однако старый дон добродушно сказал:

— Самый главный чемпион сегодня — это ты, Сальваторе Луканиа. Тебе достался самый большой приз.

Маранцано с усмешкой обвел глазами полицейских, судей, политиков, стоявших за спиной низкорослого, смуглого сицилийца.

— Приходи завтра в мой ресторан. Есть важный разговор.

Луканиа нахмурился:

— Нам не о чем разговаривать.

Одна бровь дона угрожающе поползла вверх.

— Надеюсь, ты не хочешь проявить ко мне неуважение?

— Хорошо, я приду, — процедил Чарли.

На этой встрече он не услышал от Маранцано ничего нового. Дон Сальваторе много говорил об уважении, о чести, о несокрушимом единстве всех сицилийцев. Вернувшись в «Кларидж», Чарли собрал Адониса, Дженовезе, Костелло, Лански и Сигела, чтобы совместно обсудить ситуацию. Никто из них, даже «дипломат» Костелло, не верил в искренность намерений Маранцано. Особенно Мейер Лански и Багси Сигел, которые, будучи евреями, первыми попадали под удар. Следующими, по идее, должны были исчезнуть Костелло, Дженовезе и Адонис, потому что неаполитанцам дон Сальваторе тоже не доверял. А уже последней наступит очередь Чарли, поскольку он не уважает старые обычаи и не носит усы[15].

Мейер Лански подвел резюме:

— Пока мы вместе, с нами ничего не случится и мы сами сможем любого загнать в гроб.

На этот раз Чарли не стал посылать подарки дону Сальваторе, а просто позвонил и ответил на его предложение коротким, сухим отказом. Сейчас же «Банда четырех» перешла на военное положение. На улице они держались группами по три-четыре человека, поскольку так было легче отбить внезапное нападение. Однако Маранцано не решился на открытую войну. Он помнил о своем главном враге — Массерии, который не замедлит ударить в спину, стоит только пролиться первой крови в Вест-Сайде. Одновременно воевать и против «Банды четырех», и против Джо (Босса) Маранцано было не под силу. В случае необходимости он умел быть благоразумным. Старый дон избрал иной способ пощекотать нервы молодым гангстерам.

Примерно год назад Чарли Луканиа наладил деловые контакты с Никки Джонсоном, который контролировал Атлантик-Сити, крупнейший курорт на Восточном побережье. Помимо отелей, казино и публичных домов, Джонсон занимался контрабандой. Два раза в неделю в маленькие бухточки к северу и югу от Атлантик-Сити прибывали корабли из Европы, загруженные спиртным. Товар тут же перемещался в кузова грузовиков, которые следовали в Нью-Йорк через сосновые леса Нью-Джерси. Чарли Луканиа составил четкий график движения конвоев. Однако в ночь с 4 на 5 марта 1924 года очередной груз в Нью-Йорк так и не прибыл. Особенно сильно переживал Фрэнк Костелло, потому что конвой вел его брат Эдди.

Эдди Костелло не суждено было вернуться из этой поездки. Где-то в лесах, примерно на полпути до Нью-Йорка, колонну грузовиков атаковали неизвестные гангстеры. С обеих сторон дороги они открыли плотный пулеметный огонь. Ни у кого из тех, кто находился в машинах сопровождения, шансов выжить не было. Если конвой влетал в засаду, то первый, самый сильный удар принимали на себя именно они.

Эдди Костелло погиб в первые минуты боя. Чуть позже были убиты все остальные охранники. Расстреливать водителей пулеметчики не стали. Мейер Лански оценил понесенный ущерб в семьсот тысяч долларов. Фрэнк Костелло был безутешен. Он не скрывал своих слез. Чарли Луканиа положил руку на плечо старого друга и сказал:

— Фрэнки, я клянусь, мы отомстим за твоего брата. Ответим Маранцано ударом на удар.

Но через два дня случилось нечто, болезненно ударившее по карману каждого из «Банды четырех». Федеральная полиция провела большой рейд на севере Манхэттена. Все нелегальные склады спиртного были разгромлены. Пострадал даже Арнольд Ротштейн, который вплотную занимался только героином, а

снабжение своих заведений спиртным доверил Чарли Луканиа. «Банда четырех» оказалась на пороге реального финансового краха. Владельцы ресторанов предъявляли Чарли претензии, жаловались на «засуху» и угрожали обратиться за помощью к Маранцано. В сопровождении Джо Адониса Луканиа помчался в Атлантик-Сити.

В белоснежном костюме, с красной гвоздикой в петлице, Никки Джонсон встретил их очень радушно. Однако Чарли было не до дружеских объятий:

— Ник, если ты срочно не достанешь для меня партию пойла, я вылечу в трубу. Готов заплатить любые деньги. Выручай!

Джонсон не спеша раскурил длинную гаванскую сигару:

— Чарли, ну что я могу сделать? Прибытие груза ожидается завтра в Вентор-Бэй. Но помочь тебе я ничем не могу, и дело тут не в деньгах. Понимаешь, этот груз уже куплен.

— Неважно. Я перебью цену. Кто этот тип?

Никки улыбнулся:

— Это Сальваторе Маранцано.

— Вот те раз, — заметил Джо Адонис, — оказывается, старый дурак решил завязать с самогоном. Надо же, а?

Луканиа хмуро сказал:

— Если я не могу купить пойло, тогда отберу его силой. Как следует плюну в рожу этому старому мерзавцу.

— Я слышал, Маранцано навел на тебя полицию? — спросил Джонсон. — Мне это трудно понять. Конфликты между нами не касаются никого. Тем более незачем вмешивать в эти дела легавых.

— Ты говоришь, Вентор-Бэй? — уточнил Чарли.

— Да. Вот здесь, — Джонсон показал на карте, — завтра в десять часов вечера.

— Спасибо. Это все, что мне надо знать. Я не забуду о твоей услуге, Никки.

«Банда четырех» устроила засаду в лесах Нью-Джерси. По обеим сторонам дороги расположились Чарли Луканиа, Мейер Лански, Багси Сигел, Лепке Бачелтер, Гюрах Шапиро, Док Стэйчер, Фрэнк Скализе и Томми Луччезе с автоматами Томпсона. Путь преграждала поваленная пихта.

Около часа ночи показалась головная машина — лимузин с охраной. Охранники сразу заметили дерево на дороге и с ходу стали стрелять по обочинам. Но ответный огонь был настолько уничтожающим, что ровно через двадцать секунд в лимузине не осталось ничего живого. Задняя машина прикрытия развернулась и исчезла за поворотом. Из кабин первых трех грузовиков затрещали винтовочные выстрелы. Немедленно окна кабин

попали под перекрестный огонь. Битое стекло брызнуло пополам с кровью. На этом сопротивление прекратилось. Водители изо всех сил тянули руки вверх. Оружие было брошено на дорогу. Убивать водителей посчитали излишним. Пострадал только один из них, которому Джек Даймонд проломил голову прикладом. Забравшись в кабины, гангстеры повели грузовики в Вест-Сайд.

На следующий день во всех ресторанах снова кипело веселье. Добытое с боем виски золотилось в хрустальных бокалах. Бутлегеры демонстрировали Чарли Луканиа свое уважение. Мейер Лански нежно похлопывал ладонью плотные пачки долларов. Даже Фрэнк Костелло оживился, ибо его брат был отомщен. На этот раз серьезно пострадала репутация Сальваторе Маранцано. Молодые гангстеры одним ударом сравняли счет, а старый дон затаился.

Не был забыт и Никки Джонсон. Луканиа, Сигел, Костелло и Лански единодушно решили перевести на его счет десять процентов всей выручки, хотя Джонсон был человеком довольно богатым и лишние сто тысяч для него погоды не делали.

Глава 8
В когтях Джо Массерии

Манхэттен считался традиционной вотчиной демократической партии. Технология работы с избирателями оттачивалась здесь десятилетиями. Фальшивые бюллетени, оформление «мертвых голосов», предвыборное заселение избирательных округов — что только не пускалось в ход! Поскольку большинство населения в Манхэттене составляли безграмотные иммигранты, ничего не слышавшие о правах гражданина, с ними не особенно церемонились. Трудно сказать, в чью именно гениальную голову пришла идея воздействовать на массы при помощи местных гангстерских боссов. Гангстеры охотно выполняли всю грязную работу: вправляли мозги активистам конкурирующей партии, запугивали несговорчивых членов избирательных комиссий и пересчитывали ребра кое-кому из самих избирателей. Слово человека вроде Фрэнка Айяле или Денни Михана было законом в гетто. Таким образом, интересы политиков и гангстеров совпадали на ниве совместного, а главное — плодотворного труда во время избирательных кампаний.

Находчивый Фрэнк Костелло разработал новую технологию «подмазки» избирателей. От имени того или иного политика производилась бесплатная раздача продовольствия и распределение прочей безвозмездной помощи беднякам, детям из многодетных семей, старикам и даже завсегдатаям кабаков, которых угощали дармовыми сигарами. Все расходы брал на себя «смазной банк», суммы уходили столь значительные, что благодарные демократы решили представить Костелло самому Джимми Хиннесу, председателю нью-йоркского клуба демократической партии. Чарли Луканиа горячо поддержал эту идею. «Ты знаешь, Фрэнки, разговаривать с типами вроде Хиннеса я не мастак. Это твоя работа, но не забудь сказать ему, что я твой старый друг», — наставлял он Костелло.

Клуб, официально именуемый «Таммани-Холл», еще пятнадцать лет назад получил почетный титул «гнездо коррупции». Тем не менее скандальная репутация ни в коей мере не умаляла его влияния на городскую политику. Через «Таммани-Холл» прокручивались огромные деньги. Знакомство с демократом номер один открывало для Фрэнка Костелло и его друзей такие перспективы, от которых захватывало дух.

Джимми Хиннес, высокий, представительный брюнет с широким волевым лицом и заученной профессиональной

улыбкой политикана, встретил Фрэнка Костелло очень приветливо. Вероятно, ему сообщили точный размер суммы, внесенной этим итальянцем на нужды демократов в Манхэттене. Джимми Хиннес, как природный американец, уважал и почитал Доллар. Едва взглянув на Костелло, он сразу определил, что этот малый — большой ловкач и проныра, а такие типы ему всегда импонировали. Улыбнувшись как можно шире, Джимми сердечно потряс руку итальянца:

— Мистер Костелло, очень рад с вами познакомиться. Весьма наслышан о вашей бескорыстной поддержке кандидатов от нашей партии. Полагаю, мы будем сотрудничать в дальнейшем и станем добрыми друзьями. Садитесь, прошу вас.

Изящным жестом холеной руки Хиннес указал на кресло. Усевшись напротив, оба проходимца принялись осторожно присматриваться друг к другу.

— Мистер Хиннес, — церемонно произнес Костелло, — хоть я и не коренной американец, но испытываю глубокое почтение к демократическим ценностям этой страны, олицетворением которых является ваша партия. В знак моего уважения к демократической партии и лично к вам я прошу вас принять вот эти чеки на сто тысяч долларов — один от меня, другой от мистера Луканиа.

При упоминании имени Чарли Хиннес уважительно склонил голову:

— Мистер Луканиа — ваш друг?

— Мы знаем друг друга с детства, — ответил Костелло. Далее фарс разыгрывался, как по нотам. Джимми Хиннес искренне благодарил Костелло за щедрое пожертвование. Костелло торжественно обещал, что будет делать такие пожертвования и впредь. Хиннес, в свою очередь, предложил заглядывать на огонек в «Таммани-Холл», уверяя, что отныне Костелло здесь всегда желанный гость. Тут Фрэнк забросил пробный шар — предложил Хиннесу долю в неких высокодоходных коммерческих проектах, что-де поможет значительно пополнить избирательный фонд демократической партии. Чуть понизив голос, Джимми попросил назвать конкретную цифру. «Пятьсот тысяч в год, — ответил Костелло, — но это для начала. По мере продолжения нашего сотрудничества сумма будет соответственно возрастать».

Никто и никогда не предлагал Джимми Хиннесу таких денег. Лоббирование интересов кое-каких сомнительных личностей приносило ему не более двухсот тысяч в год. Кое-что он зарабатывал сам, играя через подставного маклера на фондовой бирже. Но Фрэнк Костелло вел по-настоящему большую игру, ставки в которой исчислялись миллионами. Демократ номер

один перестал улыбаться. Дело затевалось нешуточное. Джимми хорошо помнил поговорку: «Большие деньги — большая грязь». Он еще не знал, какого рода услуги потребует от него этот тип. Но если сказать «да», потом не открестишься. Вежливый, скромный, ничем особым не примечательный итальянец обладал мертвой хваткой — Джимми чувствовал это. Костелло ждал, молча играя золотой цепью от часов.

— Знаете что, — сказал наконец Джимми Хиннес, — я дам вам номер моего секретного телефона. Этот номер не знает никто. Я пользуюсь им в экстренных случаях и после этого сразу меняю. Позвоните мне завтра, часа в четыре.

— Конечно, конечно, мистер Хиннес, — с готовностью отозвался Костелло, — как вам будет угодно.

Он улыбнулся, но это уже не действовало. Демократ номер один встал, давая понять, что разговор окончен.

— Надеюсь, на выборах 1925 года республиканцев из Манхэттена вывезут на осле[16], — произнес Джимми, протягивая руку.

— О, я нисколько не сомневаюсь, мистер Хиннес, — бодро ответил Костелло, — особенно если такие парни, как мы, вместе над этим поработаем.

Чарли Луканиа с нетерпением ожидал Фрэнка в роскошных апартаментах отеля «Кларидж». Сияющая физиономия Костелло говорила сама за себя:

— Чарли, он у нас в руках! Смотри, вот номер его секретного телефона.

— Может, подождем? — Сицилиец, как всегда, не спешил говорить «гоп». Костелло энергично рубанул воздух ладонью:

— Нет и еще раз нет, дружище! Никуда он от нас не денется. А знаешь почему? Потому что только от нас зависят результаты выборов в Вест-Сайде, в Гарлеме, в Бронксе, даже на Статен-Айленде. Мы вложили в это дело почти полтора миллиона. Хочешь пари?

Сицилиец улыбнулся:

— Фрэнк, мы же не какие-нибудь чокнутые янки, чтобы заключать пари по любому поводу. Но если этот тип будет с нами, — задумчиво произнес Чарли, — тогда мы сможем закрепиться в Бруклине и даже на Лонг-Айленде.

Как оказалось, Фрэнк Костелло отлично знал психологию политических деятелей. На следующий день сделка с Джимми Хиннесом состоялась. Тем не менее судьба не слишком баловала Чарли Луканиа. Вслед за большой удачей она уготовила ему крупные неприятности.

В ноябре 1924 года у «Банды четырех» возникли новые

проблемы с мафией. На этот раз со стороны Джузеппе Массерии, а не Маранцано.

В юности Пеппе Массерию отличало некоторое, не свойственное сицилийцам, вольнодумство. Свою карьеру он начинал в известной «Банде пяти точек», где был представлен весь манхэттенский сброд, начиная с англосаксов и заканчивая сицилийцами, подонками из подонков. Позднее эта разношерстная команда распалась, подарив преступному миру целую плеяду новых жестоких главарей. Массерия, сумевший завоевать авторитет, сколотил небольшую банду из молодых сицилийцев, которые, чтобы выбиться в люди, были готовы на все. Выходец из Кастелламаре-дель-Гольфо, горной провинции к юго-востоку от Палермо, новоявленный сицилийский главарь отлично разбирался в законах мафии. Пичкая молодежь так называемыми «заповедями человека чести», Массерия старался демонстрировать непоколебимую преданность старым обычаям, чем заслужил похвалу дона Вито Ферро, первого «капо ди тутти капи» на американской земле. В 1907 году состоялось его посвящение в Организацию. Теперь, официально став членом Общества Чести, Массерия имел право основать собственную империю. Свою семью он постоянно закалял в бесчисленных схватках с бандами неаполитанцев и калабрийцев. Теперь, став на один уровень с главарями других семейств, Массерия послал к черту устаревшие догмы сицилийского образа жизни: сменил имя Джузеппе на Джо, требовал, чтобы подчиненные называли его чужеродным словом «босс», вовсю изменял жене с проститутками и перестал жертвовать на нужды католической церкви. Такие традиционные мафиозо, как Маранцано, Бальзаме, Морелло, крепко державшиеся старины, не уважали Массерию. Но Джо Босс плевать хотел на них, он упивался властью и безжалостно третировал своих людей.

Массерия демонстрировал самодурство даже там, где это было совсем не к месту. Отправив своего «капореджиме» Джо Пинцоло к Чарли Луканиа, он приказал:

— Передай этому недомерку, что у меня есть для него пара слов. А если вдруг он заартачится, скажи ему — я сам приду и оторву ему яйца.

Получив такое «дружеское» приглашение, Чарли счел за благо не спорить и отправился в офис Массерии на Второй улице. Он не мог позволить себе роскошь иметь сразу двух врагов в лице и Маранцано, и Массерии.

Джо Босс не стал обнимать Чарли, как того требует сицилийский обычай гостеприимства. Он даже не поднял свою задницу из кресла, чтобы просто пожать руку человеку, которого

сам же пригласил. Впрочем, Чарли и не ожидал иного приема. Колоссальное самомнение Массерии было ему отлично известно.

— Здравствуй, Джо, — сказал Чарли, без приглашения усаживаясь в кресло. — Ты хотел меня видеть? Зачем?

Мусоля во рту громадную сигару, Массерия процедил:

— Затем же, что и старый дурак Маранцано. Я предлагаю тебе вступить в мою семью. Только не надо мне тут пустой болтовни, — прикрикнул он, когда Чарли открыл было рот, — насчет того, что тебе надо подумать. Если Маранцано такой кретин, что несколько раз позволил прищемить себе…, то со мной этот номер не пройдет, даже не надейся, молодой. Мы договоримся прямо здесь и сейчас — или тебя вынесут отсюда ногами вперед и отправят к мамочке. Неслыханное дело: сицилиец, а старших не уважает!

Чарли почувствовал, что Джо Босс как следует припер его к стенке. Этот человек не признавал никого и ничего. Он запросто мог шлепнуть Чарли тут же, в кабинете, завернуть труп в ковер и тихо заложить в фундамент. Такой оборот событий совершенно не устраивал молодого сицилийца. Он слишком любил жизнь.

— Хорошо, я согласен.

Массерия весело скалил зубы:

— Правду болтают, что ты умный парень.

— Но есть одно условие, — в голосе Чарли появилась резкость.

— Я ничего не говорил об условиях, — зарычал Массерия.

— Я говорю, — отрезал Чарли. С минуту они сверлили друг друга глазами. Однако по законам мафии Луканиа имел полное право выдвинуть встречные условия, так как сделка — если это справедливая сделка — должна быть взаимовыгодной. Чарли уступил Джо Боссу в главном, и теперь тот должен был пойти ему навстречу.

— Только одно, — предупредил Массерия.

— Si. Tu parlare mi surdu?[17] Ты войдешь ко мне в долю по всем пунктам, кроме одного — бутлегинга. Это мой личный бизнес, и никто не может в него вмешиваться.

— Хорошо, — согласился Массерия. Про себя он подумал, что со временем приберет к рукам и бутлегинг. А пока хватит того, что есть. В знак дружбы сицилийцы выпили по стакану красного вина — кьянти.

С этого дня Джо Босс вещал по всей Малой Италии, что Луканиа — один из десяти капо в его семье. Самолюбие Чарли жестоко страдало, но он терпел, понимая, что другого выхода нет, и старался с головой уйти в дела.

Выборы 1925 года прошли удачно для «Банды четырех».

Благодаря содействию «смазного банка» демократы одержали победу не только в Манхэттене, но и в Бронксе, Гарлеме и тех бруклинских округах, которые контролировали подчиненные Арнольду Ротштейну еврейские гангстеры.

В том же, 1925 году значительно изменилась расстановка сил в преступном мире. Зима выдалась очень бурная и богатая событиями. Приказал долго жить Денни Михан, главарь банды «Белая рука», застреленный прямо в своей квартире. Его укокошили сицилийцы из семьи Айяле. В Чикаго ярко зажглась новая звезда — Аль Капоне. После того, как убийцы из конкурирующей банды Вейсса тяжело ранили Джонни Торрио, Капоне принял бразды правления его Организацией и сумел расправиться со всеми врагами. К тому времени, как Торрио вышел из больницы, Большой Аль всюду поставил своих людей и предъявил бывшему боссу ультиматум: или он добровольно удаляется от дел, или, по выражению самого Капоне: «Вейссу не удалось, зато удастся мне». Не желая более искушать судьбу, Торрио уехал из Чикаго в Нью-Йорк, где Чарли Луканиа и Фрэнк Костелло встретили его с распростертыми объятиями.

В 1926 году «Банда четырех» присоединила к своим владениям новый большой кусок территории в Бруклине. Это постарался Лепке Бачелтер, к тому времени сильно выросший из своих штанишек личного телохранителя Якоба Оргена. Неизвестно, каким образом Маленький Людоед Орген обидел Лепке, но точно известно, что тот не стал терпеть обиду. На пару со своим закадычным дружком Гюрахом Шапиро Бачелтер задумал убрать босса и, понятное дело, стать боссом самому. Оргена подстерегли на улице, когда он садился в такси. Причем Лепке продемонстрировал блестящее владение оружием, всадив в Маленького Людоеда пятьдесят пуль из окна движущейся машины. Его безотказный «Томпсон» сработал на славу: помимо Оргена был смертельно ранен телохранитель, один из братьев Даймонд. В тот вечер гангстеры не дождались своего босса в ресторане. Вместо него пришел Лепке с еще горячим после стрельбы автоматом. Сказал, что босс теперь — он, и тут же пристрелил двух парней, пытавшихся возразить. Таким образом, вся территория, ранее принадлежавшая банде Оргена, перешла под контроль «Банды четырех». Разумеется, свободу Лепке никто не ограничивал. В своих владениях он мог делать все, что угодно. Теперь, став главарем, Лепке предложил новый, тогда еще невиданный в Америке вид рэкета — рэкет профсоюзов. Даже Костелло, самый сообразительный из всех, не сразу оценил перспективы этого бизнеса. Тем не менее Лепке не раз доказывал на деле, что голова у него работает неплохо, поэтому сходка

решила: «О'кей» — и уже через неделю под мощными ударами затрещали кости профсоюза работников швейной промышленности. За год Лепке добился больших успехов. Мейер Лански подсчитал, что по итогам 1927 года этот рэкет принес доход в сумме трех миллионов долларов. Теперь, когда выгоды такого рэкета были очевидны для всех, Лепке поделился профсоюзами со своими друзьями. «Банда четырех» жестко контролировала через тред-юнионы перевозки грузов, швейную промышленность, доки, выпечку хлеба и так далее. Сенсацией уходящего 1927 года стало убийство Фрэнка Айяле. Молодой сицилийский главарь, одержавший в долгой кровавой войне решительную победу над бандой «Белая рука», через год сам стал жертвой убийц, которых направил из Чикаго Аль Капоне. Руководство семьей взял в свои руки Антонио Карфано, получивший благословение старика Джузеппе Бальзаме. Чарли Луканиа быстро нашел общий язык с преемником Фрэнка Айяле.

В начале 1928 года Фрэнк Костелло познакомил Чарли с Дэниелом Рэстоком, мультимиллионером, построившим знаменитый Эмпайр Стейт Билдинг. Этот небоскреб по наше время считается символом Америки. Помимо строительства, Рэсток занимался политикой, был убежденным сторонником демократической партии и хорошо знал Джимми Хиннеса. На этой почве он легко сошелся с Фрэнком Костелло, а уже затем с Чарли Луканиа. В огромном кабинете Рэстока, который занимал весь двухсотый этаж, Чарли нос к носу столкнулся с губернатором штата Нью-Йорк Альбертом Смитом. Смит, маленький, жилистый, подвижный человечек, по всем параметрам очень схожий с Чарли, крепко пожал ему руку:

— Дорогой мистер Луканиа, я счастлив познакомиться с вами. Вместе нам предстоит свершить немало больших дел.

Губернатор поспешил объяснить, что имеет в виду. Ему были необходимы голоса избирателей в Манхэттене, Бруклине, Бронксе и Гарлеме, которые лежали у Чарли в кармане. С их помощью неразборчивый в средствах губернатор мог смело рассчитывать на выдвижение своей кандидатуры от демократической партии на президентские выборы 1929 года.

Чарли разволновался. В самых смелых мечтах он не мог представить, что политическому деятелю такого масштаба понадобятся его услуги и поддержка. Какой прогресс по сравнению с жалким рэкетом на улицах Малой Италии! Ну а что предлагал Смит в обмен на голоса? Советы, обыкновенные советы, как жить. Но какие советы!

— Видите ли, мистер Луканиа, вам надо срочно перестраивать вашу деятельность, чтобы подготовиться к

грядущим переменам. Должен вам сказать, что в скором времени закон Уолстеда будет отменен и торговля спиртными напитками вновь станет легальной. Это вопрос ближайших двух-трех лет.

Забегая вперед, автор сообщает, что Альберт Смит, благодаря содействию Чарли Луканиа добился выдвижения своей кандидатуры на президентские выборы, однако победа осталась за республиканцами. В 1929 году президентом Соединенных Штатов стал Герберт Кларк Гувер, с именем которого связана эпоха Великой Депрессии.

Поглощенный политическими играми, Чарли Луканиа начисто забыл о своем звании капо в семействе Массерия. Зато у Джо Босса память была гораздо лучше. Кругленькие суммы, которые аккуратно поступали в его карман согласно договору 1924 года, не могли компенсировать моральный ущерб. Чарли Луканиа становился слишком самостоятельным для одного из десяти капо. На постоянное ворчание Массерии по этому поводу Чарли неизменно отвечал:

— Джо, ты же получаешь свою долю, так? А в остальном я сам себе хозяин. Я же не вмешиваюсь в твою жизнь.

Ругань Массерии он сносил с каменным лицом. Однако выдержка изменила ему, когда в сентябре 1928 года Багси Сигел среди ночи позвонил в «Кларидж»:

— Чарли, беда!

— В чем дело?

— Весь груз с «Офелии» пропал.

Луканиа до боли сжал трубку, так, что побелели пальцы:

— Черт возьми, мы заплатили за этот товар миллион долларов!

— Ребята говорят, их перехватили где-то на полпути от Бостона. Руки чешутся, как подумаю, что за сволочи хлещут сейчас наше лучшее виски!

— Кто это сделал?

— Пока не знаю. Как думаешь, может, это дело рук Маранцано?

— Все может быть. В печенках у меня сидит этот старый мерзавец. Ладно, Бен, ты должен точно узнать, чья это работа. Точно, понял?

— Сейчас же отправлю ребят, — отозвался Багси и повесил трубку.

Весь остаток ночи Чарли метался по номеру, как тигр в клетке, ожидая вестей от Сигела. Но тот так и не позвонил. Вероятно, налетчики, по своему обыкновению, размешали виски до неузнаваемости и в таком виде продали где-нибудь в трущобах. Чарли не знал, что и думать. Неужели Маранцано

опять взялся за старое?

Через несколько дней Арнольд Ротштейн пригласил своего сицилийского друга в «Коттон клаб», поговорить с глазу на глаз. Луканиа сразу заметил выражение крайней обеспокоенности на его лице.

— Чарли, тут такое дело. Мне даже неудобно говорить…

Ротштейн немного помолчал, собрался с духом и выдал:

— Я выгребаю деньги из твоего кармана.

Услышав это, Чарли в первый момент растерялся.

Его понятие дружбы и чести было глубоко оскорблено, ведь он дружил с Ротштейном почти десять лет. Они никогда не обманывали друг друга.

— Этого не может быть, — твердо заявил сицилиец. Хмурое лицо Ротштейна на мгновение разгладилось:

— Спасибо, Чарли, за твои слова. Все-таки… Мне очень жаль, но я говорю правду. Послушай… — он нервно хрустнул пальцами, — неделю назад тут был один тип из Чикаго. Не знаю, где его воспитывали, при всех он шлепал девчонок по задницам, во весь голос ругался — короче, выпендривался уж очень чересчур. Тогда я распотрошил его, чтобы научить хорошим манерам. Сто пятьдесят тысяч взял.

Чарли невольно рассмеялся:

— Неужели он пытался обыграть тебя, Арнольд?

— Где ему… Сопляк, мальчишка. При себе у него оказалось пятьдесят грантов, с остальными он просил подождать.

— И кинул тебя, — предположил Чарли.

— Как раз нет. Вся сумма у меня в кармане, но где он так быстро мог найти сто кусков? Меня смущает, что он принес мне деньги на следующий день после того, как пропали твои машины.

— Имя! — резко выпалил Чарли.

— Сэм… Сэм Блюм.

Сицилиец был уже на ногах.

— Я у тебя в долгу, Арнольд.

Ротштейн замахал руками:

— Ни в коем случае, Чарли. Мы же друзья.

Из «Коттон клаб» Луканиа направился прямо в резиденцию Бена Сигела на Мэдисон-сквер. Багси занимал целый этаж из пяти роскошных квартир. В одной он жил сам, а другие держал для своих людей. Лифт поднимался прямо в холл, огороженный пуленепробиваемыми стеклами, где постоянно дежурили пятеро стрелков с автоматами Томпсона. При появлении Чарли они почтительно вскочили на ноги.

Багси резвился с двумя хорошенькими белокурыми проститутками. Чарли застал его в самом лучшем виде. Коротко

бросил:

— Есть дело.

Багси мгновенно вышвырнул обеих девок за дверь. Они даже не успели одеться.

— Сэм Блюм из Чикаго. Найти. Узнать имя заказчика. Убрать. Все! Собирайся.

Не задавая лишних вопросов, Багси оделся, рассовал по карманам револьверы и стал подымать своих людей.

…Сэмюэль Блюм, блаженно закрыв глаза, нежился на пляже под жарким солнцем Майами. Сверху на нем восседала загорелая, стройная блондинка с весьма аппетитными формами и массировала ему спину. Внезапно руки девушки куда-то пропали. Сэм приоткрыл один глаз, и тут же ему в лоб уперся вороненый ствол «люгера».

Подруга исчезла. Вместо нее Блюма окружали трое незнакомых типов, явно приехавших с севера, так как на руках у них не было загара. На прицеле Сэма держал красивый голубоглазый парень в белом костюме. Свой «люгер» он прятал под шелковым платком.

— Я вижу, приятель, ты клево тут отдыхаешь, — процедил Багси Сигел, — но есть одна проблема, которую без тебя не решить, так что пошли с нами.

Дрожащими руками стряхивая с себя песок, Сэм Блюм с трудом встал. Ноги не слушались его.

— Не трудись наряжаться, ты и так годишься, — Багси ткнул беднягу стволом в спину, — давай топай.

Помимо Сигела в экзекуции активно участвовали Эйби Рильз по прозвищу Кид Твист (Кривой) и Красавчик Гарри Питсбург — ребята из браунсвиллской банды, присланные Лепке Бачелтером. Они были специалистами по развязыванию языков.

Безвольного, как тряпичная кукла, Сэма Блюма затащили в заранее снятый пляжный коттедж и на всю громкость врубили радио. Зажигательные джазовые ритмы звучали в унисон с воплями истязаемого человека.

— Скажи, кто тебя послал? Ну? — требовал Багси, стегая ременной пряжкой по голому телу. — Говори, говори, говори!

Пока он переводил дух, за Блюма взялся Эйби Рильз. Внешность этого типа была настолько отталкивающей, что уже сама по себе внушала страх. Как говорил о Рильзе Лепке Бачелтер: «В нем есть что-то от гориллы, кое-что от трупного червя и — ничего человеческого».

Попросив Красавчика Гарри покрепче придержать «клиента», Рильз стал заталкивать в ноздри Сэма Блюма велосипедные спицы.

— Ты что делаешь, обезьяна, — завопил Багси, — так он раньше времени сдохнет!

К счастью, Кривой Эйби не расслышал из-за музыки, каким словом назвал его Сигел, а то к трупу Сэма Блюма наверняка прибавился бы еще один.

Оттащив Рильза, Багси выдернул наполовину засунутые спицы из носа жертвы. Кровь хлынула мощным потоком, заливая ковер. Гарри Питсбург плеснул холодную воду Блюму в лицо. Тот медленно, неимоверным усилием, открыл глаза. Сигел схватил его за волосы:

— Скажешь или нет?

Эйби Рильз с улыбкой затушил сигару об окровавленную грудь Блюма. Кричать у него уже не было сил. Тело жертвы конвульсивно дернулось, все еще реагируя на боль.

Багси как следует раскурил сигарету:

— Говори, а то выжгу тебе глаза к чертовой матери!

Брезгливо морщась, Сигел пальцами раздвинул залитые кровью веки и поднес сигарету:

— Ну!

— Массерия… — еле слышно прохрипел Блюм.

Задав еще несколько вопросов, Багси дважды выстрелил ему в голову. Через несколько часов он давал подробный отчет Чарли Луканиа:

— Сэм Блюм приехал из Чикаго. Там он работал на Фрэнка Нитти. Джо Массерия пригласил его вместе с обстрелянной командой «Чи» и обещал ему двести кусков за работу. Ну, а я добавил еще пару пуль из моего «люгера». Для круглого счета, — с усмешкой добавил Багси.

— Значит, Массерия… Хорош босс, нечего сказать, — не удержавшись, Чарли сплюнул прямо на роскошный ковер.

— Что мы будем делать дальше? — спросил Багси.

— Пока не знаю. Во всяком случае, до войны дело не дойдет.

— Как же это? Ведь он напал на нас!

Чарли объяснил, что по сицилийскому обычаю так делают предупреждение. Другое дело, если бы в нападении участвовали люди из семьи. Вот это действительно означало бы войну.

— Не пойму, чего хочет этот старый козел? — раздраженно произнес Багси.

— Наш бизнес с пойлом.

— Но вы же договаривались.

— Значит, Джо считает, что наш договор устарел.

— А пошел он…

— Не торопись, Бен, — мягко остановил его Чарли, — еще не время.

Багси надел шляпу, собираясь уходить. На пороге он обернулся:

— Чарли, когда время придет, поручи это мне. Я разделаю его не хуже, чем разделал Сэма Блюма.

Сицилиец молча кивнул. Судьбе было угодно ниспослать ему новое испытание.

4 ноября 1928 года около двух часов дня человек, оставшийся неизвестным, постучал в дверь номера 309 отеля «Парк Сентрал». Этот номер занимал Арнольд Ротштейн. Когда еврейский босс открыл дверь, неизвестный выстрелил ему в живот и скрылся.

Два дня Ротштейн корчился от адских болей. Ни снотворное, ни лошадиные дозы морфия не могли облегчить его страданий. Эти страдания усиливали детективы из отдела по расследованию убийств, которые пытались вытянуть у него имя убийцы.

— Кто это был? Ты его знаешь?

— Я не видел…

— Ну и тип! Подыхает, а все равно врет. В тебя же стреляли спереди. Опиши нам его лицо, приметы.

— В меня никто не стрелял.

— Да ну? А что это за дырка у тебя в животе? Хочешь сказать, от рождения?

— Дайте мне умереть спокойно, черт бы вас побрал!

Чарли Луканиа не смог проститься со своим другом. Полицейские никого не допускали к нему. Грешная душа Арнольда Ротштейна покинула этот мир в одиночестве. В последний раз Чарли увидел его уже мертвым.

Одна-единственная пуля 22-го калибра была выпущена умелой рукой. Киллер знал, что делал. Человек, который заказал Ротштейна, хотел не просто убить. Он хотел преподать урок. Чтобы Ротштейн, мучаясь от боли, имел достаточно времени пожалеть о своем опрометчивом поступке. Таком, например, как рассказ о том, как некий Сэм Блюм вернул карточные долги на следующий день после нападения, в результате которого Чарли Луканиа остался в дураках. Все эти мысли молнией промелькнули в голове сицилийца.

— Guiseppe Masseria. Eva lui chi ha mandatu i sicariu[18], — прошептал Чарли.

Смерть Арнольда Ротштейна имела совершенно неожиданные, далеко идущие последствия. Федеральный прокурор Чарли Таттли нашел в его апартаментах важные документы. Покойный был настолько уверен в своей неуязвимости, что совершенно не заботился о конспирации. Эти-то бумаги и спровоцировали невиданной силы взрыв. В них содержались самые подробные сведения о торговле наркотиками.

Изучив архив Ротштейна, Таттли сделал сенсационное заявление: «К 1927 году нам стало ясно, что наркобизнес в США контролируется одним человеком. Теперь можно сделать однозначный вывод, что этим человеком был Арнольд Ротштейн».

8 декабря 1928 года федеральные агенты провели первую в истории Америки крупномасштабную операцию против торговцев наркотиками. Она одновременно проводилась на территории двух десятков штатов. В номере отеля на 42-й Западной улице в Нью-Йорке было обнаружено героина на сумму два миллиона долларов. Арестовано двенадцать человек. В Буффало, штат Нью-Йорк, прямо в вагоне первого класса был арестован Джордж Аффнер. По изъятым у него багажным квитанциям агенты получили два чемодана, доверху набитых героином, который находился в пакетах из-под рождественских подарков с порхающими ангелами и надписями: «Счастливого Рождества!». Улов тянул на три миллиона долларов. В одном из отелей Чикаго обнаружили партию героина стоимостью в миллион долларов. Было арестовано семь человек. Всего около трехсот больших и малых пушеров сели на скамью подсудимых, единодушно проклиная Арнольда Ротштейна. Из всех крупных наркодиллеров ареста избежал только Якоб Катценберг, в то время находившийся по делам в Гонконге. Когда он вернулся в Штаты, работу ему предложил уже Лепке Бачелтер. Империя наркобизнеса, которую Арнольд Ротштейн кропотливо, год за годом создавал на Восточном побережье, была уничтожена в один день. Что интересно, федеральный прокурор Таттли раскопал жареные факты насчет коррупции в отделе по борьбе с наркотиками. Как оказалось, Линдон Мэттингли, начальник отдела, и его заместитель Ролланд Натт работали на Ротштейна, активно помогали ему делать нелегкое, но бесконечно нужное определенной категории лиц дело[19].

«Банда четырех» по справедливости разделила территорию Ротштейна. Фрэнк Костелло унаследовал игорный бизнес покойного. Его правой рукой стал Фрэнк Эриксон, при жизни Ротштейна распоряжавшийся букмекерскими конторами. Датч Шульц занялся распространением героина в Гарлеме. Джо Адонис стал владельцем ресторана «Коттон клаб». Отныне он отвечал за поставки спиртного в забегаловки Джека Даймонда. Лепке Бачелтер принялся восстанавливать разгромленную наркоимперию Ротштейна. Он переманил на свою сторону человека, державшего в руках налаженные контакты с китайскими триадами, производителями и поставщиками героина. Из-за Якоба Катценберга пришлось крупно повздорить с Вито Дженовезе, который тоже мечтал о контроле над торговлей

наркотиками. Но Катценберг, не доверявший итальянцам, предпочел иметь дело с Лепке.

Тем временем Джо Массерия тоже не дремал. Слишком активные переговоры, которые Чарли Луканиа вел с Аль Капоне, Сэмом Бернштейном и другими главарями набирающих силу банд, действовали Джо Боссу на нервы. Все это делалось без его ведома. Предупреждение, полученное Чарли два месяца назад, не пошло впрок. Массерия решил еще раз хорошенько напомнить о себе.

Джо Босс приказал Чарли взять на испытание молоденького сицилийца Паоло Минео, несколько дней назад принятого в Организацию. Испытание, которое придумал Массерия, было несложным: ограбить банковского кассира. Подробно объяснив Чарли, что и где надо делать, Джо Босс напутствовал его в своей обычной манере:

— Давай вали, да присматривай за молодым, чтобы не обо… ся.

Чарли не скрывал раздражения. Ох уж этот придурок Массерия с его чертовыми причудами! Подтереть сопли девятнадцатилетнему молокососу может любой из трехсот «солдат». Конечно, по закону мафии, Массерия должен был направить вместе с Минео опытного человека, чтобы тот посмотрел, как парень себя проявит. Но хороший босс всегда отличает важное дело от второстепенного и не станет дергать своего капореджиме по пустякам. Однако к Массерии это не относится.

Новоиспеченный мафиозо Паоло Минео почтительно поцеловал руку капореджиме. Чарли, смертельно ненавидевший все эти доисторические обычаи, олицетворением которых были типы вроде Маранцано и Массерии, сразу же преисполнился презрения к своему подопечному.

— Слушай, что надо сделать, — объяснял он. — Сейчас мы подъедем на 37-ю улицу. Там есть банк. В половине второго на улицу выйдет кассир. С бабками. Отнимешь у него сумку, прыгнешь в машину — и на этом все. Понял?

На дело Чарли взял лучшего водителя, которого знал, — Сэмми Левина из браунсвиллской банды. Если бы Левин профессионально занялся автоспортом, из него мог выйти неплохой гонщик. Но он предпочел другую профессию. Левин был личным шофером Лепке Бачелтера, самого грозного гангстера в Бруклине.

В первую минуту все шло по плану. Паоло Минео выскочил из машины, огрел кассира рукоятью «кольта» и завладел сумкой с деньгами. С этого момента события развивались в диаметрально

противоположном направлении. На помощь кассиру подоспел банковский охранник. Первым же выстрелом он задел Минео, который мешком свалился на тротуар. Медлить было нельзя. Бешено ругаясь, Чарли бросился вон из машины. Левин выстрелил в охранника, чтобы прикрыть его. Мгновенно завязалась перестрелка. Пули тонко засвистели у Чарли над головой. Но думать об этом было некогда. Он взвалил на плечо истекающего кровью Минео, подхватил сумку и побежал назад. Левин резко рванул с места, Чарли на ходу ввалился в машину со своей ношей. Вслед ему хлопали выстрелы, но все обошлось — охранник промазал. Они успели проехать не более ста метров, как их остановил патруль. На языке юристов это называлось «взять с поличным».

Сидя в камере предварительного заключения, Чарли крыл Массерию самой грязной бранью. Без сомнений, этот патруль оказался в нужное время и в нужном месте. Такие вещи не происходят случайно. Конечно же, полицейские не были ясновидящими. Их просто заранее предупредил человек, который знал, что должно произойти. А звали этого человека Джо Массерия. Ненависть буквально душила Чарли. Вооруженное ограбление с отягчающими обстоятельствами, незарегистрированное оружие в кармане да еще автомобиль, очень кстати оказавшийся краденым, — все вместе это тянуло на десять-пятнадцать лет тюрьмы. Чарли подставили как мальчишку.

Джимми Хиннес сразу заметил на лице Фрэнка Костелло выражение глубокой тревоги. Обычно они заранее договаривались о встрече. Но сейчас, похоже, случай был особый.

— Мистер Хиннес, случилась большая беда! — патетически воскликнул Костелло.

— Фрэнк, садитесь, прошу вас…

Костелло уселся в предложенное кресло и нервно забарабанил пальцами по столу.

— Неслыханная несправедливость! Наш общий друг мистер Луканиа арестован, представляете, ему инкриминируют вооруженное ограбление!

— Что вы говорите, — Хиннес покачал головой, — я не могу в это поверить. Как такое вообще могло произойти?

Костелло скорбно вздохнул:

— Бедный Чарли стал жертвой козней своих врагов. Их у него немало. Но это ни в какие ворота не лезет. Вооруженное ограбление! Да у него денег побольше, чем у иного банкира.

— Фрэнк, что я могу сделать для нашего общего друга мистера Луканиа?

— Сущий пустяк. Его дело должен рассматривать судья,

являющийся убежденным демократом.

— Разве все настолько серьезно, что дело дойдет до суда?

— Вероятно, так и будет. Некий доброжелатель мистера Луканиа постарался на славу.

Хиннес осторожно спросил:

— Ну что же, есть свидетели и… потерпевшие?

— Потерпевший только один, — уточнил Костелло, — мы с ним все уладим, вы даже не беспокойтесь об этом, Джимми. Все, что нам надо, — дружеское, вернее сказать, сочувственное, что ли, отношение суда.

— Справедливое, — подсказал Хиннес.

— Вот-вот. Справедливое.

Хиннес откинулся на спинку кресла:

— Нет проблем, Фрэнк, я позабочусь об этом.

— В какую сумму обойдется решение этого вопроса?

Хиннес прикрыл один глаз:

— Порядка пятидесяти тысяч.

Костелло не стал торговаться:

— Сегодня же пришлю вам человека.

— Купюры должны быть мелкие…

— Разумеется, мистер Хиннес.

…Около восьми часов вечера Мартин Крейвек, служивший кассиром в банке на 37-й улице, возвращался из полицейского участка. Он провел там целый день. Почти четыре часа продолжался допрос и протоколирование показаний. Еще полтора часа судебный врач-медэксперт осматривал телесные повреждения. К таковым была причислена болезненная ссадина за левым ухом от удара рукоятью пистолета. Проголодавшийся Крейвек изо всех сил торопился домой, про себя ругая полицейских за медлительность. Вдруг рядом резко затормозил черный «Крайслер».

— Эй, мистер! — окликнули Крейвека. Удивленный кассир остановился:

— Вы меня?

Из машины резво выскочили двое высоких широкоплечих парней, и последнее, что помнил Крейвек, — это свист рассекаемого воздуха. В следующий миг его голова словно взорвалась. Для верности ребята еще раз приложили кассира кожаными мешочками с песком, после чего бросили бесчувственное тело в машину.

Крейвек пришел в себя на каком-то заброшенном складе. Голова тяжело гудела.

— Ну-ка, глянь, очухался дядя или нет? — услышал он грубый, прокуренный голос. В грудь Крейвеку уперся ботинок.

— Идите сюда! Он открыл глаза.

Крейвека подхватили мощные руки. Вплотную к нему подошел коренастый толстогубый тип, по виду напоминавший гориллу.

— Слушай меня внимательно, дядя, — пожевывая спичку, процедил он. — Я говорю только один раз. На суде ты откажешься от показаний. «Ничего не видел, ничего не знаю и не помню». Повтори.

Для большей убедительности толстогубый как следует врезал кассиру по печени.

— Так что ты должен сказать?

— Не видел, не помню, не знаю, — выдавил из себя Крейвек.

— Молодец, — толстогубый нанес ему несколько режущих ударов в живот.

— Хорош месить, Эйби, — сказал один из бандитов, — не видишь, у дяди полные штаны.

Крейвека бросили на пол. Только полчаса спустя он смог подняться на ноги.

Сумка кассира, в которой находилось 8374 доллара, была представлена на суде, как главное вещественное доказательство. Насчет револьвера, изъятого у Чарли Луканиа, адвокат Ричард Дикси Дэвис, лучший друг гангстеров, сразу заявил отвод.

— Мой клиент имеет разрешение на ношение любого оружия, — с апломбом провозгласил адвокат, — это право даровано ему Конституцией. Тот факт, что данный револьвер не был официально зарегистрирован, свидетельствует лишь о том, что мистер Луканиа просто не успел это сделать. Владелец оружейного магазина мистер Чесней, которого я имею честь представить высокому суду в качестве свидетеля защиты, подтвердит под присягой, что данный револьвер был куплен мистером Луканиа вечером, накануне этих прискорбных событий.

Потерпевший Крейвек был словно околдован: ничего не помнил, грабителя не узнал и очень часто путался в показаниях. Судья со своей стороны особенно не настаивал. Чарли Луканиа изображал из себя «жертву полицейской жестокости». Чтобы не марать свое подлинное имя в протоколах, он назвался не Луканиа, а — Лючано, Чарли Лючано. Под этим именем его и оформляли. Приговоренный за несвоевременную регистрацию оружия к штрафу в триста долларов, Лаки Лючано вышел из зала суда с высоко поднятой головой. Желая окончательно избавить свое имя от пересудов, он переехал из отеля «Кларидж» в еще более роскошный отель «Барбизон плаза» на Сентрал-Парк-авеню. Там Чарли начал новую жизнь.

Глава 9
Большая двойная игра

Приближалось Рождество 1928 года. В Нью-Йорк пришла настоящая зима. Уличная грязь скрылась под снежным покровом. Предновогодний театральный сезон на Бродвее был в самом разгаре. Нью-Йорк наводнили всемирно известные знаменитости и заокеанские дивы. Мюзиклы, концерты, танцевальные шоу ежедневно проходили при полном аншлаге. Именно в эти дни жизнь Чарли Луканиа обогатилась новой судьбоносной встречей.

Фешенебельный ресторан «Копакабана» славился на весь Нью-Йорк своим стриптизом. Девушки в этом заведении были как на подбор — молоденькие, стройные, очень красивые. Весьма разборчивые, они удостаивали вниманием только тех мужчин, чей годовой доход составлял как минимум полмиллиона долларов. Известный остряк Уолтер Уинтшелл говорил об этих девчонках следующим образом: «Их прекрасные глаза подобны рентгеновским аппаратам. Сквозь пиджак они видят точное количество долларов в вашем бумажнике». Каждый уважающий себя магнат предпочитал снимать девочек только в «Копакабане». Рынок интимных услуг действовал здесь бесперебойно. Достаточно было передать через официанта задаток любой понравившейся вам танцовщице.

Чарли Луканиа часто бывал в «Копакабане». Его хорошо знали официанты, девушки и сам управляющий Ральф Грэхем. Для него всегда оставляли свободный столик и еще один — для его телохранителей. Как обычно, Чарли появился в ресторане около восьми часов вечера. Заказанный коньяк ему принесли мгновенно. «Сухой закон» находился за пределами этих стен. Весь зал наблюдал за выступлением девушки, которая грациозно и сладострастно исполняла знаменитый «танец живота». Чарли распечатал гаванскую сигару. Вышколенный официант, почтительнейше изогнувшись, поднес ему горящую спичку. Прикурив, Чарли устроился поудобнее и стал смотреть на сцену.

Девчонка была хороша. Он никогда раньше ее здесь не видел. Опытным взглядом Чарли определил, что танцовщица — явно заграничный товар. Американки тощие, а у этой были роскошные формы при идеальной фигуре — редкое сочетание. Чарли заинтересовался. Еще некоторое время понаблюдал за ней, потом взмахом руки подозвал управляющего.

Управляющий подобострастно наклонился к Чарли:

— У вас превосходный вкус, мистер Лючано. Эта девушка —

русская графиня. Ее имя Гай Орлова.

— Гай? Но это не русское имя, — заметил сицилиец.

— Совершенно верно, мистер Лючано, это ее псевдоним. Под этим псевдонимом она выступала в лучших кабаре Парижа. Но ведь сейчас центр мира — в Америке. Поэтому она переехала к нам.

Чарли задумчиво произнес:

— Значит, русская…

— О да, — подтвердил Грэхем, — русские женщины красивы. В них есть аристократическая утонченность, которой недостает американкам. Говорю это как специалист.

Будучи завсегдатаем ресторана, Чарли хорошо знал правила поведения. Он вынул из бумажника сто долларов:

— Передайте ей это.

Управляющий ответил слащавой улыбочкой старого ловеласа:

— Немедленно после окончания номера.

Отпустив его, Чарли погрузился в сладострастные грезы. Ему еще не приходилось спать с женщиной эдакого восточного типа. Наблюдая за ней, он ощущал растущее вожделение. Длинные ноги, роскошная задница, пышная грудь — все в этой женщине вызывало желание. Чарли никак не мог дождаться ее ухода со сцены. Наконец, под бурные овации великосветских развратников, Гай Орлова закончила свой танец.

Когда управляющий принес Чарли назад его сто долларов, великий гангстер нахмурился:

— Черт возьми, что она там возомнила о себе, эта девка? Вы сказали ей, кто я?

— Разумеется, мистер Лючано.

— И что же?

Грэхем замялся:

— У этих русских необычный ход мыслей. Наверное, мисс Гай до сих пор считает себя графиней, а не стриптизершей. Она в плену иллюзий. Игра воображения сильнее здравого смысла.

— Ладно, передайте ей тысячу долларов. Только потому, что она КОГДА-ТО БЫЛА графиней, — подчеркнул Чарли. Управляющий исчез и вернулся с запиской: «Я не продаюсь за гроши». В ответ на грозный взгляд сицилийца Грэхем только развел руками:

— Мистер Лючано, к сожалению, я не распоряжаюсь ее телом.

Некоторое время гангстер пытался свыкнуться с мыслью, что шлюха отказалась от тысячи долларов. Упорство этой девчонки начинало ему нравиться. Как сицилиец, он в глубине души считал, что есть вещи, которые сильнее денег. Дружба. Честь.

Репутация. Похоже, в характере этой русской имелись кое-какие сицилийские черты. Чарли решил изменить тактику действий.

Гай Орлова сидела возле зеркала и расчесывала свои чудесные каштановые волосы. Любуясь своим хорошеньким личиком, она думала, что с такой внешностью нигде не пропадет. По ту и по эту сторону Атлантического океана богатые мужчины не давали ей проходу, но Гай не устраивало знакомство на одну ночь. С мечтой о любви она, женщина практичная, давно уже рассталась, зато стать женой какого-нибудь миллионера была бы не прочь. За этим она и приехала в Соединенные Штаты, ибо здесь сосредоточились все капиталы мира.

В дверь постучали. Трое носильщиков внесли огромные корзины с розами. «Самой красивой леди Нью-Йорка» — было сказано в записке. Гай жеманно улыбнулась:

— О! Это совсем другое дело.

Чарли вошел к ней, преобразившись из пресыщенного купца в галантного кавалера. Гай обернулась. У Чарли внезапно дрогнуло сердце: вблизи ее красота просто ослепляла.

— Ах, это вы? Но я уже ответила на ваше предложение. Меня оно не интересует. Если бы я принимала все предложения, подобные вашему, то уже давно была бы миллионершей.

— Все продается на этом свете, детка, — ласково сказал Чарли, — все имеет свою цену. Поверь, я знаю, о чем говорю. Мне это известно, как никому другому.

— Мистер Лючано, я много слышала о вас. Вы пользуетесь здесь весьма скандальной славой. Я хорошо понимаю, что значит отказать вам. Но я — русская дворянка, а не шлюха из Гринвич-Виллидж. Это очень большая разница, поверьте. Волею обстоятельств я вынуждена показывать свое тело мерзким толстосумам, которые, глядя на меня, пускают слюни. Но ни один из них меня не достоин.

Чарли усмехнулся:

— А может, я буду достоин?

— Мне надо очень много, — предупредила Гай.

— Неужели вы меня пугаете?

— Вы понимаете, что я имею в виду. Не в моем характере ложиться в постель с кем попало.

Чарли протестующе поднял руки:

— О, нет, я не пытаюсь затащить вас в постель. Это можно сделать без проблем с любой другой. Я пришел пригласить вас на ужин.

— Это уже лучше, — отозвалась Орлова.

— Вы очень гордая, — язвительно заметил Чарли.

— Я обязана быть гордой в силу моего происхождения. Графы

Орловы всегда были особами, приближенными к императору. Богатства нашей семьи не уступают вашему состоянию. Мы с вами на равных.

— Так было, — поправил Лаки, — но это в прошлом.

Гай сухо ответила:

— Рано или поздно все станет на свои места. Я получу назад фамильный дворец и поместья.

— Вам придется долго ждать.

Орлова резко возразила:

— Мистер Лючано, неужели вы всерьез верите, что можно построить рай на земле? Чтобы не было ни бедных, ни богатых?

— Имея достаточно денег, можно все.

— Ах, я говорю не об этом! — с досадой сказала Гай. — Вы слишком американизированы, мистер Лючано, несмотря на ваше итальянское происхождение.

— Сицилийское, — уточнил он.

— Да, да, — она рассеянно кивнула, — поймите же: быдло, пришедшее к власти в России, неминуемо должно захлебнуться в собственном дерьме. Ни одно государство не может существовать без элиты. Подумайте, Россию покинули лучшие умы!

— Все это слишком сложно для меня, — пожал плечами Чарли, — я не политик, я бизнесмен. Давайте поговорим о чем-нибудь более приятном. Кстати, вы принимаете мое приглашение?

На лице Гай застыла вежливая, безразличная улыбка:

— Да.

В отдельном кабинете для них сервировали роскошный стол. К шампанскому «Моэ Шандон», которое в связи с прохибишеном стоило триста долларов за бутылку, подали устриц на льду. Это было только началом лукуллова пиршества. Чарли не сводил глаз с Гай, одетой в сногсшибательное вечернее платье. Ее умение держаться вызывало у него откровенное восхищение.

— Вы хорошо говорите по-английски, — похвалил Чарли.

— Еще я знаю французский и немецкий, — ответила Гай, — так было принято у нас в семье.

— Могу я узнать ваше настоящее имя?

— Конечно. Меня зовут Наташа. Но я прошу вас никогда не произносить это имя. Оно принесло мне одни несчастья.

Чтобы стать ей немного ближе, Чарли попросил:

— Расскажите мне о России.

Глаза Гай затуманились.

— Россия… — вздохнула она, — Россия безгранична. Эта страна не имеет конца и начала. Она, как вечность, молчалива и нетленна…

Чарли уже не различал слов. Ее голос действовал на него как-то странно успокаивающе и затрагивал такие струны его души, о существовании которых он даже не подозревал. С юных лет Чарли считал всех женщин потаскухами, каждая из которых имеет твердую, фиксированную цену. Но теперь пришлось немного пересмотреть взгляды на жизнь. Выяснилось, что он знает все о шлюхах и ничего не знает о женщинах. А еще выяснилось, что между двумя этими словами существует весьма ощутимая разница.

Рождество и Новый год Чарли встречал в компании Гай. Заметив, что он всерьез увлекся одной женщиной, друзья реагировали на это по-разному. Джонни Торрио, который в свое время убрал Джима Колоссимо по аналогичной причине, опасался, как бы Чарли не размяк от любви. Мейер Лански, все в жизни рассматривавший с позиции: выгодно-невыгодно, не уставал поражаться: «Чего он в ней нашел?» Один лишь Багси Сигел, бабник из бабников, сказал: «Понимаю тебя, дружище, ты знаешь, со мной творится то же самое. Есть тут одна блондиночка, я по ней просто с ума схожу», чем безмерно удивил Чарли. Первая ночь, проведенная с Гай в канун нового 1929 года, убедила его, что он не ошибся в выборе. Гай занималась любовью страстно и самозабвенно. Ни одна даже самая опытная проститутка, не могла вызвать у Чарли такую гамму чувств и ощущений. После той грязи, которая его окружала весь день, он отдыхал душой, засыпая в объятиях Гай. Она стала ему необходима.

В мае 1929 года Чарли предложил Гай поехать с ним в Атлантик-Сити.

— Как-то не верится, что мы поедем туда просто так, — проницательно сказала она.

— Чтобы жить в роскошном отеле, нужно много работать, — парировал он.

Чарли ничего не скрывал от своей женщины. Она была в курсе всех его дел. Похоже, ей это даже нравилось. В ее присутствии он часто разговаривал по телефону с известнейшими гангстерами. Особенно ей нравилось слушать компрометирующие сведения о чиновниках. На Луканиа работала специальная команда, которая копалась в грязном белье всевозможных шефов и боссов. Чтобы доставить Гай удовольствие, Чарли подключал параллельный телефон и они вместе слушали, какие половые извращения по вкусу некоему конгрессмену или сколько денег просадил на скачках некий лейтенант полиции.

В ночь перед отъездом Чарли не мог уснуть.

— Тебя что-то беспокоит? — спрашивала Гай.

— В Атлантик-Сити будет большая сходка, — медленно, как бы нехотя ответил он, — такой еще никогда не было. Уважаемые люди съедутся со всей страны. Если я смогу убедить их в необходимости перемен, мое имя войдет в историю.

Гай не на шутку обеспокоилась. Раньше Чарли не говорил ничего подобного.

— Понимаешь, — продолжал он, — я с детства верил в свое предназначение. Vocazione. Не знаю, как мне это приходило в голову, но иногда я чувствовал: еще немного, и я сделаю что-то… — Чарли запнулся, пытаясь подобрать необходимые слова, — чего никто не делал до меня и никто не сделает после. Теперь время пришло.

— Что ты задумал?

— Я хочу создать новую Организацию, в которую войдут все банды Америки. Это будет во много раз круче, чем мафия. Вся нелегальная деятельность сосредоточится в наших руках. Ни один доллар не пройдет мимо нас. Мы будем контролировать бизнес, политику, промышленность во всей стране. Мы купим каждого полицейского, каждого прокурора, каждого судью. Наши люди будут заседать в конгрессе и в сенате. Может быть, нам даже удастся продвинуть своего человека в Белый дом. А что, это Америка, здесь нет ничего невозможного. У нас достаточно денег, чтобы профинансировать избирательную кампанию любого человека. У нас есть люди, обязанные нам. И тогда мы будем править этой страной так, как нам захочется.

Гай невольно отодвинулась. В темноте глаза Чарли горели адским огнем. От него исходила темная, пугающая сила. Почувствовав страх женщины, он засмеялся:

— Вот тогда я смогу нарядить в «бетонные бушлаты» всех этих старых мерзавцев, которые отравляют мне жизнь… Так ты поедешь со мной?

Конгресс гангстеров состоялся 16–19 мая 1929 года в Атлантик-Сити, на территории Никки Джонсона. Без преувеличений можно сказать, что с него началась новая эра организованной преступности в Америке. То, что предлагал Чарли, было просто и гениально. Все преступные группировки должны на равных правах войти в новое сообщество, условно именуемое «синдикат». Управление этой махиной осуществляет Высший Совет, состоящий из семи самых авторитетных боссов, кандидатуры которых единогласно утвердит «высокое собрание». Назначение Высшего Совета — отстаивать интересы всего сообщества в целом, не допускать развязывания междуусобных войн, по справедливости решать споры между бандами и уничтожать всякого, чьи действия создают угрозу безопасности

синдиката. Каждый из семи членов Высшего Совета, помимо управленческих функций, головой отвечает за свой, конкретный участок работы, который выделит ему конгресс. Оценив выгоды этой идеи, боссы были готовы носить Чарли на руках. Ведь каждый из них теперь обладал абсолютно неограниченной властью в своих владениях. Любая конкурирующая банда автоматически противопоставляла себя всему синдикату и была заведомо обречена. Кроме того, следует упомянуть еще об одном, очень важном событии. Конгресс гангстеров в Атлантик-Сити вызвал к жизни чудовищного кровавого монстра, который войдет в историю под названием «Корпорация убийств»[20]. Ее создателем стал Лепке Бачелтер, поскольку подходящие головорезы нашлись на его территории, в Бруклине.

…Это случилось в октябре 1927 года. Эйби Рильз, по прозвищу Кид Твист пришел к своему боссу Мейеру Шапиро и потребовал долю в игорном бизнесе. Взбешенный босс приказал телохранителям спустить Кривого с лестницы. Банда братьев Шапиро крепко держала в руках Браунсвилл, пригородный район Бруклина. Казалось, у Рильза был только один выход — как можно скорее уехать из Нью-Йорка. Вместо этого он сплотил вокруг себя небольшую шайку готовых на все парней и объявил войну братьям Шапиро. При первой же попытке убрать Мейера Шапиро Рильз был ранен, а двое его сообщников убиты. Однако конкуренты рано праздновали победу. Кривой Эйби заключил союз с бандой сицилийских беспредельщиков из пригорода Оушен-Хилл, которой руководили два Фрэнка — Хэппи Мойон и Дашер Аббандандо. Совместными усилиями Рильз и Мойон одержали победу в войне. Сразу же между молодыми чрезмерно жадными главарями возник конфликт. От взаимного истребления их удержал Лепке, здраво рассудивший, что бьющую через край энергию обоих боссов лучше направить в иное русло. На сходке он сказал им: «Ребята, у меня есть для вас хорошая работенка» — и заставил помириться, пригрозив, что в противном случае пристрелит того и другого. Так, через некоторое время, было создано «Бруклинское объединение», или «Корпорация убийств».

Функцией этой организации были исключительно заказные убийства. Она специально создавалась как инструмент влияния на тех, кто не желал подчиняться Высшему Совету. В любой необходимый момент каждый гангстер любого уровня мог быть уничтожен специалистами «Корпорации». Будь то Аль Капоне или какой-нибудь Джо Смит. Согласившись на создание Высшего Совета, боссы уже не могли отказаться от создания карательного органа при Высшем Совете — и, к тайной радости Чарли Луканиа, сами надели петлю себе на шею. Поскольку «Корпорацию

убийств» создал Лепке, он вполне закономерно вошел в состав Высшего Совета — как ответственный за исполнение приговоров. Теперь Чарли через своего друга Бачелтера мог направлять и контролировать все заказные убийства на территории Соединенных Штатов. Хотя хитрый сицилиец очень ловко представил Высший Совет в качестве коллегиального органа, на деле это означало утверждение его личной власти над синдикатом, так как всю верхушку составляли его близкие друзья — Лански, Торрио, Костелло, Бачелтер, Сигел и Анастасиа. В этом смысле весьма спорным представляется тезис о том, что Лаки Лючано упразднил должность капо ди тутти капи и уравнял мафию с прочими преступными организациями. Кем же он был, как не самым настоящим боссом всех боссов? Без его ведома никто ничего не решал, даже когда он отбывал срок в Даннеморе. Что касается равноправия, то не секрет, что примерно до 1960 года мафия монопольно контролировала сбыт наркотиков, на пушечный выстрел не подпуская к этому бизнесу евреев и черных. Игорные империи Лас-Вегас, Гавана и Рино также прибрала к рукам мафия, грубо потеснив еврейских гангстеров. Огромные деньги стекались в карман одного-единственного человека — Лаки Лючано.

На конгрессе в Атлантик-Сити не присутствовал ни один из двадцати четырех главарей сицилийской мафии, не только потому, что Чарли Луканиа — всего лишь капо в семье Массерия. «Усатые папаши», как называли молодые гангстеры традиционных мафиозо, немедленно бы внесли сумятицу в переговорный процесс, прежде всего — по причине присутствия евреев. Их просто обошли, и никто не сожалел об этом. Подавляющее большинство боссов имели проблемы с мафией, чем Чарли Луканиа не преминул воспользоваться. Он предложил (когда наступит подходящий момент) убрать всех «усатых папаш» по всей стране, а на их место поставить молодых капо с более прогрессивными взглядами. Таким образом планировалось раз и навсегда обезопасить синдикат от мафии. После некоторых колебаний боссы поддержали идею Чарли. С этого дня они были крепко повязаны с ним. Их жизнь, их смерть держал в руках именно Чарли, от которого теперь зависело все. Он вернулся из Атлантик-Сити королем новых банд. В честь этого события Чарли устроил шикарный банкет в ресторане «Сарди’с» на 44-й Западной улице и подарил Гай бриллиантовое колье стоимостью пятьдесят тысяч долларов. Однако праздничное настроение ему испортил Джо Массерия.

Авторитет Чарли Луканиа рос день ото дня, и это не давало покоя Джо Боссу. Уже дважды он пытался поставить на место

слишком шустрого капо, а тот игнорировал сделанные предупреждения. Но это было еще полбеды. Обладая политическими связями на самом высоком уровне, с людьми вроде Хиннеса и Альберта Смита, Луканиа ни разу не задействовал их в интересах своего босса. Вот это было совершенно недопустимо! Массерия назначил Чарли встречу в отеле «Барбизон плаза» один на один. Он приехал на место без телохранителей и сразу вскипел, когда увидел своего капо в компании Фрэнка Костелло:

— Я же сказал, один на один, мать твою!

Чарли спокойно парировал:

— Джо, ты неудачно выбрал место. Здесь я у себя дома и, сам понимаешь, имею право делать, что хочу. Фрэнк — мой друг. А я не хочу выставлять за порог своего друга.

— Ладно, хрен с ним, — буркнул Массерия, — пусть знает, с каким типом водит дружбу. Меня не устраивает все, что ты делаешь, Сальваторе. Ты вечно куда-то ездишь, с кем-то там треплешься за моей спиной. Почему я узнаю об этом от посторонних людей? Ты что, не знаешь закон Организации: ни шагу без разрешения босса?

— Я ездил в гости к своему другу Никки Джонсону, — ровно ответил Чарли, — дела здесь ни при чем.

— Вот как? А твой бизнес с пойлом? Почему я не имею с этого ни цента?

— Джо, послушай, мы же условились насчет пойла. Это мое личное дело.

— В семье Массерия ни у кого нет личных дел, — отрезал Джо Босс, — лучше не пробуй кинуть меня, малыш. Последний раз я говорю тебе это. Вот, при нем. — Массерия кивнул в сторону Костелло и вышел, громко хлопнув дверью. Чарли и Фрэнк долго молчали.

— Да он из ума выжил, — первым нарушил молчание Костелло.

— Этот псих может всех нас прикончить, — мрачно напророчил Чарли.

— Выход только один — опередить его. — Костелло выразительно провел пальцами по горлу.

— Фрэнки, поверь, я много думал об этом. Убрать человека такого ранга, как Массерия, дело непростое. Время для этого еще не пришло.

Костелло задумался. Но случай был не тот, когда есть несколько вариантов действий.

— Придется идти на поклон к старому Доктору. Больше ничего не остается.

Чарли поежился:

— У черта на голове оба рога одинаковые. Разницы между Маранцано и Массерией нет никакой. Если не считать латыни.

— Хорошо, а что ты предлагаешь?

Луканиа в сердцах выругался по-сицилийски:

— Sono seccato![21]

Но интонация была такая, как надо. Фрэнк Костелло вздохнул с облегчением:

— Слава богу, решили. Вот что я предлагаю, Чарли. В семействе Маранцано есть один тип, Тони Стролло, ты знаешь, старик доверяет ему больше всех остальных. Так получилось, что наш Вито — друг этого Стролло, у них какие-то совместные дела. Вито может выступить посредником с нашей стороны, а Тони — со стороны Маранцано. В этом случае все должно быть о'кей.

Чарли согласился с видимой неохотой.

— Знаешь, Фрэнки, — мечтательно сказал он, — где я хотел бы встретиться с Маранцано? На его похоронах.

Костелло улыбнулся. Чарли шутил, и его это радовало.

— Вот это будет классная вечеринка!

— Ага, — зубоскалил Луканиа, — Маранцано будет отлично выглядеть в деревянном костюме.

Оба итальянца громко расхохотались.

Желая отомстить за прошлые обиды, дон Сальваторе долго поджаривал Чарли на медленном огне. На неоднократные просьбы о встрече не отвечал ни «да», ни «нет», ссылаясь на занятость, а сам уже потирал руки, представляя себе, как Луканиа каждую ночь ложится спать, не зная наверняка, суждено ли ему проснуться. Наконец, вдоволь поводив Чарли за нос, Маранцано назначил встречу на полночь 17 октября 1929 года. Местом встречи стали доки на Статен-Айленде. Вито Дженовезе все это очень не нравилось. Целых четыре месяца он вел переговоры и не верил в искренность дона Сальваторе.

— Чарли, тебе нельзя идти туда одному. Давай я возьму автомат и спрячусь в багажнике твоей машины. Ты тоже возьми оружие. В случае чего мы разделаемся с «усатым папашей». Он придурок, не позволяет своим людям носить «томпсоны». Я срежу всех одной очередью.

— Нет, так нельзя, — запротестовал Чарли, — я дал слово, что приду один и без оружия. Поступить иначе я не имею права. Человек чести всегда держит свое слово.

Неаполитанец Вито, весьма далекий от всех этих сицилийских понятий, пожал плечами:

— Как хочешь. Дело твое.

Ровно в полночь, минута в минуту, Чарли приехал на Статен-

Айленд. Сальваторе Маранцано уже ждал его, прохаживаясь взад-вперед по пустому доку. Как полагалось по обычаю, дон обнял Чарли и поцеловал в обе щеки.

— Buon jorno, figlio mio[22].

Однако Чарли не стал целовать ему руку, тем самым демонстративно нарушив неписаный закон мафии. Глаза Маранцано гневно потемнели:

— Я вижу, ты ничуть не изменился.

Луканиа примирительно сказал:

— Дон Сальваторе, у нас это не принято.

Усевшись на ящик, Маранцано процедил:

— Иногда я сильно сомневаюсь, что ты родился на Сицилии.

Чарли начал терять терпение.

— Нам надо поговорить о другом, — довольно резко произнес он.

Маранцано пренебрежительно отмахнулся:

— Знаю, знаю, что ты скажешь. Джо Босс — плохой босс. Странно, что ты так долго терпел его ругань. С твоими-то амбициями.

— У меня не было выбора, — угрюмо ответил Чарли.

— Выбор всегда есть, — назидательно изрек Маранцано, — но я не виню тебя. Ибо, как говорили древние римляне: «Еггаге humanum est»[23]. Но никому не позволено ошибаться дважды. Этого я тебе простить не могу.

Чарли молчал, понимая, что для дона настал час торжества. Маранцано придвинулся к нему вплотную, лицом к лицу:

— Я снова смогу доверять тебе только в одном случае: если ты убьешь Массерию.

— Дон Сальваторе, — Луканиа перевел дух, — это моя давняя мечта.

— Не сомневаюсь. Но убить его должен именно ты. Потому что слишком много грехов за тобой накопилось. Никто другой такой чести не достоин.

Чарли не обманывался посулами Маранцано. Старый дон заманивал его в капкан. По законам Общества Чести на убийство человека такого уровня, как Массерия, требовалась санкция глав всех двадцати четырех семейств. Совет донов — Comissione — должен был собраться на тайный сицилийский суд и коллегиально вынести приговор Массерии, если его вина будет доказана. Иной образ действий означал неминуемую смерть для исполнителя убийства. Потому-то мафия и смогла подняться так высоко, что ее ряды не разъедали внутренние разборки. На американской земле еще не было случая, чтобы какой-либо дон погиб от рук сицилийцев. А Маранцано не собирался созывать

Comissione. Приказ убить Массерию он отдал самостоятельно с целью сведения своих личных счетов с Джо Боссом.

И первое, и второе противоречило законам мафии. Но после смерти Массерии Маранцано, без сомнения, станет капо ди тутти капи, то есть особой неприкосновенной. Зато Чарли Луканиа в любом случае подлежал немедленной ликвидации. Сразу, как только Массерия покинет этот мир.

— Я не согласен, — твердо ответил Чарли.

— Вот так, да? — Лицо Маранцано исказила гримаса ненависти. — Наконец-то ты снял маску, бамбино. Под ней у тебя змеиная чешуя.

Дон вскочил на ноги:

— Идите сюда!

Груда ящиков в углу с грохотом обвалилась. Оттуда вышли шесть широкоплечих парней, лица которых скрывали цветные платки. Несколько быстрых, режущих ударов — и Чарли Луканиа скорчился на ходу. Его подвесили за руки к потолочной балке.

— Эту ночь ты запомнишь надолго, — зловеще пообещал Маранцано, — если, конечно, останешься жив.

В руке одного из парней тускло блеснул кастет. Чарли ощутил страшный зубодробительный удар. Рот моментально наполнился кровью. В голове помутилось.

— Дай слово, что ты убьешь Массерию, — потребовал дон Сальваторе. Ненависть вскипела у Чарли в груди:

— Пошел ты на хрен, старый дурак!

Не помня себя от ярости, Маранцано выхватил нож и полоснул Луканиа по лицу. Лезвие рассекло кожу от глаза до подбородка. Маранцано хотелось изрезать наглеца на куски, но это была бы слишком легкая смерть. Сдержавшись, дон отошел в сторону.

Палачи сорвали с Чарли одежду. По голому телу застегали ременные пряжки.

— Твою мать! Мать твою! — орал он до хрипоты в легких.

— Заткните ему пасть! — взвизгнул Маранцано.

Кастеты вышибли Чарли все передние зубы. Стены дока поплыли и вдруг бешено закружились у него перед глазами.

— Он отрубился, — констатировал один из палачей. Маранцано приказал:

— Оболейте его водой.

Почувствовав холодное прикосновение, Чарли с усилием открыл глаза. Перед ним стоял Маранцано, играя лезвием ножа:

— Ну что, надумал?

Разорванные, залитые кровью губы чуть шевельнулись:

— Козел…

Маранцано отскочил в сторону как ошпаренный. Закончив перекур, палачи потушили о тело Чарли свои сигареты. Он только слабо вздрагивал.

— Дон Сальваторе, парень того… копыта сейчас откинет, — предупредил один из истязателей. Бросив последний взгляд на беспомощно обвисшее, искалеченное тело, Маранцано распорядился:

— Добейте его.

Палачи послушно намотали ремни с пряжками на огромные кулаки. Железо с чавканьем разрывало мягкую плоть. По рукам мучителей струилась липкая кровь. Жертва не подавала признаков жизни. Маранцано отвернулся и пошел к своей машине.

Тело Чарли завернули в брезент, чтобы не запачкать кровью сиденье. Маранцано курил одну сигарету за другой. Возле съезда с Гиланд-авеню на Хьюгенет-Бич дон решил остановиться:

— Выбрасывайте.

Распахнулась дверь. Почерневший от крови брезентовый кокон шлепнулся прямо в водосточную канаву. Взревел мотор. Автомобиль Маранцано резко рванул с места и скрылся за домами.

Около трех часов утра тело Чарли подобрал полицейский патруль. Копы невольно вздрогнули, когда поближе рассмотрели чудовищно отекшее лицо избитого человека. Они решили, что парень мертв. И если бы не поторопились сообщить оператору, что обнаружили труп, возиться бы с ним не стали. До смены им оставался всего час. Но сработал полицейский рефлекс. Поэтому патрульным пришлось доставить тело в ближайшую больницу. Как оказалось, не зря. Дежурный врач осмотрел его и сказал, что парень еще жив. Можно с уверенностью утверждать, что если бы полицейские знали, кому именно спасают жизнь, то объехали бы это место десятой дорогой. Пролом черепа, одиннадцать выбитых зубов, разрез правой щеки, угроза удаления правого глаза, восемь сломанных ребер, перелом большой и малой берцовой кости, перелом костей левого запястья, раздроблены большие пальцы, разрыв связок правого колена, многочисленные следы порезов лезвиями бритв и ножей на груди, ожоги по всему телу, множество синяков, большое количество разрывов кожных тканей — таков был печальный итог работы палачей Сальваторе Маранцано. Но Чарли выжил.

Первыми своего друга навестили Фрэнк Костелло и Мейер Лански. Даже их каменные сердца дрогнули при виде того, что сделали с Чарли. Оба полезли в карманы за платками, чтобы утереть слезы.

— О, Чарли, ты настоящий счастливчик! — воскликнул Мейер Лански.

— Да, — подтвердил Костелло, — именно счастливчик. Другой на твоем месте уже давно бы подох.

Вслед за мужчинами в палату ворвалась Гай Орлова. Она упала на колени перед одуревшим от боли и морфия сицилийцем.

— Чарли, о, Чарли!

Слезы ручьем хлынули из ее глаз, размазывая тушь по щекам. Больше она не смогла произнести ни слова. Только плакала, прижимая к груди руку Чарли. Костелло и Лански буквально вынесли Гай из палаты — ноги не повиновались ей. С тех пор за Луканиа окончательно утвердилось прозвище Лаки-Счастливчик. Он прославился в преступном мире как человек, сумевший перехитрить саму Смерть.

Три месяца Лаки неподвижно пролежал на больничной койке, мучимый жестокими болями. Его лечили лучшие врачи Нью-Йорка. Впервые за всю свою жизнь он имел возможность спокойно, неторопливо и тщательного размышлять. Прокручивая в голове десятки, а то и сотни вариантов, он мысленно выстраивал практически безошибочную стратегию будущих действий. Когда приходила Гай или кто-то из друзей, он возвращался из той мыслительной прострации, в которой пребывал почти постоянно. За все это время был только один неприятный визит, вызвавший у Лаки приступ раздражения. Явился Тони Морелло, личный телохранитель Джо Массерии, с целью передать ему соболезнования босса. Лаки сделал вид, что находится в отключке. Неловко потоптавшись вокруг него, Морелло поспешил уйти. Луканиа попросил врача об услуге: «Вы запомнили этого типа, док? Если он еще раз здесь появится, скажите, что я на процедурах». К моменту выписки он стал совершенно другим человеком. Более хитрым, расчетливым, безжалостным. Но мало кто из гангстеров догадывался, что выздоровление Чарли Лаки Луканиа означает знамение грядущей великой войны, которая раз и навсегда изменит преступный мир и унесет огромное количество жизней.

В результате переломов ребер Чарли усвоил привычку ходить очень прямо, слегка наклонив корпус вперед. На его лице навсегда сохранились рубцы и шрамы. Так как у него был поврежден нерв, правое веко наполовину закрывало глаз, придавая всему лицу выражение тревоги. Когда Чарли впервые появился на улице морозным январским днем 1930 года, в Нью-Йорке и во всей стране неистовствовала Великая Депрессия. Страшный, невиданный доселе биржевой крах 25 октября 1929 года пронесся по Америке, как смерч, разрушая и сметая все на

своем пути. Миллионы людей одновременно оказались за бортом жизни. Нищета достигла критического уровня. Сотни вчерашних миллионеров прижимали к виску пистолеты и кончали жизнь самоубийством. Кризис косил компании, корпорации и фирмы, как траву. Вся финансово-экономическая деятельность замерла на месте. Естественно, чудовищный кризис не мог не ударить по карману гангстеров. Люди напрочь забывали о каких бы то ни было развлечениях и сосредотачивались исключительно на выживании. Некому стало пить виски в подпольных кабаках, играть в рулетку, посещать публичные дома. Значительно упал даже спрос на наркотики. В условиях кризиса требовались принципиально новые идеи. И Фрэнк Костелло нашел, что предложить: игровые автоматы! Их конструкцию изменили таким образом, чтобы игрок, дернув за ручку, обязательно что-нибудь выигрывал. Опустив в щель десять центов, взамен можно было выиграть пакетик мятных конфет стоимостью три цента или жевательную резинку стоимостью один цент. Таким образом удалось обойти закон, запрещающий азартные игры в штате Нью-Йорк. К тому же мало кто из клиентов соображал, что их безбожно надувают. В считанные дни синдикат установил по всему Нью-Йорку до пяти тысяч автоматов, которые давали совокупный ежегодный доход в сумме восемнадцати миллионов долларов. Американцы быстро прозвали эти автоматы «однорукими бандитами». Полиция, разумеется, держалась в стороне, ибо «однорукие бандиты» находились под защитой мэра Нью-Йорка Джеймса Уолкера и губернатора штата Альберта Смита. Что и говорить: хорошо, когда повсюду друзья!

Тем временем противоречия между семействами Массерия и Маранцано резко нарастали. Преступный мир находился в ожидании большой войны. Полицейские, которые получали информацию от своих осведомителей, радостно потирали руки, прикидывая, сколько нежелательных для закона субъектов в скором времени покинет этот мир. Лаки Лючано, находившийся в эпицентре событий, пытался хоть как-то сдержать Массерию. Он хотел, чтобы война началась, когда это будет выгодно ему. Но на сей раз обстоятельства оказались сильнее. Их роковое стечение спровоцировало невиданной силы взрыв намного раньше, чем ожидалось.

11 января 1930 года в апартаменты Чарли в отеле «Барбизон плаза» ворвался Томми Луччезе, капореджиме, уже давно действовавший заодно с ним в обход Джо Массерии. Часы показывали полвторого ночи. Чарли и Гай безмятежно спали после роскошного ужина в ресторане «Дары моря». Понятно, что сицилиец был крайне недоволен вторжением Луччезе.

— Чарли, я очень сожалею, — извинился Томми, — но тут случай особый. Час назад я встретился в кабаке с Щербатым Петрелли и он рассказал мне, что Том Рейна ведет переговоры с Маранцано!

Услышав это, Лаки подскочил как ужаленный. Том Рейна возглавлял сильную сицилийскую группировку в Бруклине, которая занималась рэкетом в сфере поставщиков и потребителей льда. В те годы население Нью-Йорка использовало для хранения скоропортящихся продуктов так называемые ледники. Автомашины доставляли бруски льда на дом. Лед бросали в коридорах и прихожих домов вместе с бутылками молока. Ни один бар или ресторан не мог обойтись без льда. За сутки город потреблял огромное количество этого товара. Шайка Тома Рейны заколачивала бешеные деньги и крепко держала в руках монополию на поставки льда. Конечно, банда «ледовых рэкетиров» не могла сравниться по могуществу и влиятельности с каким-либо из пяти семейств. Поэтому, чтобы не потерять свой бизнес, Том Рейна решил примкнуть к семье Массерия. Он выплачивал Джо Боссу двадцать процентов прибыли за покровительство. Но в связи с кризисом Массерия потребовал увеличить отчисления процентов в два раза, чем поставил бизнес Тома Рейны на грань краха. Никакие уговоры, никакие доводы не могли заставить Джо Босса изменить решение. Ему не было дела до чужих проблем, он думал только о себе. Скрепя сердце Том Рейна согласился платить, отлично зная, что в случае неповиновения его просто прикончат наемные убийцы, а бизнес приберет к рукам все тот же Массерия. Единственным разумным выходом из создавшейся ситуации, по мнению Рейны, была смена покровителя. Сразу после Нового года он приступил к налаживанию контактов с семейством Маранцано. Капореджиме Гаэтано Гальяно и Щербатый Доминик Петрелли (ему в драке выбили два зуба) были вполне солидарны с боссом. Переход группировки Тома Рейны «под руку Маранцано» означал начало войны, поскольку реакция Массерии сомнений не вызывала.

Взволнованный этим известием, Лаки стал одеваться. Гай вздохнула:

— Знаешь, Чарли, иной раз мне очень не нравится твоя беспокойная жизнь.

— Но именно поэтому тебе со мной интересно, — ответил он, целуя ее на прощание.

— Когда ты вернешься, милый?

— Я позвоню тебе…

Всю ночь Лаки Лючано и Томми Луччезе решали, как быть дальше. Наступившее утро принесло новый сюрприз. Джо Босс

вызвал Чарли в свой офис на Второй улице и отдал приказ:

— Ты должен заняться Томом Рейна. Этот кусок дерьма хочет меня наколоть и стать под Маранцано. Пускать его в расход пока что подождем. У тебя хорошо подвешен язык, чеши сейчас в Бруклин и поговори с ним. Рейна должен остаться с нами. Ты отвечаешь за него своей головой.

На следующий день все тот же Томми Луччезе рассказал Чарли, что Массерия вчера вечером собрал всех капо на сходку.

— Меня никто не предупредил, — заволновался Лаки.

— Там были все, кроме тебя, — ответил Томми. — Джо сказал, что тебе верить нельзя.

— Пошел он… О чем там шла речь?

— Массерия составил список, кого надо убрать. Там вся верхушка семьи Маранцано. Первыми пойдут в расход Джо Бонанно и Джо Профачи. Это будет 15 января.

— Послезавтра?! — ахнул Луканиа, но тут же взял себя в руки. — Слушай внимательно. Ты знаешь это место — Уостер-Бэй на Лонг-Айленде?

Томми кивнул.

— Там есть такая старая калоша, называется «Биг баррел полка». Завтра в полночь приходи туда. Соберется Высший Совет синдиката. Будем решать, что делать дальше.

14 января 1930 года в кают-компании заброшенного танкера «Биг баррел полка», стоявшего на приколе в гавани Уостер-Бэй, собрались Фрэнк Костелло, Джо Адонис, Багси Сигел, Вито Дженовезе и Томми Луччезе. Председательствовал Чарли Луканиа.

— Вот что я хочу вам сказать, ребята. Сейчас решается наша судьба. Я первый повис на крючке. Следующим может быть любой из вас. Том Рейна решил переметнуться к Маранцано. Переговоры идут через посредников из семейства Маранцано — Бонанно и Профачи. Массерия скрыл от меня, что хочет убрать их, и одновременно приказал мне только поговорить с Томом Рейна, хотя знает, что Рейна — предатель. Вот и получится: посредники Маранцано сыграют в ящик, а Рейна останется жив. Понятно? Маранцано решит, что я испортил ему обед, и прикажет меня убрать.

— Надо шлепнуть Массерию! — закричал Багси Сигел. — Чарли, доверь это мне.

— Прежде надо предупредить Бонанно и Профачи, — перебил Костелло, — пусть пока залягут на дно.

— Я встречусь с ними сегодня же, — отозвался Вито Дженовезе.

— Вот это правильно, — сказал Чарли, — но главное, что мы

должны сделать, это…

Предложение Чарли одобрили единогласно.

26 января 1930 года Том Рейна отправился в Бронкс в гости к своей тетке, которая к тому же отлично готовила. Около восьми часов вечера он вышел из такси возле дома № 35 по Шеридан-авеню. В предвкушении хорошего ужина Рейна заспешил к подъездным воротам.

— Эй, Томми! — окликнули его. Рейна обернулся. Сзади его нагонял Вито Дженовезе. Раньше им несколько раз приходилось работать вместе, поэтому Рейна решил, что Вито пришел по делу. Он зашагал навстречу Дженовезе, на ходу протягивая руку. Вито тоже протянул руку, которая оказалась очень длинной, потому что в ней был зажат обрез 12-го калибра. Том Рейна даже не успел удивиться, а Дженовезе уже нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел. Грудь Рейны разворотил заряд крупной дроби. Он был уже мертв, но Вито для верности еще раз выстрелил ему в голову.

Дальнейшие события развивались стремительно. Внезапная смерть Тома Рейны привела в замешательство и Маранцано, и Массерию. Первый думал, что Джо Босс узнал о предательстве и приказал убрать его. Второй считал, что излишняя медлительность Рейны в переговорах почему-то вызвала у Маранцано подозрение и дон решил проучить его. Из этих двоих первым ошибся Массерия. Решив, что «кастелламарский ублюдок» оказал ему добрую услугу, ликвидировав Тома Рейну, Джо Босс воспользовался своей иллюзорной удачей, дабы вернуть «ледовых рэкетиров» под свою руку. Гаэтано Гальяно и Доминик Петрелли получили приглашение в офис на Второй улице. Джо Босс объявил им, что группировка Рейны вливается в его семью. Старшим капо он назначил своего человека Джо Пинцоло. Однако Массерия не рассчитал последствий. Во-первых, Сальваторе Маранцано убедился в правильности своей версии насчет убийства Рейны. Во-вторых, Гальяно и Петрелли так же ненавидели Массерию, как и их покойный босс, и возобновили тайные переговоры с семьей Маранцано. В-третьих, Джо Пинцоло вызывал у обоих капо не меньшее раздражение, чем его босс Массерия.

Во время секретной встречи в портовой зоне дон Сальваторе Маранцано торжественно пообещал Гальяно и Петрелли, что никогда не будет вмешиваться в их бизнес, а за покровительство запросил всего лишь пятнадцать процентов. Не долго думая, капореджиме поцеловали руку Маранцано. Старый дон обнял их и назвал своими сыновьями, а они, в свою очередь, почтительно назвали его отцом. Заручившись поддержкой семейства

Маранцано, Гальяно и Петрелли приступили к действиям.

Джо Пинцоло важно восседал в кабинете шефа «Фреш Айс компани», которой раньше руководил Том Рейна. К нему без стука вошел Петрелли с двумя револьверами в руках. Щербатый стрелял до тех пор, пока не опустели патронные барабаны. Теперь Джо Пинцоло был больше похож на решето, чем на человека. На пару с Гальяно Доминик Петрелли запаял труп Пинцоло в огромную глыбу льда и в таком виде отправил в офис Джо Массерии. На следующий день двое неизвестных застрелили в Бруклине Кармине Джиганте, капо семейства Маранцано. Пламя междуусобной войны, столь долго тлевшее, наконец вспыхнуло, жадно впитывая в себя человеческую кровь.

Глава 10
Кастелламарская война

Так уж получилось, что оба противоборствующих босса — и Маранцано, и Массерия — были родом из Кастелламаре-дель-Гольфо, горной провинции к юго-востоку от Палермо.

Большая разборка двух земляков-сицилийцев представляла собой уникальный случай. Даже в семейства того и другого дона входили кастелламарцы. Раньше они устраивали совместные кутежи в ресторанах, а теперь смотрели друг на друга сквозь прорезь прицела. Термин «кастелламарская война» возник сам собой. Иного названия просто быть не могло.

Когда Джо Бананно и Джо Профачи внезапно исчезли за несколько часов до их запланированной ликвидации, Массерия понял, что в семье завелась «крыса» — предатель. Был ли это Лаки Лючано? Массерия склонялся к мысли, что нет. Он ничего не знал о готовящейся чистке. Значит, оставались десять «капо», которые присутствовали на сходке. Массерия до боли стиснул зубы. Подонки недоношенные, мрази! Он возвысил их, сделал уважаемыми людьми, без него все эти straccie были бы никем и ничем. И вот их благодарность! За все хорошее, что он для них сделал, они отплатили ему предательством. Война еще не началась, а Массерия подозревал всех и каждого. Сначала Рейна, теперь кто-то из капореджиме, а что же будет потом? Быстро разобраться с Маранцано не получится, при всем своем самомнении Джо Босс не рассчитывал на блицкриг. Однако предпринять меры к поиску «крысы» так и не успел. Убийство Тома Рейны спутало все его планы. Через две недели очередное предательство: капореджиме Рейны застрелили одного из самых надежных людей, Джонни Пинцоло, и перешли на сторону Маранцано. Массерия понял, что теперь остается только одно — война до победного конца, до полного истребления семейства Маранцано. И, уже ни о чем не думая, бросился в драку.

15 февраля 1930 года возле административного небоскреба на Парк-авеню, 230, где располагался принадлежавший Маранцано офис «Игл билдинг корпорейшн», прогремел мощный взрыв. Бомба с часовым механизмом была заложена в легковой «Форд», начиненный динамитом. Неизвестные поставили автомобиль напротив входа в офис. Они знали, что Маранцано регулярно приезжает сюда в полдень. По странному капризу судьбы «Кадиллак» дона Сальваторе попал в пробку возле Бруклинского моста, и Маранцано подъехал к офису пятнадцать

минут спустя после взрыва. Вместо старого дона разнесло в клочья с десяток случайных прохожих. Около тридцати человек получили ранения различной степени тяжести. Возмущение общественности, как это бывает в самом начале гангстерской войны, не имело предела. Хотя Массерию тоже можно было понять. Телохранители Маранцано знали в лицо всех его специалистов-ликвидаторов, а посылать на такое важное дело неопытных юнцов не имело смысла. Ни один профессиональный убийца Массерии не смог бы подойти к офису Маранцано на дистанцию прицельного огня. Поэтому Джо Босс решил взорвать врага динамитом, как это часто делают в Сицилии, а заодно нагнать страху на всех его людей. Массерия много слышал о так называемом «Бруклинском объединении», которое возглавлял Лепке Бачелтер. Он также знал, что некий Альберт Анастасиа, один из директоров фирмы киллеров, является крупнейшим в Нью-Йорке специалистом по применению взрывных устройств. Коллеги по ремеслу даже придумали Анастасиа профессиональную кличку — Бам-Бам. Все они были друзьями Лаки Лючано, и через него Массерия передал заказ на ликвидацию Маранцано. Чарли было все равно: или Массерия прикончит Маранцано, или, наоборот, Маранцано шлепнет Массерию. Его одинаково устраивал любой вариант. Но старый дон остался жив и тут же нанес ответный удар.

Примерно через неделю после взрыва на Парк-авеню четверо мужчин, личности которых опять же установить не удалось, с тяжелыми чемоданами в руках поднялись на крышу небоскреба на Второй улице. Как раз напротив находились окна офиса Джо Массерии. Неизвестные раскрыли чемоданы, спокойно, неторопливо собрали четыре ручных пулемета Томпсона 45-го калибра и открыли по офису Джо Босса шквальный огонь. Расстреляв по нескольку магазинов, они бросили оружие и скрылись. Все продолжалось не более полутора минут, так как ручной пулемет Томпсона обладал рекордной по тем временам скорострельностью — 800 выстрелов в минуту. Полицейские, прибывшие на место происшествия, обнаружили четыре еще горячих ствола и внушительные россыпи стреляных гильз.

Эта акция не имела практического значения, так как стрелявшие даже не знали, есть Массерия в офисе или его там нет? Как и в первом случае, пострадали совершенно посторонние люди, служащие торговой фирмы Джо Босса. Дон Сальваторе Маранцано решил таким образом напомнить о себе, показать, что жив, находится в добром здравии и плевать хотел на своего врага Массерию. После первоначального «обмена любезностями» в войне наступила угрожающая пауза. Оба босса ушли в глубокое

подполье и не могли достать друг друга. Растрачивать силы на бесполезные удары по мелкой сошке не имело смысла. Маранцано и Массерия не собирались мириться, но каждому было необходимо время для поиска новой тактики, которая позволила бы одержать бесспорную победу в войне. Однако перемирие не входило в планы Чарли Луканиа. Ему была выгодна кровавая бойня с большим количеством жертв с той и другой стороны.

Лаки вызвал к себе Лепке Бачелтера и Альберта Анастасиа.

— Не нравится мне эта тишина, ребята, — сказал он, — совсем не нравится. Если «усатые папаши» сами не хотят бить друг другу морды, их надо столкнуть лбами, да так, чтобы искры посыпались.

Лепке заверил:

— Наша фирма к твоим услугам, Чарли. Кого бы ты хотел заказать?

— Надо подумать. — Чарли приложил палец ко лбу. — Вся штука в том, чтобы как следует разозлить одного старикашку. Дальше все завертится само собой.

Альберт Анастасиа, державшийся скромно и незаметно, вдруг заговорил:

— Чарли, знаешь, у меня есть идея.

Лаки и Лепке повернулись к нему.

— Выкладывай.

— Надо кокнуть Тони Морелло.

Чарли Луканиа некоторое время молчал.

— А что, пожалуй, сработает, — наконец решил он, — действуй, Альберт.

Энтони Морелло имел репутацию сверхосторожного, когда речь шла о безопасности Джо Массерии. На протяжении двенадцати лет он был личным телохранителем, как тень, всюду сопровождая босса. Настоящий сицилиец старого уклада, Морелло не колеблясь подставлял грудь под пули, считая за честь прикрыть дона своим телом. Он был единственным человеком в семье, в чьей преданности Джо Босс никогда не сомневался и кого по-настоящему уважал. По-своему привязавшись к Тони Морелло, Массерия ставил его в пример, как истинного человека чести. Простой «солдат», Морелло был побогаче иного капореджиме, так как босс выделил для своего любимца очень жирный кусок. В Ист-Гарлеме он имел собственную контору и входил в десятку крупнейших ростовщиков. Кроме того, для выбивания долгов Морелло сколотил собственную банду, и Джо Массерия смотрел на это сквозь пальцы. Практически все время, свободное от работы в семье, Морелло проводил в своей конторе. 15 апреля

1930 года он находился там вместе со своим помощником Эдди Париано, занятый раскладыванием долларов в аккуратные плотные пачки. Морелло только мельком взглянул на дверь, открывшуюся, чтобы впустить Фрэнка Скализе и Альберта Анастасиа. Париано вовсе не отрывался от работы.

— Две минуты, ребята, и я все закончу, — сказал Тони Морелло, поплевал на пальцы и стал считать дальше.

Но Скализе и Анастасиа не захотели ждать. Выхватив из-под плащей ружья 12-го калибра, они открыли огонь. Как стая зеленых птичек, внезапно выпущенных из клетки на свободу, деньги разлетелись по всей комнате. Крупная дробь разворотила спину Тони Морелло от плеч до поясницы. С зажатыми в пальцах долларами он боком повалился на пол. Насмерть перепуганный, оглохший от грохота, Эдди Париано забился в угол. Анастасиа не спеша подошел к неподвижному Морелло, лязгнул затвором, упер ствол в затылок мертвеца и нажал на спуск. Заряд дроби вдребезги разнес череп Морелло. Брызги мозга вперемешку с клочьями кожи и мяса разлетелись, что называется, на триста шестьдесят градусов. Расширенными от ужаса глазами Париано наблюдал, как улыбающийся убийца поднес ко рту дымящийся ствол и подул. Эдди надеялся, что все уже кончено, но Скализе и Анастасиа никуда не торопились.

— Эй, сосунок, — позвал Скализе, — принимайся за работу. Собери бабки, разложи и упакуй вон в те чемоданы. Да смотри, считай внимательно и попробуй только ошибиться хотя бы на доллар. Ну!

Париано подчинился. Его руки тряслись так, будто он месяц был в запое. Когда два чемодана наполнились пачками долларов, Скализе спросил:

— Сколько?

— Тридцать одна тысяча двести, — дрожащим голосом пролепетал Париано.

— Точно?

— Да, синьор.

— Ну, спасибо, — с этими словами Скализе выстрелил ему в живот. Секундой позже грохнуло ружье Альберта Анастасиа.

Когда Томми Луччезе принес боссу известие о гибели Морелло, Джо Массерия долго молчал. Он только что потерял единственного друга, который был у него на этом свете. Жестом руки отпустив Луччезе, Массерия заперся в своем кабинете. Он вышел оттуда примерно через два часа сильно пьяным и приказал срочно собрать всех капо. Его глаза горели недобрым огнем. В присутствии съехавшихся капореджиме он дал выход своей ярости.

— Жирная свинья Маранцано убивает моих лучших людей! Я этого не потерплю, мать его! С сегодняшнего дня я приказываю мочить всех ублюдков Маранцано. Всех до единого! И запомните: я не успокоюсь, пока не отправлю в ад последнего выродка во главе с этим сыном шлюхи. Все, идите. За работу, за работу, черт вас всех возьми! Каждый день вы должны приносить мне свежую голову, чтобы я мог плюнуть им в глаза.

«Капореджиме» расходились в мрачном раздумье, бледные и подавленные. То, что затевал Массерия, остановить уже не удастся. Несомненно, в ответ Маранцано отдаст своим людям аналогичный приказ — и кровавый водоворот может увлечь всех. Один лишь Чарли Луканиа пребывал в отличном настроении. События развивались так, как он планировал, и это было самое главное.

Весь остаток весны кровь на улицах лилась ручьями. Отряды Массерии и Маранцано попеременно проникали на вражескую территорию, беспощадно убивая каждого, кого удавалось застать врасплох. Никогда еще Нью-Йорк не видел такого количества жертв. За полтора месяца семьдесят два человека было убито и свыше ста ранено. Подобных масштабов кровавая мясорубка достигала разве что в Чикаго, где властвовал Аль Капоне. Федеральная власть не предпринимала ни малейших попыток установить хоть какое-то подобие порядка в городе. Полиция держалась в стороне от «великой резни». Городские жители постепенно привыкли к уличным перестрелкам и уже автоматически бросались на землю, заслышав выстрелы. Словом, жизнь шла своим чередом. Никто не мешал гангстерам выяснять отношения. Маранцано и Массерия пустили по следу друг друга команды своих лучших специалистов-ликвидаторов. Со всей страны в Нью-Йорк съехались наемные убийцы без роду без племени, которым враждующие боссы обещали за шкуру противника неслыханные гонорары. По крайней мере пятьдесят киллеров рыскали по городу, пытаясь выследить одни — Массерию, другие — Маранцано. Доны, жизнь которых висела на волоске, без конца меняли «норы» и на пушечный выстрел не приближались к своим офисам. Меры безопасности были предельно ужесточены. Каждого дона сопровождали по пятнадцать-двадцать телохранителей. Но все же иногда убийцам удавалось добраться до них.

…В один из жарких июльских дней 1930 года Питер Грилло, профессиональный убийца из Кливленда, крутился на своем «Бьюике» по бруклинским улицам, пытаясь отыскать убежище Сальваторе Маранцано. У него была информация, что серебристый «Кадиллак» дона видели где-то в районе Оушен-

авеню. На одном из бесчисленных перекрестков Грилло остановил машину, так как зажегся красный свет. Обычно он плевать хотел на это, но тут дорогу переходили слишком много людей. От нечего делать Грилло стал смотреть по сторонам и вдруг увидел на противоположной полосе черный «Олдсмобиль», за рулем которого сидел мощный, широкоплечий мужчина с бульдожьей мордой. Грилло тотчас узнал его. Это был Джироламо Сантуцци, бывший профессиональный боксер, личный телохранитель Маранцано.

Зажегся зеленый свет. Не обращая внимания на отчаянный рев клаксонов, Грилло развернул «Бьюик» и аккуратно сел на хвост черному «Олдсмобилю». Он надеялся, что Сантуцци приведет его к своему боссу. Так и вышло. Как оказалось, Маранцано стягивал людей для обеспечения безопасности переезда в другую «нору» где-то в Бронксе.

Из подъезда потоком текли вооруженные «Томпсонами» телохранители. Заметив гангстеров, прохожие стали торопливо разбегаться. Питер Грилло закусил губу. При себе у него был только «кольт». Девять шансов из десяти, что «гориллы» Маранцано понаделают в нем дырок. Но оставался один маленький шанс на внезапность. Перед глазами Грилло заплясали цифры обещанного Массерией гонорара — пятьдесят тысяч долларов. За такие деньги стоило рискнуть. Нельзя же бесконечно колесить по улицам в поисках более благоприятного случая, на который все равно надежды нет. Маранцано на тот свет не торопится, поэтому при нем всегда будет такая охрана. И Грилло решился. Когда из подъезда вышел усатый тучный мужчина в дорогом костюме, он до упора выжал педаль газа. Взревев мотором, «Бьюик» в одно мгновение пролетел сто метров, отделявшие убийцу от цели. Чтобы прижать людей Маранцано к земле, Грилло начал стрелять еще по ходу движения. Дон бросился на землю. Телохранители открыли беспорядочный огонь. На столь узкой площади их было слишком много. Пули 45-го калибра тут же уложили двоих наповал. Грилло ударил по тормозам. В азартном исступлении он водил пистолетом из стороны в сторону, пытаясь в мешанине тел отыскать дорогой костюм темно-коричневого цвета. Охрана Маранцано уже очухалась. Автоматная очередь вдребезги разнесла задние боковые стекла. В барабане у Грилло осталось только два патрона. Он выстрелил наугад и в кого-то попал, но не был уверен, достал ли Маранцано. Бросив «кольт» на сиденье, Грилло нажал на газ. Вслед уходящему «Бьюику» яростно лаяли «томпсоны». Вдруг горячая пуля обожгла ему плечо, другая чиркнула по шее, еще одна острым жалом впилась в бок.

Выворачивая баранку одной рукой, Грилло сумел уйти. Бледный, окровавленный, скрипящий зубами от боли, он предстал перед Джо Массерией.

— Двадцать минут назад я стрелял в Маранцано. Убил нескольких его людей.

— А Маранцано? Ты попал в него?! — закричал Джо Босс.

— Точно не знаю, — сквозь зубы выдавил Грилло, — там было полтора десятка псов с «томпсонами». Я не видел, что стало с Маранцано. Еле ноги унес.

Хотя «жирный подонок», похоже, уцелел, мужество этого парня произвело впечатление на Джо Массерию.

— Скажи-ка, какой отчаянный! Сунулся на «томпсоны». А ты, мать твою, оказывается крутой парень. Иди к «банкиру», получишь десять кусков. За головы «горилл» Маранцано.

Две недели спустя на зубах наемников затрещали кости самого Массерии. Это случилось в Бронксе. Двое братьев Джентиле — Чарли и Фрэнк — профессиональные убийцы из Детройта, которых прислал своему другу Маранцано дон Джованнино Прицоло, рыскали по городу, выслеживая Джо Босса. На Шеридан-авеню братья столкнулись с кортежем из пяти автомобилей. Находившийся за рулем Чарли Джентиле не успел их как следует рассмотреть, зато сидевший рядом Фрэнк заорал:

— Поворачивай, кретин! За теми пятью тачками, быстро! В третьей с хвоста — наш клиент.

«Форд» с братьями Джентиле устремился в погоню. Яростно ругаясь, Фрэнк вытащил из-под сиденья автомат. План атаки составили на ходу: сначала отсечь огнем две задние машины с охраной, а затем без помех прикончить Массерию.

Высунув ствол «томпсона» из окна, Фрэнк Джентиле короткой очередью снес череп водителю концевой машины. Потерявший управление «Понтиак» вылетел на тротуар и с грохотом врезался в витрину. Из второй машины открыли ответный огонь. Уклоняясь от пуль, Чарли резко вильнул.

— Не мельтеши, придурок! — крикнул Фрэнк. — Сбиваешь с прицела!

На огромной скорости автомобили неслись по Шеридан-авеню, отчаянно взвизгивая тормозами на крутых поворотах. Пули охранников Массерии наконец настигли нападавших. Лобовое стекло мгновенно превратилось в сплошную паутину трещин.

— В бога, в душу, в всех святых! — завопил Чарли.

— Ближе, подойди ближе! — орал Фрэнк.

— Я не вижу ни хрена!

Заряд дроби ударил в стекло, немного расчистив обзор. В

глаз Чарли впился осколок. Рукав рубашки на плече Фрэнка почернел от крови, но он вошел в азарт и ничего не замечал.

Длинной очередью Фрэнк Джентиле прошил насквозь вторую машину. «Крайслер» рыскнул в сторону и завертелся волчком.

— Да! Да! Да! Я их сделал! Давай, Чарли, жми. Сорок кусков наши!

У младшего брата мутилось в голове. Глаз разрывала адская боль. Только закалка, полученная в трущобах, позволяла Чарли кое-как держаться. «Форд» поравнялся с «Линкольном» Массерии. Торжествующий Фрэнк Джентиле нажал на спусковой крючок. Но вместо выстрела «томпсон» сухо щелкнул. Магазин был пуст. Отчаянный вопль Фрэнка было слышно на два квартала окрест:

— М-м-ма-а-а-ать т-тво-о-о-ю-у-у-у!!!

В следующий миг телохранитель Джо Босса метким выстрелом разнес ему голову. Брызги мозга залепили Чарли лицо. Уже ни о чем не думая, он выкрутил руль и перевел «Форд» на соседнюю полосу.

В последние месяцы Маранцано и Массерия не раз попадали под пули. Телохранители обоих гибли как мухи, один за другим, но боссы оставались целехоньки. Будто какое-то проклятие довлело над людьми старых донов. Они умирали, число убитых приближалось к ста пятидесяти, а Маранцано и Массерия были целы и невредимы. Казалось, судьба специально хранила их для того, чтобы перед смертью они утопили Нью-Йорк в реках крови, иначе как объяснить, что люди Маранцано, устроившие засаду в Бронксе, прикончили Стивена Ферриньо, сидевшего справа, убили Аль Минео, который был слева, а находившийся между ними Массерия не получил даже царапины? Слушая все эти разговоры, Чарли Луканиа невольно улыбался. Да, он чувствовал, вот оно — vocazione. Все происходящее, как нарочно, было на руку только ему одному. И только он был тем избранником, на чьем плече действительно лежала рука всемогущей Судьбы.

В феврале 1931 года Чарли Луканиа решил, что «усатые папаши» достаточно постреляли друг в друга, пора одного из них убирать. Легче всего было добраться, конечно же, до Массерии. Но сначала требовалось сделать превентивный логический шаг, то есть заручиться поддержкой дона Сальваторе. Как это было год назад, контакт с семьей Маранцанно установил Вито Дженовезе. Посредниками выступили Томми Луччезе и Тони Стролло. Маранцано назначил встречу в зоопарке Бронкса, между клетками тигров и львов. По своему обыкновению он приехал на место первым. Его сопровождали «капореджиме» Джо Боннано и Джо Профачи. В свиту Чарли вошли Джо Адонис, Томми Луччезе и Багси Сигел. Увидев еврея, дон Сальваторе брезгливо

поморщился, но что поделать: сейчас не время открыто проявлять свой антисемитизм.

Они не стали обниматься. Даже не протянули друг другу руки. Маранцано провел указательным пальцем по своей щеке от глаза до подбородка:

— Шрамы украшают мужчину.

На миг Чарли перенесся в ту кошмарную ночь и как наяву увидел перед собой Маранцано с ножом в руках.

Но ничем себя не выдал.

— Ты не можешь не признать, что я был прав тогда, — продолжал дон. — Если бы Массерия вовремя исчез, сколько хороших людей сейчас были бы живы. А теперь видишь, что получилось, бамбино?

Не сдержавшись, Чарли вскипел:

— Для тебя я мистер Луканиа!

Маранцано поднял брови:

— Надеюсь, ты позвал меня не для того, чтобы спорить со мной?

— Нет. Я хочу поговорить насчет Массерии.

— А о чем тут можно говорить?

Тигры в клетке злобно зарычали. Этот рык подхватили львы. Маранцано улыбнулся:

— Посмотри на них. Они убивают только когда это необходимо. Поэтому вызывают к себе уважение. В отличие от бешеного пса, который убивает просто так, потому что ему это нравится. Бешеных псов всегда уничтожают, ибо от них один лишь вред. Так вот, Массерия — это бешеный пес.

— Я думаю, мы поняли друг друга, — сказал Чарли.

— Я буду ждать известия о том, что бешеный пес сдох, — напыщенно произнес Маранцано.

— Главное, что будет потом.

— Кровь не прольется между нами, — поклялся дон, — мы можем жить, не мешая друг другу.

— Согласен, — Чарли протянул ему руку. — Тогда жди новостей, дон Сальваторе.

— Cum deo[24]. — ответил тот. — Эта война никому не нужна.

— Совершенно не нужна.

— Прекратив ее, мы окажем всем великое благодеяние.

— Сейчас ты говоришь, как истинный сицилиец. Мы люди чести, galantumos, мы всегда сможем договориться.

Они расстались, пожав друг другу руки, как настоящие друзья, которым нечего делить.

…15 апреля 1931 года Чарли Луканиа появился в кабинете Джо Босса не в самое лучшее время. Массерия с треском выставил

за дверь капореджиме, который отвечал за ликвидацию Маранцано. Люди незадачливого капо выслеживали главу враждебного семейства почти месяц и не могли его найти.

— Ты на хрен никуда не годишься! — кричал Массерия. — Прикончи Маранцано, или на твое место я поставлю другого парня.

— Побереги нервы, Джо, — посоветовал Лаки.

Массерия отмахнулся:

— С этим придурком по-другому нельзя. Толстый подлец Маранцано шляется по всем ресторанам Вест-Сайда — вчера, к примеру, его видели у Сарди, — а этот идиот со своими кретинами ищет его в Бронксе!

— Тебе надо расслабиться, Джо. Хочешь, поедем к Скарпато, на Кони-Айленд? Он мой друг, к тому же у него лучшая итальянская жратва в городе. Я угощаю, — добавил Лаки.

Массерия задумался. Кони-Айленд — спокойный район, далеко от зоны сражений. Трудно ожидать там появления людей Маранцано. К тому же платить не придется, а «Нуова вилла Тампаро» довольно дорогой ресторан и кухня там действительно превосходная.

В голосе Лаки послышалось раздражение:

— Джо, нельзя же все время думать о том, как убрать Маранцано. Чего доброго, винты в башке полетят.

— Едем, — решился Джо Босс.

Владелец ресторана «Нуова вилла Тампаро» Джерардо Скарпато встретил высоких гостей с должным уважением. Несмотря на то что зал был переполнен, для них нашелся свободный столик. Скарпато закрепил за ними двух официантов.

Жрать за чужой счет Массерия не стеснялся. Напротив, он думал, что раз Чарли такой лопух, значит, распотрошить его надо по максимуму. Сначала Джо Босс слопал огромное блюдо спагетти с майонезом и пармезаном. Затем до костей обглодал жареную утку. После утки с удовольствием съел лангуста с овощным салатом. От пищи морской вновь перешел на сухопутную: приговорил большую порцию сыра горгонзола с приправой из спаржи. Далее последовал эклер с шоколадом и розовым кремом. На десерт Массерия заказал кекс с орехами и цукатами. Все это он запивал немыслимым количеством кьянти. В общей сложности Массерия жрал без перерыва три часа подряд.

Чарли Луканиа ел и пил мало. «Зубы болят», — объяснил он, заметив вопрошающий взгляд Массерии. Внешне его лицо было непроницаемо, но в душе он хохотал до упаду. Чарли не мог не знать, что Массерия считает его болваном, так как этот обед, плавно переходящий в ужин, обошелся в кругленькую сумму. Вот

только если бы кто-нибудь сказал Джо Боссу, что это последняя трапеза в его жизни, аппетит у него наверняка пропал бы. Но в том-то и состоит смысл древней сицилийской церемонии так называемого «погребального ужина». Приговоренный к смерти не догадывается об ожидающей его печальной участи и уходит в мир теней с туго набитым желудком. Таково понятие сицилийского милосердия: накорми досыта, напои, а потом убей. Хотя Чарли Луканиа не был сторонником древних традиций мафии, убрать Массерию он решил «классическим способом».

Часы показывали десять вечера. Ресторанный зал опустел. Только Массерия с чавканьем доедал свой кекс. Глядя куда-то в сторону, Чарли курил сигарету. К ним подошел Джерардо Скарпато.

— Мистер Массерия, мистер Лючано, своим посещением вы оказали большую честь моему ресторану. Оставайтесь здесь сколько угодно, специально для вас на кухне работают люди, а мне пора домой.

Когда Скарпато ушел, Массерия предложил сыграть партию в клоб. Чарли посмотрел на часы и поднялся:

— Хорошо. Ты пока раздавай, а я схожу помою руки.

Массерия не догадывался, что подлинная причина его ухода была в другом. Он слишком увлекся картами. Раздал, перевернул те, которыми должен был играть Чарли, вытащил оттуда туза бубен, взамен положил свою девятку пик. Но вместо Лаки в зал вошли четыре человека. В один миг Массерия узнал Анастасиа, Дженовезе, Джо Адониса и этого подлого жида Сигела. А за спинами незваных гостей стояла сама Смерть. Понимая, что сейчас должно произойти, Джо Босс так и застыл с тузом в руке. Убийцы вытащили оружие и взяли Массерию в полукольцо. В руке у каждого был «кольт» 38-го калибра. Первым выстрелил Багси Сигел. Затем выстрелы затрещали один за одним, сливаясь в единую грохочущую мелодию смерти.

Джо Массерия принял в себя шесть пуль. Еще восемнадцать угодили в паркет и в стены. Расстреляв все патроны, убийцы повернулись и неторопливо вышли на улицу. Грузная туша Массерии неподвижно замерла на полу в луже крови. Вернувшись в зал, Чарли Луканиа с минуту смотрел на труп Джо Босса. Он думал о том, какую огромную работу пришлось проделать для того, чтобы все вышло именно так. Вдоволь налюбовавшись, Чарли позвонил в полицию.

Следствие сразу зашло в тупик. Прибывшим полицейским Чарли сообщил, что ничего не видел, только слышал выстрелы.

— А где вы находились в это время? — спросили у него.

— В туалете, — спокойно ответил Чарли. Свидетельские

показания не дали следствию ни малейшей зацепки. Случайные прохожие видели сцену бегства предполагаемых убийц, но не могли вспомнить ни марку автомобиля, ни примет его пассажиров, так как было довольно темно. Удалось лишь выяснить, что водитель не смог завести мотор, и тогда один из неизвестных, вышедших из ресторана, сам сел за руль, после чего машина спешно отъехала.

Смерть Массерии подоспела как нельзя кстати. Уставшие от непрерывной резни мафиозо вздохнули с облегчением. Никто не сожалел об убийстве Джо Босса. Но, как полагается по обычаю, хоронили его со всеми почестями и уважением. Ни один из главарей пяти семейств на радостях не пожалел денег. В последний путь Массерию провожали пышно и помпезно.

17 апреля 1931 года доминирующим цветом в Малой Италии был черный. Бронзовый гроб, инкрустированный серебром, в котором покоилось тело Джо Босса, обошелся семье в двадцать тысяч долларов. Возле гроба с непокрытой головой стоял Лаки Лючано и держал в руках свисающую с крышки шелковую кисть, имеющую одновременно тройное значение. Во-первых, она символизировала душу усопшего, которая наконец станет свободна после того, как тело зароют в землю. Во-вторых, человек, державший кисть, в глазах мафии являлся официальным преемником покойного дона на ранее занимаемом им высоком посту. И, наконец, в-третьих, взявший кисть в руку тем самым возлагал на себя обет кровной мести за смерть дона. Впрочем, пункт третий был полнейшей проформой. Достаточно большое количество присутствующих мафиозо отлично знали, кто организовал это убийство. А один из глав пяти семейств — Чиро Терранова — даже принимал в нем непосредственное участие (он был тем самым незадачливым водителем, который не сумел сразу завести мотор). Те, кто не был посвящен в подробности смерти Джо Массерии, чихать хотели на то, найдут его убийц или нет. При жизни покойный дон причинил всем слишком много неприятностей. Поэтому спектакль разыграли не хуже, чем на Бродвее. Боссы и капореджиме один за другим подходили к Чарли Луканиа, обнимали его и целовали в обе щеки в знак сочувствия к его горю. Лаки скорбно кивал головой: «Ему бы еще жить да жить» — и печально вздыхал. Дон Сальваторе Маранцано собственноручно возложил к ногам покойного огромный венок из роз, увитый черной траурной лентой с надписью: «Спи спокойно, дорогой друг». Несколько капореджиме семейства Массерия во главе с Томми Луччезе подтащили к гробу нечто немыслимое — комбинированную связку цветов высотой двенадцать футов. Надпись на траурной ленте гласила: «Отцу от осиротевших

детей». Плакальщицы, нанятые старым доном Пеппе Бальзамо, оглашали воздух пронзительными криками и рвали на себе одежду. Наблюдая все это чинное, истинно сицилийское благолепие, дон Джузеппе даже прослезился: «Боже мой, совсем как у нас в Муссомелли»[25].

Заупокойная месса состоялась в соборе Святого Патрика на Принс-стрит. Чтобы добиться этого, гангстерам пришлось выложить двадцать пять тысяч долларов, так как аббат не давал согласия на отпевание в церкви кровожадного убийцы, на совести которого была по крайней мере сотня смертей. Тем же способом решили проблему со священником, который отказался служить заупокойную по рабу явно сатанинскому, а не божьему. Это обошлось в семь тысяч долларов. Еще десять тысяч заплатили за разрешение похоронить Массерию в церковной земле.

Когда первые комья земли упали на крышку гроба, Лаки Лючано не удержался и шепнул стоящему рядом Фрэнку Костелло:

— Наверное, нашему Джо не сладко сейчас в аду.

— Наоборот, — ответил Костелло, — сейчас он пьет с чертями на брудершафт. Вместе со своим дружком Морелло.

Чарли чуть заметно улыбнулся:

— Вполне возможно. У них ведь там нет «сухого закона».

В мае 1931 года в Пэлхем-Бей, что в Бронксе, состоялась коронация дона Сальваторе Маранцано. Старый дон украсил помещение распятиями, картинами на религиозные темы и другими теологическими атрибутами, которые выглядели бы естественно на собрании людей, принадлежащих к любой прослойке общества, но не на сборище сливок преступного мира Америки. Около пятисот мафиозо съехались со всех уголков страны, чтобы выразить уважение новому капо ди тутти капи. Маранцано держался по-королевски: важно, надменно и самодовольно. Он побеспокоился даже о такой мелочи, как стул, более высокий, чем у всех остальных. С бокалом шампанского в руке король мафии встал и произнес торжественную речь:

— Я, Сальваторе Маранцано, капо ди тутти капи, объявляю вечный мир. Никогда больше мы не станем решать споры при помощи оружия. Мы поделим эту страну по справедливости и будем жить так, как завещали нам наши предки. Время кровавых войн прошло. Друзья мои, я буду вашим Цезарем, неустанно заботящимся об укреплении и возвеличении нашей империи. А теперь хочу представить вам новых глав пяти семейств Общества Чести в Нью-Йорке. Сальваторе Луканиа — семья Массерия. И его консильере Вито Дженовезе. Гаэтано Гальяно — семья Саетта. И его консильере Антонио Луччезе. Джованнино Профачи — семья

Айяле. И его консильере Джованнино Маглиокко. Винченцо Мангано — семья Бальзамо. И его консильере Филипп Мангано. А моим преемником я объявляю Джино Бонанно и его консильере Кармине Таланте. Как отец, я отпускаю вам все прежние грехи. Да будет так. Аминь.

С этими словами Маранцано осенил крестным знамением собравшихся головорезов. После благословения мафиозо длинной вереницей потянулись к трону дона Сальваторе. Каждый кланялся, целовал перстень на его руке и вручал плотный конверт, набитый долларами. Поведение Маранцано произвело удручающее впечатление на молодых сицилийских главарей. Они были слишком американизированы. Все эти феодальные обычаи казались им дикостью. Замечая недовольство на их лицах, Чарли Луканиа улыбался. Будто нарочно, Маранцано сам подставлял себя под удар. «Усатый папаша» даже представить себе не мог, что в этом зале есть люди, мнение которых расходится с его собственным. И это было его главной ошибкой.

Глава 11
«Сицилийская вечерня» [26]

Сальваторе Кальдероне, глава сицилийской мафии в Питтсбурге, встретил Чарли Луканиа с распростертыми объятиями. Человек прогрессивных взглядов, он ничего не имел против сопровождавших Чарли еврея Мейера Лански и неаполитанца Майкла Миранды, профессионального «кидалы», который в свое время работал на Арнольда Ротштейна.

— Маранцано-то, старый козел, такое выкидывает, — брякнул Кальдероне, — я чуть от смеха не обос…ся, когда он объявил, что без присутствия чапероне[27] никто не смеет заговорить с женщиной. По-моему, Чарли, нам всем скоро придется отрастить усы, обвешаться иконами с ног до головы, а в постель вместе с девчонкой затаскивать священника, чтобы он по ходу дела отпускал нам грехи.

— Да, — согласился Чарли, — так будет, пока Маранцано жив.

Кальдероне с тоской сказал:

— Хоть бы он сдох поскорее. Веришь ли, до чего все это надоело. Приходит вонючий старикашка, сует нос в мои дела и учит меня, как жить.

— А знаешь, Тури[28], — Луканиа посмотрел ему прямо в глаза, — за этим я к тебе и пришел. Чтобы обсудить проблему с Маранцано. Да и не только с ним.

— А с кем еще?

— С этим его дружком Прицоло из Детройта. Или Магаддино из Буффало. Корень зла не только в Маранцано. «Усатые папаши» все вместе навязывают нам свои чертовы законы. Никто из нас своей жизни не хозяин. Мы не можем жить так, как нам хочется. Нас вынуждают к этому шагу.

Кальдероне насторожился. Разговор принимал неожиданный и, прямо скажем, опасный оборот.

— Чарли, я хочу спросить тебя, как своего старого друга. Скажи, ты уверен, что этот разговор стоит продолжать?

Луканиа ответил вопросом на вопрос:

— Ты хочешь жить, Тури?

— Все настолько серьезно?

— Этот парень, Мейер Лански, который приехал со мной, он — главный в еврейской Организации. Друзья предупредили его, что Маранцано готовит ликвидацию всех еврейских боссов.

— Ну и что? — Кальдероне пожал плечами. — Черт возьми,

какое мне до этого дело? Я-то здесь при чем? Раз Маранцано так решил, значит, у него есть на то причины.

— Причина одна: он ненавидит евреев.

— Ну. Ненавидит.

— А ты понимаешь, что, кроме евреев, наш Цезарь ненавидит еще кое-кого?

— Ты хочешь сказать, есть черный список?

— И ты знаешь имена?

— Знаю.

Кальдероне бросил на собеседника тревожный взгляд и, хотя кроме них двоих в комнате никого не было, почти шепотом спросил:

— Кто?

На память ему пришли все нелицеприятные, откровенно крамольные высказывания, которые он позволял себе произносить в адрес дона Маранцано. Правда, это было в кругу друзей, но кто знает — может, среди этих «друзей» находился некто, по совместительству выполнявший функцию ушей и глаз «капо ди тутти капи»?

— В первую очередь евреи, — ответил Луканиа, — вторыми пойдут в расход мои лучшие друзья: Торрио, Костелло, Анастасиа, Джо Адонис, — он секунду помедлил, — я… А потом сицилийцы, которые не захотят, как ты выразился, пускать в свою постель священника. Их уберут не потому, что так будет нужно для дела. Просто они еще не стали импотентами. Такими, как Маранцано.

По спине Кальдероне прошел холодок. Он понимал, что Чарли во многом прав.

— Так что ты предлагаешь?

Лаки сказал, отчеканивая каждое слово:

— Мы должны составить свой черный список.

— Мы? Мы — это кто? Ты и я?

— Не беспокойся, Тури, у нас больше друзей, чем ты думаешь. Они поддержат нас.

— Друзья — это друзья. Мне-то что делать?

— Быть с нами заодно, вот и все. Ты ведь ничего не имеешь против того, чтобы избавиться от Маранцано раз и навсегда?

— Assasine?[29] — Кальдероне перешел на сицилийский.

Луканиа также ответил на родном языке:

— Si. Assasine.

— Но у Маранцано тоже много друзей, — предупредил Кальдероне.

Чарли заверил:

— Мы о них позаботимся.

— Обо всех?

— Обо всех.

— Эта чистка будет, как война, — заметил Кальдероне. Луканиа без особого беспокойства объяснил:

— Нет, все будет гораздо проще. Наши друзья одновременно начнут действовать по всей стране, в каждом городе. Они к этому готовы. Все уже решено. Вот я и приехал, чтобы спросить, на чьей ты стороне, Сальваторе? Ты же хорошо знаешь, что значит ошибиться в выборе. Или мы — их, или они — нас. Третьего не дано, — Чарли улыбнулся, — Маранцано часто любит произносить эту фразу.

— Культурный, — брезгливо процедил Кальдероне. — Знаешь, Чарли, он напоминает мне надоевшего до чертиков школьного учителя, которому хочется подложить под задницу гвоздь.

— Я могу на тебя рассчитывать?

— Да. Я с вами.

Из Питсбурга Луканиа, Лански и Миранда отправились в Кливленд, к местному капо-мафиозо Фрэнку Милано. Куда менее решительный, чем Кальдероне, он попросил не втягивать его в столь сомнительное дело. Тогда на помощь Чарли пришел Моу Далитц, местный еврейский босс, с которым Милано сотрудничал во многих сферах бизнеса на протяжении десяти лет. Одновременно Моу Далитц, как участник конгресса гангстеров в Атлантик-Сити, активно поддерживал Чарли Луканиа. «Вот представь себе, Фрэнки, — сказал он, — в один прекрасный день меня возьмут да и шлепнут. Просто так, ни за что. Только потому, что я еврей. А где гарантия, что Маранцано потом не захочет убрать и тебя? Спрашиваешь, за что? Но ты же имел дело с жидом! Разве этого мало? Для Маранцано вполне достаточно».

Аргументы Моу Далитца сыграли решающую роль. Фрэнк Милано согласился примкнуть к заговору. Без малейших колебаний Чарли поддержали еще два босса: Аль Капоне и Санто Траффиканте, вотчиной которого считался Майами. Предательство разъедало даже пять семейств Нью-Йорка, главари которых стали таковыми благодаря Маранцано и, по идее, должны были хранить ему верность. Столь широкая поддержка окрылила Чарли, и он стал менее осторожным в делах и словах. Поэтому было вполне закономерно, что Маранцано узнал о переговорах, которые Луканиа ведет за его спиной. Предупреждения боссу всех боссов поступали отовсюду, где появлялся вероломный глава семьи Массерия. Дон Сальваторе был глубоко возмущен. Не успели зарыть в землю Джо Массерию, как на его месте появился новый враг, еще более коварный и

опасный, способный плести интриги не хуже самого «капо ди тутти капи». Основываясь на своем знании классических ситуаций, почерпнутом из древнеримской истории, Маранцано решил не ждать нападения, а напасть первым. Как это сделал Цезарь при Филиппах в 44 году до нашей эры. Составленный им черный список приговоренных к смерти насчитывал шестьдесят четыре имени. Номером первым, конечно же, был Лаки Лючано. Маранцано не стал поручать его убийство своим людям, ибо в мае торжественно поклялся соблюдать вечный мир. Ликвидация одного члена мафии руками другого означала войну. Наемный убийца со стороны — всего лишь деловая мера, которая никого, кроме жертвы, не затрагивала. Маранцано заказал Лаки Лючано двадцатитрехлетнему убийце Винсенту Коллу, по национальности англосаксу.

Винсент Колл был выходцем из печально известной «адской кухни». К преступному миру он приобщился с двенадцати лет, имел три судимости и часто работал на пару со своим братом Питером, после чего оба брата вместе мотали срок в одной тюрьме. Выйдя на свободу в третий раз, Винсент Колл решил заняться заказными убийствами. Он был отличным стрелком и очень любил оружие. Всего за год Колл составил себе имя на смерти пяти человек. Еще через год он выдвинулся в ряд первых лиц в бизнесе уничтожения и стал известен далеко за пределами «адской кухни» под кличкой Бешеный Пес. Маранцано, который всегда интересовался молодыми талантами, был весьма наслышан о деятельности Винсента Колла.

Бешеный Пес не признавал некого и ничего. В кабинете такого человека, каким был дон Сальваторе, он вел себя дерзко и развязно. Пепел со своей сигары Колл стряхивал прямо на роскошный ковер, даже не замечая недовольства на лице Маранцано.

— Принеси ему пепельницу, Джино, — приказал дон телохранителю.

— Человек, которого ты должен будешь убрать, — обратился Маранцано к убийце, — находится на очень высоком уровне. Его имя знают все деловые в Нью-Йорке.

— Дядя, мне наплевать, кто он. Громкие имена меня не смущают, — небрежно бросил Колл.

— Это я уже заметил, — процедил Маранцано, — но клиент действительно очень серьезный. Босс. Глава семьи. Его зовут Сальваторе Луканиа по прозвищу Лаки. Лаки Лючано.

Колл улыбнулся, демонстрируя свои великолепные белые зубы.

— Вот эта штука, — он похлопал по пиджаку в том месте, где

висела кобура с револьвером, — избавляет от удачи любого. На раз-два. Тебе это будет стоить тридцать пять кусков. Согласен?

— Хорошо, — дон Сальваторе полез в нагрудный карман. У него вошло в привычку постоянно таскать с собой крупные суммы наличными. На всякий случай.

Отсчитав тридцать пять тысяч, Маранцано бросил деньги перед Коллом. Бешеный Пес встал.

— Слушай, дядя, у вас, итальянцев, вроде есть такой обычай: на похороны врага приносить венки. Это правда?

— Да. У нас принято уважать своих врагов. — Маранцано протянул ему фотографию Лаки. Даже не взглянув на карточку, Колл сгреб деньги со стола:

— Тогда заранее позаботься о венках для этого Лаки Лючано. С парнем скоро случится несчастье.

Надвинув шляпу на глаза, Бешеный Пес исчез за дверью. По старой профессиональной привычке он шагал как бы крадучись, осторожно и бесшумно, хотя сейчас в этом не было никакой необходимости. Парень серьезно относился к своему делу — это сразу бросалось в глаза. Маранцано остался доволен. Думая о Лаки Лючано, он вслух произнес крылатую латинскую фразу:

— Fu… e non e![30]

Дни и ночи Чарли Луканиа проводил в раздумьях, пытаясь найти способ убрать Маранцано. Как только старый дон получил предупреждение от своих друзей, он немедленно усилил меры предосторожности. Он перестал появляться на людях, постоянно переезжал из отеля в отель, окружил себя плотным кольцом охраны, не притрагивался к еде, пока кто-нибудь из прислуги не снимал пробу. При выездах его машину сопровождали два лимузина с охраной. Все текущие дела дон решал из своего офиса на Парк-авеню, который круглосуточно стерегли четыре десятка самых верных людей. На первый взгляд Маранцано был неуязвим. Чарли не мог придумать способа, как к нему подобраться. Выход, сам того не ведая, подсказал Мейер Лански, когда пожаловался своему другу на проблемы с налоговой полицией:

— Чарли, эти придурки меня совсем замучили. Каждую неделю они врываются ко мне, опять новенькие, орут, размахивают «пушками», переворачивают все вверх дном. Нет чтобы спросить, где то, где это. Я бы им все показал. А так они припрутся, наорут здесь, чего-то там конфискуют. Главное, зачем? Никаких незаконных записей мы не ведем, все цифры держим в голове, так нет же, на следующей неделе все начинается сначала. Поговори с Фрэнком, может, его друзья смогут избавить нас от этих типов?

Осененный внезапной идеей, Лаки встрепенулся:

— Налоговая полиция? Врываются, да? И делают что хотят?

Мейер сморщился, как от зубной боли:

— Чарли, послушай, мне неприятно об этом говорить. Чертовы легаши… Пусть Фрэнк…

— Как они выглядят, эти легавые? — перебил Лаки.

— Как нормальные люди, пока не вытащат свои поганые значки.

— Нашел. Я нашел! — Чарли хлопнул себя по лбу. — Ну, конечно. Спасибо тебе, старина!

— За что? — обомлел Лански. Но его друг уже ничего не слышал, поглощенный телефоном. Он позвонил Лепке и Багси Сигелу и срочно вызвал их к себе, в «Барбизон плаза». Боссы «Корпорации убийств» прибыли незамедлительно.

— Ребята, есть идея, как можно шлепнуть Маранцано, — провозгласил Чарли, — вот что мы должны сделать…

Когда он объяснил суть своей идеи, Лепке громко хмыкнул и посмотрел на Багси. Тот весело расхохотался:

— Чарли, ты гений! Старый козел ни за что не догадается.

Луканиа обратился к Лепке:

— Для этой операции нам нужно человек пять-шесть. Класс должен быть самый высокий.

— Не сомневайся, Чарли, — заверил Бачелтер, — я подберу надежных людей. На это дело пойдут лучшие из лучших.

— Команду поведу я, — безапелляционно заявил Багси Сигел.

Луканиа усмехнулся:

— Кто, если не ты, Бен. Я сам хотел просить тебя об этом. Мне понравилось, как ты сделал Массерию.

— Маранцано я сделаю еще лучше, — пообещал Сигел.

Луканиа и Лепке принялись обсуждать технические моменты будущей акции. Вдруг раздался телефонный звонок. Сигел снял трубку.

— Нет, он занят. Понимаю тебя, приятель, но ничем помочь не могу. Где ты сейчас? В холле? Хорошо, я спущусь к тебе.

Бросив трубку, Багси вышел. Поглощенные разработкой плана операции, Луканиа и Лепке не заметили его отсутствия.

— Ред Ливайн, Сэмми Левин, Рильз и Голдштейн, — перечислил Лепке имена киллеров, — эти парни способны замочить самого сатану.

— О'кей, — согласился Чарли, — такие вполне подойдут. Я знаю этих ребят.

Вошедший Сигел сказал:

— Чарли, тебя очень хочет видеть один человек.

— Я занят. Потом, — отмахнулся Лаки. Но Сигел настаивал:

— Чарли, тут дело серьезное. Я думаю, ты все-таки захочешь

с ним встретиться СЕЙЧАС ЖЕ, потому что этого парня зовут Джино Сантуцци.

Услышав имя одного из телохранителей дона Сальваторе Маранцано, Лаки насторожился:

— Сантуцци? Давай его сюда, Бен!

Бывший профессиональный боксер, а ныне гангстер Джироламо Сантуцци вошел, едва не задев головой дверной косяк. На его широком, грубом лице, по которому в свое время немало помолотили на ринге, застыло выражение глубочайшей скорби. Шляпу он прижимал к мощной груди обеими руками, всем своим видом напоминая раскаявшегося грешника.

— Что же ты стоишь в дверях, Джино, — дружелюбно окликнул Чарли Луканиа, — проходи, садись. Я тебя внимательно слушаю.

— Мистер Лючано, прошу вас, простите меня! — выпалил Сантуцци. Лаки вскинул брови:

— Не понял. За что?

— Мистер Лючано, я был среди тех шестерых подонков на Статен-Айленде. Не могу себе простить, что поднял руку на такого уважаемого человека. Я долго мучился и решил прийти к вам, чтобы извиниться.

Напоминание о той страшной октябрьской ночи 1929 года едва не вывело Чарли из себя. Но он сдержался.

— Я не виню тебя, Джино. Ты тут ни при чем. Ты выполнял приказ.

— Спасибо вам, мистер Лючано, большое спасибо. Вы понимаете. Вы справедливый человек.

— Садись же, — велел Лаки, — а то у меня шея болит смотреть на тебя.

Благодарный Сантуцци осторожно опустился на краешек кресла.

— Так что у тебя ко мне, Джино?

— Мистер Лючано, вас хотят убить.

Эта новость не являлась неожиданностью для Лаки. Поэтому он совершенно спокойно, даже шутливо спросил:

— Кто это так рассердился на меня, а, Джино? Неужто столь уважаемый всеми нами дон Сальваторе Маранцано?

— Так вы уже знаете? — Сантуцци был разочарован.

— Я не знаю. Скажем так: догадываюсь. У дона Сальваторе против меня странное предубеждение.

Чарли еще не решил, стоит ли верить этому типу. А вдруг его подослал Маранцано? Что, если все это — отлично разыгранная комедия с целью спровоцировать его на некие действия? Может, старикашке только того и надо. Чарли пристально всматривался в

лицо Сантуцци, пытаясь обнаружить признаки фальши или внутреннего напряжения. Но на физиономии бывшего боксера была написана одна только глупость.

— Кому Маранцано поручил убить меня? — спросил Чарли.

— Его зовут Колл, Винсент Колл…

— Имя, как у янки, — перебил Луканиа. — Этот Колл, наверное, не входит в семью?

— Да. Он действительно янки. Парень из «адской кухни». Его еще называют Бешеный Пес.

Чарли повернулся к Сигелу, который знал всех профессиональных убийц в городе. Багси утвердительно кивнул. Луканиа вновь обратился к Сантуцци:

— Как Маранцано все это обставит?

— Он хочет вызвать вас к себе в офис, вроде для каких-то переговоров. Колл будет ждать или на лестнице, или внизу, в холле, я точно не знаю.

— Ну и во сколько Маранцано оценил мою шкуру?

— Тридцать пять кусков, мистер Лючано.

Чарли усмехнулся:

— Не густо.

Лански, Лепке и Сигел как по команде заулыбались.

— Хорошо, Джино, может, ты знаешь, когда все это будет?

Сантуцци облизнул пересохшие губы:

— Да. Это будет послезавтра. Примерно от двух до четырех часов дня. Я слышал разговор Колла с доном Сальваторе. Он так и сказал. И еще сказал, что в случае чего, если Колл один не справится, ему поможет охрана.

Чарли в упор посмотрел на него:

— И ты в том числе?

— И я тоже, — вздохнул Сантуцци.

— Скажи, Джино, а почему ты вдруг решил прийти ко мне и рассказать обо всем этом?

— Мистер Лючано, я всегда стоял за справедливость. Дон Сальваторе здесь не прав.

— А ты знаешь, что я сделаю с твоим доном Сальваторе?

Сантуцци повел могучими плечами:

— У нас на родине говорят: обиду нельзя прощать. Так я думаю, мистер Лючано.

— Правильно, Джино, — Лаки протянул ему руку, — я не забуду о твоей услуге. Теперь мы с тобой друзья.

Сантуцци осторожно тряхнул маленькую ладонь Чарли своей огромной лапой.

— Проводи его, Луис, — попросил Луканиа. Лепке встал и вышел вслед за Сантуцци.

— Наш общий друг Маранцано решил передернуть, — прокомментировал Чарли, когда боксер скрылся за дверью.

— Самое время его пришить, — проворчал Мейер Лански.

— Колл — это серьезно? — поинтересовался Чарли у Сигела.

— Очень серьезно, — подтвердил Багси, — этот тип сумасшедший. Он не остановится, пока не прикончит тебя.

— Ты можешь заняться им, Бен?

— Я займусь им, Чарли.

— О'кей. Какое число у нас будет послезавтра?

— Десятое сентября, — ответил Лански.

— Это будет великий день, ребята. Можно сказать, исторический… Готовь людей, Луис, — приказал Чарли вошедшему Лепке, — на десятое число.

Весь остаток вечера Лаки Лючано потратил на телефонные звонки в разные города. Он позвонил в Детройт Сэму Бернштейну, затем в Майами Санто Трафориканте, Цвиллману в Нью-Джерси и далее в Питсбург, Бостон, Кливленд, по всему Восточному побережью. На территории белее чем тридцати штатов начались лихорадочные приготовления к великой чистке. Боссы поднимали людей «в ружье» и пускали по следу главарей мафии, приговоренных к смерти на конгрессе в Атлантик-Сити. Лепке Бачелтер рассылал на север, на юг и на запад команды специалистов из «Корпорации убийств», которые направлялись на помощь сторонникам Чарли Луканиа. В соответствии с заранее отработанной схемой сколачивались группы убийц — основные и дублирующие (по две на каждого «клиента»). Такой порядок гарантировал стопроцентный успех задуманной операции. Если, скажем, в силу какой-нибудь случайности первая группа не сумеет выполнить задание, в дело немедленно вступает вторая, дублирующая, от которой жертва точно не уйдет.

Друзья просили Чарли назвать точное время начала чистки.

— Разве я могу это знать? Все зависит от того, когда назначит встречу Маранцано. Слушайте радио, — советовал он, — как только в новостях скажут, что Маранцано пришили, сразу начинайте.

10 сентября 1931 года дон Сальваторе Маранцано появился в своем офисе на Парк-авеню примерно в половине второго. Прежде всего он проинструктировал телохранителей:

— Луканиа появится ровно в четверть третьего. С ним будет Дженовезе. Если Колл не сможет уложить обоих сразу, помогите ему. Ни один из этих негодяев не должен уйти, ибо закон Организации гласит: «Предатель да получит по заслугам!»

Однако безукоризненный план дона Сальваторе был внезапно нарушен. В 13.45 дверь приемной резко распахнулась от удара

ногой. Телохранители вскочили. Испуганная секретарша Грейс Самюэлс закрыла лицо руками, ожидая начала стрельбы. С криком: «Полиция, всем оставаться на своих местах!» в приемную ворвались четверо мужчин. Хотя одеты они были в штатские плащи, но полицейские значки и револьверы в их руках указывали на то, что манеры у этих ребят отнюдь не гражданские.

— Лицом к стене, подонки, — закричал один, судя по грубости, самый старший, — оружие на пол, руки за голову! Живо, живо!

Связываться с легавыми не имело смысла. Телохранители Маранцано покорно позволили себя разоружить и встали к стене. У каждого были права на ношение оружия, поэтому они ни о чем не беспокоились.

— Хорошие ребята, — похвалил старший коп, — так и стойте.

Он обратился к секретарше:

— Где твой чертов босс?

— Ми… Мистер Маранцано у… у себя в кабинете, — запинаясь, произнесла Грейс Самюэлс.

— Это для тебя он мистер Маранцано, а для нас кусок г… на, — бросил полицейский.

С оружием в руках все четверо вломились в кабинет дона Сальваторе. Маранцано безмятежно сидел за столом, с наслаждением курил дорогую сигару и ожидал известия о смерти Лючано и Дженовезе. При виде четверых вооруженных людей дон поперхнулся дымом.

— В чем дело? Кто вы такие?

— Финансовая ревизия, — с усмешкой ответил Багси Сигел.

— Покажи нам свою бухгалтерию, дядя, — просипел Эйби Рильз. Маранцано узнал этих типов и стал белее снега.

— Джироламо… Анджело… — внезапно осевшим голосом позвал он своих телохранителей.

— Они тебе не помогут, — процедил Сигел и вытащил из кармана остро отточенный нож. В следующую секунду ножи появились в руках Эйба Рильза, Ирва Голдштейна и Сэмми Левина.

— А-а-а!!! — дико завопил Маранцано и попятился к стене.

— Куда же ты, старичок? — Эйби Рильз одним прыжком настиг его. Молнией сверкнуло лезвие ножа. Маранцано пошатнулся от удара в живот и стал медленно падать на колени. Подоспевший Левин воткнул ему нож под ребро. Ирвинг Голдштейн нанес три быстрых удара в грудь. Окровавленный Маранцано завалился на спину. Его тело сотрясали предсмертные судороги. Растолкав убийц, Багси Сигел склонился над умирающим доном. Резкий взмах — и лезвие рассекло правую

щеку от глаза до подбородка.

— Вспомни Лаки, подлюга! Он просил меня передать, что это тебе от бамбино.

Маранцано дико завыл. Весь свой страх, весь ужас перед наступающей смертью дон вложил в этот нечеловеческий вой.

— Сейчас я тебя успокою, — пообещал Багси. Схватив Маранцано за волосы, он перерезал ему горло от уха до уха. Дон слабо хрипнул и затих. Кровь ручьем хлестала из огромной раны.

— Козел, старый хрен… — злобно выругался Сигел.

— Дерьмо, — добавил Левин, — из-за него я порезал себе палец.

— Ты что, малыш, с ножом обращаться не умеешь? — насмешливо спросил Эйби Рильз.

Подойдя к Маранцано, он выстрелил два раза ему в голову и еще два раза в сердце.

— Я тут ни при чем, — оправдывался Левин, — проклятое лезвие застряло между ребрами, и я поранил палец, когда его вытаскивал оттуда. Такое могло случиться с каждым.

— Ладно, пошли отсюда, — приказал Багси. Убийцы вернулись в приемную. Телохранители все так же стояли у стены. Грейс Самюэлс кусала губы, чтобы не закричать. На ее лице не было ни кровинки.

— Эй, парни, расслабьтесь, — добродушно сказал Сигел, — и это… сваливайте отсюда поскорее. Я сейчас в полицию буду звонить. Тут с вашим боссом беда случилась. Сердечный приступ.

— Нет, у него горло заболело. Смертельно, — с усмешкой поправил Эйби Рильз.

В приемной появился Томми Луччезе.

— Ну что? — нетерпеливо спросил он у Багси.

— Передай Лаки — все о'кей, — ответил тот. Для очистки совести Томми заглянул в кабинет Маранцано. Старый дон лежал, раскинув руки, в огромной луже крови. Луччезе закрыл дверь.

— Уходите, — приказал он.

Багси напомнил:

— Не забудь вызвать полицию.

— С памятью у меня все в порядке… Эй, вы, — Томми обратился к телохранителям Маранцано, — вашего босса больше нет. Хотите работать на Чарли Лаки Лючано?

— Да, ваша милость, — почтительно ответили телохранители.

— Тогда вот вам первый приказ: позаботьтесь о девчонке. — Луччезе ткнул пальцем в сторону Грейс Самюэлс.

— Нет! Нет! — завопила она. — Пожалуйста, нет!

Телохранители молча окружили девушку. Один засунул ей в

рот свой платок. Грейс отчаянно мотала головой. Другой телохранитель вдавил ей в лоб ствол револьвера.

— Не здесь, — остановил Луччезе, — а то мозги разлетятся по всему ковру. Лучше выведите ее в туалет. Заодно сразу смоете кровь.

Девушка яростно вырывалась. Но что она могла сделать против пятерых здоровяков?

— Ну вот и все, Джино, — обратился Луччезе к Джироламо Сантуцци, — нам тоже пора. Пошли.

На лестнице Сантуцци увидел Винсента Колла. Бешеный Пес направлялся в офис Маранцано, чтобы выполнить заказ. Джино застыл в нерешительности. Если он пристрелит Колла, Лаки Лючано будет за это ему всегда благодарен. Но Колл тоже заметил Сантуцци. Вопрошающий взгляд убийцы, завывание полицейских сирен — все это заставило Джино в сотые доли секунды изменить решение.

— Быстрее… Быстрее… — затараторил он, — надо срочно сматываться… Маранцано пришили, ты ему больше ничем не обязан. Слышишь? Легавые уже прут сюда!

Не говоря ни слова, Колл развернулся и стал неторопливо спускаться вниз. Сантуцци, летевшего, не разбирая ступенек, в холле тут же арестовали полицейские. Винсент Колл, демонстративно никуда не спешивший, благополучно миновал кордон полиции, вышел на улицу, где быстро поймал такси, и убрался восвояси.

В архивных документах городского полицейского управления Нью-Йорка до настоящего времени сохранился рапорт лейтенанта Даррела, проводившего осмотр места происшествия: «10 сентября 1931 года в 14.05 в приемном помещении строительной фирмы “Игл”, кабинет № 926, Парк-авеню, 230, было совершено убийство Сальваторе Маранцано. Сведения о потерпевшем: мужского пола, белый, проживающий на авеню Джей, 2706 в Бруклине. Сведения о подозреваемых: четверо мужчин, возраст примерно от 25 до 35 лет, выдали себя за офицеров налоговой полиции. Причина смерти: четыре пулевых и шесть ножевых ранений».

В 15.00 все крупные радиостанции Америки передали сообщение об убийстве Маранцано. Немедленно друзья Чарли Луканиа спустили с цепи команды убийц. Эта резня вошла в историю преступного мира под названием «сицилийская вечерня». Она продолжалась весь остаток дня и ночь с 10-го на 11 сентября в разных городах Соединенных Штатов. Никто еще не приходил к власти по такому количеству трупов, как это сделал Лаки Лючано.

Начиная с пяти часов сообщения об убийствах пошли в

полицию потоком.

17.46. Бронкс, Артур-авеню, 2400, у входа в парикмахерскую застрелен Джеймс Ди Пори, известный под прозвищем Джимми Марино. В семье Маранцано он занимал должность ответственного за уличный рэкет.

18.15. Снова Бронкс. Перед домом № 647 на Крессент-авеню неизвестные совершили нападение на Джо Катанию, капо из семьи Маранцано. Они на ходу выскочили из притормозившего автомобиля, трижды выстрелили Катании в спину, прыгнули в салон и скрылись. Капо, однако, умер не сразу. Смертельно раненного, его успели доставить в больницу.

Хотя перед смертью Джо Катания находился в сознании и мог говорить, назвать имена людей, стрелявших в него, отказался наотрез.

19.37. Детройт. У входа в итальянский ресторан «Палермо» очередью из автомата убит главарь местной мафии дон Джованни Прицоло. Находившийся рядом с ним консильере Фрэнк Витале был тяжело ранен.

19.55. Буффало. На одном из перекрестков в юго-западной части города расстрелян автомобиль дона Паоло Магаддино. Вместе с боссом погибли двое телохранителей и шофер.

В Нью-Джерси 13 сентября 1931 года на пляже возле Ньюарк-Бей найдены два трупа, опознанные затем как Луис Руссо и Сэмюэл Монако. У обоих мертвецов глубокие раны на голове, пулевые отверстия в затылках и перерезано горло. Монако пропал 10 сентября. В тот день патруль обнаружил его пустую машину на 16-й улице неподалеку от Парк-авеню. Руссо исчез тоже 10 сентября. Оба были не последними людьми в семье Маранцано. Всего же за сутки «сицилийской вечерни» было ликвидировано около сорока сторонников покойного капо ди тутти капи. Последней жертвой великой чистки стал владелец ресторана «Нуова вилла Тампаро» Джерардо Скарпато. Он был убит двумя выстрелами из пистолета 38-го калибра. Пули явно не случайно попали ему в глаза. Видимо, Лаки Лючано посчитал, что Скарпато видел в день смерти Джо Массерии немного больше, чем надо.

…Рано утром 11 сентября 1931 года Лаки вошел в свои апартаменты с огромным букетом роз. Гай еще безмятежно спала. Разбудив ее, Чарли подбросил цветы вверх. Розовый дождь осыпал сонную красавицу.

— Поздравляю, детка, теперь ты — первая леди этой страны! — торжественно сказал Чарли.

— Неужели ты стал президентом? — спросила Гай и принялась тереть руками глаза.

— Почти, — засмеялся он, — по крайней мере, моя власть не

уступает его власти… Ну, вставай, вставай, грешно спать в такой великий день. Сегодня весь Нью-Йорк будет у твоих ног. Я устраиваю шикарный прием, так что собирайся, мы едем на Бродвей. Я хочу, чтобы ты была одета, как королева.

— Милый, сейчас полседьмого утра, — заметила Гай, — все магазины еще закрыты.

Чарли высокомерно произнес:

— Пусть только кто-то попробует нам отказать.

Он сжал руку в кулак:

— Вот где у меня теперь будет этот город!

Глава 12
Бешеный Пес Колл

После завершения «сицилийской вечерни» в Америке не осталось ни одного босса, способного соперничать с Лаки Лючано в могуществе и влиятельности. Он по праву гордился собой, но не стал от этого высокомерным и заносчивым. Напротив, Лаки никогда не навязывал свою волю главарям других банд, предпочитая брать хитростью. С его языка не сходило слово «справедливость». «Моя стратегия — это порядок», — любил повторять Лаки и неустанно вмешивался в чужие дела, маскируя свои приказы под видом советов или пожеланий. Гораздо менее искушенные в интригах, боссы принимали его хлопоты за чистую монету, а с течением времени уже сами стали советоваться с Чарли, прежде чем принять какое-либо важное решение. Единственное проявление снобизма, которое позволил себе Лаки, — это переезд из «Барбизон плаза» в «Уолдорф Асторию», всемирно известный нью-йоркский отель, в котором останавливались принцы, короли, герцоги и прочие лица с голубой кровью. Занимая самые роскошные апартаменты в лучшем отеле Америки, Лаки упивался собственным величием и всерьез считал, что находится на одном уровне со всеми этими надменными аристократами. Он очень уставал по ночам, так как любовная страсть Гай по силе и неистовству была вполне сравнима с работой действующего вулкана. Очутившись в этом пятизвездочном отеле среди представителей самого высшего общества, она преобразилась в русскую графиню Орлову. Исчезли чрезмерно откровенные платья с глубокими декольте, туфли на шпильках, искусственная завивка волос и вульгарная косметика кафешантанов. Ее лицо сияло от восторга всякий раз, когда она встречала в холле ту или иную знаменитость. Прикрываясь веером, она шептала Чарли: «Посмотри, милый, это графиня Ди Фрассо… А вон, видишь, элегантный мужчина с муаровой лентой через плечо? Это Георг, принц Мальтийский». Гай была счастлива так, будто никогда и не было никакой революции. Она непринужденно болтала с князьями и герцогами о погоде, искусстве, политике. Отблагодарить Чарли за все это Гай могла только одним способом, поэтому одна бурная ночь следовала за другой. Замечая его усталый вид, друзья весело скалили зубы: «Эй, Чарли, смотри, твоя девчонка заездит тебя до смерти. Бешеный Пес Колл даже глазом моргнуть не успеет, как плакали его тридцать пять тысяч». Шутки шутками, но Лаки целый месяц

действительно не занимался делами. А между тем дела не терпели отлагательств — преступный мир ждал своего короля. И вот в январе 1932 года Чарли отправил своих persono di reducia[31] во все крупные города Америки с предложениями главарям банд, входящих в синдикат, собраться на новую большую сходку. Местом проведения сходки стал отель «Старлайт» в Чикаго, в котором ранее неоднократно уже имели место подобные «мероприятия».

В один из морозных февральских дней 1932 года автомобильную стоянку перед отелем «Старлайт» заполонили роскошные «Линкольны», «Мерседесы», «Крайслер-империалы» и «Кадиллаки». Около пяти часов вечера зажглись уличные фонари. Блики электрического света весело заиграли на блестящей лакировке автомобильных крыльев. Теперь стоянка стала похожа на выставочную площадку дорогого автосалона. Всякий, кто в тот день проходил мимо отеля, мог лично убедиться, что в «Старлайте» собрались истинные хозяева жизни. На фоне достигшей апогея Великой Депрессии эти «игрушки миллионеров» вызывали у простых граждан комплекс неполноценности.

Администрация отеля встретила бандитов очень любезно и предоставила для проведения конгресса ресторанный зал. В данном случае предупредительность владельцев «Старлайта» была совершенно понятна: проклятый кризис снизил поток клиентуры до критического уровня. На сутки передав отель в полное распоряжение гангстеров, администрация получила возможность подлатать многочисленные дыры в бюджете и кое-как протянуть еще полгода. Льстиво, заискивающе улыбаясь, директор лично проводил каждого главаря в выделенный тому номер. У дверей сразу встали плечистые молодцы — телохранители. Не откладывая на потом, боссы преступного мира направились в ресторанный зал.

Здесь собрался весь цвет бандитской Америки. Чарли Лаки Луканиа, Лепке Бачелтер, Мейер Лански, Джо Адонис, Фрэнк Костелло, Багси Сигел и Альберт Анастасиа входили в состав «делегации» из Нью-Йорка. Нью-Джерси традиционно представлял Абнер Лонджи Цвиллман. Из Кливленда прибыли Моу Далитц и быстро набирающий силу молодой сицилийский главарь Эл Поллизи. Целая плеяда новых боссов, пришедших к власти на обломках империи Аль Капоне, — Фрэнк Нитти, Пол Рикка по прозвищу Официант и двое братьев Фишетти — Чарли и Джо — представляли местную группировку. Сам Капоне в это время отдыхал в окружной федеральной тюрьме, ожидая результатов рассмотрения кассационной жалобы, которую подали

его адвокаты на обвинительный приговор Большого жюри. Внешне никто из новых боссов не оспаривал его первенства в Чикаго, но в глубине души каждый считал, что время Капоне прошло и он уже никогда не вернется на трон единоличного хозяина «города ветров». Традиционный босс мафии Майами Санто Траффиканте тоже находился в этом зале, так как почитал своей обязанностью всегда быть в центре каждого важного события. Присутствовал Сэм Бернштейн из Детройта, главарь «пуленепробиваемой» команды «Пепл ганг» вместе со своим заместителем Лео Берковичем — без них не обходилась ни одна сходка. Всего в отеле «Старлайт» собралось около трех десятков больших и малых боссов.

Как и следовало ожидать, Чарли взял слово первым и повел речь о «новой стратегии»:

— Друзья, мы до конца использовали шанс, предоставленный «сухим законом». Мы стали одними из самых богатых людей в Америке. Сегодня Великая Депрессия дает нам еще один шанс — взять власть в стране в свои руки. Что для этого надо, спросите вы? Я скажу, что прежде всего необходима наша общая сплоченность, взаимное уважение друг к другу. Мы больше не можем допускать кровопролитных разборок на улицах, как это было раньше. Таким способом нельзя решать наши проблемы. Все вместе мы проделали слишком большую работу, устранили всех, кто мешал нам жить спокойно. Дело сделано! Теперь надо подумать о будущих президентских выборах, которые, как вы знаете, состоятся в следующем году. Республиканская партия сейчас по уши в дерьме. Мудрейший президент Гувер, у которого кишка тонка справиться с Великой Депрессией, воспринимается как символ зла. Любой придурок знает, что у республиканцев нет никаких шансов. Получается, следующим президентом станет демократ, а в демократической партии у нас очень много друзей. Наш общий друг Фрэнк Костелло более чем близко знаком с Джимми Хиннесом, председателем нью-йоркского клуба демократов. В стране сейчас спад, живых денег почти нет, в связи с чем у наших друзей-демократов возникает большая проблема с финансированием избирательной кампании. Как минимум на это необходимо двадцать миллионов долларов, то есть четвертая часть нынешнего государственного бюджета. Понятно, что парень, который выложит такую сумму, может заказывать музыку, какую захочет. Но это еще не все. Помимо долларов, у нас есть голоса, а это очень дорогостоящий товар. Во время выборов голоса значат больше, чем доллары. Именно от исхода голосования в Нью-Йорке зависит судьба кандидата. Нью-Йорк — это восемь миллионов голосов. Кто держит их в кармане, тот и победит.

Итак, друзья, у нас есть деньги, у нас есть голоса. Что же нам остается? — Лаки обвел глазами всех гангстеров. — Остается только одно: выбрать кандидата, который устраивает нас, и протолкнуть его в Белый дом. Кто скажет, что мы не в состоянии провернуть это?

С минуту в зале стояла глубокая тишина. И вдруг кто-то зааплодировал. Сразу же аплодисменты подхватили десятки рук. Боссы вставали со своих мест и неистово хлопали, приветствуя, восславляя мудрость Чарли Луканиа. Овация нарастала.

— Чар-ли! Чар-ли! — хором скандировали гангстеры. Торжествующий Лаки с улыбкой принимал почести. Затем поднял руку:

— Успокойтесь, друзья, успокойтесь, я еще не все сказал.

Дождавшись тишины, он продолжил:

— Я не зря так много говорил о нашей сплоченности в самом начале. Именно сейчас необходимо доказать это на деле. Выборы — очень дорогостоящее мероприятие, в которое нужно вложить соответствующий капитал, иначе просто нет смысла затевать все это. Каждый из нас должен сделать взнос в предвыборный фонд наших друзей-демократов. Разумеется, вы вправе потребовать отчета за каждый цент, израсходованный из вашего капитала. По этому вопросу можно в любое время обратиться к финансовому директору нашего синдиката Мейеру Лански.

Услышав свое имя, тот встал и клятвенно произнес:

— Я отвечаю за каждый доллар и гарантирую полную сохранность вкладов. Всем вам известна моя репутация.

Не вынимая сигары изо рта (как это делал его бывший босс Капоне), Фрэнк Нитти спросил:

— Чарли, скажи, во сколько это все нам обойдется?

— Минимальный размер вклада — полмиллиона долларов, — Лаки улыбнулся, — сверху можете дать сколько угодно.

— Это очень большие деньги, — заметил рассудительный Бернштейн.

— Они себя окупят, Сэм. В первый же год. Ведь ты понимаешь, что править этой страной будет не президент, а те люди, которые за ним стоят.

Удовлетворенный ответом Лаки, главарь «Пепл ганг» согласно закивал.

— Теперь я хочу объявить еще одну крайне важную для всех нас новость, — провозгласил Чарли… — Мой добрый друг Альберт Смит, до недавнего времени занимавший высокий пост губернатора штата Нью-Йорк, сообщил мне, что в следующем году «сухой закон» будет непременно отменен. Поэтому, друзья,

пока еще не поздно, вам надо осваивать новые виды бизнеса. У нашего общего друга Мейера Лански есть для вас интересное деловое предложение.

Лански поднялся с места.

— Еще в двадцать втором году покойный Арнольд Ротштейн, человек, у которого я многому научился, предсказывал отмену «сухого закона». Все эти годы я много думал об этом. Главная проблема, с которой нам предстоит столкнуться в следующем году, как уже говорил Чарли, освоение новых сфер бизнеса. Не только сохранить наши капиталы, но и вложить их в дело не менее прибыльное, чем бутлегинг, — вот в чем вопрос. Каждый из вас знает, что казино являются отличным объектом для вложения капитала. Одно такое заведение способно принести два-три миллиона долларов в год. Но я хочу предложить дело на десятки, а в перспективе — на сотни миллионов долларов. В игорном бизнесе, как и в политике, пришло время новой стратеги. Пора создавать империю развлечений — не одно, не два, а целый город казино, причем таких, в которых нет ограничений, чтобы каждый болван с улицы мог зайти и проиграть свой последний доллар. Пускать туда ниггеров и пуэрториканцев, черных, белых, желтых — всяких. В конце концов, деньги не пахнут. Пенни белых сделаны из того же металла, что и пенни негров. Так мы охватим не только тоненькую прослойку богачей, но и весь средний класс, да и вообще каждого, у кого в кармане завалялось хотя бы десять центов. К их услугам мы установили тысячи игровых автоматов. Вот теперь представьте, какие это деньги!

Нарисованная Лански картина вызвала сомнение у многих боссов. Люди глубоко практичные, они считали невозможным воплощение такого проекта в жизнь.

— Мейер, а как ты собираешься разобраться с налогами? — затронул самую больную тему Чарли Фишетти. В свете ареста Аль Капоне она одинаково волновала всех.

— Это сколько миллионов придется угрохать, чтобы подмазать легавых, — добавил Эл Поллизи. — Азартные игры запрещены законом.

— Я не потерплю присутствия ниггеров в моем заведении, — непримиримо высказался Санто Траффиканте, который, как житель южного штата, был сильно заражен расизмом. Но все эти возражения не смутили Мейера Лански:

— Налоги и закон — это не проблема. Есть местечко, где азартные игры официально разрешены, а налогообложение осуществляется по льготной ставке. Я говорю о Неваде. Мои друзья недавно побывали в Лас-Вегасе и Рино. Это же золотое дно! Без всякого риска мы можем построить там самые настоящие

игорные империи. Кроме того, еще есть Гавана. Этот город ежегодно посещают сотни тысяч туристов. Так почему бы нам не позаботиться об их развлечениях? Повалявшись на пляже днем, вечером они пойдут в наши казино, чтобы оставить там свои денежки. Будь я проклят, если это не так!

Но боссы не торопились. Великая Депрессия научила их осторожности. Возможно, где-то Лански был прав, но для начала им хотелось убедиться, что игра действительно стоит свеч. Они предложили финансовому директору синдиката построить в Лас-Вегасе один отель, и, если дело пойдет, ему предоставят необходимый капитал. Лански был неприятно удивлен таким недоверием. «Ну и черт с вами», — ворчал он. Когда делегация Нью-Йорка вернулась домой, Чарли позвонил Датч Шульц и предупредил: «Будь осторожен. Бешеный Пес Колл охотится за тобой. Ему все равно, что Маранцано пришили. Парень явно не дружит с головой, представляешь, говорит, что убить тебя — дело чести. Иначе, мол, он подмочит свою репутацию». Повесив трубку, Лаки обратился к Багси Сигелу:

— Бен, ты должен решить проблему с этим ничтожеством.

Винсент Колл иногда выполнял заказные убийства для Датча Шульца. Когда к нему в квартиру заявился Эйб Ландау, один из личных телохранителей Голландца, Колл подумал, что ему хотят поручить очередную мокруху. В предвкушении хорошего заказа Бешеный Пес спокойно сел в машину Эйба Ландау. Шульц уже ждал его в своем офисе на Артур-авеню.

— Вот что, Винс, — процедил он, — мы с тобой знаем друг друга давно. Ты всегда мне нравился, и я часто предпочитал подкинуть работу тебе, а не кому-нибудь из своих парней. Можно считать, что мы — приятели. Так?

Колл сверкнул белоснежными зубами:

— Можно считать, что так, Датч.

— Вот я и говорю тебе по-приятельски: оставь в покое Чарли Лаки Луканиа. Он — хороший парень. Он — башка. Он много сделал для всех нас, в том числе и для меня. Когда мне рассказали, что ты грозишься убить его, я просто не мог поверить.

— Послушай, Датч, — лицо Колла моментально стало злым, — ты зря не поверил. Я действительно говорил и еще раз скажу, что этот твой Чарли Луканиа вместе с жизнью потеряет свое дурацкое прозвище Счастливчик. Этого человека мне заказали, понимаешь? А Винсент Колл всегда доводит до конца дело, за которое берется.

Шульц попытался урезонить убийцу:

— Винс, а ты понимаешь, что Маранцано уже давно подох и, стало быть, освободил тебя от всяких обязательств? Да кто он

вообще такой, этот Маранцано?! Старый козел, святоша хренов! Мне ребята рассказывали, как он собрал сходку, обвешался иконами и стал проповедовать не не хуже епископа, что можно делать, а что нельзя. Вот его-то как раз и надо было убрать. Лаки — правильный парень. Его уважают. Зачем убивать хорошего человека? Послушай меня, Винс, забудь обо всем.

— А как же моя репутация? — возразил Колл. — Если я не шлепну этого Лаки, то потеряю ее.

Датч Шульц отнюдь не отличался терпением. Тупоумие Колла вывело его из себя. Уже не сдерживаясь, он заорал:

— Черт возьми, Винс, что в твоей чертовой башке — мозги или труха?! Я сказал тебе раз, второй, третий, а ты, твою мать, допереть никак не можешь! Последний раз повторяю: если тронешь Лаки, то вместо своей вонючей репутации потеряешь голову. Я лично займусь твоей задницей! Ты меня знаешь. Проваливай!

Побледневший от оскорбления Колл потянулся было к своей кобуре, но более проворный Шульц уже выхватил оружие.

— Ну давай, Винс, — ласково произнес Голландец, — давай, попробуй достать свой чертов «кольт».

В комнату ворвались телохранители Шульца с ружьями 12-го калибра в руках.

— Опаздываете, мальчики, — высокомерно произнес Датч, — я уже разобрался с этим подонком. Уберите его отсюда.

Ружья нацелились Коллу в живот. Кусая губы, чтобы сдержать клокочущее в груди бешенство, убийца шагнул за порог.

— Мы еще встретимся, Датч, — бросил он напоследок.

Шульц презрительно усмехнулся.

— Приходи в любой день. Я жду тебя.

Сжимая руки в кулаки и яростно ругаясь, Бешеный Пес кубарем скатился с лестницы. Никто еще не решался так оскорблять его! Предупреждение Шульца Колл пропустил мимо ушей. Всем его звериным существом овладело одно-единственное желание — отомстить. Загоревшись некой идеей, убийца направился, на Беллмот-авеню, к Тони Барелли.

Барелли заправлял лотереей «числа» в восточном секторе Гарлема, В свое время Шульц, перехвативший этот бизнес у негров, для большего удобства разделил Гарлем на четыре сектора, каждым из которых распоряжался его доверенный человек. «Доверенный» — это сказано условно, так как Голландец не доверял никому, причем не без оснований. И Барелли, и Бо Уайнберг, и Бергер, и Джерри Мартен жульничали, не упускали случая прикарманить сотню-другую долларов. Через их руки за один игровой день проходили тысячи. Просто невозможно было

удержаться от искушения. Они и не удерживались. Все бы ничего — но негры, работающие в лотерее на вторых ролях, следовали примеру своих белых хозяев. Мошенничество с выигрышными номерами принимало угрожающие размеры, игроки переходили к «диким» банкометам, а бизнес Датча страдал. Шульц периодически отстреливал всех «диких», но в условиях гарлемской нищеты на место одного убитого претендовали десять живых. Поэтому Голландец вынужден был провести воспитательную акцию: собрав своих банкиров, он устроил демонстративную казнь Джерри Мартена, наиболее проворовавшегося из всех. Последнее предупреждение было сделано Тони Барелли, каждый день которого проходил под страхом смерти. Винсент Колл знал об этом.

Бешеный Пес появился у Барелли в самый неподходящий момент: Тони только что улегся в постель со своей любовницей, которая работала в стриптизе в одном из ночных клубов на 42-й улице. Гибкая, черноволосая, с огромным бюстом, она имела определенный успех и выступала под прозвищем Чертова Девка. Барелли попеременно называл ее Пат или Чертовка. Как была, без одежды, в одних трусиках, она открыла дверь Винсенту Коллу. Впрочем, ее нагота не произвела на Бешеного Пса ни малейшего впечатления — он слыл женоненавистником. Схватив Колла за галстук, Чертова Девка втащила его в квартиру:

— Эй, Тони, по-моему, это к тебе.

— Что значит «по-моему»? — рыкнул Барелли. — Хочешь сказать, сюда приходит кто-то еще, кроме меня?

— Не цепляйся к словам. — Чертова Девка вернулась в спальню.

Колл, про которого сразу забыли, пошел за ней.

— Пат, я тебе последний раз говорю, — в голосе Барелли звучало откровенное раздражение, — если приду и застану тебя с другим мужиком, клянусь, всажу тебе между ног весь барабан.

— А если ты меня убьешь, кто будет тебя трахать так, как я? — промурлыкала она. Колл вошел в спальню и увидел Чертову Девку сидящей верхом на Барелли.

— Эй, Тони, почему бы тебе немного не остыть?! — рявкнул он.

Барелли подскочил как ошпаренный, пытаясь дрожащей рукой нащупать под подушкой револьвер. Чертова Девка расхохоталась.

— Господи боже мой, — с облегчением произнес Барелли, узнав Колла.

— Да расслабься, Тони, — бросил тот, — а ты думал, это Датч прислал за тобой своих ребят?

— То, что я думал, никого не касается, — огрызнулся Барелли. Он выглядел очень взвинченным. Колл заметил на тумбочке возле кровати золотую ложку, в которой обычно нагревают кокаин. Чертова Девка, которой все было нипочем, принялась массировать Тони промежность.

— У меня к тебе есть важный разговор, — сказал Колл.

Барелли произнес с видимым безразличием:

— Ну?

— Я только что был у Датча. Этот сукин сын назвал меня придурком. А я не мог его шлепнуть, потому что сзади стояли Ландау и Розенкранц с двенадцатым калибром.

— Давай покороче, Винс. У меня дела, — поторопил его Барелли.

— Я знаю, Датч хочет убить тебя. Так вот, Тони, а не лучше ли нам прикончить его? Потом поделим Гарлем и Бронкс по справедливости, хороший бизнес сделаем.

В одурманенном кокаином мозгу Барелли молнией мелькнула дьявольская догадка: это западня. Шульц специально прислал Колла, чтобы спровоцировать его. Кто знает, не Бешеный ли Пес метит на его место контролера в восточном секторе? Кокаин мгновенно нарисовал перед глазами Барелли страшную картину чудовищной казни Мартена. Шульц приказал своим палачам бросить его живым в ванну, наполненную серной кислотой. Как наяву, Барелли почувствовал тошнотворный запах разъедаемой плоти, услышал нечеловеческие вопли и шипение, жуткое шипение кислоты, пожирающей тело. А через три минуты от Джерри Мартена не осталось и следа. Уже не контролируя себя, Барелли закричал:

— Вон! Пошел вон! Убирайся отсюда! Против Датча я не пойду!

Винсент Колл, которого за этот день оскорбили второй раз, побелел от злости. Он был не совсем нормален, а оскорблять психов, как известно, очень опасно. Рука Колла скользнула в карман.

— Нет? — внезапно охрипшим голосом спросил он.

— Нет! Убирайся! — повторил Барелли.

Чертова Девка вдруг почувствовала неладное. Бешеные глаза Колла заставили ее содрогнуться.

— Тогда будь здоров, Тони. — Убийца выхватил из кармана «кольт» 38-го калибра и тремя выстрелами разнес Барелли голову. Ощутив на коже липкие брызги крови и мозга, Чертова Девка пронзительно завизжала. Винсент Колл перевел на нее дымящийся ствол.

— Умри, шлюха, — прошипел он сквозь зубы и нажал на

спусковой крючок. Последние три пули заставили Чертову Девку замолчать навсегда. В ушах Колла стоял странный звон. Ноздри трепетали, улавливая терпкий запах свежей крови. Это ощущение почти сексуального экстаза посещало Бешеного Пса всякий раз после очередного убийства. Именно за это он так любил свою работу.

Случай с Барелли убедил Винсента Колла в том, что Шульца предательством не возьмешь. Он внушал слишком большой страх. К тому же Колл понятия не имел, что банда Голландца входит в синдикат, равно как ничего не слышал о самом синдикате. Он принял решение начать войну против Шульца. Однако при всем своем сумасшествии Бешеный Пес не рассчитывал драться в одиночку. Первый, с кем он решил поговорить, был его младший брат Питер, который никогда не отказывал старшему в помощи. Но Винсент и здесь промахнулся. Голова у Питера Колла работала получше. Он сразу понял безнадежность этой затеи.

— Винс, ты просто рехнулся! Связаться с Голландцем — значит попасть в кучу дерьма.

— Да что ты ноешь: Голландец, Голландец, — обозлился Бешеный Пес, — кто он такой? Неужели пули от него отскакивают?

— А ты попробуй подойти к нему на расстояние выстрела! Эйб Ландау и Лулу Розенкранц — лучшие стрелки во всем Бронксе. Еще неизвестно, успеешь ли ты вообще достать оружие.

— Пит! Что, черт возьми, с тобой случилось?! Мы еще ничего не сделали, а у тебя уже полные штаны.

Но Питера трудно было вывести из себя.

— Ты знаешь, Винс, что я не боюсь риска, — спокойно ответил он, — но зря подставлять голову под пули не стану. Думай об этом, что хочешь. Если ты решил воевать против Шульца — дело твое, но не втягивай меня во все эго. В моей жизни меня пока что все устраивает. А лежать на дне Гудзона в бетонной бочке мне еще рано. Да и тебе тоже.

Братья помолчали. Винсент сделал еще одну попытку:

— Пит, послушай, в этой дерьмовой жизни ты единственный человек, которому я могу доверять. Я прошу тебя помочь мне только один раз. Датч об этом не узнает.

— Что ты хочешь, Винс?

Бешеный Пес объяснил.

— С тобой, ты говоришь, пойдут десять человек, — рассердился Питер, — как же Датч не узнает?

— А вот так. Не узнает. Даю слово.

Договорившись с братом, Винсент Колл направился в трущобы Ист-Сайда. Побывав в двух-трех грязных забегаловках,

он собрал с десяток подонков, ради долларов и наркотиков готовых абсолютно на все. Бешеный Пес обещал им и то, и другое. Эти наемники зачастую ничего не имели, кроме ножа или пистолета в кармане. Большая часть их жизни проходила в тюрьме, а свободу они считали не лучше неволи. Им было все равно, на какое дело идти. По-настоящему их интересовал только «белый бог» — героин. Винсент Колл не поскупился и взял для ребят пару граммов порошка.

Среди бела дня два автомобиля, набитых одуревшими от наркотиков гангстерами, подъехали к резиденции Датча Шульца на Артур-авеню. Винсент Колл собственноручно застрелил охранника, стоявшего возле входа. Чтобы произвести впечатление на своих, он сделал это очень картинно, как в гангстерском фильме. По ходу движения автомобиля открыл дверь, повис на подножке и двумя точными выстрелами уложил парня наповал. С крыши соседнего дома Питер Колл ударил длинной очередью по окнам второго этажа, где размещался офис Шульца. Тем временем нанятые Винсентом бандиты выскочили из машин и открыли огонь по окнам конторы, которая находилась этажом ниже. Бешеный Пес знал, что в этой конторе круглые сутки работают бухгалтеры Шульца, ведут учет денег, поступающих от гарлемской лотереи. Он пожалел, что не догадался захватить с собой динамитные шашки.

Сделав свое дело, Питер Колл бросил автомат и стал спускаться вниз.

— О'кей, отходим! — крикнул Винсент, как только «томпсон» младшего брата замолчал. Этим немедленно воспользовались люди Шульца. Высунувшись из окон, они стали стрелять. Налетчики прыгали в свои машины прямо под пулями. Одного достал метким выстрелом Эйб Ландау. Парень по имени Дефео получил пулю в ягодицу. Это было очень болезненное ранение. Дефео потерял много крови и всю дорогу стонал от боли. Подельники не хотели с ним возиться. Винсент Колл пристрелил его. Труп вывезли за город и бросили на какой-то свалке.

В резиденцию Шульца нагрянула полиция. Тот уже успел вызвать своего адвоката Джерри Гейслера, который предупредил полицейских, что этот дом — частная собственность его клиента и они не имеют права входить туда без ордера, подписанного прокурором.

— Но здесь только что была перестрелка, — заявил старший офицер. — По закону мы можем осмотреть место происшествия, каковым и является дом вашего клиента.

— Какая еще перестрелка? Не было тут никакой перестрелки! — обозлился Шульц.

Один из детективов подошел к стене, на которой отчетливо виднелись многочисленные пулевые отверстия.

— А это что, умник? — рявкнул он, ткнув Шульца носом в вещественные доказательства. Однако Голландец не смутился.

— Да мало ли. Дом-то старый. Откуда я знаю, что здесь было до меня?

Такая откровенная, наглая ложь возмутила полисмена до глубины души:

— Я тебя сейчас арестую, мерзавец!

Но тут приехал начальник участка капитан Бреннан, про которого Шульц говорил: «Этот тип за тысячу долларов самого себя трахнет в задницу». Начальник быстро навел порядок. Разогнал всех и коротко бросил Голландцу: «С тебя — три тысячи». Шульц заворчал, но деньги выложил. На этом следствие по факту бандитской разборки на Артур-авеню благополучно завершилось.

Винсент Колл заранее знал результат нападения на хорошо охраняемую резиденцию Датча Шульца. При этом ему было все равно, какие будут потери. Судьба наемников не трогала его, так как на следующий день он мог навербовать еще с десяток таких же. В «адской кухне» человеческая жизнь гроша ломаного не стоила. Контракт на убийство можно было заключить всего лишь за пятьдесят долларов. Для Винсента Колла было важно другое: показать этому зазнайке Шульцу, что есть парень, который запросто может свернуть ему башку. И ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего. «Ну что, ребята, повеселились немного? — обратился Бешеный Пес к своим подонкам. — А теперь мы с вами будем зарабатывать деньги».

С тремя подручными Колл отправился в Бронкс. Когда он ворвался в квартиру Арчи Бишопа, бутлегера, занимавшегося поставками спиртного для забегаловок Шульца, хозяин попытался оказать сопротивление. Он успел выстрелить только раз. Один из бандитов, пришедших с Коллом, был ранен в плечо. Бешеный Пес мгновенно прострелил Бишопу обе ноги. Раненого затащили в ванну и пытали до тех пор, пока он не назвал маршрут движения конвоев Шульца. Вырвав нужную информацию, Винсент Колл упер Бишопу в лоб ствол револьвера и нажал на спусковой крючок.

На следующий день банда «бешеных», как вскоре стали называть шайку Колла, устроила засаду на федеральной дороге № 25.

Завидев дерево, сваленное поперек шоссе, охранники открыли огонь, но «бешеные» стреляли из укрытий — и в минуту все было кончено. Несмотря на то что водители грузовиков

подняли руки, Колл приказал их убрать. Он даже не потрудился разбавить захваченное виски. Владельцы подпольных кабаков предупреждали: «Если придут люди Шульца и спросят, откуда это, молчать не будем». На что Бешеный Пес небрежно отвечал: «Передайте Датчу, что Винсент Колл поимел его». Когда эти слова дошли до ушей Шульца, тот пришел в ярость: «Этот шелудивый пес мне за все заплатит!» Тем временем «бешеные» вновь появились на его территории — на этот раз в Гарлеме — и обчистили двух банкиров. Налетчикам достался куш в сумме тридцать тысяч долларов. Они не только забрали деньги, но и застрелили обоих банкиров. Кроме того, в перестрелке погибли двое боевиков Шульца, охранявшие банк. В течение следующей недели «бешеные» устроили в Бронксе настоящую резню. Они нападали на торговцев наркотиками, владельцев подпольных забегаловок, игорные притоны. И всюду, завладев деньгами, беспощадно убивали. Уже не только Шульц, но и весь преступный мир Бронкса и Гарлема был возмущен кровожадностью Винсента Колла. О нем и его банде шла дурная слава.

После очередного налета Колла на «банк» в Гарлеме Шульц потерял терпение. Поразмыслив с минуту, он отдал приказ:

— Лулу, возьми трех человек, поедете со мной.

Черный «Крайслер» Голландца помчался в трущобы. Телохранители опасливо косились на босса, который буквально кипел от бешеной злобы. Шульц приказал остановить возле бильярдной Стэнли на 101-й улице. Коротко бросил: «Пошли».

Эта бильярдная была одним из тех низкопробных заведений, куда полицейские всегда заходят с оружием в руках. Здесь собирались самые гнусные отбросы трущоб: наркоманы, мелкое ворье, дешевые убийцы, отпетые головорезы, которых никто нигде не ждал. В помещении стоял едкий запах пота, табака и перегара. На стойке бубнил дешевый радиоприемник. Посредине были поставлены три зеленых бильярдных стола. Неряшливо одетые, плохо выбритые мужчины неопределенного возраста без особого азарта стучали по шарам, цедили дешевое виски или просто сидели, уставившись отсутствующим взглядом куда-то в стену. Женское общество было представлено несколькими потасканными проститутками, зрачки которых чудовищно расширил кокаин.

Зайдя в бильярдную, Шульц брезгливо поморщился. Ему давно не приходилось бывать в таких грязных местах. Завсегдатаи присмотрелись к вошедшим, сразу определили в них гангстеров высокого уровня — и поспешно отвели глаза. Шульцу не улыбалось искать человека в этом вонючем подвале. Он решительным шагом направился к бару и бросил на стойку десять

долларов. Бармен очень редко видел здесь такие большие деньги. Наотрез отказавшись от виски, Голландец задал ему только один вопрос. Бармен кивнул и ткнул пальцем в сторону парня, одетого в давно не стиранную клетчатую рубашку. Он сидел рядом, за стойкой, понуро уставившись на дно пустого стакана.

— Это точно Питер Колл? — переспросил Голландец.

— Да, мистер. Это он, — подтвердил бармен.

Лицо Шульца исказила гримаса ненависти. Отшвырнув с дороги какого-то старого пьянчугу, он подошел к парню и крикнул:

— Эй, Питер!

Парень обернулся. Даже живой мертвец не вызвал бы у него такого ужаса, как живой Датч Шульц. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Питер Колл попятился назад.

— Я тоже рад тебя видеть, — процедил Шульц и ударил его по лицу рукояткой пистолета. — Тащите!

— Датч, Датч, не надо! Я тут ни при чем! — отчаянно завопил Питер. Широкоплечие здоровяки-телохранители схватили его и вынесли на улицу. Шульц повернулся к притихшим завсегдатаям:

— Все слышали, кто я такой?

Рядом с боссом стоял Лулу Розенкранц и помахивал огромным «кольтом» 45-го калибра.

— Вы меня здесь не видели, — тщательно отчеканивая каждое слово, сказал Шульц.

Питера Колла отвезли в Гарлем и выбросили из машины на одном из бесчисленных пустырей.

— Датч, не надо! — верещал он. — Это все Винсент! Я в этом не участвую. Клянусь, Датч!

Шульц с усмешкой наблюдал за ползающим на коленях Питером Коллом.

— Ну, что мы с ним будем делать, Лулу?

Розенкранц выплюнул спичку:

— Босс, мы потратили много бензина, чтобы привезти его сюда. Нам просто невыгодно тащить его обратно.

— Вот видишь, Питер, — Шульц прицелился, — твоя вонючая жизнь не стоит даже канистры бензина.

Первая пуля угодила Коллу в лоб. Он умер сразу, но Голландец продолжал стрелять. Опустошив барабан, Шульц взял «кольт» Розенкранца и стал стрелять дальше, пока тело Питера Колла не превратилось в рваные лохмотья кровавого мяса. В тот же день Винсент Колл получил записку, озаглавленную следующим образом: «Ордер на получение падали». Ниже был нарисован подробный план места, где лежал труп его брата. Опасаясь засады, Бешеный Пес отправил в Гарлем двух

разведчиков. Они привезли то, что осталось от Питера. Датч Шульц всадил в него более тридцати пуль 38-го и 45-го калибра.

Через два дня «бешеные» попытались расправиться с Голландцем. На него напали возле входа в ресторан «Эмбасси Клаб». Однако Шульц оказался готов к нападению, так как постоянно ожидал его. Двенадцать натренированных телохранителей встретили «бешеных» шквальным огнем. Шульц укрылся за припаркованными автомобилями. Трое бандитов Колла были убиты. От раненых «бешеные» избавились сами. Больше для равного счета, чем по необходимости, Винсент Колл застрелил одного из телохранителей Голландца. Неудача с Шульцем не смутила его. Он решил «сорвать банк» и отдал приказ выследить самого главного из своих врагов — Лаки Лючано. Справедливости ради следует отметить, что король гангстеров и не думал уходить в подполье. Его образ жизни абсолютно не изменился, разве что вместо пяти Лаки теперь сопровождали пятнадцать телохранителей. Королевская охрана была сформирована из лучших стрелков «Бруклинского объединения», которых возглавлял Багси Сигел. Они всегда держали оружие наготове.

«Бешеные» устроили засаду возле отеля «Уолдорф Астория», где Лаки постоянно проживал, а значит, чаще всего выходил на улицу. Они прибыли на двух автомобилях, в каждом из которых находилась ударная группа — первая и вторая. В состав первой входили молодые наемники. Их задачей было отвлечь на себя внимание охраны, чтобы вторая группа, которую вел лично Винсент Колл, смогла нанести удар наверняка. Само по себе место для нападения было выбрано неудачно — Бешеный Пес сообразил это потом. Он просчитался в главном: вокруг отеля «Уолдорф» останавливались только дорогие либо очень дорогие автомобили. Два потрепанных «Форда» выпуска 1923 года, в которых Колл разместил своих парней, слишком бросались в глаза. Багси Сигел сразу заметил чужаков.

Как только Лаки Лючано стал спускаться по мраморной лестнице к ожидавшему его «Линкольну», Винсент Колл подал знак.

Но стоило черному «Форду» приблизиться на расстояние прицельного выстрела, как «королевская охрана» открыла плотный встречный огонь. Бруклинские гангстеры действительно умели стрелять. Водитель «Форда» и сидевший рядом киллер мгновенно получили порцию свинца. Неуправляемый автомобиль с тяжелым грохотом врезался в припаркованный на стоянке серебристо-серый «Мерседес». Столь быстрая расправа произвела на Винсента Колла удручающее впечатление. Стало ясно, что

телохранители Лаки оказались готовы к драке и это нападение не могло застать их врасплох. Чуть поколебавшись, Бешеный Пес приказал водителю: «Сматываемся». Неудачи не остановили, а, напротив, еще более ожесточили его.

«Бешеные» нанесли удар по клубу «Хости-Тости», который принадлежал Джеку Даймонду. Подъехали на двух автомобилях, возле клуба снизили скорость до пяти миль в час и проползли вдоль витрины, ведя шквальный огонь из винтовок и автоматов. Винсент Колл, понятное дело, был неподражаем. С сигаретой в зубах он висел на подножке автомобиля и стрелял из «кольта» 45-го калибра. Напоследок вынул из кармана динамитную шашку, поджег шнур от сигареты и точным броском отправил внутрь помещения. Мощный взрыв вызвал целый ураган битого стекла. К счастью, посетителей в клубе было немного, никто не погиб, однако ранения получили около двадцати человек, вследствие чего посещаемость «Хости-Тости» резко сократилась. Это была новая тактика Винсента Колла: если не можешь убить своих врагов — убивай их друзей.

Через два дня «бешеные» появились в одном из нелегальных питейных заведений на Фронт-стрит, которое принадлежало Оуни Маддену. Стреляя в потолок, уложили любителей выпить на пол, обчистили кассу, после чего Винсент Колл лично застрелил контролера заведения Рика Хэммонда. Это тоже была часть новой тактики, потому что Хэммонд считался другом. Оуни Маддена. В тот же день Оуни Мадден отдал своим людям приказ «найти и прикончить бешеную собаку».

Затем последовал налет на букмекерскую контору Джека Даймонда. В ходе перестрелки погибли двое «бешеных». Нападение было отбито.

Спустя три дня «бешеные» устроили засаду на федеральной дороге № 27 в лесах Нью-Джерси. Конвой со спиртным для заведений Оуни Маддена в тот день так и не прибыл в Нью-Йорк. По своему обыкновению, Винсент Колл приказал пристрелить всех, даже водителей.

Неожиданно бандиты Колла похитили Биг Френча Леманжа, близкого друга Оуни Маддена. Француз по национальности, Леманж занимался оптовыми поставками шампанского «Моэ Шандон» и прочих аристократических напитков. Его хорошо знал не только Мадден, но и кое-кто из членов Высшего Совета синдиката. Что примечательно, Леманж, единственный из всех бутлегеров, никогда не был замешан ни в одном убийстве.

Для начала как следует избив француза кастетом, Винсент Колл позвонил в офис Оуни Маддена и потребовал тридцать тысяч долларов за, как он выразился, «большой кусок

французского дерьма», иначе «через двадцать четыре часа он будет кормить лягушек в болотах Нью-Джерси».

— Ты!!! — завопил Оуни. — Ты, бешеная сволочь, если с моим другом что-нибудь случилось…

— Я расскажу тебе, что с ним случится, — перебил Колл. — Если завтра в полдень я не получу бабки, ты получишь по почте яйца своего кореша.

На другом конце провода Оуни Мадден извергал страшные проклятия. Винсент Колл с усмешкой бросил трубку. Взбешенный Оуни помчался в офис Шульца на Артур-авеню. Голландец встретил его довольно прохладно:

— Я понимаю тебя. Мои люди ищут Бешеного Пса по всем трущобам. Рано или поздно я до него доберусь и живьем сдеру с него паршивую шкуру.

— Да ни хрена ты не понимаешь! — вспылил Оуни. — Этот псих хочет убить моего друга. Мне наплевать на деньги, но где гарантия, что он действительно отпустит его?

Голландец поморщился:

— Не кричи так, у меня со слухом все в порядке. Сегодня вечером я объявлю на Бешеного Пса свободную охоту. Каждый парень, который не прочь подзаработать, сможет в ней участвовать. За собачью шкуру, продырявленную пулями, я согласен заплатить пятьдесят кусков.

— Черт возьми, Датч, о чем ты говоришь?! Мне нужно решить проблему с Бешеным Псом сегодня, сейчас!

— Это вообще не твое дело, — огрызнулся Шульц, — Бешеный Пес работал на меня, значит, и проблему с ним решать буду я. Я, а не ты!

В назначенное время Оуни Мадден выплатил похитителям условленную сумму. На этот раз сделка была честной — Винсент Колл не стал убивать Биг Френча Леманжа. Оуни, репутация которого серьезно пострадала, позвонил в отель «Уолдорф» своему старому другу Чарли Луканиа и потребовал вынести вопрос о Бешеном Псе на рассмотрение Высшего Совета синдиката. На сходку в «Уолдорф Астории» были приглашены Мейер Лански, Багси Сигел, Альберт Анастасиа, Джонни Торрио, Лепке Бачелтер, Оуни Мадден, Шульц, а также главари двух семейств мафии — Джо Бонанно и Томми Луччезе.

Лаки Лючано расположился в удобном кресле во главе стола. Он был одет по-домашнему: в шелковый халат, расшитый золотыми птицами. На коленях хозяина дремал маленький черный песик, любимец короля гангстеров, по имени Роби. В конце концов, бандиты ведь тоже люди и у них есть свои маленькие слабости.

В высшем обществе того времени такие моськи были в большой моде, и Лаки, причислявший себя к элите, старался не отставать.

Гай, одетая в прозрачный пеньюар, сквозь который отчетливо просматривались ее роскошные формы, поставила на стол поднос с коктейлями. Против воли все присутствующие внимательно наблюдали, как она наклонялась, демонстрируя пышную грудь.

— Малышка, у нас сейчас будет деловой разговор, — слегка извиняющимся тоном произнес Лаки.

— Да, милый, я ухожу. — Гай исчезла в спальне.

Поглаживая Роби, глава Высшего Совета небрежно спросил:

— Датч, что там происходит у тебя в Гарлеме? Взрывы, стрельба, кровь… как во времена покойного Джо Массерии.

— У меня все под контролем, Чарли, — заявил Шульц.

— А вот наш друг Оуни уверен в обратном, — мягко сказал Лаки.

— Каждый вправе иметь свое мнение, — отозвался Голландец. — Оуни думает так, я — эдак. Все это в порядке вещей.

— Нечего тут думать! Бешеный Пес со своими придурками творит что хочет. За две недели я потерял триста тысяч долларов. Четверо моих ребят убиты, — уже не сдерживаясь, Мадден перешел на крик, — так какого хрена ты нам затираешь, что все под контролем?!

Яростно сверкая глазами, Шульц вскочил с места:

— Прикуси свой чертов язык, понял? Кто ты такой, чтобы с меня спрашивать, а? Вчера я сказал тебе, что все улажу. Ты хочешь сказать, что я трепач?

Разбуженный громкими криками, Роби помотал головой и несколько раз сердито тявкнул.

— Не дают поспать бедной собачке. — Лаки нежно погладил своего питомца. — Датч, Оуни, зачем же так шуметь?

— Я хочу сказать, Чарли, — тяжело дыша произнес Шульц, — что Бешеный Пес работал на меня. Он убил моего друга Тома Валери. Его паршивая шкура принадлежит мне. Я с ним разберусь.

Луканиа предложил.

— Мы можем помочь тебе. Пусть Бешеным Псом займутся ребята Лепке. Это лучшие профессионалы в стране.

— Нет. Я вообще не понимаю, зачем вся эта канитель, разговоры разные. В Атлантик-Сити мы решили, что никто не имеет права лезть в чужие дела.

— Ошибаешься, приятель, — вмешался Джонни Торрио, — Бешеный Пес угрожает Чарли. А это уже наше общее дело.

— И не только мне, — поспешно сказал Лаки, — всем нам.

Но Шульц уперся:

— Я же сказал: нет. Я не желаю, чтобы кто-то вмешивался в мои дела. Даю слово, что разделаюсь с этим психом. Сам.

— Вот что, Датч, — рассудительно заметил Лаки, — у тебя есть десять дней, чтобы ликвидировать Колла. Если после шестого июля он будет еще жив, значит, ты не справился и тебе нужна помощь. Тогда Коллом займутся специалисты из «Бруклинского объединения». Пойми, эта история слишком затянулась. Нас скоро поднимут на смех. Какой-то паршивый убийца бросил вызов всему синдикату! Это позор. С ним пора заканчивать.

Взбешенный Датч Шульц вернулся в свою крепость на Артур-авеню. Вызвав Эйба Ландау и Лулу Розенкранца, он приказал им взять по десять ребят и травить Бешеного Пса днем и ночью, «Если вам попадется кто-то из его шайки — убивайте сразу. Наш чокнутый приятель любит быть жестким, вот и покажите ему, что такое настоящая жестокость», — наставляя Голландец — своих боевиков…

Люди Шульца нашли штаб-квартиру «бешеных» в Лоуэр-Ист-Сайде, забросали динамитными шашками и беспощадно убивали каждого, кто выпрыгивал из окон горящего здания. Бойня продолжалась около десяти минут. Однако среди погибших Винсента Колла найти не удалось. Он ушел.

Через два дня Бешеный Пес сколотил новую банду. Как и прежде, в ее состав вошли разного рода подонки. Но люди Шульца преследовали их по пятам. Перестрелки вспыхивали повсюду: в Ист-Сайде, в Бронксе, в Гарлеме. Винсент Колл одного за другим терял своих «бешеных». Нигде банда не могла найти надежного укрытия. Однако Колл ловко ускользал из ловушек. Все попытки убрать его заканчивались неудачей. В охоту за Бешеным Псом включились снайперы из «Корпорации убийств».

Они рыскали по улицам день и ночь, выслеживая «бешеных» и их главаря. Наемников Колла отстреливали очень быстро. Те не обладали ни опытом, ни осторожностью, ни должными навыками обращения с оружием. Но сам Бешеный Пес был недосягаем. Киллеры наткнулись на него по чистой случайности. 12 июля около двух часов дня Джо Рао, Грэйм и Барт Лэнк заметили «Паккард» Винсента Колла на 107-й Восточной улице.

— Это он! — взволнованно крикнул Рао. — Давай, Барт, рули за ним, скорее!

— Теперь эта сволочь от нас не уйдет, — угрюмо пробубнил Грэйм, оттягивая затвор своего «томпсона».

Колл, чутье которого за последние дни обострилось до

предела, заметил «хвост» в зеркало заднего вида.

Темно-зеленый «Бьюик». Внутри как минимум четверо. Один против четверых. Бешеный Пес вновь услышал знакомый звон в ушах, призывающий к убийству. Заряженный автомат лежал у него на сиденье.

— Ну что, ребята, давайте поиграем, — промычал Колл и резко развернул свой «Паккард» навстречу преследователям. Теперь охотники стали дичью. Таранным ударом Бешеный Пес прижал «Бьюик» к тротуару, высунул автомат в окно и открыл огонь. Пули 45-го калибра гулко забарабанили по крыльям «Бьюика», прошивая его насквозь. Однако противники Колла не были новичками. Трое гангстеров успели выскочить из машины и брызнули в разные стороны. Бешеный Пес вошел в азарт. Выругавшись, он плотно вдавил в плечо приклад автомата. Вслед убегающим ударила длинная очередь. Колл водил стволом из стороны в сторону — стрелял веером. При таком способе ведения огня пули поражают большую площадь. Но гангстеры успели броситься на землю. Под смертельную струю свинца попали мальчуганы, игравшие в футбол пустой пивной банкой. Пятеро мальчиков получили тяжелые ранения. Улицу оглашали жалобные крики, стоны и плач. Бросив на сиденье дымящийся «томпсон», Винсент Колл поспешил смыться. Приехавшая «Скорая помощь» отвезла детей в больницу. Четверо остались живы, но пятый мальчик, раненный в живот, умер в ужасных мучениях.

Вечерние газеты вышли с подробным описанием этого изуверского преступления. Были напечатаны фотографии пострадавших мальчишек. Снимок десятилетнего Фрэнка Алдерсио поместили в траурную рамку. «Бешеная собака должна быть уничтожена!» — так называлось большинство передовиц. Теперь Колла искали не только гангстеры, но и полицейские. Затравленный, озлобленный, он считал, что его песенка спета, но можно сказать, что сатана бережет своих слуг. Прежде всех Бешеного Пса нашел Сэмюэл Лейбовиц, один из самых блестящих нью-йоркских адвокатов.

— Мистер Колл, любой другой сказал бы вам, что дело ваше безнадежно, но только не я. — Адвокат ободряюще похлопал убийцу по плечу, — скажу другое: я готов взяться за вашу защиту, более того, я гарантирую, что смогу выиграть процесс.

В тусклых глазах Колла засветилась надежда.

— Вы это серьезно… э-э-э… — он сверился с визитной карточкой, — мистер Лейбовиц?

— Ну, разумеется, мистер Колл, я не бросаю слов на ветер.

— А как же… с этими пацанами… мистер Лейбовиц? Поверьте, я не хотел их убивать. Прикончить тех троих сволочей

— да. Они напали на меня и получили свое. По справедливости.

— Мой дорогой мистер Колл, ваш моральный облик интересует меня меньше всего. Я адвокат. Я зарабатываю на жизнь тем, что защищаю убийц, грабителей, насильников. Если хотите, я художник от юриспруденции. Моя профессия смешивать краски, делать черное белым или наоборот в зависимости от обстоятельств. Так что забудьте обо всем. И вообще, вас там не было. Вы меня понимаете? Это еще неизвестно, кто стрелял. Может, вы в это время сидели в баре.

— Что я должен делать, мистер Лейбовиц?

— Сдаться. Добровольно сдаться властям. Нет, нет, не волнуйтесь, — воскликнул адвокат, заметив на лице Колла выражение воинственного упрямства, — так вы снимете с себя подозрения! Ну, представьте, разве тот, кто действительно виноват, может по собственной воле сесть на электрический стул? Нет, не так ли?

Лейбовиц ободряюще подмигнул.

— Мои услуги обойдутся вам в восемьдесят тысяч долларов.

— Восемьдесят кусков?! — ахнул Колл. — Да у меня за всю жизнь столько не было.

— Мистер Колл, — сухо сказал адвокат, — сорок из этих восьмидесяти пойдут в карман судьи. Вы же понимаете, насколько все серьезно? Ваша жадность окажет вам плохую услугу.

Чтобы иметь возможность заплатить адвокату, Колл совершил два вооруженных ограбления и одно похищение, после чего сдался полиции в Восточном округе.

Идея Сэма Лейбовица была проста. Суть показаний всех свидетелей сводилась примерно к следующему: кто-то, сидевший за рулем черного «Паккарда», открыл огонь из автомата и попал в детей. Ни один очевидец не мог точно рассмотреть человека за рулем, потому что шла стрельба и все находились в укрытиях. Имя Винсента Колла фигурировало в оперативной информации, полученной полицейскими от своих осведомителей, каковая не может быть использована в качестве доказательств на суде. Прохаживаясь по залу, элегантный, одетый в смокинг с галстуком-бабочкой, адвокат с апломбом рассуждал:

— Итак, не имеется ни единого доказательства, способного подтвердить присутствие моего подзащитного на 107-й Восточной улице 12 июля в промежутке от четырнадцати ноль-ноль до четырнадцати пятнадцати. Напротив, ваша честь, имеются доказательства, прямо опровергающие данное утверждение. 12 июля в период с половины второго до пятнадцати ноль-ноль мой подзащитный находился в борделе на 101-й улице. {Среди

присутствовавших в зале раздались отдельные смешки.) Мне стоило большого труда найти эту… гм, мисс, которая его принимала и уж тем более убедить ее выступить в суде. Но, дамы и господа, чего не сделаешь ради истины, которая, в чем я лично не сомневаюсь, будет установлена. И еще один факт, имеющий, в принципе, второстепенное значение: в собственности моего подзащитного действительно находится автомобиль «Паккард», но не черного, а темно-синего цвета. На всякий случай напоминаю, что в Нью-Йорке около тридцати тысяч «Паккардов». Прошу высокий суд учесть также тот факт, что мой подзащитный добровольно сдался властям с целью защиты своего имени от ложных обвинений. Да, мистер Колл ведет аморальный образ жизни, но пока что уголовная ответственность за это не предусмотрена.

Оправдание Винсента Колла произвело эффект грома среди ясного неба. Он сразу стал знаменитым. При выходе из зала суда журналисты обступили Бешеного Пса плотной толпой и стали спрашивать о его дальнейших планах. «Я намерен жениться», — отвечал женоненавистник Колл. И он сдержал свое обещание. Его супругой стала Лотти Крайсбергер, хористка, подвизавшаяся в дешевых мюзиклах на Бродвее. Худенькая, вертлявая брюнетка, единственным достоинством которой было глупое смазливое личико, конечно же, не могла испытывать никаких нежных чувств к чудовищу, на чьей совести было почти пятьдесят загубленных жизней. Лотти купилась на деньги и славу Винсента Колла и сразу предупредила его, что ей нужно очень много. Не желая ни в чем отказывать своей «милашке», Винсент Колл решил сделать очередную долларовую выжимку из Оуни Маддена. Позвонив ему, он пригрозил прикончить его жену, если не получит сто тысяч долларов отступного. Взбешенный Оуни отправился в отель «Уолдорф» и заявил Лаки Лючано: «Чарли, не успел этот псих выйти из тюрьмы, как все начинается сначала». Претензии были вполне справедливы. Колл угрожал не только жизни жены Оуни Маддена, но и репутации короля гангстеров, который торжественно объявил его покойником. С трудом сдерживаясь Лаки ответил: «Я немедленно займусь этим, Оуни». Чтобы не быть голословным, он позвонил Лепке Бачелтеру в присутствии Маддена.

В Бруклине Лепке вызвал к себе Эйба Рильза, Багси Голдштейна, Фрэнка Хэппи Мойона, Альберта Анастасиа, Красавчика Гарри Питсбурга и Чарли Уоркмана.

— Мне надоело слушать про этого Колла, — прорычал шеф «Корпорации убийств», — даю вам три дня. Вы его найдете и убьете. Если нет, значит, вы ни черта не стоите. И цена вам будет

— сто монет.

Через полтора часа началась новая большая охота. Почти сотни профессиональных убийц принимали участие в этой грандиозной операции. Гангстеры сверху до низу обшаривали каждый квартал.

Колла нашел Багси Сигел, который, несмотря свой высокий статус в Организации, никогда не отказывал себе в удовольствии кого-нибудь пристрелить. Проезжая по 95-й улице в еврейском гетто, он вдруг заметил Колла, вошедшего в телефонную будку. Багси приказал шоферу развернуться и притормозить возле будки. Сомнений не оставалось: это был Бешеный Пес собственной гнусной персоной. Весело мурлыкая под нос любовную песенку, Багси лязгнул затвором «томпсона» и вышел из машины. Колл ничего не замечал, что-то там оживленно обсуждая. Первую очередь Багси дал поверху, чтобы Бешеный Пес наложил в штаны. Когда пули раскрошили стекло над головой, Колл испуганно присел. Ощутив за спиной дыхание смерти, он потерял контроль над собой. Как слепой, обезумевший от ужаса, убийца бился в стены, не находя выхода. Про свой пистолет он совсем забыл. Достаточно насладившись этим зрелищем, Багси Сигел выпустил длинную очередь почти в упор. В голову и грудь Бешеного Пса попало двадцать пуль. Скорчившись, он затих на осколках битого стекла. Посвистывая, Багси неторопливо подошел к будке и прижал ствол автомата к лицу Колла. Медленно, плавно, растягивая удовольствие, он нажал на спусковой крючок. «Томпсон» коротко гаркнул. Последние восемь патронов, еще оставшиеся в магазине, превратили голову Винсента Колла в бесформенное кровавое месиво. Довольный собой, Багси Сигел сел в машину. Кивнул в сторону мертвеца и весело сказал:

— Ну, кто сможет назвать этот кусок падали Бешеным Псом?

— Никто не сможет, — подтвердил водитель.

Где-то далеко, на 97-й улице, пронзительно завывали полицейские сирены.

— Ладно, валим отсюда, — скомандовал Багси.

Нет необходимости говорить, что убийца Винсента Колла так и не был найден. Впрочем, полицейские не особенно старались его найти. На этот раз гангстеры, общественность и полиция имели единое мнение: Бешеный Пес Колл получил по заслугам.

Глава 13
Индустрия разврата

1933 год выдался нелегким для преступного синдиката. Убытки и потери были неисчислимы. Все банды Америки дружно скинулись в избирательный фонд демократической партии. Собранная сумма достигла огромной по кризисным временам цифры — двадцать семь миллионов долларов. И все эти миллионы, что называется, вылетели в трубу. Франклин Делано Рузвельт, чей победоносный путь был проложен деньгами гангстеров и голосами гангстеров, показал себя хорошим политиком. А поскольку первым правилом хорошего политика является: «Забудь все, что обещал на выборах», новый президент отдал распоряжение немедленно навести порядок в Нью-Йорке. Судья Сэмюэль Сибэри, самый опасный враг синдиката, только того и ждал. Все лучезарные надежды гангстеров на абсолютную власть в стране развеялись как дым. Судья Сибэри сделал публичное заявление о том, что считает своей целью очистить Нью-Йорк от коррупции. От слов новоявленный апостол справедливости перешел к делу: начались повальные проверки банковских счетов чиновничьей и политической верхушки города… Специалист по политике, Фрэнк Костелло со знанием дела объяснял друзьям:

— Этот тип просто кривляется, чтобы привлечь к себе внимание. Очистить Нью-Йорк от коррупции! Madonna! Это все равно, что пытаться отскоблить ниггера добела. Идея почище, чем «сухой закон». Может, у Сибэри с Уолстедом была одна и та же мамаша? Но два дурака в одной семье — это уже слишком. Тут все дело в политике. Этот придурок Сибэри считает, что судейское кресло стало слишком маленьким для его толстой ж…

— В губернаторы метит, — презрительно процедил Чарли, — они с Рузвельтом неплохо спелись.

Тем временем Сибэри принялся вытрясать показания из мэра Нью-Йорка Джеймса Уолкера, которого Чарли Луканиа называл «мой добрый, славный друг». Нацелив на испуганного чиновника остро отточенный кончик карандаша, судья грозно спрашивал: «Я требую, чтобы вы объяснили мне, каким образом в условиях страшного кризиса, когда весь американский народ бедствует и нищает, на вашем банковском счету постоянно прибавляются нули?»

Не дожидаясь ареста, Джеймс Уолкер подал в отставку и удрал в Европу вместе со своей любовницей, хорошенькой

стриптизершей Бетти Комптон. 31 марта на пост мэра Нью-Йорка заступил Фиорелло Ла Гардиа. Пухленький коротышка, по виду очень похожий на пивной бочонок объемом примерно 45 галлонов, он, несмотря на солидный возраст, разговаривал тонким, чуть писклявым голосом. Свое первое распоряжение Ла Гардиа пропищал, барабаня по столу маленьким кулачком:

— Арестуйте немедленно всех этих мерзавцев!

Демонстрируя свою решимость вести непримиримую борьбу с гангстерами, Ла Гардиа собрал большую толпу журналистов, напялил на плешивую голову шахтерскую каску, взял в руки кайло и отправился прямо на Бродвей. По свидетельству представителей прессы, мэр всю дорогу твердил: «Я им покажу! Я всем им сейчас покажу!»

Газетчики были жутко заинтригованы. Преисполненный боевого духа, на Бродвее Ла Гардиа ворвался в первый же бар, попавшийся ему на глаза. Надо думать, бармену редко приходилось наблюдать такое нашествие. Впереди всех, воинственно размахивая кайлом, семенил толстенький коротышка. За ним, тяжело громыхая каблуками ботинок, неслись четверо здоровенных телохранителей. Вслед за «гориллами» бежало с пол сотни типов с фотоаппаратами. И замыкали колонну праздные зеваки, всегда готовые присоединиться к любой толпе.

Возглавлявший процессию толстяк метеором пронесся через весь зал и подбежал к стоявшим в углу игровым автоматам — «одноруким бандитам».

«Смотрите, смотрите, это же мэр Ла Гардиа!» — восторженно восклицали посетители, уверенные, что сейчас воочию увидят нечто интересное. Так оно и было. Под сверкание фотовспышек мэр как следует размахнулся и шарахнул кайлом по одному из автоматов. С жалобным звоном лопнуло стекло. Все лампочки разом погасли. Внутри автомата затрещали разряды коротких замыканий. Искры полетели во все стороны. Поверженный «однорукий бандит» внезапно звякнул и стал выплевывать из щелей потоки жвачек, леденцов и мятных конфет. Корреспонденты старались вовсю. Сверкание вспышек напоминало залповый огонь зенитно-артиллерийского полка. Да, это была настоящая сенсация! Мистер Ла Гардиа не обманул возлагавшихся на него надежд. Все были довольны, за исключением бармена, который головой отвечал за эти пять автоматов. «Эй, что вы делаете?!» — жалобно кричал он. Один из телохранителей поднес к его носу огромный кулачище: «Не суйся, парень. Ты мешаешь мэру!» Вдребезги расколотив все автоматы, Ла Гардиа снял каску, утер обильный пот и придвинулся ближе к лесу микрофонов.

— Авторитетно заявляю, — шумно дыша, произнес мэр, — что так буду делать и впредь, до полного искоренения этой заразы в нашем городе. Я официально разрешаю полиции производить выемку и конфискацию «одноруких бандитов», несмотря на пресловутое разъяснение судьи Стронга. Надеюсь, двуруким бандитам это придется не по вкусу.

— Мистер Ла Гардиа, сколько еще подобных рейдов вы намерены провести лично? — задал вопрос корреспондент журнала «Тайм». Тут мэр позволил себе пошутить:

— Я буду проводить такие мероприятия до тех пор, пока меня не хватит инфаркт.

Как полагалось в этом случае, корреспонденты дружно засмеялись, чем весьма порадовали почтеннейшего мэра. Зато гангстерам стало не до смеха. В Нью-Йорке была развернута настоящая кампания против «одноруких бандитов». Каждый день полицейские уничтожали около полусотни игровых автоматов. Фрэнк Костелло, распоряжавшийся этим бизнесом, забил тревогу. На чрезвычайном собрании Высшего Совета было принято решение пока что припрятать оставшиеся автоматы до лучших времен. Костелло предложил другой вариант. Уже давно у него на крючке висел губернатор штата Луизиана Хью Лонг. Как-то, еще в 1928 году, он приехал в Нью-Йорк, чтобы хорошенько выпить и развлечься. Кутить у себя в Новом Орлеане сенатор Лонг считал неудобным. В Нью-Йорке он пребывал инкогнито и посещал недорогие питейные заведения в Центральном округе. Но все эти заведения принадлежали синдикату. Незамедлительно контролеры забегаловок уведомили Фрэнка Костелло о посещении большой шишки. Едва взглянув на губернатора, «дипломат мафии» сразу определил, что этот парень немалый пройдоха. К Лонгу подвели очаровательную блондинку, одну из самих дорогих путан Нью-Йорка Ванессу Лейнгарт. Как и предполагал Костелло, сенатор не устоял. Все его свидания с золотоволосой красавицей незаметно и тщательно фотографировали. Когда сенатору передали набор наиболее пикантных фотографий, он тут же заявил посыльному:

— Я уверен, что мой друг мистер Костелло, будучи джентльменом, уничтожит эту коллекцию и не пустит ее по рукам.

Таким было начало дружбы Фрэнка Костелло с губернатором Хью Лонгом. За пятнадцать процентов с годового оборота Лонг согласился допустить в Новый Орлеан армию «одноруких бандитов» и даже лично обеспечить им рекламу. Однако на этом проблемы не закончились. Судья Сибэри устроил настоящий разгром в «Таммани-Холл». Был арестован Альберт Маринелли.

Джимми Хиннес куда-то исчез, скрываясь от правосудия. Одно сенсационное разоблачение следовало за другим. Шеф нью-йоркской полиции Гровер Уоррен, замешанный во многочисленных махинациях, был вынужден уйти в отставку. На его место Ла Гардиа назначил честного и неподкупного полковника Льюиса Валлентайна. Гангстеры оказались в затруднительном положении. Доходы от игорного бизнеса резко упали. Чиновники, испуганные поднявшейся шумихой, не решались брать взятки и спешили демонстрировать общественности свою принципиальность. Наконец произошло еще одно событие, так давно всеми ожидаемое: отмена «сухого закона». На территории всех пятидесяти штатов в подпольных питейных заведениях состоялись торжественные похороны прохибишена. На этот веселый, но вместе с тем немного грустный праздник собралось огромное количество людей. Кондитеры сбились с ног, в круглосуточном режиме изготовляя тысячи шоколадных гробов с надписями белым кремом на боках «PROHIBISHEN». Вместо свечей в эти чудо-торты втыкали бутылки шампанского. Рыдающие гангстеры с черными повязками на рукавах под звуки траурного марша вносили шоколадные гробы в залы своих заведений, которые уже с завтрашнего дня навсегда опустеют. И, как это было в первый день «сухого закона», люди по всей Америке напивались до бесчувствия.

Утром, когда треть населения Соединенных Штатов мучилась с похмелья, в отеле «Ритц Тауэре» собрались семь боссов Высшего Совета. Каждый чувствовал какую-то ностальгическую грусть, ведь вместе с «сухим законом» прошло время их бурной молодости. Открывая заседание, Лаки Лючано кисло произнес:

— Итак, друзья, янки теперь могут пить сколько влезет, а мы уже не получим с этого ни цента.

— Сегодня закончилась целая эпоха, — философски заметил Костелло.

— Да-а, славное было времечко, — вздохнул Мейер Лански.

Джонни Торрио задумчиво обронил:

— Мы многое сделали за эти двенадцать лет.

Лаки спохватился и строго постучал ногтем по столу:

— Ладно, ладно, мы здесь собрались не для того, чтобы вздыхать. С самого начала было ясно, что «сухой закон» когда-нибудь отменят. Вот его отменили. Все. Жизнь продолжается.

Боссы поторопились стряхнуть с себя ностальгию, закурили сигары и приготовились слушать.

— Мейер, в Чикаго ты предлагал кое-какие идеи. Как обстоят дела на сегодняшний день?

Положив свою сигару в пепельницу, Лански сцепил руки в

замок:

— Пока трудно сказать. Я был на Кубе, вел переговоры с Батистой. Этот малый соображает очень туго, пришлось на него поднажать.

— Каким образом? — поинтересовался Торрио.

— Все контрабандисты платили ему по пятнадцать процентов с каждой партии пойла, вывозимого с Кубы. И я спросил, хочет ли синьор Батиста, чтобы об этом узнали ребята из Федеральной службы?

— Неплохой ход, — заметил Лаки.

— Так что мы обо всем договорились, включая проценты с будущих предприятий. Чарли, загвоздка только в одном: для начала нужно вложить в это дело миллионов пятнадцать-двадцать. Построить десяток казино, завезти с материка профессиональных крупье, музыку, кабаре и так далее. Все это будет раскручиваться по крайней мере года-два, может, три, не знаю.

— А Лас-Вегас?

— С Лас-Вегасом дело обстоит похуже. Там кругом пустыня, хороших дорог нет, людей мало. Прежде чем строить казино и отели, придется прокладывать шоссе, налаживать водоснабжение.

Лански пожал плечами:

— Все это обойдется минимум в пятьдесят миллионов. Спрашивается, где их взять?

— У нас много друзей, — заметил Лаки.

— Чарли, ты не хуже меня знаешь, как друзья отнесутся к этому. Вот если построить в Гаване парочку казино и первоклассных отелей, которые быстро себя окупят, тогда, конечно, друзья будут готовы выложить любые деньги. К тому же сейчас наступили тяжелые времена, прохибишен отменили, кое-кто из друзей вовремя не смог сообразить, что к чему. Короче говоря, с наличными большие трудности. У всех. Тем более мы погорели с этими выборами. Кто нам теперь поверит на слово?

Понимая, что Лански прав, Чарли Луканиа задал другой вопрос:

— Во сколько обойдется строительство двух отелей?

Лански задумался:

— Примерно в пять миллионов. И еще два миллиона нужно сразу перевести на секретный счет Батисты в банке Цюриха. Итого, значит, получается семь миллионов долларов. Но знаешь, Чарли, чтобы все это не было так дорого, я предлагаю совместить казино с отелями. Это можно сделать, допустим, расширив холл. В одном крыле будет ресторан, кабаре и музыка, а во втором столы для покера, рулетка, макао и все остальное. Заодно можно

доставлять девок и кокаин прямо в номера клиентам. То есть мы сосредоточим в одном месте все возможные развлечения.

— Отлично, — резюмировал Лаки, — теперь остается обсудить самый главный вопрос: где взять первоначальные семь миллионов? Есть какие-нибудь идеи?

Боссы молчали. Времена наступили действительно трудные. И не только потому, что ощущалась большая нехватка наличных денег. Гонения, обрушившиеся на «Таммани-Холл», имели далеко идущие последствия. Незаконный бизнес не мог приносить высоких прибылей без поддержки продажных политиков. Некоторые особо обнаглевшие полицейские, которых Костелло называл «самыми чокнутыми племянниками дяди Сэма», по собственной инициативе проводили облавы на букмекеров, пушеров и прочую мелкую сошку, работавшую на синдикат. Остановить это «беззаконие» было невозможно.

Не дождавшись предложений от друзей, Чарли Луканиа самодовольно улыбнулся:

— В таком случае идея есть у меня.

— Никто из нас не сомневался в этом, Чарли, — за всех ответил Костелло.

— Да, именно поэтому мы здесь собрались. Дело в том, что примерно полтора часа назад ко мне пришел один человек. С хорошим проектом в руках. По крайней мере, у меня создалось такое мнение. Теперь я хочу, чтобы его послушали вы. Джино, — обратился Лаки к своему телохранителю, — давай сюда этого Бэтилло.

Услышав имя одного из подручных Аль Капоне, Джонни Торрио был неприятно удивлен:

— Чарли, зачем тебе нужен этот подонок? Все, кто был с Капоне, — чокнутые головорезы. Они умеют стрелять, но совершенно не умеют думать.

— Оставь, Джонни. Твое предубеждение против этого парня вполне понятно, но абсолютно необоснованно. То, что он предлагает, — золотое дно. С головой у него все в порядке.

Джино ввел в совещательную комнату невысокого, худощавого, но весьма широкоплечего мужчину лет тридцати пяти. По традиционной гангстерской моде его волосы были обильно смазаны бриолином и зачесаны назад. Смуглая кожа выдавала уроженца юга Италии — Бэтилло был родом из Кампаньи. В одежде он придерживался подчеркнуто правильного стиля: дорогой костюм темного цвета, белоснежная шелковая рубашка, кричаще яркий галстук. В эпоху расцвета империи Капоне Бэтилло входил в личную охрану Большого Аля. Однако ни один из новых боссов, включая официального преемника

Капоне Фрэнка Нитти, не захотел предложить ему работу. Незадолго до отмены «сухого закона» Бэтилло приехал в Нью-Йорк. Здесь его башку посетила многообещающая идея, и он, без долгих раздумий, отправился прямо в отель «Ритц» к Лаки Лючано. Увидев за круглым столом всю верхушку бандитской Америки, Бэтилло невольно подобрался. Встретившись глазами с Джонни Торрио, шумно сглотнул.

— Проходи, Дэйв, — пригласил Лаки, — сесть тебе не предлагаю, сам понимаешь[32].

— Да, мистер Лючано, — голос вдруг зазвучал слишком хрипло, и Бэтилло прочистил горло.

— Мы слушаем тебя.

— Несколько дней назад я обратил внимание, что секс-бизнес в Нью-Йорке несиндицирован, — начал Бэтилло. Джонни Торрио свирепо рыкнул со своего места:

— Ты что же, хочешь предложить нам стать сутенерами? Организация не участвует в этом бизнесе, потому что каждый из нас — настоящий мужчина, уважающий себя. Торговля шлюхами — дело для подонков, straccie.

— Джонни! — одернул его Лаки Лючано.

Бэтилло осмелился возразить:

— Мистер Торрио, сейчас не то время, чтобы не замечать доллары, валяющиеся под ногами. Никто не может позволить себе такую роскошь. Если взять под контроль секс-бизнес в Нью-Йорке по системе, которую я предлагаю, то в первый же год чистая прибыль составит семь-восемь миллионов долларов. С каждым годом эта прибыль будет соответственно возрастать.

— Я знаю, что ты хочешь предложить, — перебил Торрио, — драть с каждого борделя налог за защиту. Но я не вижу, как таким способом можно заработать семь миллионов.

— Мистер Торрио, Большой Аль получал от такого рэкета десять миллионов каждый год. И ни центом меньше.

— Ну, и где он теперь, этот жирный подлец Капоне? Я уже не говорю о том, что у него размякли мозги от сифилиса!

— Джон-ни, — Лаки Лючано постучал ладонью по столу, — это к делу не относится.

Отвернувшись от Торрио, Бэтилло обращался теперь только к нему:

— Систему Большого Аля можно значительно улучшить. Во-первых, все публичные дома и телефонные конторы по вызову нужно перевести на круглосуточный режим работы, как это было в Чикаго. Здесь заведения открываются вечером, девки пропускают за смену одного-двух клиентов, а за 24 часа каждая может принять минимум пятнадцать клиентов. Во-вторых, прямо

в борделях я предлагаю создать кино- и фотостудии, Чтобы снимать девок во всех позах для порнографических киношек и печатных журналов. Эти вещи пользуются огромным спросом. Далее, чтобы выжать из шлюх как можно больше долларов, их надо сажать на иглу, на героин. Здесь три выигрышных момента: первое — шлюхи навсегда привязываются к заведениям, которые обеспечивают их белым порошком. Второе — почти все деньги, причитающиеся девкам за работу, идут в наш карман. Ну и третье — на ровном месте создается новый рынок сбыта для порошка, с безграничными возможностями расширения. С вашей помощью я открою много новых заведений, а это значит — обеспечу постоянный приток новых потребителей товара.

— Где же ты возьмешь столько шлюх, Дэйв? — поинтересовался Костелло. — Эта работа не самая приятная, и охотников на нее не так уж много.

— Не проблема, — бросил Бэтилло, — я организую сеть специальных фирм и через них смогу набрать достаточно провинциальных дур, которые купятся на сказки о престижной работе в Нью-Йорке. Ну, там, фотомоделью, манекенщицей, официанткой. А когда их приведут в бордель, они уже не выйдут оттуда. Есть и другие способы.

Бэтилло немного перевел дух и проникновенно сказал:

— Дайте мне сделать это! От этого пирога каждому достанется жирный кусок.

— Ну что, друзья, — резюмировал Лаки, — я думаю, если мы поддержим Дэйва, то уже через год сможем открыть в Гаване первые казино.

Даже Джонни Торрио, не скрывавший своей неприязни к Бэтилло, признал очевидную перспективность его идеи. Решение о поддержке нового проекта Высший Совет принял единогласно.

В крупных американских городах китайские рестораны считаются хорошим признаком богатой экзотики. Китайцы, во всем любящие порядок, неукоснительно соблюдают четкую планировку своих районов. Это касается и ресторанов — они обычно последовательно располагаются один за другим в какой-либо конкретной части Чайна-Тауна. Небольшой двухэтажный ресторан «Взлетающий дракон» ничем особенным не выделялся среди прочих подобных заведений. Единственным отличительным признаком был сработанный из жести хищный дракон с оскаленной пастью и длинным, гибким хвостом, укрепленный на стене заведения. Вечером по всему туловищу дракона зажигались бегающие огоньки — довольно стандартная реклама. Но в один из промозглых, холодных дней октября 1933 года этот ресторан стал местом большой сходки всех крупных дельцов секс-бизнеса в

Нью-Йорке и тем самым приобрел историческое значение.

Около восьми часов вечера узенькую улочку перед рестораном буквально перегородили дорогие автомобили, среди которых находился известный каждой гангстерской шавке роскошный лимузин «Линкольн», принадлежащий Лаки Лючано. Патрульные полицейские, возмущенные столь наглым попранием правил парковки, попытались оштрафовать дерзких нарушителей. Водитель «Линкольна», не считая, бросил им через окно пачку долларов. Стражи порядка намек поняли, сели в патрульную машину и убрались. Хозяин ресторана повесил на дверях табличку «Закрыто». Два десятка известнейших «бордель-мам» сидели за длинным столом, который хозяин специально притащил из расположенного неподалеку мебельного магазина. Возглавлял это сборище Лаки Лючано, занявший подобающее место во главе стола. За спиной босса стоял Дэвид Бэтилло со своим будущим заместителем Джеймсом Фредерико.

Лаки сунул в рот гаванскую сигару. Бэтилло услужливо щелкнул зажигалкой. «Бордель-мамы» молчали и ждали.

— Я собрал вас, чтобы объявить очень важную новость, — начал Лючано. — Меня сильно беспокоит ситуация, сложившаяся в этой отрасли бизнеса. Скажу больше: мне не нравится, как вы поставили дело. Там, где можно получать миллионы, вы зарабатываете жалкие семьсот тысяч в год. Я считаю, что вам нужна помощь. С этого дня все веселые дома включаются в Организацию. Это не значит, что вы устраняетесь от ведения дел. Нет. Все принадлежащее вам сохраняется за вами и впредь. Будет только два принципиальных изменения. Первое касается режима работы ваших заведений. Его нужно усовершенствовать. И второе: я хочу представить вам мистера Дэвида Бэтилло, человека, ранее работавшего с Аль Капоне, который отныне будет от моего имени осуществлять общий контроль за вашей деятельностью…

Лаки плавно повел рукой в сторону Бэтилло. Тот пристально посмотрел на кричаще разодетых женщин. Главное, сразу внушить им страх. Лаки в данном случае правильно использовал имя Аль Капоне, который подбирал в свою банду самых кровожадных убийц со всей Америки.

— …И его советника мистера Фредерико, — рука Лаки переместилась в сторону Джеймса. Новые веяния явно пришлись не по вкусу содержательницам борделей. Это было видно по их глазам. Но ни одна не решилась высказать свое недовольство вслух.

— Благодаря нововведениям мистера Бэтилло бизнес будет приносить в десять раз больше прибыли, чем сейчас. Я полагаю, все справедливо. Никто не проиграет, каждый получит свою

долю.

— Сколько процентов нам придется платить? — спросила Коки Фло Браун, известная манхэттенская «мадам».

— Пятьдесят, — мягко ответил Лаки. Фло открыла рот, желая возразить, но, встретившись глазами с Бэтилло, передумала. В разговор вступила чернокожая «мадам» Кин из Гарлема, содержавшая сеть недорогих публичных домов с черными проститутками.

— Мистер Лючано, приняв ваше предложение, я подвергну свою жизнь опасности.

— Какой именно опасности? — уточнил Лаки.

— Мои заведения находятся на территории Каспера Бампи Холлстайна. Я плачу ему за покровительство, и, вы понимаете, здесь могут возникнуть проблемы.

— Кто такой этот Бампи Холлстайн? Что он из себя представляет?

— Он держит свой «банк» в Гарлеме, имеет влияние на бизнес с лотереей «числа». В его шайке — все черные головорезы южных и западных кварталов.

Лаки небрежно обронил:

— Мы встретимся с ним и все уладим.

«Мадам» уперлась:

— Я не могу заключать с вами соглашение, пока вы не договоритесь с Бампи Холлстайном.

— Это я заключаю с вами соглашение, — Лаки сделал ударение на слове «я», — чувствуете разницу?

«Мадам» захлопала глазами:

— Мистер Лючано, я всего лишь прошу для себя гарантий безопасности. Бампи Холлстайн — чокнутый убийца. И все его парни такие же.

— Думаю, он не настолько чокнутый, чтобы противопоставлять себя Организации. В случае чего просто назовите ему мое имя, объясните, что имеете полное право выбирать себе покровителей. Если он не поймет, пусть пеняет на себя.

Лаки обвел глазами «почтенное собрание»:

— Что же, если вопросов больше нет, я позволю себе считать наш договор вступившим в силу.

Он встал, давая понять, что совещание окончилось. Большинство содержательниц веселых заведений восприняли случившееся как факт. В конце концов, когда приходится выбирать между целостью собственной шкуры и пачкой долларов, все очень просто. Хотя бы потому, что мертвым деньги не нужны. Но в глубине души каждая «мадам» надеялась сквитаться рано

или поздно. Когда-нибудь потом, как только представится удобный случай, они воткнут нож в спину Лаки Лючано…

Между тем сам босс боссов решил не откладывать решение проблемы Гарлема. На следующий день он позвонил «мадам» Кин и предложил организовать встречу с Каспером Холлстайном. По ходу разговора «мадам» призналась, что Бампи со своими головорезами посетил ее еще вчера вечером.

— Пришлось сказать, что вы заставили меня принять ваши условия под угрозой оружия. Иначе я не могла поступить, ведь моя жизнь висела на волоске, — оправдывалась она.

— Не беспокойтесь, вы правильно сделали, — ответил Лаки, — ваша жизнь имеет намного большую цену, чем жизнь этого Холлстайна.

Успокоив «мадам», он назвал время и место встречи. Каспер Бампи Холлстайн весьма заботился о поддержании своей репутации, поэтому появился в точно назначенный час. Чернокожий гангстер прикатил на сверкающем хромированном «Кадиллаке». Сзади на простом «Форде» ехали телохранители. Лаки Лючано, прибывший на место пятнадцатью минутами раньше, уже ждал его.

Одетый в модный в то время полосатый костюм и шляпу-канотье, Бампи Холлстайн сильно смахивал на эстрадника вроде Дюка Эллингтона. Как многие негры, он был атлетически сложен, высок и строен. Рядом с ним низенький, щуплый Чарли Луканиа казался пигмеем. Однако в преступном мире физическая сила отнюдь не является стопроцентным залогом успеха.

Грубо говоря, Бампи Холлстайн был выскочкой. Он освободился из тюрьмы Синг-Синг в 1933 году, где отбывал срок за вооруженное ограбление. В условиях Великой Депрессии, когда реальный доход в Гарлеме давала одна лишь лотерея «числа», Холлстайн избрал стандартный путь обогащения — стал «диким банкиром». Поскольку он работал на территории Датча Шульца, каждый день для него мог быть последним. В то время средняя продолжительность жизни «дикого банкира» колебалась в пределах от трех до восьми недель — кому как повезет. У Шульца было много недостатков, но жестокости ему хватало с лихвой. Для него отстрел «диких банкиров» был чем-то вроде любительской охоты. Более того, Датч считал это своим хобби. «Диких» не только расстреливали, иногда их брали живыми. Изобретательный Голландец придумывал для них различные пытки, попробовав которые, бедняги сами желали поскорее умереть. Так вот, что касается Холлстайна, то его везение было просто фантастическим. Люди Датча стреляли в него двенадцать раз. Однажды Шульц лично направил к нему в дом двух наемных

убийц. Но Бампи, у которого развилось по-настоящему звериное чутье, сумел застрелить одного, выпрыгнул в окно и скрылся. Через полгода о нем заговорил весь Гарлем. Он стал фигурой почти легендарной и создал себе репутацию крутого и неуязвимого. Вокруг Бампи начали потихоньку группироваться чернокожие головорезы, не желавшие работать на «белую свинью» Шульца. Теперь, перейдя в статус главаря, Холлстайн уже не бегал по улице с лотерейными квитками, а нанимал для этого других. Конечно, часть его банкиров убивали люди Датча, но на их место тут же приходили новые, и постепенно Бампи удалось отхватить кусок рынка. Кроме того, Голландец уклонялся от контроля за дешевыми борделями, в которых чернокожие проститутки получали с клиента от двух до десяти долларов за посещение. Великая Депрессия значительно снизила доходность этого бизнеса, поэтому Шульц считал, что с него хватит лотереи. Однако Бампи считал иначе. Конечно, хозяева публичных домов не захотели добровольно принять его в долю.

Тогда он отправил к ним двух специалистов по ведению переговоров. Ливингстон Симмонс по кличке Носорог (настоящее чудовище, весившее 130 фунтов) и Плимут Лэнс, известный под прозвищем Черная Смерть, порезали парочку «мадам» на кожаные ремни при помощи опасных бритв. После этого случая все остальные «бордель-мамы» поспешили заявить о своем согласии сотрудничать с Каспером Холл стайном.

Чуждый расовых и национальных предрассудков, Лаки протянул руку негру:

— Пора нам встретиться, мистер Холлстайн.

— Для меня это большая честь, мистер Лючано, — церемонно ответил Бампи.

Лаки коротко обрисовал возникшую конфликтную ситуацию и сделал предложение:

— Мистер Холлстайн, вы и ваши люди войдете в Организацию. Для вас абсолютно ничего не изменится. Я не имею привычки вмешиваться в чужие дела.

— Но это значит, что мне придется отдавать пятьдесят процентов дохода, — заметил Бампи, — кроме того, я теряю контроль над борделями, поскольку этим будет заниматься ваш человек. Это совсем не взаимовыгодная сделка.

— Взамен я гарантирую, что Датч Шульц оставит вас в покое. Вы получите возможность сохранить свой бизнес с лотереей. Уверенность в завтрашнем дне — это не так мало, мистер Холлстайн. Ваше везение не может длиться вечно.

— Едва ли Датч согласится на это.

— Мистер Холлстайн, я никогда не бросаю слов на ветер. Я

же сказал, что договорюсь с Шульцем.

— Благодарю, но мой ответ — «нет». Я независимый делец, мистер Лючано.

Лаки посмотрел ему в глаза:

— Вы совершаете ошибку.

Бампи пожал плечами:

— Вся моя жизнь — это ошибка.

Лаки Лючано вернулся в «Ритц» несолоно хлебавши. Впрочем, его устраивал любой вариант: с Холлстайном или без Холлстайна все будет так, как он задумал. Лаки вызвал к себе Лепке Бачелтера. Узнав, в чем дело, тот рассердился:

— Чарли, на кой черт ты вообще разговаривал с этим ниггером? Его надо было сразу пристрелить — и дело в шляпе.

— Нет, ты не прав. Все нужно делать последовательно. Убивать приходится в том случае, когда другого выхода нет. Это моя стратегия. Теперь к делу. Костяк банды составляют трое — Холлстайн и его подручные Симмонс и Лэнс. Если их убрать, шайка сама собой распадется.

— Это будет несложно. Ниггеры ни на что не годятся. Считай, их уже нет.

— Сколько времени тебе нужно?

— Трудно сказать. Отправлю ребятишек, пусть присмотрятся, что там и как. И еще, Чарли, мне понадобится помощь Датча, чтобы их выпасти. Если ниггеры увидят белых на хвосте — это может вызвать подозрение. Уйдут на дно, потом их не достанешь. В Гарлеме два миллиона черных обезьян, и все они на одну рожу. Я знаю, на Датча работают черномазые. Пусть займутся слежкой.

— О'кей, я скажу Датчу. Присылай к нему своих ребят завтра.

Противники синдиката не были новичками, а Каспер Холлстайн — самонадеянным простаком. Он правильно понял значение всего сказанного Лаки, особенно фразу насчет «совершаемой ошибки». Бампи ни на минуту не расставался с пистолетом, днем повсюду его сопровождали вооруженные до зубов телохранители, а ночью охрана выставлялась возле дверей в спальню. Шайка Холлстайна перешла на военное положение. Бандиты появлялись на улице только группами по три-четыре человека — так было легче отбить внезапное нападение. Однако убийцы, которым Лепке поручил выполнение заказа, не собирались нападать на шестерок. Казалось бы, Каспер Холлстайн предусмотрел все. Ни один чужак с оружием в руках не смог бы приблизиться к нему на дистанцию прицельного выстрела. За три дня слежки киллеры в этом полностью убедились. Решение было найдено на четвертый день.

Ежедневно Холлстайн, имевший странное пристрастие к

мороженому с шоколадным кремом, посещал одно и то же свое любимое кафе, владелец которого лично подносил ему заказанную порцию. Обычно Бампи приезжал туда с двумя-тремя телохранителями, но после встречи с Лаки Лючано численность охраны была доведена до пятнадцати человек. Пятеро сидели по углам кафе, наблюдая за входом. Еще десять прохаживались снаружи. На те пятнадцать минут, которые были необходимы Холлстайну для съедения порции мороженого, телохранители выгоняли из кафе всех посетителей. Так было день, два, три. Бампи ни о чем не беспокоился. Он даже не считал нужным хоть изредка менять время своих посещений. Так было и на четвертый день.

По своему обыкновению, Каспер подъехал к кафе ровно в полдень. Из двух машин сопровождения посыпались вооруженные винтовками телохранители. Не заметив вокруг ничего подозрительного, Носорог Симмонс открыл боссу дверцу. На улице шел дождь. Холлстайн, поеживаясь, поднял воротник и заторопился ко входу в кафе. Из чердачного окна дома напротив за ним внимательно наблюдали две пары глаз. Бампи скрылся за дверью.

— Он зашел, — прошептал один из наблюдателей.

— По этой черной обезьяне можно сверять часы, — ворчливо добавил другой.

— Когда подъедут «слепые»?

— Через десять минут.

— А что ты скажешь, если часы у них опаздывают? У этих ниггеров все как попало.

— Заткнись! Я сверял часы секунда в секунду.

— Ладно, только не ори на меня.

В назначенное время возле кафе припарковался старенький «Бьюик». В машине сидели двое вычурно и безвкусно одетых негров из породы подвизающихся в лотерее на третьих ролях. Они не знали, какой груз лежит в багажнике, поэтому их называли специальным термином «слепые». Датч Шульц, весьма не доверявший неграм, посоветовал специалистам Лепке изобрести способ доставки груза «втемную», чтобы «слепые» вели себя естественно и не вызвали подозрений. «У меня есть для вас два куска протухшего гарлемского фарша», — сказал киллерам Голландец. Этим фаршем и были двое негров-толкачей, которых Шульцу было не жалко. Их проинструктировали следующим образом: «Холлстайн заподозрил слежку, поэтому вы будете “вести” его только до кафе, на противоположном углу улицы вас будут ждать сменщики, как только Бампи выйдет на улицу, подадите им сигнал — откроете багажник». За это Шульц

пообещал каждому по пятьдесят долларов.

Через пять минут после прибытия «слепых» из кафе вышел Бампи Холлстайн. Он тоже не знал, что именно находится в багажнике «Бьюика», иначе не вел бы себя так спокойно. Завидев Каспера, один из наемников Шульца направился открывать багажник. Когда он поднял крышку, внутри что-то щелкнуло. За две последние секунды негр успел увидеть на дне багажника аккуратные связки динамитных шашек и ручную гранату без кольца.

Прогремел мощный взрыв, слышный за пять кварталов. Во всех окрестных домах лопнули стекла. От припаркованных возле кафе автомобилей остались только обгорелые, искореженные, зловонные остовы. Бампи Холлстайн, Носорог Симмонс и четверо телохранителей были разорваны в клочья. Все остальные получили ранения различной степени тяжести и, кроме того, многочисленные порезы осколками битого стекла. Поскольку взрыв произошел на территории капитана Бреннана, старого друга Датча Шульца, следствие по данному факту заглохло само собой. Так Лаки Лючано избавился от своих конкурентов, а Голландец — от надоевших ему негров.

Черная Смерть Лэнс оказался в числе тяжело раненных. В дешевой гарлемской больнице для бедных ему ампутировали обе ноги. Ослабевший от кровопотери, совершенно неподвижный, грозный когда-то убийца производил жалкое впечатление. В своем нынешнем виде он был совершенно неопасен, но специалисты-ликвидаторы получили от Лепке приказ убрать Лэнса вместе с его боссом и Носорогом Симмонсом, а приказы, как известно, не обсуждаются, они выполняются.

Больница была очень бедной, поэтому некий санитар согласился перевести Лэнса на пустующий верхний этаж всего за двадцать долларов. Кем были щедрые белые друзья Черной Смерти, санитар не интересовался. Он молча перекатил пациента наверх, запер в маленькой отдельной палате и передал нанимателям слепок ключа. Лэнс, находившийся после операции в наркотической спячке, ничего не заметил. Он проснулся ночью, почувствовав прикосновение чего-то холодного. Над ним склонились двое незнакомых белых мужчин. Один лил ему на лицо воду из графина. Заметив, что Лэнс открыл глаза, он поставил графин на тумбочку и крепко, обеими руками, вдавил в лицо Черной Смерти подушку. Лэнс начал задыхаться. Но это было не самое страшное. Второй убийца вынул из кармана опасную бритву, любимое оружие Лэнса, и широкими взмахами стал кромсать его тело. Жуткие, нечеловеческие крики тонули в подушке. На слух воспринималось только глуховатое мычание.

Серая грубая простыня быстро наливалась красным. Адская боль заставляла сотрясаться измученное тело. Теперь Черная Смерть Лэнс на себе испытал, что чувствовали те люди, которых он убивал при помощи бритвы. Сделав свое дело, убийцы тихо растворились в темноте.

Таким образом, присоединение гарлемских публичных домов к индустрии разврата, созданной Бэтилло под эгидой Лаки Лючано, прошло быстро и вполне безболезненно. Как и предвидел Лаки, банда Холлстайна без вожаков рассеялась и больше не представляла опасности.

Бэтилло, взявший бизнес в свои руки, прежде всего соорудил, если так можно выразиться, показательный бордель нового поколения, который представил боссу как образец будущих веселых домов индустрии разврата. Едва взглянув на это «произведение», Лаки в полной мере оценил талант Бэтилло. Неизменными остались только яркие красные фонари. Кирпичная стена полностью исчезла. Теперь фасад заведения состоял из стекла. В витринах на высоких стульях сидели проститутки, одетые в прозрачные длинные рубашки, и завлекали клиентов непристойными жестами. Любой проходивший мимо мужчина мог с первого взгляда оценить прелести той или иной из них, выбрать себе девушку по вкусу и уединиться с ней в номере. Кроме того, на улице стояли несколько самых молоденьких, самых смазливых девочек, одетых с возбуждающей откровенностью и игравших роль зазывал. Они буквально хватали прохожих за руки.

Входные двери охранял профессиональный вышибала, швейцар в красной ливрее с золотыми пуговицами гостеприимно распахивал их перед клиентами. Обстановка внутри напоминала холл дорогого отеля.

За облицованными бронзой дверями располагался зал, в котором была создана полноценная интимная обстановка: полумрак, удобные кожаные кресла, столики с излучающими ненавязчивый свет светильниками, хрустальные люстры на потолке. Первоклассный оркестр играл фокстроты, чарльстон или каслвок. На сцену попеременно выходили девушки и под музыку снимали с себя одежду — после чего, полностью обнаженные, исполняли какой-нибудь непристойный танец, дабы расшевелить клиентов.

Центральным местом шикарного заведения был огромный бар, где опять же на высоких стульях сидели проститутки, демонстрировали свои ноги, курили сигареты с длинными мундштуками и, завидев клиента, немедленно растягивали в улыбке ярко накрашенные губы. Многие из них частенько

прикладывали к носу хрустальный флакончик с кокаином. Между собой девочки называли его «ангельской пудрой». Кокаин помогал выжить. Кокаин мог сделать любого мужчину желанным. Кокаин расцвечивал кошмарный серый мир яркими красками. И вся эта безвкусная, крикливая, удручающая обстановка публичного дома начинала казаться прекрасной. Тусклый свет светильников умиротворял, успокаивал и отливал золотом. Как по мановению волшебной палочки, окружающая грязь исчезала. Девушки, в большинстве своем работавшие подневольно, искали в кокаине забвения и находили его. Разумеется, владельцы борделя всячески поощряли привычку нюхать порошок, тем более что от «кокаиновых дорожек» пролегал прямой и очень короткий путь к игле, к героину. Кто колется, уже не принадлежит себе и добровольно становится товаром — хозяева борделей прекрасно знали этот страшный закон. Кстати, Бэтилло показал на деле, что следует понимать под «созданием рынка сбыта порошка с безграничными возможностями расширения». Проще говоря, он сумел создать не только рассадник разврата, но и рассадник наркомании. Это было действительно очень просто: проститутки предлагали клиенту понюхать кокаин, чтобы испытать неземное блаженство от секса. Ничего не подозревающие любители «клубнички» в восьми случаях из десяти не отказывались, поскольку приходили в бордель именно получить наслаждение. Нетрудно предположить, к чему это приводило. Привязанность к кокаину формируется в течение двух-трех недель, а пагубные последствия его употребления проявляются не так быстро. По прошествии месяца клиенты наведывались в бордель не только и не столько к девочкам, сколько за своей дозой. Девизом Бэтилло было «извлечение прибыли из всего возможного».

От бара отходил боковой коридор, ведущий в номера. У входа за кассой восседала «мадам», взимающая гонорары. Разумеется, в заведении были созданы все условия для того, чтобы максимально опустошать карман дорогих гостей. Прежде чем дойти до постели, девушка была обязана раскрутить клиента хотя бы на коктейль. Специально для этой цели в холле соорудили просторную веранду со столиками, отделенными один от другого звуконепроницаемыми перегородками, дабы создать атмосферу абсолютного уединения. Расторопные хорошенькие официантки, на которых, кроме туфель, ничего не было, приносили шампанское, фрукты или горячие блюда, если клиент решался кутнуть и заказывал полноценный ужин. Девочки получали подробнейшие инструкции насчет того, как заставить клиента раскошелиться. Существовал набор из двух десятков фраз вроде: «Милый, угости свою малышку шампанским, чтобы

она горячее любила тебя». В ряде случаев на помощь девушкам приходила «мадам», просившая клиента подождать на веранде, пока для него приготовят номер. Сразу же подходила сногсшибательная официантка с просьбой заказать что-нибудь. Самый последний скупердяй вынужден был лезть в карман за бумажником. Осмотрев заведение, Лаки задал самый неприятный вопрос:

— Ну, и во сколько обошлось все это?

— Гм-м… — Бэтилло не стал вдаваться в подробности, — мистер Лючано, вы же понимаете, это заведение для богатых. Я гарантирую, что вложенные деньги вернутся с большой накруткой.

— В бизнесе ничего нельзя гарантировать, — поучительно изрек Лаки, — можно только предполагать с большей или меньшей долей вероятности. Ну что ж, Дэйв, посмотрим, как пойдут дела.

У Бэтилло случился редкий приступ красноречия:

— Нам нужен размах, блеск и роскошь. Утонченный разврат, мистер Лючано. Толстосумам это нравится… А вообще мы предполагаем создать в нашей индустрии примерно двести заведений разного уровня. Их доходность просто не может быть меньше, чем в Чикаго, я это знаю по опыту.

— Лучше, чтобы была больше, — заметил Лаки.

— Прошу вниз, мистер Лючано. Дополнительные доходы мы будем получать оттуда, из подвала.

Подвал борделя был разделен на несколько секторов. Услышав крики и жалобный плач, Лаки вопросительно посмотрел на Бэтилло.

— Это из комнаты для наказаний, — объяснил тот, — обычно приходится начинать именно с нее, потому что многие шлюхи заявляют, что не хотят работать. Проституция, мол, грязное дело. После того как наши ребята вправят им мозги, желание работать сразу появляется.

Крик перешел в отчаянный вой смертельно раненного животного. Ноздри Лючано раздувались. Вся его жизнь проходила среди насилия и крови. Вопли истязуемой жертвы не могли оставить его равнодушным.

— Я хочу увидеть это, — негромко произнес он.

Комната, в которой проходила экзекуция, вызвала у Лаки неприятные ассоциации с тюремной камерой: голые бетонные стены, низкие потолки, вверху — маленькое зарешеченное оконце. Посередине стояла большая смятая кровать. В углах были расставлены лампы, предназначенные для освещения фотосъемки. Они излучали яркий, режущий глаза свет.

Молоденькая девушка, скованная наручниками по рукам и ногам, не могла даже шевельнуться. Пятеро пьяных парней, хохоча во все горло, делали с ней все, что хотели. Вокруг суетились несколько фотографов и тщательно, кадр за кадром, снимали эту гнусную сцену.

— Что они делают? Зачем? — спросил Лаки.

— Видите ли, мистер Лючано, у нас есть клиенты, которым нравятся фотографии со сценами изнасилований. Так что мы убиваем двух зайцев сразу: не только наказываем шлюху, но и зарабатываем на этом деньги.

— Ты очень предприимчивый парень, Дэйв, — похвалил Лаки.

Девушка кричала так, что у него звенело в ушах. Хладнокровные фотографы особенно старались запечатлеть на пленку ее искаженное страданием лицо.

— Иногда нас просят снять короткометражный фильм на ту же тему, — рассказывал Бэтилло, — и мы это делаем. Правда, за очень большие деньги. Но наши клиенты, мистер Лючано, не скупятся на доллары, когда речь идет об удовольствиях.

— Почему нельзя заткнуть рот этой стерве? — проворчал Лаки.

— Если снимать шлюху с кляпом во рту, получится не очень наглядно, это может снизить качество фотографий, — со знанием дела объяснил Бэтилло.

Когда они вышли в коридор, Бэтилло улыбнулся:

— Знаете, мистер Лючано, как я думаю назвать это местечко? «Голливуд»!

— Ты у нас не гангстер, а продюсер, Дэйви, — с ухмылкой вставил Джеймс Фредерико.

— Прикуси язык, — поморщился Лючано, — я терпеть не могу это слово. Его выдумали паршивые газетчики. Гангстеры — это те, кто чистит карманы прохожих в темном переулке.

В следующей комнате Лаки наблюдал, как обнаженная девушка, стоя на коленях, ублажала мужчину оральным способом. Рядом стояла «мадам» и покрикивала:

— Глубже, глубже! Разевай пошире пасть! Так, хорошо, теперь обхватывай губами и медленно тяни назад.

— Здесь у нас проходят профессиональное обучение, — хихикнул Бэтилло, — после комнаты наказаний.

В фотостудии работа, что называется, кипела. Помещение заливал ослепительный свет. Голые либо полураздетые девки с ленивым, откровенно развратным видом принимали те или иные позы. По команде фотографа они трясли перед объективом своими бюстами, разводили ноги, становились на четвереньки.

Бэтилло показал Лаки готовый номер журнальчика, который назывался «Горячие девчонки».

Зато в следующей комнате царил полный мрак. Из темноты доносились стоны, глухое бормотание и какой-то неестественный, диковатый смех.

— Здесь девчонки отдыхают, — сказал Бэтилло.

Лаки принюхался.

— Опиум, — определил он.

— Есть и такое. Но большинство предпочитают героин.

Бэтилло закрыл дверь:

— У нас есть договор с несколькими кинотеатрами на 42-й улице. Два-три раза в месяц мы снимаем для них порнографические киношки. Платят от трех тысяч и выше.

— Только вот что, Дэйв, — хмуро произнес Лаки, — надо очень внимательно присматривать за шлюхами. Ты слышал про Мэри Хастингс из Бруклина?

— Конечно, мистер Лючано. Самая жесткая «мадам» из всех, кого я знаю.

— Жесткая, но безмозглая. Поэтому влипла в историю. Какая-то сука умудрилась где-то взять бумагу, перо, накатала записку: «Меня здесь держат как белую рабыню» и выбросила на улицу. Нашелся кретин, который подобрал эту бумажку и отнес в полицию. Легавые устроили облаву, выловили с десяток шлюх, которые числились пропавшими без вести[33]. Они сразу развязали свои чертовы языки. Ты знаешь, Дэйв, во сколько обошлось улаживание этого дела? И все равно это дерьмовое выражение «белая рабыня» попало в газеты.

— Мистер Лючано, у меня такого быть не может. Если какая-то шлюха станет слишком много выступать, она ляжет на дно Гудзона в течение часа.

— Каждая должна знать об этом, — предупредил Лаки.

— Конечно, мистер Лючано. А теперь я хочу предложить вам услуги двух наших самых лучших девочек.

После всего виденного в подвале Лаки ощущал вожделение. Предложение Бэтилло пришлось ему по вкусу. Тот проводил босса в роскошный номер, где его ожидали две шикарные блондинки. Они знали, что этот низенький, щуплый итальянец — Большой Босс, поэтому старались показать все, на что были способны.

Для начала на его главах девушки занялись лесбийской любовью. Они ласкали друг друга языками, а затем, приведя себя в исступление, стали кусаться. Их крики и стоны все сильнее дразнили воображение Лаки. Он смог наблюдать за ними не более трех минут и крикнул:

— Идите сюда!

Однако девушки не торопились. Они хотели распалить его еще больше. Лаки вздрогнул, когда почувствовал на пальцах ног их сладострастные языки. Девушки постепенно поднимались все выше и выше.

— Да, да, вот так, — блаженно шептал Лаки.

Проститутки на мгновение отвлеклись, чтобы втянуть ноздрями немного «ангельской пудры». Их глаза вспыхнули. Языки заскользили по ярко накрашенным губам.

— Милый, сейчас мы устроим тебе незабываемую французскую ночку, — хрипло произнесла одна из девушек. Внезапно мозг Лаки пронзил непреодолимый импульс:

— Дайте мне понюхать!

Девушка поднесла к его носу хрустальный флакончик. Несколько секунд спустя Лаки ощутил в гениталиях взрыв неистовой силы. Сжав зубы, он притянул к себе за волосы обеих проституток. Кокаин жег нестерпимым огнем. Языки проституток исступленно ласкали промежность. Лаки закрыл глаза и отдался всепоглощающему чувству блаженства. Несмотря на все усилия блондинок, он никак не мог достичь оргазма. Проходило время, но желание не ослабевало, а, наоборот, становилось все сильнее и сильнее. В конце концов тела слились в единый совокупляющийся клубок. Все это продолжалось около трех часов без перерыва. Лаки был выжат как лимон, но остался доволен. Заплатив проституткам по двести пятьдесят долларов (по тем временам королевское вознаграждение), он направился домой, в отель «Ритц».

Гай уже легла спать, когда появился Чарли. С трудом раздевшись, он бессильно рухнул на кровать.

— Где ты был? — резко спросила Гай. В ответ раздался громкий храп.

Утром Чарли ожидал семейный скандал.

— Ты весь провонял духами! — кричала Гай. — Вся спина у тебя исцарапана! Если какие-то дешевые шлюхи значат для тебя больше, чем я, тогда таскай их сюда, не буду тебе мешать!

Она стала собирать чемоданы. Лаки, плохо соображавший после принятой вчера дозы, спросил:

— Что ты делаешь?

Гай швырнула в него жемчужным ожерельем.

— Малышка, я не хотел этого. — Лаки встал и положил руки ей на плечи.

Гай яростно встряхнулась.

— Ну куда ты пойдешь? — уговаривал он. — На улицу? Ведь все еще можно уладить. С каждым мужчиной иногда случается

такое. Прости меня.

Гай позволила себя уговорить. Действительно, идти ей было некуда. В самом деле, не возвращаться же на сцену в стриптиз-бар?

Мир был окончательно восстановлен, когда Лаки отвез Гай в шикарный ювелирный магазин на 43-й улице и предложил выбрать любую безделушку, которая ей понравится. Однако про себя он считал, что имеет право поступать, как хочет. Поэтому продолжал посещать самых дорогих проституток в городе. Как следует из показаний известного перебежчика Джо Валачи: «…В 1933 году Лаки Лючано достиг самой вершины власти. Деньги текли к нему рекой. Его жизнь состояла почти из одних развлечений». Действительно, Лаки швырялся деньгами, ел, пил, любил, нюхал кокаин[34], несколько раз болел гонореей, но все равно не желал отказываться от эпикурейского образа жизни.

Как и предсказывал Бэтилло, индустрия разврата дала к концу года два миллиона долларов чистой прибыли и полностью окупила вложенный капитал. Высший Совет планирован к 1935 году получить требуемые для строительства игорной империи в Гаване 15 миллионов. Однако эти планы были грубо нарушены появлением в системе нью-йоркского правосудия новой сильной фигуры — прокурора Томаса Дьюи.

Глава 14
Убить Голландца

В 1934 году Фиорелло Ла Гардиа подписал распоряжение о создании при департаменте полиции Нью-Йорка двух специальных отделов для борьбы с индустриальным рэкетом и организованной преступностью. К тому времени засилье бандитов в городе достигло угрожающих масштабов. Ежедневно рэкетиры убивали одного-двух предпринимателей или профсоюзных боссов. Рейтинг популярности мэра в связи с этими прискорбными событиями начал падать. Рейды по Бродвею с кайлом в руках уже не производили впечатления на пресыщенное сенсациями общественное мнение. Поэтому Ла Гардиа решил применить иные методы. Он мучительно хотел не только добиться переизбрания на новый срок, но и стать исторической фигурой. Для этого нужно было ознаменовать период своего правления великими свершениями, о которых заговорила бы вся Америка. Прикидывая в уме различные варианты, Ла Гардиа вдруг вспомнил о блестящей карьере Джорджа Э.-К. Джонсона, который из кресла окружного прокурора пересел в кресло губернатора штата Мичиган и вошел в историю как обвинитель грозного гангстера Аль Капоне. В Нью-Йорке с избытком хватало типов вроде Капоне. Их имена были у всех на слуху. Кто в Соединенных Штатах не знал мистера Артура Флегенхаймера, именуемого Датч Шульц? Или мистера Фрэнка Костелло, не говоря уже о мистере Чарльзе Лаки Лючано? Так почему бы не добыть их шкуры и, таким образом, не стать национальным героем? Мэр вызвал к себе шефа полиции Валлентайна.

Полковник Валлентайн предложил, по примеру Чикаго, создать специальные отделы, направленные на борьбу именно с мафией — и представил мэру список наиболее способных и честных офицеров, из числа которых планировал сформировать личный состав будущих подразделений. Ла Гардиа начертал: «Утверждаю» и старательно вывел внизу свою подпись. Так впервые на столь высоком уровне было названо имя Томаса Эдварда Дьюи, назначенного специальным атторнеем, курирующим отдел по борьбе с организованной преступностью. Однако в правоохранительной системе Нью-Йорка Дьюи стал известен годом раньше — как человек, сумевший упрятать в тюрьму двух крупных гангстеров, Уэкси Гордона и Джека Даймонда.

Впрочем, справедливости ради следует уточнить, что здесь не

обошлось без помощи со стороны преступного синдиката. Даймонда и Гордона просто грубо подставили. Томас Дьюи, а также его биографы часто замалчивают этот неприглядный факт.

Дело в том, что в 1933 году, когда Дьюи занимал скромную должность помощника судьи в Южном муниципальном округе, еврейская мафия оказалась на грани раскола. Конфликт возник между двумя самыми авторитетными боссами — Мейером Лански и Уэкси Гордоном. Лански, как входящий в Высший Совет, считал себя главным в еврейской Организации. Его главенство действительно признавали все банды, за исключением нью-йоркской группировки. Сначала Лански пытался договориться с Гордоном и Даймондом по-хорошему. Но те упорно ссылались на «статьи» конгресса в Атлантик-Сити, которые гласили, что каждый босс — сам себе хозяин на своей территории. Оба не сомневались, что ликвидировать их Лански не посмеет. Так и было. «Старина» Мейер нашел другой выход. Он тайно встретился с окружным судьей Джорджем Медаллом и передал ему компрометирующие материалы на своих врагов. Судье было все равно, каким образом засадить в клетку Ногу Даймонда и Уэкси Гордона. Он уже видел кричащие заголовки передовиц и свои фотографии на первых страницах. Но довести процесс до конца ему не удалось. Демократическая партия одержала победу на выборах, и республиканец Медалл был вынужден уйти в отставку. Завершить судебное разбирательство он поручил своему помощнику Тому Дьюи. Имея на руках улики, предоставленные преступным синдикатом, 29-летний юрист без особого труда добился обвинительного приговора для обоих подсудимых. Его имя тогда впервые попало в газеты. Умный и честолюбивый, Дьюи понял, что, создав себе репутацию рыцаря справедливости, он сможет пробраться на самую вершину власти. Со своей стороны Джордж Медалл оценил упорство, эрудицию и волевые качества Дьюи. Этот молодой человек, думал он, может оказаться весьма полезен для республиканской партии. Употребив свои связи в Верховном Суде, Медалл добился необходимых рекомендаций для своего протеже. Рекомендательные письма из Верховного Суда получили мэр Ла Гардиа, губернатор штата Нью-Йорк Герберт Лиманн и шеф полиции Валлентайн.

В апреле 1934 года состоялась официальная церемония вступления в должность специального атторнея Дьюи. В свою следственную бригаду он отобрал всего двадцать проверенных и перепроверенных офицеров, из числа которых назначил себе четверых заместителей. Бригада Дьюи разместилась на пятом этаже в «Уолтворт билдинг» в Южном округе Манхэттена. Методы, применяемые следователями, считались необычными

для того времени: подслушивание телефонных разговоров, прямой шантаж потенциальных свидетелей, изъятие бухгалтерских книг у предпринимателей, страдающих от рэкета. Подобно тому, как агентов из спецбригады Эллиота Несса прозвали «неприкасаемыми», так и бригада Дьюи вскоре получила свое прозвище — «неподкупные».

Начальник «неподкупных» не разбрасывал своих людей по многим направлениям. Он поставил перед ними одну конкретную задачу: изобличение Артура Флегенхаймера по кличке Голландец Шульц. Именно Голландца Дьюи избрал своей первой жертвой.

К 1935 году империя Шульца включала в себя территории Бронкса, Куинса, Гарлема и Ньюарка. Голландец контролировал торговлю наркотиками, подпольную лотерею в цветных районах, ростовщичество, профсоюзы мясников и водителей грузового транспорта, строительные компании. Кроме того, он считался крупнейшим в Нью-Йорке пивным бароном. Годовой доход организации Шульца достигал 60 миллионов долларов. Его новый офис в Бронксе занимал большое 12-этажное здание. Его имя почти ежедневно мелькало в газетах. На вопросы репортеров: «Мистер Шульц, знаете ли вы, что против вас ведется расследование?» — тот отвечал: «А мне плевать», чем еще больше раззадоривал Дьюи.

Все результаты своих расследований «неподкупные» держали в строжайшем секрете. Шульц ничего не знал о том, что один из его бухгалтеров раскололся. Не было ему известно также то, что Дьюи как следует прижал нескольких предпринимателей, которые платили за защиту, и заставил их дать показания под присягой. Наконец Голландец не подозревал о существовании Юнис Картер, молодой помощницы прокурора в Гарлеме, которая тайно работала на бригады Дьюи. Будучи чернокожей (довольно редкое явление в государственных органах того времени), она имела уникальную возможность сбора информации в среде гарлемских игроков и банкометов, весьма не доверявших белым полицейским. Всего за десять месяцев «неподкупные» собрали гору улик против Шульца. В феврале 1935 года Том Дьюи составил текст обвинительного заключения, в котором содержалось пятнадцать пунктов. Вместе с ордером на арест Датча Шульца этот документ поступил в департамент юстиции по городу Нью-Йорку на утверждение шефа. Как и следовало ожидать, за право выступить обвинителем на процессе разгорелась ожесточенная схватка. Каждый чиновник хотел отхватить для себя жирный кусок от этого дела.

Прокурор Гарлема Дьюниуэй требовал передать дело в его руки, поскольку, согласно принципу подсудности, расследование

производилось на его территории, значит, и процесс над Шульцем должен происходить в Гарлеме. Прокурор Бронкса Шеманн саркастически замечал, что лотерея «числа» — это наислабейшая часть всего дела, так как черномазые должны быть благодарны Шульцу за то, что он предоставил им «очень даже непыльную работенку».

«Главный, не вызывающий никаких сомнений, пункт — это убийство Джерри Мартена, — доказывал Шеманн, — а поскольку Мартена убили в Бронксе, следовательно, судить его убийцу надо тоже в Бронксе».

Пока шла прокурорская перепалка, Датч Шульц понял, что на этот раз легко не отделается, и скрылся в Мексике. С исчезновением обвиняемого Флегенхаймера грызня затихла сама собой. Оставив дела на своего подручного Бо Уайнберга, Шульц загорал под жарким солнцем Акапулько. Ордер на арест и обвинительное заключение, правда, все же подписанные шефом, вернулись в офис Дьюи.

Между тем боссы преступного синдиката даром времени не теряли. Огромное богатство Шульца стало тем спелым яблочком, которое было готово упасть в твердые руки. Никому из боссов Голландец не нравился. Он никогда не проявлял достаточно уважения к Высшему Совету и лично к Чарли Луканиа. Это было его главной ошибкой. «Статьи» конгресса в Атлантик-Сити Шульц понимал буквально, не догадываясь, что все равно синдикатом, как и всем миром, правит сила. Конечно, открыто оспаривать его право на власть никто не собирался. Однако старый лис Лаки был терпелив, он долго ждал своего часа. И вот время пришло. Датч скрывался где-то в Мексике, а его приемник Бо Уайнберг не обладал такой силой, а главное, такими мозгами. Мысленно подсчитывая доходы империи Шульца, Лаки с удовольствием думал о том, как сожрет Бо Уайнберга на завтрак. А когда Голландец вернется — если он, конечно, вернется, — будет трудно что-либо изменить. Лаки хорошо знал его вспыльчивый, взрывной характер и не сомневался, что Шульц совершит ошибку, которая станет роковой.

Бо Уайнберг получил приглашение в отель «Ритц» на заседание Высшего Совета. Зайдя в огромные апартаменты Чарли Луканиа, обставленные с подчеркнутой роскошью, Бо даже немного растерялся. Он привык к куда более скромной обстановке съемных квартир в Бронксе. Шедший следом Джо Рао, телохранитель Лаки, похлопал Бо по спине и указал: «Сюда».

Бо вошел в просторный кабинет. Джо Рао закрыл за ним дверь. За большим круглым столом сидели семь боссов Высшего Совета. Без долгих предисловий Чарли Луканиа объявил Бо

Уайнбергу, что отстраняет его от дел, так как под него усиленно копает прокурор Дьюи.

— Но, мистер Лючано, — растерянно произнес тот, — я не могу оставить дела. Вернется Датч и спросит с меня. Вы же понимаете, что это значит.

— Ошибаешься, Бо. Если Дьюи засадит тебя за решетку, как раз он с тебя и будет спрашивать. Он устроит тебе такую обработку, что потом ты уже ни на что не сгодишься. А мы не можем допустить, чтобы дела Датча пришли в упадок. Это противоречит интересам всей Организации.

— Это прежде всего противоречит интересам Датча. Мистер Лючано, я не могу согласиться на ваше предложение.

— Ты… — Лаки запнулся. — Как бы это помягче сказать… недопонимаешь. Никто не может отказаться от предложения Высшего Совета. Ты же видишь, я говорю не от себя. Это мнение всех наших друзей. Я еще не все сказал, — чуть повысил голос Лаки, заметив, что Бо Уайнберг открыл рот. — Возможно, твой босс тебя этому не научил. Но сейчас он в Мексике, а ты здесь. Сделать ошибку очень легко. Тем более такую, которую невозможно исправить.

Со своего места угрюмо пробубнил Лепке Бачелтер:

— Тебе, приятель, надо подумать о том, как уйти отсюда живым.

— Запасы моего терпения небезграничны, — добавил Лаки. Это была уже прямая угроза. Бо Уайнберг наконец понял истинную подоплеку того, что здесь происходит. Очевидно, что церемониться с ним не станут. Кто знает, быть может, на улице его уже ждут убийцы из «Бруклинского объединения»?

— Скажи-ка, Бо, сколько процентов обещал тебе босс? — вдруг спросил Лаки.

— Он сказал, что рассчитается со мной, когда вернется, — чуть слышно ответил Уайнберг.

Его ответ вызвал громкий взрыв хохота.

— Ну да, ну да! Старина Шульц кого угодно обведет вокруг пальца!

— Развел парнишку на доверчивость.

Лаки Лючано, улыбаясь, сказал:

— Послушай, Бо, неужели ты не знаешь — когда речь идет о долларах, твой босс пристрелит родную мать! Давай сделаем так: с этого дня ты будешь получать десять процентов с оборота. Но это еще не все. Мы предлагаем тебе войти в синдикат. Теперь ты под нашей защитой. Никто пальцем тебя не тронет.

— Мистер Лючано, а как же Датч?

— Датч? С ним покончено. В этом городе он — вчерашний

день. Жадность оказала ему плохую услугу. Дьюи накопал на него одного столько материала, что хватит на десятерых. Если Датч сваляет дурака и вернется, то сразу окажется на тюремной параше. Так что решай, Бо, с кем ты. Решай сейчас, потому что завтра будет поздно.

Бо Уайнберг не питал дружеских чувств к своему боссу. То, что Лаки сказал насчет жадности, было истинной правдой. Датч Шульц безбожно надувал тех, кто на него работал. Десять процентов, предложенные Лаки, были для Бо огромными деньгами. Устоять против этого он не мог и не хотел:

— Мистер Лючано, я с вами.

Когда Джо Рао вывел Бо за дверь, совещание Высшего Совета продолжилось. Боссы быстро поделили между собой империю Шульца. Костелло и Лански получили контроль над подпольной лотереей «числа». Джо Адонис прибрал к рукам пивной бизнес. Томми Луччезе и Лепке Бачелтер взяли на себя профсоюзы. Ньюарк — зону влияния Шульца в Нью-Джерси — Лаки Лючано щедро подарил Уиллу Моретти и Абнеру (Лонджи) Цвиллману.

— Теперь, даже если Датч вернется, то легко найдет виноватого, — заметил Лаки.

— Конечно, — согласился Мейер Лански, — этот несчастный дурачок Бо в любом случае уже не жилец.

Франк Костелло радостно потер руки:

— Это будет хороший урок для Шульца. Лично мне он никогда не нравился.

— Только вот еще что, — добавил Костелло, — в наших же интересах, чтобы Датч оставался на свободе как можно дольше. Мы обеспечим ему прикрытие. Пусть Дьюи возится с ним. Пока он занимается Дат-чем, мы будем спокойно делать свое дело.

Остальные боссы согласно кивнули.

Адвокатом Датча Шульца стал Ричард Дэвис, по прозвищу Дикси, один из самых блистательных молодых юристов в Нью-Йорке. Его хорошо знали все боссы Высшего Совета.

Гурман и эпикуреец, Дикси обожал кутежи в дорогих ресторанах и красивых девочек из стриптиз-шоу Бродвея. Кроме того, молодой адвокат испытывал непреодолимую страсть к азартным играм. Чтобы вести такой образ жизни, Дикси охотно продавал свой замечательный талант и отличное знание права воротилам преступного мира. На процессе 1934 года он защищал самого Джимми Хиннеса, который был арестован агентами ФБР в далеком Эль-Пасо, где скрывался от правосудия. Дикси совершил чудо, добившись оправдания Хиннеса, немотря на горы компромата. Правда, мэр Ла Гардиа распорядился продолжать уголовное преследование демократа номер один, но, пока

прокуратура сошьет новое дело, пройдет немало времени, а Джимми даром его не терял.

Ричард Дэвис вылетел в Акапулько, где долго советовался с хорошо ему знакомым Датчем Шульцем. Поскольку обвинение было стандартным — неуплата налогов, — Дикси предложил попробовать вариант с добровольной выплатой причитающихся налоговых сумм в казну. Скупердяй Шульц был весьма огорчен, но что поделать, свобода дороже. Он выписал адвокату требуемый чек.

Вооружившись чеком, Дикси отправился в Вашингтон и подал прошение на имя самого министра финансов Генри Моргентау, в котором было сказано, что «гражданин Артур Флегенхаймер, выполняя свой долг честного человека и дисциплинированного налогоплательщика, просит принять сто тысяч долларов в счет погашения задолженности по налогам». Однако Генри Моргентау решительно отказался и начертал на прошении фразу, ставшую крылатой: «С преступниками не торгуются». От себя же Моргентау добавил:

— Мистер Дэвис, если вам известно местопребывание скрывающегося от закона особо опасного преступника Артура Флегенхаймера, вы обязаны назвать его органам правосудия. В противном случае ваши действия можно расценивать как преднамеренное укрывательство.

Дикси даже не потрудился скрыть насмешливой улыбки:

— Мистер Моргентау, все несчастья в этой стране происходят от того, что некоторые люди берутся не за свое дело. При всем моем уважении к вам я не могу последовать вашему совету, так как по закону имею право сохранять в тайне местонахождение моего клиента.

— Этот адвокат — редкий негодяй, — пробормотал министр финансов, когда торжествующий Дикси вышел из кабинета.

Обстановка в Нью-Йорке накалялась. По всему городу было расклеено около 50 тысяч плакатов с портретами Датча Шульца. Власти штата объявили награду в пять тысяч долларов за сведения, которые помогли бы обнаружить логово преступника. Со своей стороны Голландец опасался утратить контроль над бизнесом. Он хорошо помнил неоднократные притязания друзей на свои профсоюзы и лотерею. Бо Уайнберг был не особенно умен, но другие были куда хуже. Голландец имел все основания для беспокойства и без конца теребил своего адвоката. «Знаешь, Датч, — Дикси не стал его отговаривать, — если ты твердо решил вернуться сейчас, то выход только один — добровольно сдаться властям. Я устрою так, что твое дело не будет рассматриваться в Нью-Йорке».

Внезапный приезд Шульца в Нью-Йорк стал причиной громкого скандала. Ни пятьдесят тысяч плакатов, ни объявление о всеобщем федеральном розыске не помешали ему спокойно выйти из самолета в аэропорту Айлдлуайлд, сесть в ожидающий автомобиль и без помех добраться до Бронкса, где он был арестован своим старым другом капитаном Бреннаном. Журналисты немало злословили по этому поводу. Мэр Ла Гардиа, никогда не упускавший возможности продемонстрировать свою принципиальность, выступил по радио с гневным заявлением. «Это возмутительно, — пищал Фиорелло, — преступник, которого разыскивают сразу три федеральные службы. ФБР, УБН и спецбригада Дьюи, разъезжает на своем “Кадиллаке” по всему городу и смеется над правосудием! Налогоплательщики вправе задать вопрос: как это могло случиться?! Я беру это дело под свой личный контроль».

Дикси Дэвис и Том Дьюи вступили в ожесточенную схватку друг с другом. Выяснение отношений происходило прямо в кабинете полномочного представителя Министерства юстиции Ричарда Хаггерти, которого прислали из Вашингтона для вынесения «взвешенного и справедливого решения». В первые же минуты спора оба юриста, что называется, сорвались.

— Не может быть и речи о том, чтобы дело Шульца рассматривалось за пределами Нью-Йорка, — гремел Дьюи, — в законе четко определено понятие территориальной подсудности.

— Протестую, — темпераментный Дикси даже вскочил с места, — хочу напомнить господину Дьюи основополагающие принципы правосудия: справедливость, беспристрастность, объективность, равенство перед законом. Ни один из этих священных принципов не может быть соблюден при рассмотрении дела в Нью-Йорке. Мистер Хаггерти, я заявляю о нарушении прав своего клиента!

— А как быть с правами людей, которых обирают рэкетиры из банды вашего клиента? — едко спросил Дьюи.

— Я первый раз слышу о том, что мой подзащитный возглавляет банду рэкетиров. Откуда у вас эти сведения? Назовите мне имя хотя бы одного человека, который обратился в органы правосудия с заявлением, что мистер Шульц как-то ущемляет его права.

— Вы очень наивны для адвоката, мистер Дэвис.

— Господа! — пытался урезонить их Хаггерти.

— А я утверждаю, что объективное рассмотрение дела в Нью-Йорке невозможно! Газетчики настроили общественное мнение против мистера Шульца. Ради поднятия тиражей они готовы печатать любую клевету, совершенно не заботясь о том, что

репутация моего клиента страдает. В обстановке всеобщего предубеждения нельзя ожидать справедливого приговора суда присяжных.

— Было бы очень странно, если бы общественность сочувствовала кровожадным убийцам вроде Артура Флегенхаймера, — заметил Дьюи.

Дикси яростно огрызнулся:

— Это еще надо доказать!

— Господа! — повысил голос Ричард Хаггерти.

Дикси Дэвис все же добился своего. Местом проведения судебного процесса стал небольшой город Сиракузы примерно в 150 милях к западу от Нью-Йорка. Досье, собранное людьми Дьюи за полтора года, представляло собой гору неопровержимых улик. Но эта гора родила мышь.

Процесс начался 15 апреля 1935 года. Государственный обвинитель Джон Макверс должен был довести до логического конца дело, начатое следователями спец-бригады. Но в данном случае замечательные моральные качества доморощенного местного прокурора оказались скорее недостатком, — нежели достоинством.

В своей вступительной речи Макверс сказал то, что ожидал от него услышать Дикси Дэвис. Едва прокурор произнес заключительную фразу насчет «уверенности в неотвратимости справедливой кары, кторая падет на голову одного из самых опасных преступников Америки», как адвокат ринулся в бой:

— Господа присяжные заседатели, мне не совсем понятно, что здесь происходит. Вернее, совсем непонятно. Итак, моего подзащитного обвиняют в преднамеренном уклонении от уплаты налогов. В связи с этим хочу сделать публичное заявление: весь период так называемого «сухого закона» я консультировал мистера Шульца по вопросам налогообложения и советовал ему не заявлять о своих доходах, так как доходы эти были получены от нелегального бизнеса. Во-первых, укажите мне статью или параграф в законе штата Нью-Йорк, который гласит, что незаконный бизнес облагается такими-то налогами по такой-то ставке. Это вопрос к вам, господин государственный обвинитель. А пока вы будете искать то, чего нет, я обращу внимание господ присяжных заседателей на второе обстоятельство. Итак, во-вторых, каким образом возник пресловутый бутлегинг, который инкриминируют моему подзащитному? Это следствие непродуманной, абсолютно нелогичной государственной политики. Самый обычный бизнес — продажа спиртных напитков — вдруг ни с того ни с сего ставит себя вне закона. Но это еще полбеды. Сами же законодатели, признавая нелепость

прохибишена, даже не пытались применять его де-факто. Еще раз подчеркиваю: судебная практика не только нашего штата, но и всей страны в целом не знает случая, когда хотя бы один бутлегер был привлечен к уголовной ответственности за нарушение восемнадцатой поправки. То, что «сухой закон» отменили, лишний раз доказывает, что в 1919 году была совершена непростительная ошибка. И я еще раз спрашиваю, господа присяжные заседатели: что здесь происходит? В чем пытаются обвинить мистера Шульца? Разве он должен государственной казне хотя бы доллар?

Прокурор Мартенс вскочил с места:

— А как же гарлемская подпольная лотерея? Обвиняемый Флегенхаймер получает от «чисел» ежегодный доход в размере 30 миллионов долларов.

— А вы представляете, что такое гетто? — немедленно парировал Дикси. — Уровень безработицы в Гарлеме достигает девяноста процентов! Шестьсот тысяч человек, не имеющих средств к существованию, — вдумайтесь в эту цифру, господин прокурор! Что такое лотерея «числа»? Это тысячи рабочих мест. Это игра для всех и для каждого. Минимальная ставка равна всего лишь пяти центам, а если игрок угадывает все выигрышные числа, ему немедленно выплачивается 600 процентов от суммы ставки. Десятки тысяч людей ежедневно получают свои выигрыши и благодаря мистеру Шульцу спасаются от голодной смерти. Быть может, будет лучше, если они умрут? Закон несовершенен. Вся Америка осознала это в период прохибишена и Великой Депрессии. Но даже с точки зрения закона мистер Шульц абсолютно невиновен. Впрочем, он готов пойти навстречу правительству и внести в государственную казну сто тысяч долларов. Вопрос: почему министр финансов Моргентау отказался от предложения мистера Шульца? И это в то время, когда федеральный бюджет состоит из одних только дырок. В этом деле много странного, господа присяжные заседатели. Но вместо мистера Шульца на скамью подсудимых должны сесть другие люди — истинные виновники бедственного положения американского народа.

Процесс продолжался всего лишь три дня. Не только для присяжных, но и для прокурора Макверса была очевидна невозможность вынесения обвинительного приговора на основании имеющихся улик. Для этого был нужен гений Тома Дьюи. После краткого совещания старший присяжный огласил вердикт: «Не виновен». Однако Голландец рано обрадовался. Министр финансов Моргентау направил кассационную жалобу в Верховный Суд. Том Дьюи нанес удар с другого фланга: раскопав

кое-какие новые сведения о причастности Шульца к убийству Джерри Мартена, атторней убедил губернатора Лиманна отдать распоряжение о содержании преступника под стражей вплоть до решения Верховного Суда. Просьбу Дьюи поддержал мэр Ла Гардиа. Ордер на арест Шульца был выписан незамедлительно. Датч пробыл на свободе не более восемнадцати часов.

От самых Сиракуз на «хвосте» Голландца висели агенты ФБР. Они сообщили, что Шульц находится в своем офисе на Леннокс-авеню. Как это часто бывает, стражи порядка появились в логове преступника весьма некстати.

Шульц в это время выслушивал доклад своего главного бухгалтера Авраама Бермана, которого за привычку постоянно жевать детские карамельки «Абадабба» так и называли: Абадабба Берман.

Главный бухгалтер успел коротко ознакомить босса с текущим финансовым состоянием его империи. Шульц злобно ругался сквозь зубы. Он отсутствовал чуть менее месяца, а «империю» уже растащили.

— Куда, черт возьми, смотрел Бо? — прорычал Голландец. Абадабба Берман неторопливо сорвал обертку, с хрустом раздавил на зубах очередную карамель и пожал плечами:

— Датч, я не знаю, как это получилось. Бо ничего не говорил мне. Только сейчас на моем месте сидит этот болван Очкарик Джонни, личный бухгалтер Лаки Лючано.

В бешенстве Шульц треснул кулаком по столу:

— Этому Джонни я засуну его чертовы очки прямо в ж… и отправлю к чертовой матери в отель «Ритц»! Где Лулу, мать его?

Берман снова невозмутимо пожал плечами и захрустел карамелькой. В этот момент дверь треснула от мощного удара. С диким ревом: «Полиция, руки за голову!» — в кабинет ворвались люди в мундирах. Удивленный Голландец выронил сигару изо рта.

— Что, черт возьми… — начал было он, но полицейские без долгих разговоров ткнули его лицом в стену.

— Эй, эй, ребята, полегче, — охал Авраам Берман, — я всего лишь счетовод.

— Заткнись, — цыкнул старший группы захвата. В кабинет вошел торжествующий атторней с ордером в руке. Шульц оглянулся через плечо и растянул губы в саркастической усмешке:

— Эй, Дьюи, хотя ты и гребаный прокурор, но все равно обязан уважать частную собственность. Какого хрена ты приперся сюда со своими псами?

Том Дьюи даже ухом не повел. Из карманов Голландца

извлекли «кольт» 38-го калибра. Полицейский присвистнул.

— Не свисти, начальник, денег не будет, — просипел Шульц, — а на этот ствол у меня есть разрешение.

— Гражданин Флегенхаймер, внимание! — провозгласил Дьюи. — Согласно распоряжению губернатора штата Нью-Йорк вы арестованы. Имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас.

Шульц скривился:

— Я хорошо знаю про все это дерьмо. Лучше ты скажи, Дьюи, кто будет платить за сломанную дверь в моем кабинете?

— Уведите арестованного! — коротко бросил атторней.

Через пятнадцать минут Датч Шульц оказался в камере. Но арест не беспокоил его так, как пошатнувшаяся власть в Организации. Чтобы напомнить подчиненным о себе, Голландец решился на карательную акцию. Из тюрьмы Райкерз-Айленд он отдал приказ убрать Пола Бергера, который, пользуясь отсутствием босса, слишком усердно запускал лапу в банк и присваивал большую часть дохода от лотереи «числа» в западном секторе.

…Пол Бергер проснулся очень поздно. Хотя во рту ощущалась страшная сухость и голова изрядно побаливала, воспоминания о прошедшей ночи доставляли ему удовольствие. Сначала дружеская пирушка в ресторане «У Натана», потом — девки… Рулетка… Снова девки… Целое море шампанского… От пятнадцати тысяч осталось только несколько сотен. Впрочем, впереди долгий игровой день. Кусков пять-шесть сегодня еще набежит. Держась пальцами за виски, Бергер поплелся в ванную, однако его остановил громкий стук в дверь. На всякий случай вытянув из-под подушки револьвер, Бергер спросил:

— Кто там?

— Лулу! Открывай!

— Какого хрена?! Я только что встал.

— Берман собирает всех банкиров. Пошевеливайся, мать твою.

Бергер сердито чертыхнулся. Похоже, душ ему не светит.

— Пол, в чем дело, открывай! — крикнул Лулу Розенкранц.

С тяжелым вздохом Бергер снял цепочку. Лулу Розенкранц вошел в квартиру. Бергер не заметил, как из рукава в ладонь телохранителя Шульца скользнул стилет. Вслед за Розенкранцем порог перешагнул Эйб Ландау. Только тогда Бергер почуял неладное. Дрожащей рукой он полез в карман халата, но тут же острое стальное жало обожгло предплечье. Рука повисла как плеть. Розенкранц нанес новый удар — в живот. Захрипев, Бергер сполз по стене на пол. Халат на животе мгновенно почернел от

крови. Эйб Ландау тоже вынул стилет и ударил в промежность, прямо в мочевой пузырь. Бергер взвыл от страшной боли и судорожно забился на полу. Ландау и Розенкранц трудились над ним не покладая рук. Тонкие, похожие на иглы лезвия стилетов не ранили до смерти, но причиняли адскую боль.

— Заткни ему пасть, чтобы не орал, — деловито распорядился Розенкранц. Эйб Ландау порылся в карманах и ладонью затолкал в рот Бергеру скатанные в комок несколько бумажек по одному доллару.

— Слышишь, Пол! — крикнул он. — Датч просил тебе передать, чтоб ты подавился его деньгами.

Лулу Розенкранц неторопливо выколол Бергеру сначала левый, затем правый глаз.

— Хватит с него. — Эйб Ландау вытащил из кобуры под пиджаком тяжелый «кольт» 45-го калибра и прицелился. Розенкранц ударил его по руке:

— Ты что делаешь, придурок?! От выстрела из этой штуки весь дом встанет на уши!

Ландау опустил оружие. Лулу достал свой «смит-вессон» 38-го калибра с глушителем. Пол Бергер неподвижно лежал на полу в луже крови. Он был без сознания. Лулу Розенкранц направил ствол ему в голову и дважды нажал на спусковой крючок. Легкие хлопки никто не услышал. Две пули разнесли Бергеру череп.

— Датч хотел, чтобы об этом узнали все, — сказал Лулу.

— Я сейчас позвоню в полицию. — Эйб Ландау аккуратно перешагнул через труп, накинул на ладонь платок и снял трубку. Сообщив об убийстве, он сказал:

— Все, валим отсюда.

Убийцы поспешно покинули квартиру.

Верховный Суд удовлетворил кассацию министра финансов Моргентау и назначил повторное рассмотрение дела Шульца в суде первой инстанции. Ричард (Дикси) Дэвис подал встречное ходатайство о проведении процесса вне города Нью-Йорка, которое также было удовлетворено. Губернатор Лиманн избрал для суда над Шульцем город Мэлон на севере штата, в пятидесяти милях от канадской границы. «Люблю я маленькие города», — так отреагировал на это Голландец. Внеся залог в размере 75 тысяч долларов, он с чемоданом денег отправился в Мэлон.

Тихий, патриархальный городок, в котором никогда ничего не происходило, вдруг пробудился от летаргического сна. Шульц, играя роль щедрого мецената, устраивал один пикник за другим. Каждый абориген мог выпить сколь угодно виски и пива за его счет. Датч сделал несколько пожертвований в городскую казну, пенсионный фонд местной полиции, обществам охотников и

рыболовов. Щедротами гангстера было обойдено только духовенство, так как церковь в Мэлоне оказалась протестантской, а Шульц, несмотря на свое иудейское происхождение, исповедовал католицизм (!). Обиженные священники требовали убрать из города «этого гнусного совратителя». Однако, как известно, глас божий — это глас народный, а вовсе не глас служителей культа. Народ же целиком был на стороне Шульца. Перефразируя известный афоризм Наполеона насчет того, что путь к сердцу солдата лежит через его желудок, можно сказать, что путь к сердцу народа лежит через бутылку. Голландец усвоил эту истину еще со времен «сухого закона». К моменту начала судебного процесса уже никто в городе не мог понять, за что же судят такого классного парня, как Датч Шульц.

Слушание дела началось 10 июля 1935 года. Учитывая настроение общественности, Ричард (Дикси) Дэвис не стал изобретать какие-то новые методы защиты. Как это было в Сиракузах, он представил своего подзащитного в ипостаси невинной жертвы собственных плохих советов и непопулярного прохибишена.

— Ваша честь, господа присяжные заседатели, — с апломбом заявил Дикси, — в любом случае, каково бы ни было решение, которое вы примете по велению совести, хочу вам напомнить, что мистер Шульц искренне готов выполнить свой долг налогоплательщика и внести в государственную казну сто тысяч долларов, хотя и мало вероятно, что с точки зрения закона он должен государству хотя бы один цент.

Присяжные обдумывали свое решение более суток. К исходу тридцать шестого часа старший присяжный Леон Шапен объявил:

— По нашему единодушному мнению, представленных улик недостаточно для вынесения обвинительного приговора. Подсудимый не виновен.

Зал буквально взорвался от криков восторга. Все мужское население Мэлона предвкушало торжественную попойку, которую устроит старина Шульц в честь своего оправдания. И старина Шульц действительно не подкачал. На прощальном банкете он произнес прочувствованный тост:

— Друзья мои, я благодарен вам за вашу единодушную поддержку. Мы вместе утерли нос этим чинушам, которые хотели несправедливо поступить со мной. Я никогда не забуду ваш прекрасный город.

Приехав в Нью-Йорк, Шульц прежде всего направился в отель «Ритц Тауэре». Дорогу в апартаменты Лаки Лючано ему преградил Джо Рао. За плотными дубовыми дверями слышались крики.

— Что там творится? — спросил Датч у Джо Рао.

— Семейная ссора, — вздохнул тот.

Голландец нервно замахал руками:

— Послушай, Джо, мне на это наплевать. Это не мои проблемы. Я хочу поговорить с Лаки. Ты слышал? Срочно!

Рао снова тяжело вздохнул и прислушался.

— Хорошо, я попробую, — не слишком уверенно сказал он и осторожно постучал в дверь. Стучать пришлось еще минуты три, прежде чем перебранка стихла. Разъяренный Лаки открыл дверь и набросился на своего телохранителя:

— Я же сказал тебе, твою мать, я же тебе сказал: меня нет!

— Босс, тут особый случай, — виновато ответил Рао. Увидев Шульца, Лаки невольно запахнул свой шелковый халат.

— Датч? С возвращением, рад тебя видеть. Ну, проходи.

Выпив предложенный коньяк, Голландец сказал:

— Чарли, объясни мне, что случилось с моей организацией?

Он говорил спокойно, не повышая голоса, и это очень не нравилось Лаки, потому что было непохоже на Голландца.

— Власти взялись за тебя слишком круто, — стал объяснять Лючано. — Мы не знали, что с тобой будет, поэтому, чтобы соблюсти твои интересы, пришлось временно разделить твой бизнес между нашими друзьями. Ты понимаешь? Это было сделано для того, чтобы никто не прибрал твою организацию к рукам и не стал тебе поперек дороги.

— Ну, теперь-то я вернулся, — заметил Голландец, — и беру все в свои руки.

Чарли Луканиа ответил не колеблясь:

— Конечно. Ты имеешь на это полное право.

Но его миролюбивый тон не обманул Шульца. Шульц понял, что Высший Совет похоронил его заживо. Бушующую внутри ярость он не мог погасить кровью кого-то из семи главных боссов — это означало неминуемую смерть для него самого. Но был один червяк, которого Датч намеревался раздавить с особым удовольствием.

Заслышав о возвращении босса, Бо Уайнберг не на шутку испугался. Главное, он не знал, как себя вести и что делать. Известно Шульцу, что он ведет двойную игру или нет? Что лучше: исчезнуть, пока не поздно, или сделать вид, будто все в порядке? Бо терялся в догадках и не знал, что его уже ищут люди Голландца.

Датч Шульц просидел возле телефона до самого вечера. Наконец около девяти часов в офис позвонил Лулу Розенкранц и сообщил, что Уайнберга нашли в Ньюарке. Бо пытался связаться с кем-нибудь из членов Высшего Совета, но всюду ему отвечали:

«Их нет». Отчаявшийся Бо решил ехать в Нью-Йорк, прямо в «Ритц», к Лаки Лючано и любой ценой добиться аудиенции. Он все еще надеялся получить обещанную защиту и не знал, что Высший Совет давно оформил его в покойники.

Бо сунул в карман револьвер и вышел на улицу. Возле подъезда стоял автомобиль с потушенными фарами. Дверцы распахнулись. Из машины вышли трое мужчин. Узнав их, Бо сразу ослабел.

— Сволочь! — взвизгнул Голландец и вцепился ему в горло. Неизменные телохранители Розенкранц и Ландау с оружием наготове стояли рядом. Хотя Бо был на голову выше Шульца и по крайней мере в два раза шире в плечах, он даже не пытался оказать сопротивление — настолько силен был внушаемый Голландцем страх.

— Сволочь мокрожопая! — вопил Датч, яростно встряхивая белого как мел Бо Уайнберга. — Подонок, мразь недоношенная, ты что думал, я ничего не узнаю?!

С перекошенным от ненависти лицом Шульц выхватил «кольт» и шесть раз выстрелил Бо в живот. Без единого звука тот мешком рухнул на тротуар. Взбесившийся Шульц пинал ногами лицо мертвеца до тех пор, пока оно не превратилось в кровавую кашу. Розенкранц и Ландау тревожно оглядывались по сторонам, но вмешаться не осмеливались. Наконец, отведя душу, Шульц приказал:

— Утопите этот кусок говна. Только так, чтобы он не всплыл.

Тело Бо Уайнберга залили бетоном и бросили в Гудзон. Вода тихо всплеснула. Круги разошлись за две минуты.

— Был Бо и нету, — глядя в воду, задумчиво изрек Лулу Розенкранц.

Расправившись с предателем, Датч Шульц потребовал созыва Высшего Совета. На сходке он довольно резко заявил, что Тома Дьюи нужно убрать. Мнения разделились. Но большинство присутствующих все же высказались «за». Лаки Лючано поручил это дело Альберту Анастасиа.

За голову прокурора была назначена щедрая награда — пятьдесят тысяч долларов. Анастасиа пустил по следу Дьюи команду убийц. Они выяснили, что прокурора хорошо охраняют полицейские в штатском, из дома он почти не выходит, однако регулярно обедает в одном и том же драгсторе, а после трапезы обязательно выходит в туалет — сполоснуть руки. Для гангстеров это был шанс, поскольку они узнали, что охранники Дьюи остаются за дверью. Киллеры собирались спрятаться в туалетных кабинках, застрелить прокурора из пистолетов с глушителями, а затем спокойно скрыться.

Разработанный Альбертом Анастасиа план был утвержден Высшим Советом. Убийство Дьюи назначили на четверг 20 октября 1935 года. Но в тот день произошел непредвиденный случай: первый раз в жизни прокурор направился в «Уотворт билдинг», минуя свой излюбленный драгстор. Суеверный Лаки Лючано увидел в этом недобрый знак и решил аннулировать заказ. Тогда разъяренный Шульц заявил, что сам займется «этой задницей Дьюи» и лично прикончит его.

Боссы встревожились. Убийство Дьюи могло вызвать небывалое возмущение общественности. И тогда Чарли Луканиа предложил:

— Этого кретина надо остановить, пока он не свалял дурака. Есть только один способ, Альберт, — обратился он к Анастасиа. — Срочно подготовь людей. Я хочу иметь шкуру Датча Шульца.

— Давно пора, — проворчал Лепке Бачелтер.

— Думаю, это будет самое правильное, — присоединился Фрэнк Костелло. Против выступил один только Торрио:

— Вы совершаете большую глупость, ребята. Сейчас Датч для нас что-то вроде громоотвода. Пока бравый прокурор Дьюи возится с ним, мы в безопасности. Но как только Датч исчезнет, Том Дьюи пошире раскроет свою пасть, чтобы проглотить кого-нибудь еще. А знаете, кто будет следующим?

Торрио повернулся к Лаки:

— Следующим будешь ты, Чарли.

Но жадность оказалась сильнее благоразумия. Каждый из боссов заранее прикидывал в уме, какой кусок территории Датча положит себе в карман. Участь Артура Флегенхаймера была решена.

23 октября 1935 года Датч Шульц со своими подручными Абадаббой Берманом, Эйбом Ландау и Лулу Розенкранцем на весь вечер арендовал ресторанный зал «Палас чоп хаус» в Ньюарке. Они пили, ели, играли в карты и не подозревали, что с улицы за ними наблюдают две пары внимательных глаз. Один из «следопытов» вышел из машины и куда-то позвонил. Примерно через десять минут в туннель Холлэнд нырнул неприметный черный лимузин. Машину вел Алли Танненбаум по прозвищу Пигги, личный шофер Лепке Бачелтера. Кроме Танненбаума, в автомобиле находились двое профессионалов, входившие в десятку самых высокооплачиваемых киллеров «Корпорации убийств» — Биг Чарли Уоркман и Менди Вейсс. Они уже договорились, что Большой Чарли возьмет на себя Голландца, а Менди должен прикрыть его от огня Розенкранца и Ландау.

Остановив лимузин возле ресторана «Палас», Алли

Танненбаум не стал выключать мотор. Без тени волнения на лице Чарли Уоркман вышел из машины. Вейсс чуть замешкался, вставляя обойму в свой «магнум». Большой Чарли выудил из кармана плаща огромный «смит-вессон» 45-го калибра и взвел курок.

— Готов? — тихо спросил он у Менди.

— О'кей, — твердо ответил тот.

— Пошли!

Убийцы ворвались в ресторанный зал. Занят был единственный столик. Трое подручных Шульца увлеченно играли в клоб. Услышав шум открывшейся двери, Эйб Ландау оторвался от карт. Его глаза расширились от ужаса. Посреди зала, широко расставив ноги, стоял Чарли Уоркман и двумя руками сжимал рукоять пистолета. Гулко прогремел выстрел. Тяжелая пуля попала прямо в сердце Эйбу Ландау. Взмахнув руками, он рухнул на пол. Лулу Розенкранц вскочил на ноги. Выстрел! Еще один. Первая пуля перебила плечо, вторая ударила точно в лоб. Розенкранц опрокинулся на пол вместе со стулом. Рыхлый толстяк Авраам Берман пронзительно завизжал, закрывая голову руками. Так визжат перед смертью свиньи, которых мясники режут на тушенку.

— Где твой босс? — ледяным голосом спросил Чарли Уоркман.

— Нет! Нет! Нет! — вопил Абадабба. Подскочив к нему, Биг Чарли как следует его встряхнул:

— Где-е босс, жирная сволочь?!

— В ту… в ту… але… те, — с трудом выдавил Берман. Язык и губы не слушались его. Приставив ствол к затылку Бермана, Биг Чарли нажал на спуск. Пуля 45-го калибра проделала огромную дыру в черепе главного бухгалтера Шульца. Абадабба Берман так и остался лежать, навалившись жирной грудью на стол. Все это произошло в считанные секунды. Менди Вейсс даже не выстрелил ни разу.

Хладнокровный и собранный, Чарли Уоркман направился в туалет. Он приоткрыл дверь как раз в тот момент, когда Датч Шульц застегивал брюки. Голландец обернулся на скрип двери и сразу получил две последние пули, оставшиеся в барабане Уоркмана.

Большой Чарли знал, что попал. Достреливать уже не было времени. Он закрыл дверь и вместе с Вейссом побежал к машине. Автомобиль с убийцами рванул с места и исчез.

Пули попали Шульцу в грудь и в бок. Смертельно раненный, он выполз в общий зал, где его и обнаружила прибывшая полиция.

Датч Шульц прожил еще двадцать часов. Все это время полицейские выпытывали у него имена убийц, а он требовал католического священника. Ничего не добившись, детективы ушли. Начальник охраны сержант Махони все же позвал священника. Святой отец отпустил Шульцу грехи, но не удержался, чтобы не сказать: «Тебе это не поможет, сын мой».

— Я знаю, — прохрипел Шульц. Начиналась агония. Глаза когда-то грозного гангстера быстро стекленели. Через три минуты Артур Флегенхаймер умер.

Глава 15
Процесс над мафией

Тысячу раз был прав старый пройдоха Торрио, называя Датча Шульца громоотводом. Все получилось так, как он прогнозировал. Было очень опасно выдергивать добычу из зубов прокурора Дьюи. Аппетит от этого не затихает, а разыгрывается еще сильнее. Неутомимый прокурор занялся расследованием деятельности Джимми Хиннеса. «Политическая коррупция, — подчеркивал он в беседах с журналистами, — наиболее опасна именно потому, что разлагает не отдельных представителей той или иной ветви власти, а всю систему государственного управления в целом».

Прокурору не пришлось прилагать особых усилий для разоблачения демократа номер один, поскольку Хиннес был в грязи по уши. Дьюи ограничился тремя пунктами обвинения: участие в преступной деятельности (о чем свидетельствовали выписки из банковских счетов), злоупотребление властью в незаконных целях (что подтверждалось многочисленными фактами получения ценных подарков от боссов преступного мира) и, наконец, оскорбление общественной морали[35] (по факту неоднократного участия Хиннеса в застольях отъявленных гангстеров). Арест всемогущего политика стал причиной паники в «Таммани-Холл». Желая добить этот «рассадник коррупции», Дьюи предъявил обвинение в связях с организованной преступностью еще тридцати партийным функционерам высшего и среднего звена. Республиканская партия решила сделать ставку на молодого атторнея, имеющего столь широкие политические перспективы. Судья Медалл, считавший Дьюи своим протеже, предложил включить его в состав кандидатов-республиканцев на выборы губернатора штата Нью-Йорк. Как только было получено согласие Дьюи вступить в республиканскую партию, партийная машина пришла в движение. Сенаторы-республиканцы направили открытое письмо министру юстиции, в котором выражали озабоченность криминогенной ситуацией, создавшейся в стране, в связи с чем предлагали произвести в аппарате правосудия некие кадровые перестановки. Губернатор Лиманн и мэр Ла Гардиа, желая погреться в лучах славы Дьюи, направили в Вашингтон аналогичные письма, о чем не замедлили заявить в прессе. И вот в декабре 1935 года Том Дьюи был назначен окружным прокурором Манхэттена. Как говорилось в распоряжении министра юстиции: «за особые заслуги перед правосудием и

американским народом». В свете этих событий интересна позиция президента Рузвельта. Придя к власти благодаря содействию лидеров «Таммани-Холл», он с готовностью поддержал решение министра юстиции и направил Дьюи телеграмму, в которой поздравлял его с успешным завершением процесса над «самыми злостными политическими коррупционерами, дискредитирующими американскую демократию». Вот и выходит, что политика — это искусство гениально предавать и обманывать.

В числе сообщников Джимми Хиннеса на скамью подсудимых попал Ричард (Дикси) Дэвис вместе со своим телохранителем Джорджем Уайнбергом, братом покойного Бо. Оба сразу заявили о согласии сотрудничать с властями — при условии, что предстанут перед судом в качестве свидетелей.

Дьюи радостно потирал руки. Прежде всего он потребовал назвать главного босса. Подсудимые и свидетели в один голос произнесли имя Чарли (Лаки) Лючано. До этого у Дьюи были только подозрения, но теперь они переросли в уверенность.

— Лаки получает проценты со всего, — рассказывал Джордж Уайнберг, — нет такого бизнеса, в котором он не имел бы своих интересов. Все, что угодно. Будь то наркотики, профсоюзы, заказные убийства, проституция…

— Стоп! Вы говорите «проституция». Разве Лючано имеет к этому отношение? Он ведь сицилиец, а по сицилийским понятиям торговля женщинами — грязное дело.

— Мистер Дьюи, вы знаете, есть поговорка: «Деньги не пахнут». Какая разница, откуда стекаются доллары в ваш карман? Объясните мне, чем отличается доллар торговца наркотиками от доллара проститутки?

Дьюи пожал плечами:

— Есть же там у них какой-то «кодекс чести»?

— Да, есть. Но все это пустые слова. На самом деле решают только деньги. Голландец Шульц погиб из-за этого. Другие боссы завидовали его богатству и, когда подвернулся подходящий случай, отдали приказ убрать его. Другой причины не было.

— Хорошо. Вы сказали — «отдали приказ». Следовательно, в некоторых случаях Чарльз (Лаки) Лючано не обладает правом единоличного принятия решений?

— Все немного по-другому, — объяснил Уайнберг, — в Организации никто не имеет права просто взять и убить кого-нибудь. Решает сходка. Это называется Высший Совет. Туда входят восемь или десять человек, точно не знаю. Но все эти типы — друзья Лаки, они его поддерживают, поэтому можно сказать, что Высший Совет решает так, как хочет мистер Лючано.

Дьюи призадумался. Допрашивая Дикси Дэвиса, он задавал

более прямые вопросы:

— Скажите, если всерьез взяться за расследование в какой-либо конкретной сфере рэкета, возможно ли получить доказательства участия в этом Чарльза Лючано?

— Думаю, да, — ответил адвокат, — только свидетелей вы не найдете. В Америке нет такого полицейского участка, суда или тюрьмы, куда не дотянутся щупальца Высшего Совета. Имя любого свидетеля сразу станет известно, и его уберут задолго до начала суда.

— Вернемся к структуре преступной организации. Итак, внизу — боевики, рядовые исполнители. Среднее звено составляют так называемые «капо». Над ними стоят боссы, которые, в свою очередь, подчиняются Высшему Совету. Графически это можно представить в виде пирамиды.

— Все правильно, — подтвердил Дикси Дэвис, — пирамида — очень наглядно.

— Это значит, что вполне возможно добраться от вершины к подножию.

— Теоретически — да.

— А если реально?

— Реально сразу же обрубаются все звенья, ведущие наверх. Почему, вы думаете, убрали Шульца?

— Чтобы завладеть его бизнесом.

— Не только. Они боялись, что вы в конце концов расколете его. Помню, Хиннес говорил мне, что против Шульца готовится новое обвинение в двух убийствах первой степени.

Дьюи помрачнел. Он действительно подготовил обвинительное заключение по фактам убийства Бо Уайнберга и Пола Бергера. Непонятно только, как об этом узнали гангстеры. Из допросов Дэвиса и Джорджа Уайнберга Дьюи вынес твердое убеждение, что чисто законными приемами Лаки Лючано взять нельзя. Методом исключения он отбросил рэкет, заказные убийства и наркобизнес. Решение пришло к нему извне. Агенты ФБР, наблюдавшие за Лючано, сообщили, что он часто посещает дорогих проституток. Вот в этом направлении и надо работать, сообразил Дьюи. Индустрия разврата!

Окружной прокурор бросил все свои силы в решающий бой. Чем глубже «неподкупные» проникали в деятельность индустрии разврата, тем крепче становилась уверенность их шефа, что он — на правильном пути. Все публичные дома в черте города принадлежат Организации — к такому выводу пришли следователи. Телефоны в борделях были поставлены на прослушивание. Так из темной клоаки секс-индустрии выплыли на свет имена Дэйва Бэтилло и Джеймса Фредерико. Теперь

пришел черед подбора свидетелей.

1 февраля 1936 года полиция предприняла массовый рейд по восьмидесяти публичным домам в Манхэттене и Бруклине. Никогда еще Нью-Йорк не видел ничего подобного. В операции одновременно принимали участие около пятисот полицейских. Приказ Дьюи был предельно лаконичен: «Брать только проституток и сутенеров, клиентов не трогать». Департамент полиции выделил «неподкупным» во временное пользование здание полицейского участка номер 15.

Около одиннадцати часов вечера появился первый фургон с арестованными. В окно Дьюи наблюдал, как из кабины вышли двое полицейских. Один постучал дубинкой по стенке фургона и крикнул:

— По моей команде начинаем выходить! Спокойно, аккуратно и без выкрутасов.

Его напарник оттянул задвижку и распахнул дверцы.

— Пошли! — скомандовал полицейский.

Из железного чрева фургона высунулась рыжеволосая девица, одетая в короткое, облегающее фигуру прозрачное платье. Повернувшись к полицейскому спиной, она вздернула юбку и шлепнула ладонью по своей мощной голой заднице:

— А вот это видел?!

Полисмен побагровел от ярости.

— Выходи, иначе я как следует воткну дубину в твою вонючую ж…

— Сам ты вонючая ж…! — фальцетом выкрикнула проститутка. Ее поддержал добрый десяток голосов из глубины фургона:

— Ирландский ублюдок!

— Онанист паршивый!

— Убирайся в свою чертову Ирландию!

Разъяренный коп схватил девку за волосы, но та дернула головой, и в руке полицейского остался пышный огненно-рыжий парик.

— Черт! Твою мать! — с отвращением выругался полисмен. В фургоне грохнул взрыв издевательского хохота. Девица, приглаживая свои короткие темные волосы, победоносно скалила зубы. Наблюдая эту сцену, прокурор Дьюи тоже не удержался от улыбки. Второй полицейский молча схватил проститутку за талию и потащил в участок. Она дрыгала ногами и визжала на всю улицу. Чтобы отвести душу, первый коп изо всей силы шарахнул дубинкой по фургону:

— Вылезайте, твари!

Проститутки подчинились. Только один сводник не захотел

добровольно покинуть фургон. Его пришлось волоком вытаскивать наружу.

— Вы не имеете права… я буду жаловаться… У меня есть друзья наверху! — истошно орал он.

Вскоре фургоны стали прибывать один за другим. Еще по крайней мере три часа возле участка стоял разноголосый шум и злобная ругань. Помимо проституток и сутенеров, полицейские доставили для допроса пятерых содержательниц — «бордель-мам». Всего же в ходе этой грандиозной операции было арестовано около ста человек.

Арестованных сразу разводили по разным кабинетам, чтобы не дать им возможности договориться о совместных показаниях. Дьюи ходил из кабинета в кабинет, контролируя ход допросов.

Большинство задержанных держались стойко. Дьюи был совершенно спокоен. Сначала всегда все всё отрицают. Но рано или поздно кто-то сболтнет лишнее, надо только не давать им передышки. Следователи работали именно по такой схеме: непрерывно, в течение шести-семи часов бомбардировать задержанных вопросами, через определенные промежутки времени повторять один и тот же вопрос, без конца уточнять мелкие, незначительные детали до тех пор, пока допрашиваемый не дойдет до полного изнеможения и отупения. А уже когда в мозгах у него образуется каша, как следует припереть к стене, припугнуть, даже использовать прямой шантаж. Этот способ допроса бригада «неподкупных» усвоила у агентов ФБР. Он именовался техническим термином «конвейер». Фэбээровцы, считавшие себя интеллектуалами, предпочитали избегать методов физического воздействия, принятых в полиции. Впрочем, «неподкупные» применяли сокращенный вариант «конвейера» — ведь существовал еще развернутый, при котором группа следователей, сменяемых каждые три часа, непрерывно «долбила» подозреваемого в течение восемнадцати, двадцати, тридцати шести часов подряд. «Развернутый» вариант ставил допрашиваемого на грань полного физического и психического истощения. Это была самая настоящая пытка со стопроцентным результатом. Но «неподкупные» не имели необходимого запаса времени.

Дьюи вернулся в свой кабинет. Около трех часов ночи раздался первый телефонный звонок.

— Шеф, говорит Гурфейн. У нас тут есть кое-что интересное. Думаю, вам надо взглянуть.

— О’кей. — Дьюи повесил трубку и направился в кабинет номер семнадцать.

Семнадцатый кабинет был почти полностью погружен во

мрак. В луче света настольной лампы скорчилась худенькая темноволосая проститутка. Из одежды на ней были только лифчик и коротенькие облегающие шорты, усыпанные блестками. Видимо, при аресте ее сняли прямо со стриптизного столба. Над девушкой склонились двое следователей с сигаретами в зубах. Они были без пиджаков, галстуки у обоих съехали набок. Несмотря на то что окурки в пепельнице возвышались горой, следователи без конца курили и буквально плавали в табачном дыму.

— Что с ней? — спросил подошедший Дьюи.

— По-моему, у нее ломка, — ответил низенький, плотный Гурфейн, третий заместитель Дьюи. Он всегда носил обувь на высоком каблуке, чтобы казаться выше.

Дьюи взглянул на девушку. Ее лицо было необычайно бледно, на лбу выступили крупные капли пота. Прижав тонкие руки к плечам, она тряслась как в лихорадке и время от времени тихо стонала сквозь зубы.

— Что ты об этом думаешь, Шорти? — поинтересовался прокурор у второго следователя. Коренастый, с угольно-черными курчавыми волосами, тот походил на итальянца.

— Наркоманка. Посмотрите на ее руки, шеф, — сказал он и вывернул кисть девушки внутренней стороной к свету.

— Пусти, ублюдок! — Она дернула руку к себе. Но Дьюи успел рассмотреть десятки маленьких черно-лиловых точек от инъекций.

— Отпустите меня, — всхлипнула девушка, — вы разве не видите, как мне плохо? Я ни в чем не виновата. Отпустите…

— Сначала ответь на наши вопросы, а потом иди на все четыре стороны, — отрезал Гурфейн.

— Но я же сказала все, что знала…

— Я так не думаю, крошка.

— Ах ты, легавая сволочь, ирландский недоносок, козел вонючий!

— Прикуси язык, стерва! — рявкнул Гурфейн.

— Я умираю… Отпустите…

Внезапно Дьюи пришла в голову некая идея. Он снял телефонную трубку:

— Город… Вест, сто тридцать четыре — ноль десять, пожалуйста… Хелло? Дежурный? Говорит окружной прокурор Дьюи. Я сейчас пришлю к вам мистера Шорти, прошу вас оказать ему максимальное содействие. Да, письменное распоряжение будет при нем. Благодарю вас.

Дьюи быстро набросал короткую записку, приложил печать окружной прокуратуры и расписался.

— Пойдемте со мной, Шорти.

— Да, сэр.

В коридоре прокурор подробнейшим образом проинструктировал своего подчиненного. Лицо Шорти просияло:

— Потрясающая идея, шеф.

— Сделать это надо как можно быстрее, иначе девчонке уже не понадобится врач. Возьмите служебную машину. Окружной департамент УБН находится по адресу: Хайлан-авеню, 1458.

Посреди ночи движения на дорогах почти не было, поэтому Шорти сумел уложиться в полчаса. К тому времени девушке стало настолько плохо, что Дьюи и Гурфейн разрешили ей лечь на диван.

Приняв из рук вошедшего Шорти маленький целлофановый пакетик, Дьюи распорядился:

— Ладно, поднимай ее, Гурфейн.

В пакетике был белый порошок. Прокурор показал его девушке:

— Ты знаешь, что это?

Гурфейн встряхнул ее за плечи. Дьюи поднес пакетик почти к самым глазам девчонки.

— Дай! — Она попыталась вскочить, но Гурфейн швырнул ее обратно.

— Подонки, грязные ирландцы! — истерически завопила девушка. Теперь Гурфейн держал ее вдвоем с Шорти. Наркотик был рядом, и это придало ей сил.

— Конечно, знаешь, — ласково продолжал Дьюи, — это героин, деточка. Чистый героин. Избавление от всех мук и страданий. Он твой. Но ты получишь его не раньше, чем ответишь на несколько моих вопросов. Не бойся, вопросы простые.

— Будь ты проклят, скотина!

Дьюи усмехнулся и распахнул окно. Руку с зажатым в пальцах пакетиком он высунул наружу.

— А можно и так, детка. Можно сделать, что весь этот порошок развеется по ветру. Но ты же не хочешь этого, верно?

Девушка яростно рвалась из рук следователей.

— Последний раз спрашиваю: будешь отвечать на мои вопросы?

— Да, чтоб тебя черти взяли!!!

Она сказала ему все, что он хотел услышать.

— Подготовьте ее к очной ставке, — бросил Дьюи и вышел. Гурфейн и Шорти с интересом смотрели, как девушка трясущимися руками разворачивает целлофан.

— Что уставились? — злобно спросила она. — Дайте мне воду, ложку, зажигалку.

Растворив кристаллы, она набрала в шприц пять кубов мутно-белого раствора и перетянула кисть резинкой для волос. Через две минуты ей стало значительно лучше.

Дьюи поднялся на третий этаж, где допрашивали Коки Фло Браун, небезызвестную в Манхэттене «бордель-маму». Положив ногу на ногу, она курила дорогую папиросу с длинным мундштуком и на все вопросы отвечала односложно: «не знаю», «не помню», «не лезу в чужие дела». Допросом руководил первый заместитель Дьюи Ричард О'Коннэл.

— Ну что, Дик? — спросил прокурор. О'Коннэл молча махнул рукой. Толстое, усыпанное пудрой лицо Коки Браун расплылось в улыбке:

— О-о, никак сам господин Дьюи пожаловал.

— Здравствуй, Фло, давно не виделись, — в тон ей ответил прокурор.

— Может, вы мне объясните, какого хрена легаши притащили сюда мою задницу?

— Ну… чтобы немного пообщаться с тобой. Поговорить по душам.

Фло ткнула в его сторону ярко накрашенным когтем и закричала:

— Слова больше не скажу! Требую адвоката! Требую возместить моральный ущерб. Это что же такое: посреди ночи выдернули из постели и поволокли в легашник! Беззаконие.

— Ну-ну, успокойся, старушка, — фамильярно ответил Дьюи, — ты же знаешь, просто так я никого не беспокою. Вот смотри, — он взял со стола увесистую папку, — здесь протоколы твоих телефонных разговоров с некими господами Фредерико, Бэтилло и Ле Торре.

— Это мое дело, с кем трепаться по телефону, — огрызнулась Фло.

— Не совсем так, — поправил Дьюи. — Бэтилло, например, бывший телохранитель Аль Капоне. Фредерико и Ле Торре имеют по три судимости. Какое отношение эти убийцы имеют к твоему бизнесу, а, Фло?

— Я трахаюсь с ними. Устраивает?

— В самом деле? — Дьюи полистал протокол. — И поэтому просишь Ле Торре подождать с деньгами еще недельку? Это называется рэкет, 317-я статья Уголовного кодекса штата Нью-Йорк.

Фло рассердилась:

— Ты знаешь, куда можешь засунуть свои протоколы? И я это знаю.

— Хорошо. Обойдемся без протоколов. Сейчас мы проведем

очную ставку.

Дьюи снял трубку телефона:

— Гурфейн? Давай сюда девчонку. Как она там? Веселая и разговорчивая? Прекрасно!

Минуту спустя в кабинет привели худенькую проститутку. Ее глаза блестели. Зрачков почти не было видно. Девушку усадили напротив Фло Браун.

— Мисс Блэтти, вы знаете эту даму?

Девица хихикнула:

— Как же не знать? Мамаша Браун, старая потаскуха. Это она продала меня в заведение Руссо за двести «зеленых»…

Героин развязал язык проститутки. В таком состоянии ей все было нипочем.

— Мисс Браун, вы знаете эту девушку? — перебил Дьюи. На лице Фло появилась гримаса отвращения:

— Первый раз в жизни вижу эту задрипанную шлюшку.

— Сама ты облезлая старая корова! — выпалила девица.

— Придержи язык, сука. Погоди, как выйдем отсюда, мы с тобой поговорим.

— Стоп, стоп, дамочки! Брэк! — вмешался Дьюи в этот поток взаимных угроз.

— Ну и чего ты хочешь добиться? — неприязненно спросила Фло. — Ее слово против моего, вот и все.

— Ошибаетесь, мисс Браун. У нас есть еще несколько свидетелей, готовых дать против вас показания. А когда вас узнают пять-шесть человек, в суде вам точно не поздоровится.

— В каком суде? — нервно спросила Фло.

— По обвинению в вымогательстве, развращении малолетних, хранении наркотиков, оскорблении общественной морали… Достаточно?

— Да вы ж их всех наширяли, этих сучек! — завопила Фло. — Когда колятся, они еще не такое скажут.

Дьюи вздернул брови:

— Кого наширяли? Гурфейн, ты, м-м… ширял кого-нибудь?

— А что это значит? — спросил тот.

— Сговорились, господа начальники? — взвизгнула Фло Браун. Дьюи понял, что пора переходить от кнута к прянику.

— Послушай, Фло, против тебя я ничего не имею. Проституция в Нью-Йорке была всегда и будет всегда. Только никогда такого не было, чтобы девочек насильно сажали на иглу. Мне нужны люди, которые все это придумали. Бэтилло, Фредерико, Ле Торре, Балитцер, Элленштейн и прочая мразь. Но больше всего мне нужен их босс Лаки Лючано, потому что он все это организовал.

— Вы что же, за идиотку меня держите, мистер Дьюи? Да если я дам против них показания, меня на куски порвут и утопят в заливе.

— Если ты дашь показания против них, — отчеканивая каждое слово, произнес Дьюи, — и не только ты, а многие, то они надолго сядут в тюрьму. Ты меня знаешь, Фло, я не бросаю слов на ветер.

— Нет, мистер Дьюи, не годится. Их-то вы, может, и засадите, но ихние дружки на воле останутся и всадят пули в мой роскошный зад. А я хочу жить и работать в своем бизнесе.

— Ради бога, Фло, — Дьюи красноречиво поднял руки, — твои условия меня вполне устраивают. Ты знаешь, мое ведомство имеет собственный фонд в федеральном бюджете. Если ты поможешь упрятать Лючано и всех остальных, я позабочусь о том, чтобы государство выдало тебе премию, — он засмеялся, — за особые заслуги перед правосудием. С такими деньгами ты запросто сможешь уехать в Европу и спокойно заниматься своим делом хоть в Париже, хоть в Ницце, хоть в Баден-Бадене. Никакой мафии там нет, никто тебе не будет мешать.

Лицо Дьюи вновь стало жестким:

— А если откажешься, то придется тебе отвечать в суде за их дела. Думаешь, они станут тебя вытаскивать?

Фло закусила губу.

— Вы не врете насчет денег, мистер Дьюи? — наконец спросила она. Вместо ответа прокурор достал из ящика стола бланк по форме 137 и вынул из кармана золотое перо.

— О'кей, будь по-вашему, — просипела Фло Браун.

К утру по аналогичной схеме удалось расколоть остальных «мадам» и с десяток проституток. Показания оформлялись до 12 часов следующего дня. Утомленный, с прыгающим от гомерических доз кофе сердцем, Дьюи все же отправился в тюрьму Синг-Синг. Начальник тюрьмы встретил его весьма любезно и спросил, чем может быть полезен. Дьюи объяснил. Вскоре в кабинет начальника привели Джо Бендикса, убийцу, отбывающего пожизненное заключение.

— Ты хочешь выйти на свободу досрочно? — спросил у него Дьюи.

В тусклых глазах Бендикса вспыхнули огоньки надежды:

— Да, господин прокурор.

— О'кей, Джо, мне нужна твоя помощь. Если ты поможешь мне, я помогу тебе. Что скажешь?

Заключенный облизнул внезапно пересохшие губы:

— Я согласен, мистер Дьюи. На все согласен.

1 апреля 1936 года окружной прокурор Манхэттена

официально объявил гражданина Чарльза Лючано «врагом общества номер один». Впрочем, Дьюи знал, что Лаки не имеет американского гражданства. Однако по закону формулировка полагалась именно такая.

Уже третий по счету «враг общества» вместе со своей любовницей Гай Орловой сбежал в Хот-Спрингс, штат Арканзас. В этом городе безраздельно господствовала мафия. В каждом баре, ресторане или закусочной были установлены «однорукие бандиты». Игорным бизнесом заправлял Фил Кастел (Дэнди), один из подручных Фрэнка Костелло. Губернатор Футрелл получал двадцать процентов с оборота и обеспечивал гангстерам полнейшую безнаказанность. Здесь Лаки оказался в кругу друзей. Однако вслед за ним в Хот-Спрингс прибыли агенты ФБР с ордером на арест. Но за два дня до этого предусмотрительный Лаки обратился к знакомому комиссару полиции с просьбой арестовать его за незаконное ношение оружия. После ареста его без проволочек отдали под суд.

Судья тоже был «своим». Заявив о недостаточности улик, он отправил дело на доследование, а подсудимого освободил под смехотворный залог в пять тысяч долларов. На том основании, что в отношении Лаки Лючано органы правосудия штата Арканзас возбудили уголовное дело, судья отказался выдать его фэбээровцам до окончания разбирательства. При этом служитель Фемиды затруднился назвать хотя бы примерный срок его окончания. Дьюи пришлось апеллировать в Верховный Суд. Тем временем Высший Совет нанял для защиты своего главы трех лучших нью-йоркских адвокатов: Мозеса Полакоффа, Фрэнсиса Адамса и Джорджа Леви. Немедленно они со своей стороны забросали Верховный Суд жалобами и ходатайствами. Крючкотворство и судебная волокита продолжались целый месяц. Однако победа осталась за Дьюи. Верховный Суд принял решение о выдаче Лаки Лючано властям штата Нью-Йорк. «Враг общества номер один» был арестован и этапирован в нью-йоркскую тюрьму Томбс, где ему вручили обвинительное заключение, насчитывавшее девяносто девять пунктов. Окружной судья Филипп Дж. Маккук определил размер залога в сумме 350 тысяч долларов — рекордная величина по тем временам. После выплаты залога Лаки Лючано освободили до суда. Он вернулся в свои апартаменты в отеле «Ритц». Там его уже ждали члены Высшего Совета. Джонни Торрио не удержался:

— А ведь я говорил тебе, — проворчал он.

— Еще не поздно, — высказался Альберт Анастасиа, — до начала процесса почти две недели. За это время я смогу найти способ убрать Дьюи. Это положит конец всем нашим

неприятностям.

Чарли Луканиа, казалось, не возражал. Но тут из своего угла хрипло пробубнил Фрэнк Костелло:

— В Организации есть правило: полицейских, судей и политиков не убивать, что бы ни случилось. Иначе власти могут перекрыть нам кислород. Насколько я знаю, никто этого правила не отменял.

Лаки с видимой неохотой согласился:

— Ты прав, Фрэнки. Мы не будем нарушать наших правил. Никогда.

Анастасиа пожал плечами:

— Как хочешь, Чарли, хотя я считаю, что это неправильно.

— Ты вправе иметь свое мнение, Альберт, — сказал Мейер Лански, — но, слава богу, решаешь не ты.

— Я заплатил адвокатам миллион долларов! За эти деньги они порвут Дьюи, как бумагу, — прорычал Лаки.

— Мы крепко надеемся на это, Чарли, — заверил Фрэнк Костелло.

Судебный процесс над самым опасным преступником Америки начался 13 мая 1936 года. С самого начала это событие вызвало живейший интерес общественности и заняло центральное место в колонках новостей. С девяти часов утра 13 мая автостоянка возле Дворца правосудия оказалась забита дорогими автомобилями. Сто пятьдесят мест в зале суда занимали сотрудники правоохранительных органов и представители местной политической элиты. Журналисты забронировали еще сотню кресел. Остальные места достались богатым снобам, которые пришли на этот процесс, как на шоу — что называется, «на людей посмотреть и себя показать». Этим набитым долларами джентльменам было все равно, на что глазеть, будь то бой за звание чемпиона мира в супертяжелом весе, выступление эстрадной примадонны или суд над известным гангстером. Главное, ради чего они сюда пришли, — быть в числе четырехсот человек из двенадцати миллионов, составлявших в то время население Нью-Йорка. Уже за сорок минут до начала процесса зал был набит битком. Снаружи дежурили репортеры, намеревавшиеся сфотографировать короля гангстеров в момент выхода из тюремной кареты. Возле входа во Дворец правосудия собралась многотысячная толпа зевак, энергично напиравшая на полицейское оцепление.

В десять ноль-ноль в зале появился окружной судья Филипп Дж. Маккук, одетый в длинную черную мантию. В десять пятнадцать ввели обвиняемых. Впереди всех шел Чарли Луканиа, одетый в безукоризненный деловой костюм и начищенные до

блеска туфли из крокодиловой кожи. С обеих сторон его конвоировали двое здоровенных фараонов. Один из профсоюзных боссов, находившихся среди публики, сострил по этому поводу: «У нашего Чарли новые телохранители». Следом одного за другим вели «первых лиц» индустрии разврата. Всего их было тринадцать. Однако адвокатов имел только один из них — Чарли Луканиа. Полакофф, Адамс и Леви устроились рядом со своим подзащитным, который даже здесь, в суде, считал нужным подчеркивать свое исключительное положение и поэтому сел отдельно от остальных.

Государственного обвинителя Томаса Дьюи зал встретил бурными аплодисментами. Началась длительная процедура отбора и приведения к присяге двенадцати заседателей. На утверждение состава присяжных ушло полдня[36].

Глаза всех присутствующих устремились на государственного обвинителя, который должен был открыть процесс своей вступительной речью. Чтобы привлечь к себе всеобщее внимание и прежде всего внимание присяжных, Том Дьюи вышел на середину зала.

— Ваша честь! Господа присяжные заседатели! Леди и джентльмены! Без долгих предисловий позвольте мне перейти к сути разбираемого дела. Разумеется, проституция в Нью-Йорке существовала всегда. Это бесспорный факт. Во все времена находились несчастные женщины, волею различных обстоятельств становившиеся на путь падения. Но хочу подчеркнуть, что они шли на это сознательно, без постороннего принуждения.

В Нью-Йорке, как и в любом другом городе Америки, проституция никогда не считалась особенно выгодным бизнесом. Годовой оборот самых фешенебельных борделей на 42-й улице не превышал ста пятидесяти тысяч в год. Я утверждаю, что до 1933 года термин «организованная проституция» вообще не существовал. Прежде всего вошло в обиход понятие «белая рабыня». Его истинное значение гораздо лучше меня разъяснят вам, дамы и господа, свидетели обвинения, которые вскоре предстанут перед вами. Меня же, как прокурора, интересуют исключительно факты, имеющие значение для разбираемого дела.

Далее Дьюи подробно рассказал присяжным о роли Дэвида Бэтилло в создании индустрии разврата, а также о том, что без покровительства Чарльза Луканиа подобное было бы невозможно.

— Что же означает термин «организованная проституция»? Хаотичный, никем не контролируемый рынок разврата становится единой корпоративной структурой. Собственно

говоря, зарождается новый вид рэкета — рэкет проституции. Деньги более не остаются в руках содержателей, а идут дальше, в карманы главарей рэкетирской группировки, и еще дальше — к главному боссу Лючано, который осуществлял полный контроль и за рынком разврата, и за рэкетирами. Однако жалкие сто пятьдесят тысяч в год не смогли бы заинтересовать врага общества номер один, Чарльза Лючано. Ему были нужны миллионы. Чтобы выжать из проституток такие деньги, необходимо, во-первых, увеличить их количество и, во-вторых, увеличить поток клиентов. Для выполнения первой задачи были созданы фирмы и агентства по найму, предлагавшие девушкам престижную, высокооплачиваемую работу, а также специальные группы боевиков, приводившие обманутых девушек в повиновение. Публичный дом становился для них тюрьмой. Преступники заставляли девушек круглосуточно заниматься своим ремеслом. Вдумайтесь, дамы и господа, одна девушка принимала в сутки по 15–20 клиентов! И так день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Индустрия разврата в прямом смысле слова разрушала тела и калечила души несчастных. Но это еще не все. Преступники, желая навсегда привязать девушек к этому гнусному бизнесу, насильно вводили им героин путем инъекций. Ваша честь, я хотел бы огласить содержание справки, составленной компетентными специалистами Федерального бюро по борьбе с наркотиками.

Один из помощников спешно подал Дьюи нужную бумагу.

— «Героин является наиболее опасным наркотическим веществом группы опиатов. Формирует у человека непреодолимую физическую и психическую зависимость в самых тяжелых формах. Уровень токсичности в 1000 раз больше морфина. Стойкое привыкание к героину развивается после первой недели регулярного употребления путем инъекций. Длительное (более полугода) его употребление приводит к необратимым последствиям: разрушению печени, значительной потере веса, пороку сердца, гниению вен и артерий. Общий износ, старение организма человека, употребляющего героин, происходит в 25 раз быстрее, чем у здоровых людей. Прекращение приема наркотика хотя бы на сутки влечет за собой абстинентный синдром, при котором возникают жестокие боли, судороги в суставах, галлюцинации. Современная медицина не располагает методикой излечения героиновой наркомании». Как видите, дамы и господа, употребление героина равноценно убийству. Но для этих чудовищ — рука Дьюи вытянулась в сторону обвиняемых — человеческие жизни ничего не значили. Двести пятьдесят публичных домов и семь тысяч женщин

эксплуатировал обвиняемый Лючано при посредстве своего подручного Бэтилло. А ведь эти семь тысяч — не просто статистическая цифра, это семь тысяч загубленных жизней! По установленным данным, чистая прибыль индустрии разврата составляла восемнадцать миллионов долларов в год. В заключение хочу подчеркнуть, что все сказанное мною подтвердят восемьдесят свидетелей. Будет доказано, что именно Лючано возглавлял эту чудовищную преступную организацию, а все остальные обвиняемые только выполняли его волю. Благодарю за внимание.

Едва Дьюи успел занять свое место, как адвокат Джордж Леви, в свою очередь, обратился к присяжным. В его голосе было с избытком яда и иронии:

— Все сказанное господином прокурором доказывает только одно — наличие у него богатой фантазии. Ну и, конечно же, непомерного честолюбия. Мистер Дьюи создал себе имидж непобедимого обвинителя и ради его поддержания готов оперировать фактами сомнительного происхождения, к тому же ничего общего не имеющими с содержанием обвинительного заключения. На всякий случай напоминаю, что дешевые потаскухи обвиняют мистера Лючано в том, что он якобы заставлял их заниматься проституцией. Само по себе это просто смешно! Что общего может быть между преуспевающим бизнесменом мистером Лючано и жалкими шлюхами из манхэттенских трущоб? Где они могли встречаться? О чем они могли разговаривать? Господин Дьюи утверждает, что у него 80 свидетелей. Свидетелей чего? Того, что мистер Лючано приходил в публичный дом и заставлял шлюх продавать себя похотливым мужикам? Или того, что мистер Лючано вкалывал шлюхам героин? Господа, но это же абсурд! Мистер Лючано занимается строительным бизнесом, импортом оливкового масла и английских спиртных напитков. Кроме того, он является владельцем двух развлекательных комплексов. Вы представляете, какое количество времени ежедневно уходит на управление этой махиной? Насколько насыщен день делового человека? Господа присяжные заседатели, в законе четко определено, что действительным признаком преступной организации является наличие устойчивых связей между ее членами. Но, простите, мистер Лючано абсолютно не знаком ни с кем из обвиняемых. На чем же основывается утверждение господина прокурора о том, что мистер Лючано имеет отношение к индустрии разврата? Неужели на показаниях сутенеров и проституток? Если это так, то я требую прервать процесс до тех пор, пока обвинение не подберет более чистоплотный свидетельский корпус.

— Вы заявляете ходатайство, господин защитник? — уточнил судья Маккук.

— Да, ваша честь.

— Отказываю. В законе не содержится никаких требований насчет чистоплотности свидетелей. У вас все?

Леви молча поклонился. Маккук ударил молоточком по столу:

— Объявляю начало судебных прений!

Дьюи довольно быстро удалось доказать, что Бэтилло и 12 его сообщников действительно руководили индустрией разврата. Впрочем, здесь никто не чинил ему препятствий. Элленштейн, Балитцер, Уинер и Маркус струхнули и признали себя виновными. Остальные все отрицали, но Дьюи был им не по зубам. Главное сражение разгорелось вокруг Лаки Лючано. Взяв в руки мел, Том Дьюи на время превратился в школьного учителя и стал старательно вычерчивать на доске структурную схему индустрии разврата.

— Организация имела четкую иерархическую структуру, — пояснил он, — общее руководство осуществлял Бэтилло; Фредерико, Ле Торре, Уоркман, Монтана и Беркман составляли нечто вроде совета директоров при главном боссе. В среднее звено входили контролеры секторов — Балитцер, Элленштейн, Уинер, Маркус, Спиллер и прочие. Они непосредственно контактировали с содержателями публичных домов.

— Возможно, все это и было на самом деле, — заметил Джордж Леви, — но при чем же здесь мистер Лючано?

— Лючано обеспечивал неприкосновенность преступной организации, — не колеблясь, ответил Дьюи, — его политические связи служили щитом для нее. Лючано выступал по отношению к Бэтилло таким же рэкетиром, как тот по отношению к содержателям борделей. Вам ведь известно правило преступного мира: кто сильнее, тот и прав.

— Возражаю!

Немедленно вспыхнула жестокая свара. Только когда судья Маккук пригрозил оштрафовать обоих юристов, перебранка стихла. Процесс перешел к следующей стадии — перекрестному допросу свидетелей.

— Обвинение вызывает свидетеля Милдред Харрис! — громогласно объявил Дьюи.

На свидетельскую трибуну поднялась молодая миловидная женщина, одетая в дорогое шелковое платье. Глядя на эту вполне респектабельную даму, никто не подумал бы, что она начинала как проститутка и еще сравнительно недавно каждый вечер сидела в витрине под красным фонарем. После приведения

свидетеля к присяге Дьюи приступил к допросу:

— Ваше имя?

— Милдред Этель Харрис.

— Мисс Харрис, знаком ли вам кто-либо из обвиняемых?

— Да. Питер Балитцер — мой муж.

— Вон оно что, — прошипел Лаки Лючано и склонился к уху Леви, — послушай, Джордж, я вспомнил эту суку. Она была проституткой. Окуни ее мордой в дерьмо.

— А чем она занимается сейчас?

— Не знаю.

— Хорошо, мы сейчас это проверим. — Леви вышел из зала.

— Знаком ли вам еще кто-либо из обвиняемых? — продолжал допрос Дьюи.

— Да.

— Кто именно?

— Чарльз Лючано.

— При каких обстоятельствах вы с ним познакомились?

— Я с ним незнакома. Мой муж однажды посетил Лючано в его резиденции в отеле «Ритц».

— Когда, с какой целью, при каких обстоятельствах?

— Это было в сентябре прошлого года. Мой муж решил уйти из преступного мира. Но Бэтилло запретил ему даже думать об этом. Тогда Питер отправился к Лаки Лючано.

— Почему именно к нему? — спросил Дьюи.

— Потому что Лаки Лючано был главным боссом, он мог приказать Бэтилло.

— Возражаю! — заявил Полакофф. — Ваша честь, Питер Балитцер в настоящий момент находится на скамье подсудимых, что как нельзя более ярко иллюстрирует его истинные намерения. Преступления, в которых он замешан, вызывают серьезные сомнения насчет наличия у него хотя бы отдаленных признаков морали. Склонение к употреблению наркотиков! Принуждение несовершеннолетних девушек к занятию проституцией! И вдруг этот подонок прозрел, захотел жить честно и праведно. Я призываю господ присяжных заседателей объективно оценивать факты.

— Ваша честь, — спокойно парировал Дьюи, — в данном случае истинность либо ложность намерений Питера Балитцера не имеет значения, так как он признал свою вину и раскаялся. Показания мисс Харрис позволяют выдвинуть на первый план имя организатора индустрии разврата, поскольку имена основных исполнителей суду уже известны.

— Возражаю! — крикнул было Полакофф, но судья, не дожидаясь новой перепалки, стукнул молоточком:

— Господа юристы, призываю вас к порядку! Я отклоняю протест защиты, но вместе с тем прошу обвинение оперировать только доказанными фактами.

— Обвинение больше не имеет вопросов к свидетелю, — заявил Дьюи.

— Желает ли защита допросить свидетеля?

— Да, ваша честь, — ответил адвокат. В этот момент в зале появился Джордж Леви и попросил разрешения задать свидетелю несколько вопросов.

— Пожалуйста, — ответил судья.

— Мисс Харрис, скажите, чем вы занимались до того, как стали женой Питера Балитцера?

Это был удар ниже пояса. Милдред Харрис занервничала.

— Ну что же, если вы не хотите ответить, я сделаю это за вас. До замужества мисс Харрис была проституткой и под прозвищем Давалка работала в публичном доме Джесси Каплер. Я могу объяснить суду, почему ее так прозвали…

— Возражаю! — поспешно сказал Дьюи. — Ваша честь, это не имеет никакого отношения к существу разбираемого дела.

— Нет, позвольте, — перебил Леви, — господа присяжные заседатели имеют право знать, что, согласно справке департамента полиции Южного округа Манхэттена, в настоящее время госпожа Харрис содержит собственный публичный дом и лично обучает девушек половым актам в извращенной форме.

— А ты-то сам, жидовская харя, разве не любишь полизать у девочек между ног?! — взвизгнула «мамаша» Милдред.

Назревал скандал. Находчивый секретарь суда ударил в гонг, объявляя перерыв.

Вторым свидетелем обвинения оказалась Коки Фло Браун. Увидев эту тучную, безвкусно и кричаще разодетую «мадам», напудренную без меры, Лаки Лючано злобно оскалился. На вопрос Дьюи: «Знаете ли вы кого-либо из обвиняемых?» — Фло ответила:

— Да я всех их знаю.

— Ваша честь, — вмешался Полакофф, — я требую отвода столь недостойного свидетеля. Фло Браун — небезызвестная в Манхэттене «бордель-мама». Она сама активно участвовала в создании индустрии разврата, и место ей не на свидетельской трибуне, а на скамье подсудимых!

«Мадам» Фло за словом в карман не лезла:

— Эй, мистер, тебе неплохо бы сделать обрезание языка!

— Потрясающе! — восхитился сидевший во втором ряду богатый скотопромышленник Джордж Вайнер, немец по происхождению и ярый антисемит. — Браво, Фло! — Он

зааплодировал.

Прежде чем секретарь суда успел ударить в гонг, Мозес Полакофф выдал «мамаше» Браун достойный ответ:

— Зачем ты пудришься, Фло? Все равно нельзя понять, где у тебя рожа, а где ж…!

Гонг прервал дальнейшие оскорбления. Разъяренный Дьюи бомбой влетел в свидетельскую комнату. С полсотни проституток и семь «бордель-мам» ожидали своей очереди давать показания.

— Придержите ваши чертовы языки! — потребовал Дьюи. — Не давайте себя провоцировать. Они на это и бьют! Еще один такой срыв — и возможно прекращение процесса. Если это случится, я гарантирую каждой из вас от восьми до пятнадцати лет заслуженного отдыха! Думайте, шевелите мозгами, прежде чем соберетесь что-то сказать. Понятно?

По истечении пяти минут судья разрешил продолжить разбирательство.

— Итак, мисс Браун, — приступил к допросу прокурор, — расскажите суду, когда, где и при каких обстоятельствах вы познакомились с господином Лючано.

— Это было в октябре 1933 года в Чайна-Тауне. Мистер Лючано собрал тогда всех самых известных «мадам» и объявил, что наши заведения вливаются в Организацию.

— Возражаю! — загремел Полакофф. — Это оговор. Защита неоднократно заявляла о том, что мистер Лючано незнаком ни с кем из этих людей и никогда их ранее не видел.

— Может ли подсудимый Лючано доказать свое утверждение? — строго спросил судья Маккук.

— Ваша честь, согласно статье пятидесятой уголовно-процессуального кодекса штата Нью-Йорк, мистер Лючано не должен и не обязан что-либо доказывать. Все сомнительные моменты, возникающие в ходе рассмотрения дела, трактуются в пользу обвиняемого. Принципом американского правосудия является прежде всего гуманность.

— Принципом правосудия прежде всего является объективность, — встрял Дьюи.

— Ваша честь!

— Господа, ведите себя спокойнее, — рассердился судья. — Может ли свидетель доказать свои утверждения?

— Мы там протоколы не крапали, — проворчала Фло.

Дьюи поспешно вмешался:

— Показания мисс Браун подтвердят другие свидетели.

— Ваша честь, — закричал Полакофф, — это недопустимо! Оскорбляется само понятие правосудия! Все свидетели обвинения — закоренелые преступники, личности в высшей степени

аморальные. Я вынужден повторно просить вашу честь об отводе недостойных свидетелей.

— Ваша честь! — взъярился Дьюи. — Если мы, в свою очередь, начнем оценивать личностные качества господ Полакоффа, Леви и Адамса, то, боюсь, можем зайти слишком далеко. Одно лишь то, что господа адвокаты столь рьяно защищают особо опасного преступника Лючано, наводит на некоторые выводы насчет их морального облика.

— Ваша честь, я прошу оградить защиту от оскорблений! Согласно Конституции Соединенных Штатов, каждый гражданин имеет право на защиту своих интересов, в какой бы форме это ни выражалось.

— Ваша честь, обвинение заявляет о попытках защиты воспрепятствовать установлению истины! Моральность либо аморальность свидетелей не имеет абсолютно никакого отношения к существу разбираемого дела. Кроме того, закон разрешает преступникам, добровольно изъявившим согласие сотрудничать с правосудием, переходить из статуса подозреваемых в статус свидетелей.

— Объявляю перерыв, — бросил судья Маккук. Он явно устал от бесконечной грызни обвинения и защиты.

Слушание дела возобновилось через полчаса. Одна за другой на свидетельскую трибуну поднимались содержательницы публичных домов — Дженни Фэктори, Мэгги Рулетт, Люси Иран Тон Тан, Лили Фуэтоз, Дебби Рафаль, Нэнси Петит Мэн, Флавия Ривьер. Все они показали, что именно Лаки Лючано созвал сходку в Чайна-Тауне в октябре 1933 года, во время которой объявил, что берет под свой контроль секс-бизнес в Нью-Йорке. Незавидное положение обвиняемого еще более усугубили свидетельства более чем пятидесяти проституток, которые подробно рассказывали о бесчеловечной эксплуатации, побоях, истязаниях, унижениях, настоящем терроре, развернутом в публичных домах, принадлежащих Организации.

Из показаний Нэнси Прессер:

Вопрос: Ваше имя?

Ответ: Нэнси Прессер.

В.: С какого возраста занимаетесь проституцией?

О.: С тринадцати лет.

В.: Это было ваше собственное решение?

О.: Да.

В.: Вы можете назвать причину такого решения?

О.: Да. Героин. Мне нужно было зарабатывать на дозу.

В.: Почему вы начали употреблять наркотики?

О.: Один красавчик посадил меня на иглу. Помню, его звали

Майкл. У него это очень ловко получилось. Через месяц я была на крючке и задолжала ему много денег за героин. Он сказал, что убьет меня, если я с ним не рассчитаюсь. При этом разговоре присутствовал вербовщик Джеймс Руссо.

В.: Кто такой Джеймс Руссо?

О.: Содержатель большого публичного дома в нашем квартале.

В.: Что было дальше?

О.: Вербовщик сказал, что я могу легко заработать много денег. А мне было уже все равно, где их взять, лишь бы уколоться. Потом девчонки рассказали мне, что этот Майкл тоже работал на Руссо и многие из них попали в бордель из-за него.

В.: Вы хотите сказать, что все девушки были наркоманками?

О.: Не все, но многие.

В.: А много ли среди них было ваших ровесниц?

О.: Да, много. У Руссо были специальные клиенты, предпочитавшие 13- и 14-летних девочек.

В.: Сколько клиентов вы обычно принимали за день?

О.: По пятнадцать-двадцать, иногда двадцать пять и больше.

В.: Каждый день?

О.: Каждый день.

В.: Куда же смотрели ваши родители?

О.: Они были безработными и все время пили. Им было не до меня.

В.: О'кей, что дальше?

О.: За два года на игле и от ежечасных трахов я потеряла товарный вид. Руссо продал меня за 100 долларов в индустрию девочек по вызову. Того, что я теперь зарабатывала, едва хватало на дозу.

Из показаний Линды Старр:

В.: Ваше имя?

О: Линда Старр.

В.: Как вы попали в секс-бизнес?

О.: До тридцать четвертого года я жила в маленьком провинциальном городке. Однажды, по-моему, это было в марте, я встретила на улице богато одетую леди. Присмотревшись ко мне, она сказала, что девушка с такой красотой достойна лучшей жизни. Еще она сказала, что работает в модельном агентстве, много ездит по стране и предлагает работу девушкам с подходящей для этого внешностью. Она пообещала мне высокую оплату, красивую жизнь в большом городе и еще сказала, что может устроить мое фото на обложке журнала «Уорлд оф Фэшн».

В.: И вы приняли это предложение?

О.: Конечно. Кто бы на моем месте не принял?.. В Нью-Йорке

эта дама привезла меня в какой-то трехэтажный дом. За дверью на меня набросились парни, сорвали одежду и заперли в подвале. Вечером ко мне пришел сутенер и объяснил, куда я попала. Я стала плакать, просила отпустить меня, а он вызвал охрану. Меня избили и потом изнасиловали.

В.: Сколько охранников принимали в этом участие?

О.: Пятеро.

В.: Что было дальше?

О.: Потом две недели мне впрыскивали в вену героин, пока не наступила привычка и я уже не могла обходиться без наркотиков. Поэтому пришлось согласиться работать в борделе. Как только я согласилась, меня заставили пройти курс обучения.

В.: Что это значит?

О.: Ну… Меня учили, как делать минет, как вводить в себя член мужчины, чтобы доставить ему большое удовольствие, и все такое.

Из показаний Джессики Корнуэлл:

«… Одна девочка была упорнее всех. Неделю ее морили голодом и били каучуковыми дубинками. Но она кричала, что убьет себя и все равно не будет продаваться. Многие смирялись, а она нет, была слишком гордой. На девятый день она вскрыла себе вены. Ее успели перевязать, но крови вытекло достаточно. Я слышала, как сутенеры говорили что-то вроде: “Зачем с ней возиться? Пришить стерву — и точка”. Больше никто эту девочку не видел. Я даже не знаю, как ее звали».

Из показаний Ребекки Адамс:

«… Филипп Ди Боно был настоящим садистом. Ему нравилось устраивать для провинившихся девчонок средневековые пытки. В подвале заведения он оборудовал что-то вроде застенка в стиле двенадцатого века. Помню, там были клещи, иглы, которые загоняли девчонкам под ногти, кожаные плети и бамбуковые палки. Ди Боно особенно любил бить этими палками по пяткам, говорил, что научился этому в Чайна-Тауне».

…Отвратительные откровения продолжались много дней. Присяжные были шокированы описанием методов современной работорговли. Масла в огонь подлила горничная из отеля «Ритц», показавшая, что неоднократно видела многих обвиняемых в компании Лючано. И хотя Джордж Леви убеждал своего подзащитного в недостаточности и неубедительности улик с юридической точки зрения, Лаки понимал, что его дело дрянь. Дьюи избрал безошибочную систему игры — на общественное мнение. Последний выстрел прокурор сделал «в яблочко». Перед судом предстал свидетель Джо Бендикс, который показал, что Лаки Лючано нанял его для выполнения обязанностей кассира и

надзирателя в одном из контролируемых им же борделей.

Когда пришло время заключительной речи защитника, на лице Джорджа Леви появилось воинственное выражение, означавшее: «Я вам покажу!» Он давно раскусил тактику Тома Дьюи и убедился, что все происходящее в зале суда — инсценировка. Большой спектакль. В этом духе Леви и выстроил свою речь. Прежде всего прошелся по свидетелям, которым «самое место в каторжной тюрьме».

— Некоторые проститутки, — иронизировал он, — пытались заявлять, что мой подзащитный вызывал их к себе в номер, но при этом не могут описать ни интерьер этого номера, ни обстановку в холле отеля «Ритц», хотя, по логике, первый и последний раз в жизни посетив столь фешенебельный отель, должны бы помнить мельчайшие детали.

Наибольшее внимание Леви уделил самому опасному свидетелю — Джо Бендиксу.

— Наконец, — вещал адвокат, — показания Джо Бендикса вообще не вписываются ни в какие рамки. Спрашивается, для чего тогда господин Дьюи в самом начале рисовал на доске схему преступной организации? Если мистер Лючано действительно возглавлял индустрию разврата, так какого, извините, черта ему понадобилось лично вступать в контакт с ничтожеством вроде Бендикса? Неужели такой пустяк, как наем охранника в бордель, не мог решить кто-то из среднего звена, например, тот же Балитцер или просто содержания тель этого борделя? Я имею право задать вопрос: кто же врет — Бендикс или Дьюи?

В заключение Леви сказал:

— Господин прокурор рассчитывал добиться обвинительного приговора благодаря предубеждению, которое было создано путем кампании в прессе и объявления мистера Лючано «врагом общества номер один». Суд не получил ни единого доказательства причастности моего подзащитного к рэкету организованной проституции. Я не обвиняю мистера Дьюи в подкупе свидетелей, но, без сомнения, для каждого из них у него припасена хорошая дубина. Да, общественное мнение на стороне прокурора, но правосудие не может руководствоваться эфемерным «вокс попули» при вынесении решения по делу. Правосудие обязано быть объективным и беспристрастным.

Злословие адвоката отнюдь не смутило Тома Дьюи. Его речь была уверенной и безапелляционной:

— Своими постоянными нападками на свидетелей господин адвокат выдает собственное незнание процессуального законодательства. По закону я имею право пригласить в свидетели хоть самого сатану. Других свидетелей нет и быть не

могло, поскольку джентльменов, посещающих публичные дома, не заставишь открыто заявить об этом в суде. Никто не может рассказать о секс-бизнесе лучше, чем лица, вовлеченные в него. Господин адвокат почему-то забыл, что всех этих девушек унижали, оскорбляли, низводили до уровня живого товара, поэтому мне совершенно незачем было ни подкупать, ни запугивать их. Они получили возможность отомстить своим мучителям и с радостью сделали это. Что касается причастности Лючано, то доказательств было приведено более чем достаточно.

Дьюи говорил около семи часов. Он мог бы говорить еще больше, но в этом не было необходимости. В 20 часов 35 минут в субботу, 6 июня 1936 года, присяжные удалились в совещательную комнату.

В тот вечер Лаки Лючано пригласил Гай Орлову и своих адвокатов в ресторан «Копакабана». Настроение у него было довольно мрачное, но за ужином он держал себя в руках. И только переступив порог своего номера в «Ритце», обреченно сказал:

— Меня крепко прижали, малышка.

— Ну и что? — Гай повела точеными плечами. — Чарли, я буду с тобой до конца. Бывало, что мы не понимали друг друга, но это в прошлом. И потом мне просто некуда идти… А ты разве считаешь, что Дьюи выиграет процесс?

— Не говори мне про этого подонка, — буркнул Лаки, — я устал. Давай ложиться спать. У меня поганое предчувствие.

Гай провела рукой по его волосам:

— Милый, откуда такие мрачные мысли? Знаешь, по-моему, чтобы поднять друг другу настроение, нам самое время кое-чем заняться.

Гай включила приемник и поймала медленную мелодию.

— Хочешь, я станцую для тебя?

Лаки молчал. Но она не ждала ответа. Ее тело описывало плавные круги в такт музыке. Она провела языком по ярко накрашенным губам и стала расстегивать платье. В глазах Лаки появился интерес. Сбросив платье, Гай так же медленно, сладострастно стянула с рук длинные фиолетовые перчатки и бросила их Чарли. По его лицу прошла легкая улыбка. Он не отводил глаз от ее грудей, вздымающихся от дыхания.

— Тебе нравится? — спросила она.

— Очень нравится, — ответил он.

— Тогда смотри дальше.

Она поглаживала быстро твердеющие соски грудей и опускала кружевной лифчик все ниже. По мере того, как ее тело обнажалось, вожделение возрастало. Все самые соблазнительные

части тела Гай просвечивали сквозь прозрачное шелковое белье. Приблизившись к мужчине почти вплотную, она танцевала самый сексуальный танец в мире — «танец живота». Ноздри Лаки трепетали, улавливая восхитительный аромат дорогих духов. Телодвижения опытной танцовщицы заставили его забыть о неприятностях. Повинуясь неистовой жажде наслаждения, он вынул из кармана хрустальный флакончик и втянул носом «ангельскую пудру».

— Дай мне немного, — попросила Гай. После кокаина ее глаза вспыхнули огнем.

— Ты хочешь меня?

— Да.

— Тогда возьми!

Лаки рванул ее к себе. Она нетерпеливо стонала сквозь зубы, пока он срывал с нее лифчик и трусики. Ее руки торопливо расстегивали рубашку на его груди. Их близость была бурной, неистовой и страстной. Огромная кровать жалобно стонала под натиском разгоряченных тел. Гай громко кричала и все глубже впивалась ногтями в спину Лаки. Эта боль подстегивала его.

— Сильнее, сильнее, прошу тебя, Чарли, еще сильнее! — молила Гай. «Ангельская пудра» жгла гениталии невыносимым огнем. Гай перевернулась и уселась на мужчину верхом.

— Так тебе нравится?

— Трахни меня, — простонал он в ответ.

— Тогда держись.

Гай превратилась в лихую наездницу. Это продолжалось долго, очень долго… Измотанные до предела, мокрые, смертельно уставшие, под утро они провалились в сон, как в омут. Это была их последняя ночь.

В понедельник состоялось оглашение приговора. Старший присяжный Эдвин Адерер предстал перед судьей Маккуком.

— Господа присяжные заседатели, пришли ли вы к единому мнению?

— Да, ваша честь.

— Считаете вы подсудимых виновными или невиновными?

— Мы считаем подсудимых виновными в соответствии с пунктами обвинительного заключения.

На лице судьи заиграла зловещая улыбка. У него была мания величия, и он всерьез считал, что ниспослан на грешную землю, дабы очистить ее от скверны. С нескрываемым удовольствием Маккук огласил приговор:

«Именем Соединенных Штатов Америки! Окружной суд города Нью-Йорка, рассмотрев в открытом слушании дело “Чарльз Лючано и другие — против штата Нью-Йорк” признал

подсудимых виновными в создании преступной организации и приговорил:

Лючано Чарльза — к тюремному заключению на срок от 30 до 50 лет;

Бэтилло Дэвида — к тюремному заключению на срок от 25 до 40 лет;

Ле Торре Томаса — к 25 годам тюрьмы за рецидив;

Фредерико Джеймса — к 25 годам тюрьмы за рецидив;

Уоркмана Авраама — к лишению свободы на срок от 15 до 30 лет;

Лигуори Раффаила — к лишению свободы на срок от 7,5 до 15 лет;

Элленштейна Джейкоба, Балитцера Питера, Уинера Эллинойса, Маркуса Дэвида, как добровольно признавших свою вину и раскаявшихся, — к лишению свободы на срок от 2 до 6 лет;

Джакобса Джейсона, Спиллера Бенджамина — к назначению апробации и 6 годам тюрьмы условно. Приговор может быть обжалован в предусмотренном законом порядке».

…В тот же день Лаки Лючано отправили по этапу в Даннемору, где находилась тюрьма для особо опасных преступников. При регистрации ему присвоили номер 92168. Король мафии был прикомандирован к прачечной и стирал грязное белье до тех пор, пока Костелло не подмазал одного за другим всех тюремных начальников. Лаки перевели в библиотеку. В разговоре с главным надзирателем Мерфи Костелло сразу взял доверительный тон:

— Мистер Мерфи, вы работаете в жутком месте. Кругом болота, сырой климат, но хуже всего то, что нет никаких перспектив. За эту адскую работу вы получаете всего лишь двадцать пять тысяч долларов в год. Мне кажется, это несправедливо. Если ваша жизнь в том виде, в каком она существует сейчас, вас не устраивает, я готов открыть на ваше имя счет в Третьем национальном банке Нью-Йорка и ежегодно делать вклад в размере шестидесяти тысяч долларов. Думаю, вы понимаете, что я деловой человек, а не Санта-Клаус. Но услуга, о которой я хочу попросить, для вас особого труда не составит. Видите ли, у нас с мистером Лючано совместный бизнес и время от времени мне необходимы его советы. Хотя бы раз в месяц. Я понимаю, что это против здешних правил, но бизнес есть бизнес. Ну и, конечно же, никто не должен об этом знать.

Мерфи, сорокалетний усатый толстяк, втайне считавший себя неудачником, прикинул в уме, какой срок предстоит провести в тюрьме Клинтон заключенному № 92168 и умножил каждый год

на шестьдесят тысяч. Цифра получилась такая, что думать было не о чем.

— Я согласен, мистер Костелло.

Таким образом Чарли Луканиа, даже находясь в тюрьме строгого режима, мог прямо в своей камере устраивать сходки и сохранять контроль над Организацией.

Глава 16
Дьюи против «Корпорации убийств»

Расправившись с Лаки Лючано, прокурор Дьюи, неуемный и беспощадный, наметил себе следующую жертву — Вито Дженовезе. Он не стал применять формулу «враг общества номер один». Вито, к имени которого тогда уже прибавляли почтительное словечко дон, был назван «королем рэкета».

В 1937 году дон Вито Дженовезе возглавлял одно из пяти семейств мафии в Нью-Йорке. Помимо традиционного в Малой Италии уличного рэкета, семья Дженовезе «опекала» профсоюзы работников мясной и молочной промышленности, владела широкой сетью игорных домов и букмекерских точек. Кроме того, дон Вито тяготел к торговле наркотиками. На то время он являлся самым значительным конкурентом Лепке Бачелтера в этом бизнесе. Если, скажем, еврейские гангстеры доставляли героин из Гонконга, то семья Дженовезе имела свой собственный маршрут — турецкий[37].

Мак «Papaver Somniferum», более известный как мак опийный, произрастает в северо-восточных провинциях Турции, на отрогах Понтийских гор. Его высаживают два раза в год — осенью и весной. Через три месяца плантации покрываются красными цветами. Затем лепестки цветов вянут и осыпаются, оставляя на вершине стебля яйцевидную коробочку. Когда коробочка созревает, крестьянин делает на ней несколько параллельных надрезов. Изнутри вытекает млечный сок, быстро застывающий при соприкосновении с воздухом. Когда он превращается в резиноподобную массу темно-бурого цвета, приходит время соскабливать его и спрессовывать в «кирпичики» весом по десять килограммов каждый. Это и есть опиум-сырец, исходное сырье для производства героина. Турецкий крестьянин-производитель мог получить 50 долларов за один такой «кирпичик». Традиционным местом переработки опиума считался французский город Марсель. А уже оттуда готовый героин поступал в Соединенные Штаты. Поэтому в любом случае Том Дьюи оказывал благодеяние своей стране, преследуя Вито Дженовезе.

Турецкий маршрут, проложенный людьми дона Вито Дженовезе, функционирует и по сей день. Единственным изменением является то, что к переработке сырья подключилась сицилийская мафия и теперь изготовление героина осуществляется в окрестностях Палермо. Все «лаборатории»,

занимающиеся производством порошка, контролируют так называемые «корлеонцы».

В тюрьме Синг-Синг мотал двадцать пять лет за убийство некий Энцо Руполо, «солдат» семьи Дженовезе. Его посадили в 1934 году, и в течение трех лет он железно соблюдал закон молчания — омерта. Но если Руполо не забыл о своих обязательствах по отношению к дону Вито, то сам дон не делал никаких попыток вытащить его из тюрьмы, хотя приказ совершить убийство исходил от главы семьи.

Понятное дело, Руполо не хотел оставаться в тюрьме до седых волос, поэтому направил прокурору Дьюи письмо, в котором сообщал, что может дать показания против Дженовезе. Когда друзья из тюремной администрации предупредили дона Вито об опасности, тот, не долго думая, собрал все наличные деньги, сколько смог (сумма получилась солидная — 750 тысяч долларов), устроился матросом на торговое судно и сбежал в Италию. Тому Дьюи не удалось упрятать Дженовезе в тюрьму, однако свою репутацию непобедимого рыцаря справедливости он под держал и без особых усилий добился назначения на пост генерального прокурора города Нью-Йорк. Теперь до губернаторского кресла оставался всего один шаг. И Дьюи сделал его.

…Новый генеральный прокурор выступил в эфире радиостанции Эй-Би-Си с обращением к населению Нью-Йорка, в котором заявил о своем решении расправиться с Лепке Бачелтером. «В течение ряда лет, — говорил Дьюи, — Луис Бачелтер, более известный под прозвищем Лепке, являлся самым злостным рэкетиром в сфере американской промышленности… Возглавляемые им гангстеры принуждают производителей готового платья и владельцев хлебопекарен выплачивать дань за так называемую защиту и убивают каждого, кто пытается оказать сопротивление… Только за два первых месяца сего года в результате внутренних разборок были зверски убиты пятеро бандитов из шайки Бачелтера. При нападении на гангстера Якоба Фриммана под пули убийц попали двое ни в чем не повинных законопослушных граждан. Я более не намерен терпеть столь наглое попрание закона. Довольно! Пришло время взять Лепке, живого или мертвого».

Шеф «Корпорации убийств» тоже внимательно слушал это обращение и отнесся к нему очень серьезно. Тем более что заполучить его шкуру стремился не только Дьюи, но и Генри Анслингер, начальник ФБН, сумевший докопаться до связей Лепке с триадами в Гонконге. И, наконец, третьим «претендентом» был директор ФБР Джон Эдгар Гувер, люди

которого постоянно висели у Лепке на хвосте.

Дьюи выступил по радио 15 февраля 1938 года. На следующий день Луис Бачелтер исчез, ушел в глухое подполье. В тот же день директор Нью-Йоркского департамента ФБР Дональд Шеффилд устроил хорошую взбучку агентам, упустившим Лепке. Все в тот же злополучный день на стол Генри Анслингера легло письмо, в котором некая дама, пожелавшая остаться неизвестной, сообщила о крупной партии героина, доставленной из Гонконга и в настоящее время находящейся в хранилище на Сеймур-авеню. Владельцем и заказчиком смертоносного груза являлся Лепке. И, наконец, в тот богатый событиями день Том Дьюи официально объявил Луиса Бачелтера «врагом общества номер один». По всему Нью-Йорку было расклеено около миллиона объявлений: «Разыскивается особо опасный преступник». За его поимку либо предоставление информации о его местонахождении назначалась награда в сумме 25 тысяч долларов. Сбоку на объявлениях прилагались фотографии в профиль и анфас, а также фотокопии отпечатков пальцев обеих рук. «Луис Бачелтер, он же Лепке Бачелтер, он же Луис Бакхаус, Луис Кейуар, Луис Кавор, Луис Коэн, Луис Сэффер, Луис Бродски. Возраст 42 года, белый, еврей, рост пять футов пять дюймов, вес 70 фунтов, телосложение среднее, волосы черные, коричневые глаза, кожа темного оттенка, большие прижатые уши, выразительный нос, выступающий подбородок. Любую информацию сообщайте по адресу: Нью-Йорк, сыскной отдел департамента полиции, телефоном, телеграфом, устно или письменно» — таков был текст этих объявлений. Однако, несмотря на то, что в городе фотографии Лепке висели на каждом углу с интервалом не более пятидесяти метров, найти его самого никак не удавалось. Между тем состязание федеральных силовых структур достигло апогея.

Агенты Анслингера произвели специальную операцию по перехвату партии героина на Сеймур-авеню. Наводка неизвестной дамы оказалась ювелирной — агенты ворвались в помещение в тот момент, когда с десяток людей в белых халатах, шапочках, резиновых перчатках и с марлевыми повязками на лицах аккуратно наполняли героином тысячи маленьких целлофановых пакетиков. Пакетики эти предназначались для розничной продажи. В каждом содержалось четверть грамма «размешанного до невозможности» пятипроцентного героина. На улице такой пакетик стоил пять долларов. Кроме порошка, было обнаружено много сопутствующих компонентов вроде молочного сахара или итальянского слабительного средства «мэннайт», которое часто используют для разбавления героина. Взятые с поличным, преступники не стали отпираться и рассказали все, что знали. По

их словам, на банду Лепке работали двое офицеров нью-йоркской таможни, которые получали по тысяче долларов за каждую партию наркотика, привозимого в страну. Непосредственно с ними был связан Якоб Катценберг, в руках которого находились контакты с китайскими триадами. Имя Лепке фигурировало в показаниях каждого, но ни один из них лично его никогда не видел и никаких приказов не получал. Таким образом, для Анслингера единственной ниточкой, ведущей к Лепке, был Якоб Катценберг. Но он находился за пределами территории Соединенных Штатов.

Дьюи и Гувер усиленно подстегивали своих людей. Более расторопный прокурор сумел заполучить первого весьма ценного свидетеля. Ему в этом помог сам Лепке.

Здесь автор позволит себе сделать небольшое отступление. Итак, сентябрь 1937 года. Преступная империя Лепке растет и крепнет. Всеми доступными средствами рэкетиры ведут войну с несколькими упрямыми фабрикантами, которые объединились в консорциум и решили любой ценой выстоять под ударами гангстеров. Лепке решил воздействовать на них не только путем террора, но и предпринял экономическую блокаду, то есть отдал приказ уже подконтрольным ему магазинам ни в коем случае не покупать одежду у этих фабрикантов, производителям тканей — прекратить поставки, а владельцам транспортных предприятий запретил ввозить либо вывозить продукцию со складов консорциума. В числе последних находился Джозеф Розен. Подобно всем, он вынужден был подчиниться требованиям Лепке, в результате чего его «Компания грузоперевозок Розена» вскоре пошла с молотка. Разорившийся предприниматель решился на отчаянный шаг и открыто заявил о своем намерении дать показания в конторе Дьюи. В обмен за свое молчание он потребовал у Лепке пятьдесят тысяч долларов отступного, как компенсацию за банкротство. Шеф «Корпорации убийств» отреагировал на это следующими словами: «Он свое получит». Разделаться с Розеном Лепке поручил Луису Капоне. Тот отобрал троих убийц и опытного водителя. Приманкой для жертвы стал владелец небольшого кондитерского магазинчика Макс Рубин, которого Розен считал своим близким другом. Ночью в дом к Рубину наведались Менди Вейсс и Гарри Питсбург. Они легко убедили его принять участие в убийстве, два раза как следует затянув на его шее удавку.

На следующий день Макс Рубин пригласил своего друга Джо Розена потолковать об одном деле. Встреча должна была состояться в семь часов вечера в кондитерской Макса. В полседьмого возле кондитерской аккуратно припарковался

автомобиль с убийцами. Их было трое: Менди Вэйсс, Гарри Питсбург и Джимми Феррако, все — стрелки высшего класса. Розен появился без пятнадцати семь. Едва он взялся за дверную ручку кондитерской, как из машины затрещали выстрелы. Киллеры стреляли из тяжелого оружия 45-го калибра. Семнадцать пуль превратили тело Джо Розена в лохмотья кровавого мяса. По крайней мере десять из них нанесли смертельные раны. Макс Рубин с ужасом наблюдал хладнокровную работу убийц. А они никуда не торопились. С дымящимся «кольтом» в руках Красавчик Гарри Питсбург ввалился в кондитерскую и весело оскалил зубы:

— Видал, дядя?

Белый как снег, Рубин с усилием кивнул головой.

— Держи свою пасть на замке, иначе то же самое случится с тобой. Понял? — Помолчав секунду, Красавчик Гарри добавил: — А может, и кое-что похуже.

Убедившись, что до Рубина действительно дошло, убийца вышел на улицу и сел в машину. Автомобиль неторопливо отъехал. Все это происходило в Браунсвилле, районе, где гангстеры чувствовали себя, как рыба в воде, а полиция была куплена на корню — от рядового до капитана.

Целый год Макс Рубин прожил в страхе. По ночам его мучили кошмары, а днем мучила совесть. Но ни на секунду в его голове не появлялась мысль обратиться в полицию. Друг Джо все равно попал на небеса, ибо умер, как мученик. Что пользы будет, думал Макс, еще и от моей смерти? Джо этим не поможешь. Однако молчание тоже не было гарантией безопасности. Когда Дьюи объявил поход против Лепке, тот отдал приказ убирать всех, кто мог дать хоть какие-то показания.

За четыре месяца было убито двенадцать человек. В черный список попало также имя Макса Рубина.

1 октября 1936 года Рубин направлялся в свой магазинчик после обеденного перерыва. Он услышал за спиной внезапный визг тормозов, но не придал этому значения. Из «Бьюика» с поддельными номерами выскочил Алли Танненбаум. В два прыжка настигнув Рубина, он выстрелил из «кольта» 38-го калибра. Водитель подогнал машину и распахнул дверь. Алли бросился в салон. Он успел оглянуться через плечо и увидел, что Макс Рубин неподвижно лежит на тротуаре лицом вниз.

— Гони!

Водитель до упора вдавил в пол педаль газа. «Бьюик» исчез за поворотом.

Макс Рубин пришел в себя только через двое суток. Над ним склонился плечистый детектив в белом халате.

— Мистер Рубин, с вами хочет поговорить генеральный прокурор Дьюи.

В палату вошел известный всей Америке усатый атторней Нью-Йорка.

— Мистер Рубин, моя репутация вам известна. Вы также знаете, что в настоящее время я веду расследование деятельности Луиса Бачелтера. Видите ли, у меня есть достаточно веские основания предполагать, что в вас стреляли направленные им убийцы. Я пришел, чтобы предложить вам сотрудничество.

— Э, нет, мистер Дьюи, — прохрипел Рубин, — с меня хватит. Как только встану на ноги, уеду к черту из этого паршивого города.

— Ошибаетесь, мистер Рубин. Бандиты не успокоятся, пока не уничтожат вас. Вам повезло, что они выбрали неудачное место для нападения. В вас стреляли возле больницы. Пуля попала в шею, вот здесь, — Дьюи приложил палец чуть ниже своего затылка, — если бы не своевременная операция, вы умерли бы в течение десяти минут. Но в следующий раз они не промахнутся. Поверьте, я знаю этих… подонков. Они убьют вас, прежде чем вы успеете выйти из этой палаты.

Рубин встревожился.

— Разве меня не будут охранять?

— Сожалею, мистер Рубин, но с точки зрения процессуального законодательства вы не являетесь фигурой, подлежащей охране. Ни обвиняемым, ни свидетелем. В этом случае полиция не может защитить вас, если, конечно, вы официально не заявите, что вашей жизни угрожает опасность, и не назовете имена предполагаемых убийц. Тогда вам будет предоставлена охрана, согласно требованиям «Программы защиты свидетелей».

Дьюи пустил в ход свой излюбленный прием — шантаж, ибо цель, особенно цель благая, оправдывает средства. Рубин понял, что он на крючке. Ему осталось только одно — согласиться. И он согласился. Так Том Дьюи получил доказательства причастности Лепке Бачелтера к убийству Джо Розена.

Пока полторы тысячи агентов и офицеров полиции рыскали по всему Нью-Йорку, пытаясь напасть на след «врага общества номер один», Лепке спокойно жил во Флэтбуше, юго-западном пригородном районе. Никому и в голову не приходило искать его здесь, потому что своим убежищем он избрал квартиру Дороти Уолкер, вдовы гангстера Фатти Уолкера. Лепке собственноручно застрелил его полтора года назад на глазах трех десятков свидетелей. Но поскольку это случилось все в том же Браунсвилле, где шеф «Корпорации убийств» был всесилен, не

нашлось ни одного желающего дать показания под присягой. Даже рядовые полицейские знали имя убийцы. Однако Браунсвилл считался пригородом, копы получали здесь меньше денег, чем их коллеги из городских районов, а Лепке Бачелтер помогал им преодолевать финансовые трудности. Разборки между гангстерами касаются только гангстеров — это правило действовало и в Браунсвилле, и во всем Нью-Йорке.

Неизвестно, сам ли Лепке додумался до этого или ему кто-то подсказал, но идея скрыться у Дороти была очень удачной. Поздно вечером он вломился к ней в квартиру, сопровождаемый Альбертом Анастасиа и Эйбом Рильзом.

— Хелло, старушка, вот и я.

Испуганная женщина не проронила ни слова, пока подручные Лепке обыскивали комнаты, проверяя, нет ли в доме оружия.

— Все чисто, босс, — заверил Анастасиа.

— Слушай меня внимательно, — обратился Лепке к Дороти, — с сегодняшнего дня я буду жить здесь. Ты можешь уходить и возвращаться, когда захочешь, это твое личное дело, и вмешиваться в него я не собираюсь. Условие одно: никто не должен обо мне знать. Заруби это себе на носу, крошка. Если вдруг случится так, что сюда придут легавые, ты об этом здорово пожалеешь. Альберт!

Лицо Анастасиа исказила злобная усмешка. В его руках появилась гаррота. Дороти шагнула назад и уперлась спиной в стену. Ее глаза расширились от ужаса. Эйби Рильз схватил ее за руку и рванул к себе. Ловким, профессиональным движением Анастасиа накинул удавку на шею женщины.

— На колени, сука! — приказал Рильз.

— Пожалуйста, не надо, — чуть слышно прошептала Дороти.

— Сейчас я расскажу тебе, как ты умрешь, — процедил Лепке, — мы подвесим тебя на мясной крюк, подсоединим электрические провода и побрызгаем водичкой, чтобы усилить ощущения. На этом крюке ты будешь дергаться, пока из тебя не вылетит все дерьмо…

Глаза женщины закатились. Без единого звука она повалилась на пол.

— Похоже, я перестарался, — хмыкнул Лепке.

— Зато она поняла все как надо, — заметил Анастасиа.

Действительно, Луис Бачелтер прожил в квартире Дороти Уолкер почти год, и никто об этом не узнал. Запуганная извергом, женщина могла только молить бога, чтобы он поскорее избавил ее от мучений. За этот кошмарный год она постарела на двадцать лет, тем более что Лейке часто устраивал совещания, на которых открыто обсуждались планы зверских убийств. Бандиты

разговаривали об этом при женщине, явно забавляясь ее страхом.

Так или иначе, но, несмотря на воистину титанические усилия федеральных властей, Лепке прочно удерживал контроль за «Корпорацией убийств». Его профсоюзы по-прежнему исправно платили дань, и он решил вложить полтора миллиона долларов в партию героина, которая после доставки в США и разбавления должна была принести чистую прибыль в размере тридцати миллионов. «Я завалю героином всю эту гребаную страну», — похвалялся Лепке. Эта мысль доставляла ему удовольствие. Ни один из боссов Высшего Совета не имел таких доходов. «Сейчас создались подходящие условия для того, чтобы полностью завладеть рынком сбыта наркотиков», — размышлял Лепке. Единственный серьезный конкурент — Вито Дженовезе — находился очень далеко от Америки, в Италии, где активно помогал дуче бороться с сицилийской мафией[38]. Лепке намеревался стать таким же королем наркобизнеса, каким в свое время был Арнольд Ротштейн, и распространить свою марку во всех крупных городах Америки. Для этой цели в страну должна была быть ввезена невиданная ранее партия героина — почти 120 килограммов.

16 января 1939 года Лепке встретился с Якобом Катценбергом на станции метро «Южный Бронкс». Ради задуманного грандиозного дела ему пришлось высунуть нос из норы. Он пережил немало неприятных минут, пока добирался до места с линии Уобеш на Третью Западную и всюду — в переходах и в вагонах — замечал свои фотографии с броскими надписями: «Разыскивается». Специально для поездки в город Лепке надел недорогое пальто из верблюжьей шерсти, темные очки, закрывавшие половину лица и как можно ниже надвинул на глаза свою шляпу. Его сопровождал неизменный Альберт Анастасиа.

Поздоровавшись с Катценбергом, Лепке проворчал:

— Ну, как дела?

— Обо всем договорено, — с готовностью ответил Якоб, — друзья в Гонконге гарантируют поставку заказанной партии товара. Обещают довести до предельной степени чистоты — восемьдесят пять процентов.

— Так.

— С таможней все в порядке. Правда, они запросили больше, чем обычно…

— Плевать мне, сколько они запросили! — перебил Лепке. — Когда груз прибудет в Нью-Йорк?

— На это понадобится около месяца. Всю партию сразу доставить невозможно — слишком много пыли.

— Ладно, мне все равно, как ты это сделаешь, Альберт!

Анастасиа подал Лепке большой кожаный чемодан, доверху набитый деньгами.

— Как обычно, мелкими купюрами. Полтора миллиона.

— Все, понял. Ждите вестей, босс, — с чемоданом в руках Якоб Катценберг нырнул в толпу.

Жадность подвела и Луиса Бачелтера, и его сообщника Катценберга. Сто двадцать кило порошка — это была не то чтобы очень крупная, а чрезмерно крупная партия. От цифры тридцать миллионов долларов могла поехать крыша у кого угодно, что, собственно, и случилось. Якоб Катценберг решил «кинуть» своего босса. Эта мысль пришла ему в голову сама собой, и он ни на секунду не усомнился в ее правильности.

Героин отправляли из Гонконга четырьмя партиями по тридцать килограммов. И вдруг две из них были обнаружены местной таможенной службой. Из запланированных ста двадцати до Нью-Йорка дошли только шестьдесят килограммов. Из остальных шестидесяти часть осела в карманах таможенников, которые разбирались в этом бизнесе не хуже махровых наркодилеров, но львиная доля — почти сорок килограммов — досталась Якобу Катценбергу. Припрятав героин в надежном месте до лучших времен, он отправился в Нью-Йорк. Его расчет был прост: Дьюи шутить не любит и очень скоро доберется до Лепке, засадит его в тюрьму на долгие годы. Вот тут-то пройдоха Катценберг займет его место, насытит рынок припасенным героином и будет зарабатывать миллионы. Он не учел только одного: Лепке не собирался выслушивать какие бы то ни было объяснения насчет пропажи груза. Алчность совершенно затмила разум Якоба Катценберга. Он позабыл о маниакальной подозрительности шефа. Тот уже отправил «для встречи» двух лучших специалистов — Гарри Питсбурга и Луиса Капоне. Лепке дал им указания, всколыхнувшие в душах этих монстров самые звериные инстинкты.

Генри Анслингер тоже не сидел сложа руки. У него была информация, что три недели назад Якоб Катценберг появился в Нью-Йорке, но тут же уехал обратно в Гонконг. Немедленно шеф отправил группу агентов вслед за наркодельцом. Им удалось выследить Катценберга, но арестовать его в Гонконге они не имели права. Анслингер получил телеграмму, в которой указывалась дата прибытия в Нью-Йорк парохода «Кентукки». В назначенный день он отправил в порт своих людей, но они вернулись с пустыми руками.

— Шеф, — сказал старший группы захвата инспектор Кейн, — мы опоздали всего лишь на минуту. Катценберг сел в машину, ожидавшую его возле трапа, и как сквозь землю

провалился.

— Марку автомобиля, цвет, номер запомнили?

— Да, сэр.

— Тогда звоните в департамент дорожной полиции! — резко выкрикнул обычно невозмутимый Анслингер. — Пусть объявят общегородской розыск!

Однако к концу дня в департамент ФБР поступило сообщение, что такой автомобиль в пределах Нью-Йорка не обнаружен.

— Упустили. Черт бы вас побрал, — ругнулся Анслингер.

На памяти подчиненных это был первый раз, когда они слышали от шефа подобные слова.

…Катценбергу приказали садиться назад. Слева и справа устроились Гарри Питсбург и Луис Капоне. Машину вел Алли Танненбаум. Сдавленный с двух сторон мощными плечами убийц, Якоб Катценберг внезапно понял, что он — уже труп. Но, вопреки здравому смыслу, еще надеялся найти какой-нибудь выход.

— Послушайте, парни… — начал он. Убийцы молчали как истуканы.

— Я знаю, у вас приказ убрать меня. Наверное, Лепке пообещал вам за мою шкуру десять кусков. Или пятнадцать. Но все это мелочь по сравнению с тем, что я хочу вам предложить. Не десять тысяч, не сто — миллионы!

Капоне и Питсбург не проронили ни слова. Только Алли Танненбаум бросил заинтересованный взгляд в зеркало заднего вида.

— Я знаю, вы люди с понятием и всегда считали делом чести выполнить приказ босса. Но сейчас другое время. Том Дьюи всерьез взялся за Лепке, и недалек тот день, когда он отправит его за решетку. А что тогда будет с вами, ребята? Подумайте о своем будущем. Это очень важно. У меня нет привычки строить замки на песке. Если я рассказал вам про миллионы, значит, это так и есть. Порошок, понимаете? Много порошка. Сорок килограммов. Мы можем заработать на этом как минимум пять миллионов и честно раскинуть на четверых.

Луис Капоне скосил в сторону Катценберга один глаз:

— Насчет порошка у нас с тобой разговор впереди.

— Зачем же откладывать? — рассудительно произнес наркодилер, — поговорим об этом сейчас, пока еще можно что-то исправить. Короче я, предлагаю каждому из вас по двадцать процентов. Слышите? Двадцать! Это в тысячу раз больше, чем предложил за мою шкуру Лепке. Без обмана, ребята. Я спасаю свою жизнь, поэтому готов заплатить любые деньги. У меня хорошая голова, у меня есть связи с поставщиками и собственная

сеть сбыта. Я сделаю вас богатыми людьми…

— А ну, заткнись, крыса! — прорычал Красавчик Гарри. — Закрой свою поганую пасть, чтобы здесь не воняло дерьмом!

— Ребята…

— Заткнись, я сказал!!! — гаркнул Питсбург.

Автомобиль выехал за черту города и теперь мчался вдоль пустынного побережья небольшого залива Уолтер-Бэй.

— Поворачивай, — приказал Капоне. Алли Танненбаум поставил машину возле моря, между двух высоких песчаных дюн. Красавчик Гарри вытащил «кольт» и угрожающе повел стволом: «Выходи».

— Ребята, пожалуйста! — заверещал Катценберг. — У меня на депозите триста тысяч долларов в Первом Национальном банке. Я сейчас же выпишу вам чек, только отпустите меня.

— А, ч-черт! — ругнулся Луис Капоне. Упершись руками в дверь со своей стороны, он изо всех сил лягнул Катценберга ногой. Тот вылетел из салона как пробка и шлепнулся на песок.

— Ребята-а-а! — завыл он.

Питсбург и Капоне натянули на руки черные кожаные перчатки. Алли Танненбаум открыл багажник. Красавчик Гарри достал оттуда тяжелый чугунный лом, а Луис бейсбольную биту.

— А-а-а! — с диким криком Катценберг вскочил на ноги и бросился бежать, но Танненбаум подставил подножку. Беглец ткнулся носом в землю. Над ним встали двое убийц. Закрыв голову руками, Катценберг тихо скулил.

— Где порошок? — спросил его Красавчик Гарри.

— Я не виноват! — в ужасе завопил Катценберг. — Это все легавые… они перехватили груз… Такое иногда бывает… Трудно без помех вывезти такую крупную партию, слишком многие знают об этом… Я не виноват, клянусь!

— Я не спрашиваю тебя о том, кто виноват, — отрезал Питсбург, — я спрашиваю, где порошок.

Он повыше поднял лом и с силой нанес удар. Чугунный наконечник насквозь прошел через бедро Катценберга и раздробил кость. Раздался громкий хруст. Жертва издала нечеловеческий вой. Палачи ногами придавили беднягу к земле.

— Повторяю вопрос, — хладнокровно произнес Красавчик Гарри, — где порошок?

— В банке Гонконга! — взвизгнул Катценберг. — Я арендовал сейф-автомат. Порошок там, в двух чемоданах.

— Сколько?

— Сорок.

— А где остальное?

— Я не знаю…

— Не знаешь?!

Питсбург плашмя ударил ломом и сломал Катценбергу два ребра.

— Мама, мамочка!!!

— Твоей мамаше надо было сделать аборт, — заметил Луис Капоне.

— Господи Иисусе…

— Поздно ты про него вспомнил, — усмехнулся Гарри Питсбург, — ну, быстрее, где еще двадцать кило?

— У легавых с таможни. Они взяли по пять килограммов.

— У легавых, значит, — с искаженным от ненависти лицом Капоне ударил Катценберга битой в промежность. Несчастный взвыл так, что его было слышно по крайней мере на милю окрест. Но бандиты выбрали место со знанием дела и ни о чем не беспокоились. Катценберг мог хоть надорваться от крика, но его никто не услышал бы. Мучители заставили свою жертву выписать доверенность на право открыть сейф и назвать код замка. Теперь Катценберг был им больше не нужен.

Они били его ломом и битой долго, с наслаждением. Алли Танненбаум принес им флакончик с кокаином. «Зарядив» ноздри, Питсбург и Капоне принялись за дело с удвоенным рвением, хотя Катценберг уже давно потерял сознание. Наконец Красавчик Гарри вонзил лом в горло, а затем в сердце Якоба Катценберга. Всего палачи нанесли почти полторы сотни ударов. Танненбаум притащил тяжелый камень, который привязали к ногам жертвы. Из багажника извлекли резиновую лодку и два весла. Пока Питсбург и Капоне отдыхали после трудной работы, Алли Танненбаум погрузил труп Катценберга в лодку, вывез подальше в море и утопил на глубине примерно ста футов. Однако эта расправа носила более символический, нежели практический характер. Задуманная Лепке операция сорвалась, героин был разбросан в разных частях света, убытки достигли суммы в полмиллиона долларов. Но даже те шестьдесят килограммов, которые удалось протащить в страну, в сложившейся ситуации не могли быть реализованы по обычным каналам, ибо правоохранительные органы предприняли в Нью-Йорке доселе невиданную по масштабам специальную операцию.

Автором этой идеи был лейтенант Конрад Полленгаст, один из заместителей шефа полиции Валлентайна.

— Совершенно очевидно, — докладывал лейтенант, — что обычными средствами поймать Лепке нам не удастся.

Полковник Валлентайн поморщился, но все же не стал возражать. Он никогда не подавлял инициативу младших начальников.

— Я думаю, сэр, нам необходимо принять нестандартное решение.

— Допустим, — согласился Валлентайн, — продолжай.

— Я предлагаю на время операции объединить усилия всех правоохранительных служб с целью создания для гангстеров невыносимых условий жизни. Вот как я себе это представляю: необходимо одновременно нанести удары по всем сферам нелегального бизнеса. К сожалению, сэр, приходится констатировать факт, что кое-где — например, в гарлемском дивизионе — полицейские смотрят сквозь пальцы на махинации букмекеров, запрещенные лотереи, торговлю наркотиками и проституцию. Гангстеры привыкли к безнаказанности. Но я думаю, мы сможем заставить каждого офицера как следует выполнять свой долг. Мы выметем с улиц всех пушеров, букмекеров и шлюх, прикроем все притоны, устроим облавы и полицейские рейды. Кроме того, я предлагаю прибегнуть к системе профилактических задержаний. Любой гангстер может быть арестован без наличия состава преступления, только по причине принадлежности к преступной организации. Я думаю, через пару недель они взвоют, и мы передадим главарям неофициальные условия: или выдайте нам Лепке, или ваш бизнес полетит к черту!

Смелое предложение Полленгаста понравилось полковнику Валлентайну. Он радостно потирал руки:

— Фактически мы объявим этим негодяям самую настоящую войну.

— Да, сэр. Именно войну. Я уверен, свой карман им гораздо дороже, чем шкура Лепке.

Через несколько дней шеф полиции пригласил на совещание всех руководителей силовых структур Нью-Йорка. Присутствовали: генеральный прокурор Дьюи со своими заместителями Геблом и Гурфейном, шеф ФБН Генри Анслингер, директор департамента ФБР Дональд Шеффилд, начальники отделов по борьбе с индустриальным рэкетом и организованной преступностью Уильям Скотти и Мартин О'Коннор. Идея Полленгаста «вышибить дух» из гангстеров явно пришлась по вкусу всем присутствующим. Не откладывая в долгий ящик, они приступили к разработке плана операции, которая получила громкое кодовое название «Немезида».

В операции «Немезида» одновременно принимали участие около трех тысяч полицейских и федеральных агентов. Жизнь гангстеров обратилась в ад. Как нарочно, все началось в субботу, и примерно восемьдесят бандитов были арестованы прямо за столиками своих любимых ресторанов. Им предъявили

совершенно идиотские обвинения, бросили в камеры на хлеб и воду и стали допрашивать по методу «развернутого конвейера» в течение сорока восьми часов почти без перерывов. В понедельник всех арестованных так же неожиданно отпустили. На следующий день Генри Анслингер спустил с цепи свои отряды. По всему Нью-Йорку было арестовано около двухсот розничных торговцев наркотиками. Затем пришел черед букмекеров, а далее — проституток. В те жуткие дни тюрьмы были переполнены на 250–300 процентов выше нормы. Арестованные спали в камерах буквально друг на друге. Прессинг властей достиг точки эскалации. Гангстеров задерживали ежедневно за малейшие проступки, будь то превышение скорости или перочинный ножик в кармане, который при составлении рапорта превращался в холодное оружие. Часто полицейские при обыске в домах либо автомобилях бандитов сами втихомолку подбрасывали пакетик героина, меченые деньги, ствол. Во всех ночных клубах, барах, ресторанах, где бывали гангстеры, почти каждый вечер проводились рейды и облавы. Телефоны преступников открыто прослушивались, сыщики круглые сутки висели у боссов на хвосте, вся переписка подлежала безжалостной перлюстрации. Для главарей преступного мира успешное ведение нелегального бизнеса стало невозможным. Операция «Немезида» все продолжалась и продолжалась. Синдикат нес колоссальные убытки. Остановить это безумие никто не мог. Власти передали свое условие: выдать Лепке, живым или мертвым. На исходе четвертой недели «крестового похода» вплотную встал вопрос: не должен ли Луис Бачелтер пожертвовать собой ради общего блага?

3 мая состоялась чрезвычайная сходка Высшего Совета. Начало было безобразным: Лепке сцепился с Томми Луччезе. Суть конфликта была в том, что Томми давненько подумывал о возможности прибрать к рукам рэкет в сфере производителей готового платья. В последнее время в связи с усилившимся давлением со стороны полиции Лепке почти не покидал своего убежища во Флэтбуше. Используя то, что его рука ослабла, Томми Луччезе стал потихоньку оттирать людей Бачелтера, а затем открыто направил группу рэкетиров к нескольким подконтрольным Лепке предпринимателям с требованием переадресовать налог за защиту. Шеф «Корпорации убийств» не решился ответить ударом на удар, поскольку война с семьей Луччезе еще более усугубила бы и без того непростую ситуацию, в которой он оказался. Лепке благоразумно решил вынести вопрос о восстановлении своих прав на сходку, но, едва увидев Томми, пришел в необузданную ярость.

— Никто не смеет топтать мои грядки, даже если я в бегах, —

заорал он, — слышишь, ты, поганец, швейное дело принадлежит мне!

— Кричи дома на свою жену, мать твою, — огрызнулся Луччезе.

— Трехпалый придурок! — возопил Лепке еще громче, — если ты будешь дальше лезть в мой бизнес, я тебе ни одного пальца не оставлю, так что нечем будет в носу ковыряться, а нос отрежу еще раньше![39]

— Но еще раньше я отрежу тебе яйца, — бросил Томми.

Оба босса чуть не подрались, но их успели растащить. Фрэнк Костелло, председательствовавший на сходке, стукнул кулаком по столу:

— Уймитесь, черт возьми! У нас и так полно неприятностей. Только разборок еще не хватало. Луис, я поставлю твой вопрос перед Лаки. Завтра же. Тебя это устроит?

— Да, — прохрипел Лепке.

— Тогда оставь Томми в покое. Мы собрались здесь, чтобы поговорить о твоих проблемах.

Лепке встрепенулся:

— А у меня нет никаких проблем.

— Я так не считаю. И никто из наших друзей не считает так. Извини, Луис, но в том, что сейчас творится на улицах, есть и твоя вина.

— Эй, Фрэнки, эй, не надо канифолить мне мозги. Эта сволочь Дьюи мог выбрать мишенью любого, даже тебя.

— Но он выбрал тебя. И об этом сейчас разговор.

Лепке нахмурился:

— Что ты пытаешься мне пришить, Фрэнк?

— Лу, мы потеряли за этот месяц более миллиона долларов, — вмешался Мейер Лански, — и тебе известно, какое условие поставил нам Дьюи.

Лепке поочередно рассматривал лица всех боссов и на каждом находил выражение угрюмой озабоченности. Это не сулило ему ничего хорошего. Невероятно, но они считали его реально виноватым.

— Выход только один, — твердо заявил Костелло, — ты должен сдаться властям. Со своей стороны мы позаботимся о том, чтобы ты не попал в когти Дьюи. А когда все утихнет, через пару лет устроим тебе досрочное освобождение.

— Да вы что?! — рявкнул Лепке. — Никаким чертовым властям я сдаваться не собираюсь!

— Ты должен сделать это ради всех нас. Пойми, они не остановятся. Еще две-три недели — и наши предприятия вылетят в трубу.

— Я хочу поговорить с Чарли!

— Я уже разговаривал с ним, — веско произнес Костелло. — Он тоже заявил, что иначе нельзя. Послушай, Луис, что тебя беспокоит? С тобой обойдутся вполне корректно. Получишь десять лет за торговлю наркотиками и через три года выйдешь на свободу. Весь твой бизнес останется за тобой. Насчет тебя я вел переговоры с Джоном Эдгаром Гувером. Этот тип ради того, чтобы создать себе рекламу, на уши встанет. Услуга за услугу: он создает себе репутацию национального героя, сумевшего арестовать «врага общества номер один», ты получаешь пустяковый приговор. Все справедливо, не так ли?

— Говорю тебе, Фрэнк, в тюрягу я не пойду, — отрубил Лепке.

— Тогда ты рискуешь остаться в одиночестве, а в этом жестоком мире одиночки не выживают. Помнишь, как было с Шульцем?

Намек был слишком недвусмысленный. Лепке сжал руки в кулаки. Впрочем, еще неизвестно, кто кого. Пока у него оставался такой козырь, как «Корпорация убийств», он сам мог ликвидировать любого из присутствующих боссов. Другое дело, что это не поможет избавиться от преследования властей.

Лепке встал:

— Хватит! Мне не нравится все, что здесь происходит.

Костелло поднялся тоже:

— Ты все-таки подумай, Луис. Пока будешь ехать домой, подумай. Гувер — это намного лучше, чем Дьюи.

Не ответив, Лепке вышел. Костелло приказал позвать Моу Воленски. В совещательной комнате появился высокий рыжеволосый еврей. Он считался давним приятелем Лепке. Долгое время они совместно трудились в сфере азартных игр.

— Теперь все зависит от тебя, — сказал Костелло, — ты должен любой ценой уболтать своего дружка. Нам не хотелось бы решать этот вопрос при помощи 45-го калибра.

— Мистер Костелло, Луис — мой друг, и я не хочу, чтобы с ним случилось несчастье, — ответил Моу Воленски.

— Никто этого не хочет. Пошли, машина уже ждет.

Роскошный «Крацслер-империал» Костелло помчался в пригород Флэтбуш. Главный дипломат мафии остался в салоне и закурил дорогую сигару. За время ожидания он успел выкурить по крайней мере пять штук. Была уже глубокая ночь, когда Моу Воленски наконец вышел на улицу. Костелло бросил взгляд на часы — без четверти три. Усталый шофер Джонни дремал, навалившись на баранку. Костелло потряс его за плечо:

— Эй, Джонни, с добрым утром.

Тот протер глаза и повернул ключ зажигания. В салон ввалился Моу Воленски.

— Ну что? — спросил Костелло.

— Все в порядке. Он согласен.

— Браво, мальчик, браво, — дипломат мафии три раза негромко хлопнул в ладоши, — ты умеешь вести переговоры, а в наше время это важнее, чем уметь стрелять.

Костелло вырвал один лист из своей чековой книжки и выписал чек на предъявителя.

— Десять кусков, как договаривались. Просто отдашь эту бумажку кассиру, а взамен получишь наличные.

— Мне приходилось бывать в банке, мистер Костелло, — с достоинством ответил Моу Воленски.

Фрэнк улыбнулся:

— Отлично. Теперь у тебя есть повод побывать там еще раз. Куда тебя подвезти?

— Если можно, в Бруклин, на Оушен-авеню.

— Далековато, — заметил Костелло. — Эй, Джонни! Мы едем в Бруклин.

Доставив Моу Воленски домой, он приказал шоферу остановиться возле ближайшего телефона-автомата. Несмотря на то что стрелки часов приближались к четырем утра, абонент немедленно ответил на звонок.

— Мистер Уинтшелл? — спросил Костелло. — Прошу прощения, что беспокою вас в столь позднее время.

— Ничего, — ответил известный всей Америке журналист, — я слушаю вас, мистер К.

— Переговоры прошли успешно. Если вас не затруднит, сообщите об этом господину директору.

— Очень хорошо, — голос Уинтшелла стал хриплым от волнения, — мистер К., может быть, известно время и место?

— Пока нет. Я позвоню вам. — Костелло повесил трубку.

А на другом конце города, в комфортабельной трехкомнатной квартире в Вест-Сайде, Уолтер Уинтшелл распечатал уже третью за эту ночь пачку «Лаки Страйк». В четыре глубоких затяжки он выкурил сигарету и снял трубку:

— Мисс, будьте добры, Коппервейл, два-ноль три-три семь-один.

В трубке щелкнуло. Через минуту пошли длинные гудки. Один, второй, третий…

— Центральный департамент ФБР, — гулко прозвучал в мембране бодрый мужской голос, в котором, несмотря на раннее утро, не было и тени сонливости.

Прежде чем сдаться властям, Лепке решил привести в

порядок свои дела. А это означало — трупы, трупы, трупы… За то время, пока босс находился в подполье, кое-кто из его подручных излишне расслабился и позволял себе прикарманивать доходы от незаконного бизнеса. Лепке отдал приказ ликвидировать профессионального картежника Соломона Файнштейна, который подвизался в одном из бруклинских игорных домов. Вина шулера состояла в том, что, выиграв за вечер двадцать тысяч долларов, он ни цента не отстегнул в банк[40]. Видимо, Файнштейн надеялся на Томаса Дьюи, который отправит Лепке в тюрьму на долгие годы и тем самым избавит его от всяких обязательств. «Эта задница Файнштейн считает, что я уже ничего не могу», — бесновался Бачелтер. Альберт Анастасиа молчал, давая время боссу выпустить пар. «Я хочу, чтобы прямо сегодня этот подонок сдох», — приказал Лепке. Желание босса, как известно, закон. Ликвидацией Файнштейна занялись Багси Голдштейн и Гарри Питсбург, оба — первоклассные специалисты, обожающие свою работу.

Шулера выдернули прямо из-за карточного стола в разгар игры. В умелых руках убийц он мгновенно превратился в безвольную тряпичную куклу. Его вывезли на один из многочисленных бруклинских пустырей. Самоуверенный красавец Файнштейн, всегда неизменно остроумный и элегантный, за полчаса, проведенные в автомобиле с убийцами, превратился в дряхлого старика. Он даже не пытался сопротивляться. Багси Голдштейн накинул ему на шею удавку. Гарри Питтсбург нанес тридцать шесть ударов ледорубом. Тело забросили на заднее сиденье, после чего подожгли автомобиль. Все, что осталось от Соломона Файнштейна, — это груда обгорелых костей.

Затем пришел черед Джорджа Уитни Кубника. Поляк по происхождению, он держал ростовщическую контору в районе Оушен-Хилл. Подобно Файнштейну, Кубник однажды решил оставить себе больше денег, чем ему причиталось. Он сделал это раз, другой, третий… и в результате оказался в числе тех, кого следовало проучить. Поскольку Оушен-Хилл считался «зоной ответственности» банды Фрэнка Хэппи Мойона, Альберт Анастасиа передал заказ сицилийцам. Наверное, Фрэнк Хэппи тоже очень любил свою работу, потому что пошел на дело вместе с Дашером Аббандандо. Оба гангстера входили в категорию главарей, и, откровенно говоря, автор затрудняется назвать причину их решения собственноручно расправиться с Кубником, ведь у них в подчинении находилось по крайней мере три десятка профессионалов. Так или иначе, но Мойон и Аббандандо белым днем ворвались в контору Кубника, добросовестно опустошили барабаны и неторопливо убрались восвояси. Полицейские

обнаружили в теле потерпевшего десять пуль 45-го калибра, но не смогли найти ни одного свидетеля совершенного преступления.

Чистка продолжалась день за днем. Со времен «сицилийской вечерни» в Нью-Йорке не проливалось столько крови. Специалисты из «Корпорации убийств» трудились не покладая рук. За два месяца они отправили на тот свет около двадцати человек, представлявших опасность для Лепке в качестве потенциальных свидетелей. Гангстеры, напуганные размахом террора, хорошо понимали, что вызов в контору Дьюи означает смерть и, не дожидаясь ни того, ни другого, ударялись в бега. Прочная, нерушимая до этого структура «Корпорации убийств» дала первую маленькую трещину.

Железной рукой восстанавливая порядок в своей империи, Лепке одновременно стремился к расширению сфер своего влияния. Как ни странно, но в Нью-Йорке еще оставались жирные куски в виде столь любимых им профсоюзов. Например, тред-юнион водителей грузового транспорта, в рядах которого находилось около 50 тысяч человек. Лепке отправил в офис профсоюзного лидера своего самого доверенного человека — Гюраха Шапиро. Однако «дружеские предложения» гангстеров были отвергнуты самым решительным образом. Профсоюзный босс Морис Даймонд оказался крепким орешком. Угрозы Шапиро не произвели на него ни малейшего впечатления. В тот же день он отправился к прокурору Дьюи и сделал заявление о попытке вымогательства, после чего в неофициальной беседе попросил взять профсоюз под защиту.

Лепке Бачелтер имел друзей даже в аппарате генерального прокурора. Когда ему передали копию заявления Мориса Даймонда, он хмыкнул:

— Этот парень явно не дружит с головой.

— Он из породы придурков, которые верят в справедливость, — добавил Гюрах Шапиро.

— Я думаю, разговаривать с ним больше не о чем.

— Бесполезная трата времени, Лу, — подтвердил Гюрах.

Для ликвидации Мориса Даймонда Альберт Анастасиа отобрал пять лучших специалистов. Интересно, что убийцы получили инструкции в клубе демократической партии «Таммани-Холл». Анастасиа на пару минут отвлекся от игры в гольф, объяснил, кого надо убрать, назвал цену и вернулся на площадку.

Команда киллеров получила в свое распоряжение два «чистых» автомобиля. В «Корпорации убийств» существовал специальный «отдел», занимавшийся угонами. Угнанные машины переделывали до неузнаваемости, а затем использовали в

качестве «упаковок» для взрывных устройств, перевозки трупов и прочих подобных целей. Поскольку Морис Даймонд был «клиентом» довольно высокого уровня, убийцы разделились на две группы — основную и дублирующую. Такой способ действий являлся гарантией от случайного промаха, поскольку, как показывала практика, дважды по одной и той же мишени промазать нельзя. Тем более что стрелять выпало Джеку Паризи и Чарли Уоркману, а они умели обращаться с оружием.

Автомобили с убийцами выехали в Манхэттен. Было установлено, что Морис Даймонд возвращается домой с работы около восьми часов вечера.

Киллеры припарковали машины по обе стороны улицы возле дома профсоюзного лидера. Они знали, что Даймонд обычно идет пешком от станции метро. Часы показывали без пятнадцати восемь. Теперь оставалось только ждать.

Анджело Каталано, наблюдавший за улицей, заметил «клиента» на перекрестке и выплюнул за окно недокуренную сигарету.

— Джек, — позвал он.

Большой любитель кофе, Джек Паризи всегда брал с собой на дело термос. За день он выпивал немыслимое количество маленьких чашек. Специально для него знакомый бармен готовил кофе по-турецки. Сделав осторожный глоток дымящегося напитка, Паризи спросил:

— Ты точно уверен, что это он?

— Да, я уверен.

— О'кей, — Паризи закрутил крышку термоса, — значит, я пойду ему навстречу. Как только отработаю — подгонишь тачку.

Он вытащил из кобуры под пиджаком «специальный полицейский» 38-го калибра и щелкнул затвором. Каталано повернул ключ зажигания. Оба киллера заметно напряглись и подобрались.

Паризи вышел на улицу. Он шагал нарочито неторопливо, как человек, которому нечего скрывать. В этот вечерний час было довольно много прохожих, которые, как и Даймонд, возвращались с работы. Но Джек Паризи не боялся делать свое дело на глазах десятков возможных свидетелей. Поравнявшись с Морисом Даймондом, он выстрелил почти в упор. Сразу раздались истерические крики находившихся поблизости людей. Рядом взвизгнули тормоза автомобиля. Каталано открыл дверь. Джек Паризи нырнул в машину. Как только убийцы скрылись, вокруг неподвижного тела собралась толпа. Единственная пуля попала Морису Даймонду прямо в сердце. Он был мертв, прежде чем успел коснуться земли. При появлении полиции люди поспешили

разойтись. Детективам из отдела по расследованию убийств не удалось найти ни одного свидетеля.

Профсоюзный босс, заменивший Мориса Даймонда, оказался более покладистым. Гюрах Шапиро без особого труда заключил с ним соглашение. В последующие годы коррупция в профсоюзе водителей грузовиков достигла невероятных размеров. Достаточно сказать, что некий Джеймс Хофф, возглавивший тред-юнион в 1957 году, был непосредственным участником уотергейтской аферы. И в наши дни мафия сохраняет контроль за этим профсоюзом, в который входят уже не 50, а 400 тысяч человек.

Резня продолжалась. Лепке отдал приказ о ликвидации Питера Панто, лидера профсоюза докеров. Вообще, еще со времен первой мировой войны доки считались традиционной сферой влияния гангстеров. В 30-е годы профсоюз докеров контролировал Альберт Анастасиа под эгидой Лепке Бачелтера. Поэтому трудно понять, куда смотрела бандитская «служба безопасности», допустив до власти такого человека, как Питер Панто. В среде рабочих он прославился своими дерзкими бесстрашными выступлениями против засилья гангстеров в порту. Сначала с ним пытались бороться при помощи компрометирующих публикаций в прессе. Но работяги знали Панто как честного и неподкупного человека. Кампания компроматов провалилась. На июнь 1939 года были назначены очередные выборы руководства профсоюза. Выступая на предвыборном митинге, Питер Панто открыто призвал рабочих объединиться и совместными усилиями очистить причалы от бандитов. Было очевидно, что Реймонд О'Лири, кандидат от Анастасиа, не имеет никаких шансов. Лепке немедленно созвал чрезвычайную сходку.

— Это ж ясно! — кричал он. — Мы пролетаем, как фанера над Парижем. Скажи мне, Альберт, какого хрена ты цацкался с этим ублюдком так долго?

Анастасиа виновато молчал.

— Говорю тебе, мы катимся вниз. Если двести тысяч придурков в доках вобьют себе в башку, что могут голосовать, как им вздумается, тогда их ничем не остановишь. И что мы будем делать? Завалим трупами весь порт? Короче, Альберт, решай эту проблему как хочешь, дело твое. Но за этот гребаный профсоюз ты мне отвечаешь головой, понял?!

Бам-Бам Анастасиа знал только один способ, старый, как мир: «Нет человека — нет проблемы».

Два конкурирующих профсоюзных босса назначили Питеру Панто встречу на 18-й улице в Вест-Сайде. Отправляясь туда, он

не подозревал, что эти двое были подставными людьми Анастасиа. За свое иудино дело один получил 85 долларов, другой — 90. Пригласив Питера в небольшое кафе, они стали склонять его к сотрудничеству с мафией, сулили большие деньги. Обозвав их «продажными шкурами», Питер Панто вскочил из-за стола и вышел на улицу. Там его уже ждали. Менди Вейсс и Тони Ромеро нанесли ему несколько ударов по голове рукоятями пистолетов. Бесчувственное тело швырнули в машину. Прохожие, наблюдавшие эту сцену, поспешно прибавили шаг.

Питера Панто вывезли за город и доставили к заброшенному карьеру в районе Пассейика. Здесь располагалось одно из тайных кладбищ «Корпорации убийств». Хотя Питер не отличался особой физической силой, троим киллерам пришлось с ним повозиться. Он яростно сражался за свою жизнь. Менди Вейсс едва не лишился правого глаза. Тони Ромеро получил удар ногой в переносицу. У водителя Джимми Феррако было исцарапано лицо. Наконец Менди Вейсс как следует схватил Питера за горло обеими руками и стал душить. Ромеро и Феррако крепко держали жертву за руки. Через две минуты все было кончено. Труп Питера Панто закопали на дне карьера, где по соседству разлагалось два десятка тел других казненных.

Террор в профсоюзах принял размеры настолько угрожающие, что даже боссы Высшего Совета осознавали очевидную необходимость скорейшего ухода Лепке со сцены. 20 августа 1939 года Фрэнк Костелло, сопровождаемый адвокатом Мозесом Полакоффом, прибыл в городок Даннемора. Надзиратель Томас Мерфи встретил их весьма радушно и вызвал служебную машину. Как обычно, он провел гостей из Нью-Йорка в канцелярию. Через несколько минут брат Мерфи Фрэнк почтительно распахнул дверь перед боссом всех боссов.

Лаки Лючано неважно выглядел в полосатой тюремной робе. Из-под куртки с нашитым номером 92168 торчал грубый шерстяной свитер. Ноги притягивали к земле тяжелые, неуклюжие ботинки. Под глазами короля гангстеров залегли густые синие тени — след длительного отсутствия женщины. Однако даже в таком жалком виде он оставался при власти.

— Пойди покури, Моз, — распорядился Костелло. Адвокат послушно вышел. Фрэнк обнял Лаки и со слезой в голосе сказал:

— Cospetto! Pio Mio![41] Чарли, я никак не могу привыкнуть. Мне очень больно видеть тебя в этой проклятой каторжной одежде.

— Ничего, мое время скоро придет, — угрюмо произнес Лаки, — теперь Дьюи осталось только победить на выборах губернатора. Для этого он должен упрятать Лепке. Рассказывай,

как идут дела.

— Когда мы передали властям, что Лепке согласен сдаться, нас оставили в покое. Все в порядке, все наладилось. Единственное, что мне не нравится, — это наркотики. Очень грязный бизнес, Чарли, от него одни неприятности.

— Белый порошок — это большие деньги. Да, это грязный бизнес, но очень перспективный. Если мы устранимся от него, им займутся ниггеры или кто там еще. Они сделают на этом миллионы. А у кого деньги — у того и власть. Мы не можем допустить, чтобы власть перешла к кому-то другому. Это противоречит нашим интересам.

— О'кей. Ты босс, — вздохнул Костелло и сменил тему. — Чарли, ты знаешь, Лепке совсем сошел с ума. Он устроил такую бойню, какая была во время кастелламарской войны.

— Мы уже говорили об этом, Фрэнк. Лепке должен сдаться.

— Да, но… Он говорит, что прежде должен привести в порядок свои дела. Этому кровососу все мало трупов. Чарли, его надо остановить. Только ты можешь сделать это.

Лаки Лючано сел за стол и быстро набросал короткую записку.

— Надеюсь, Лепке умеет читать? — язвительно спросил он.

— По идее, да.

— Если все-таки не умеет, прочтешь ему сам. И еще, это ты должен передать на словах Тому Луччезе. Как только Лепке сядет, я разрешаю ему взять в свои руки бизнес в сфере готового платья.

Костелло понял. Это означало только одно: для преступного мира Луис Бачелтер отныне был заживо похоронен.

Душной августовской ночью черный «Паккард», за рулем которого сидел Альберт Анастасиа, остановился перед домом номер 101 на Третьей улице в Бруклине. Из подъезда стремглав выскочил человек в огромных солнцезащитных очках, одетый в зимнее пальто с высоко поднятым воротником. Внимательно осмотревшись по сторонам, он сел в машину. Анастасиа пересек Бруклинский мост и въехал в Манхэттен. На углу Пятой авеню и 28-й улицы стоял «Кадиллак» с зашторенными окнами, который при приближении «Паккарда» зажег и погасил фары. Анастасиа припарковал автомобиль рядом. На всякий случай вытащил из-под приборной доски свой «люгер» 45-го калибра.

Находившийся за рулем «Кадиллака» Уолтер Уинтшелл помахал рукой. Анастасиа последний раз взглянул на босса. Лепке, казалось, одолели сомнения. Но все было уже решено, и он не мог ничего изменить. Не колеблясь больше, он вышел из машины навстречу судьбе. Задняя дверца «Кадиллака» распахнулась. Шеф «Корпорации убийств» настороженно замер на

месте. Слишком часто он видел это на улицах: автомобиль с потушенными фарами, распахивается дверь, и в следующий миг из салона гремят выстрелы. Но ничего не случилось.

— Хэлло, я — Эдгар Гувер.

— Хэлло, я — Луис Бачелтер.

— Лепке?

— Да… так когда-то называла меня моя мамаша.

Эдгар Гувер надолго замолчал. Потом задумчиво произнес:

— Твоя мамаша? Это немыслимо, чтобы у такого типа, как ты, могла быть мать.

Было 23 часа 10 минут 24 августа 1939 года. Над городом нависла удушающая предгрозовая жара.

Сенсационные репортажи Уолтера Уинтшелла появились на первых полосах всех крупных нью-йоркских газет. За один день отважный журналист «срубил» столько денег, сколько раньше зарабатывал за год. Не говоря уже о славе, которая гремела по всей Америке. Эдгар Гувер тоже был доволен своими лаврами. Именно на ниве ареста Лепке возникла старательно взращиваемая в сознании общественности легенда о «всемогущем и всезнающем» ФБР. Какую бы ересь ни проповедовал Гувер в дальнейшем: «желтая опасность», затем «красная опасность» и далее «теория ЛКН», американцы искренне верили в это.

Суд над Лепке был назначен на 27 ноября. Он находился в комфортабельной камере федеральной тюрьмы Ливенпорт, штат Канзас, далеко от Нью-Йорка, где было слишком непримиримое общественное мнение и грозный прокурор Том Дьюи. Эдгар Гувер заверил его, что «джентльменское соглашение» с преступным синдикатом остается в силе. Обвинительное заключение содержало только один пункт: торговля наркотиками. При этом Генри Анслингер на пушечный выстрел не был допущен к процессу, хотя наркобизнес считался сферой деятельности ФБН, но никак не ФБР. Однако Лепке недолго пребывал в безмятежности. Вскоре его посетил Алли Танненбаум, сопровождаемый адвокатом Джорджем Вольфом. «Убийца с грустными глазами», как называли Танненбаума «коллеги» по ремеслу, принес боссу плохие вести — письмо от некоего Гарри Гринберга, отправленное из Монреаля. Там было всего три строчки: «Ты наплевал на меня и забыл обо всем. Зато я помню кое-что, чем очень заинтересуется прокурор Дьюи. Мое молчание обойдется тебе в пять кусков».

Профессиональный убийца Гарри Гринберг по прозвищу Биг Грини пять лет верой и правдой служил Лепке. Он принимал активное участие в резне, которую босс устроил в мае 1939 года. Понимая, что знает слишком много и элементарно может

оказаться в черном списке, Гринберг бежал в Канаду. Те деньги, которые у него были с собой, быстро закончились. Биг Грини не придумал ничего лучшего, как шантажировать своего шефа. Но вместо пяти тысяч долларов Лепке приказал Алли Танненбауму «наделать в этом подонке пять тысяч дырок». У Гарри Гринберга нашлись доброжелатели, предупредившие его об опасности. Алли Танненбаум приехал в Монреаль ровно сутки спустя после того, как Биг Грини удрал из города. А между тем до начала процесса оставалось полтора месяца. Лепке не мог чувствовать себя спокойно, пока Гринберг был жив. При посредничестве Высшего Совета приказ найти и убить опасного свидетеля получили главари банд всех пятидесяти штатов США. Его искали повсюду. Однако на след беглеца удалось напасть только через шесть недель.

Биг Грини Гринберг обосновался в Лос-Анджелесе на Юсса-стрит, 1237. Он выходил из дома только один раз в сутки, под вечер, чтобы немного прогуляться и купить продукты. Иногда он на своем маленьком «Форде» выезжал на Закатный бульвар, чтобы воспользоваться услугами какой-нибудь из бесчисленных проституток. Биг Грини не подозревал, что находится под наблюдением. «Команда» профессиональных киллеров тщательно и скрупулезно изучала его распорядок дня. Двое из них — Алли Танненбаум и Уайти Кракоу — принадлежали к «еврейской ветви» «Корпорации убийств». Двое других — Чамп Сегал и Фрэнки Карбо — были местными бандитами. Их нанял Багси Сигел, ответственный за исполнение приговоров на Западном побережье. С самого начала операции он торопил ребят, поскольку до начала суда над Лепке оставались считанные дни.

Но ремесло убийцы не терпит спешки. Только за пять дней до начала процесса Фрэнк Карбо сообщил Багси:

— Мы сделаем это сегодня.

— Я должен все видеть собственными глазами, — заявил Сигел, — я пойду с вами.

— Зачем тебе это нужно, Бен? Катхилл[42] идет за тобой по пятам. Участие в этом деле — лишняя грязь. Мы вполне справимся.

— А ты знаешь, Фрэнки, перед кем я отвечаю за успех этой операции?

Карбо не стал спорить.

— О'кей, это твое право.

— Я поеду в машине с Уайти.

Около десяти часов вечера Гринберг приехал с Закатного бульвара, сильно утомленный своей подружкой. Он не обратил внимания на «Кадиллак», за рулем которого находился Алли

Танненбаум. Фрэнк Карбо и Чамп Сегал извлекли из-под плащей оружие. С противоположной стороны улицы за происходящим наблюдали Багси Сигел и Уайти Кракоу.

Гринберг достал с заднего сиденья «Форда» пакеты с продуктами, закрыл дверцу на ключ и направился к дому. Когда он проходил мимо «Кадиллака», дверцы резко распахнулись. Наперерез Гринбергу выскочили двое убийц. Он не успел ни убежать, ни закричать. Выстрелы загремели один за другим. Биг Грини Гринберг получил двенадцать пуль. Смерть наступила мгновенно. Убийцы без помех скрылись с места происшествия.

В назначенный срок Большое жюри города Канзас-Сити начало разбирательство по делу «Луис Бачелтер против штата Канзас». Лепке получил десять лет лишения свободы за торговлю наркотиками и считал, что дешево отделался. Однако генеральный прокурор Дьюи сражался с директором ФБР как лев, добиваясь выдачи Лепке властям штата Нью-Йорк. Он в сжатые сроки подготовил обвинение в индустриальном рэкете. Дьюи не мог допустить появление на своей репутации непобедимого борца за справедливость такого пятна, каким стал Лепке. Через своих знакомых журналистов прокурор как следует «отхлестал» Эдгара Гувера, высмеивая его «джентльменское соглашение» с гангстерами. Не ограничившись этим, Дьюи обратился с ходатайством в Верховный Суд и написал открытое письмо министру юстиции. Сдавленный со всех сторон, Эдгар Гувер был вынужден уступить. Лепке отправили по этапу из Ливенпорта в нью-йоркскую тюрьму Томбс. Ему инкриминировали рэкет в хлебопекарной промышленности. Процесс начался в январе 1940 года. Дьюи легко добился признания подсудимого виновным на основе неопровержимых доказательств. Присяжные влепили Луису Бачелтеру на полную катушку — тридцать лет лишения свободы. Столько же, сколько получил Чарли Лаки Луканиа. Увенчав свое чело новыми лаврами, генеральный прокурор активно включился в предвыборную гонку, сражаясь за кресло губернатора столь же яростно, как он привык сражаться с гангстерами. Однако в очень близком будущем и Лепке, и всю «Корпорацию убийств» в целом ожидали гораздо более крупные неприятности.

Все началось с письма, полученного бруклинским прокурором О'Двайером из тюрьмы Райкерз-Айленд от заключенного Гарри Рудольфа, который отбывал пять лет за кражу с витрины. Мелкий воришка и жалкий неудачник, он вдруг решился на опасный шаг — дать показания против Эйба Рильза и Багси Голдштейна. О'Двайер показал письмо своему помощнику Бартону Туркусу:

— Что ты об этом думаешь, Берт?

— Гарри Рудольф, по кличке Мок, — задумчиво произнес Туркус. — Мало вероятно, что между этим ничтожеством и гангстерами такого ранга, как Рильз и Голдштейн, могут быть какие-то связи.

— Я тоже так думаю, — согласился прокурор.

— Впрочем, — неожиданно сказал Туркус, — выслушать его все же не помешает. Возможно, в будущем мы сможем использовать его в качестве свидетеля.

Прокурор позвонил начальнику тюрьмы Райкерз-Айленд и попросил доставить заключенного Гарри Рудольфа. Бледный, узкоплечий, исхудавший от тюремной пищи, в свои двадцать шесть лет Мок выглядел как семнадцатилетний мальчик.

— Я был свидетелем убийства, — заявил он прокурору, — я готов дать показания под присягой.

— Ты в этом уверен? — спросил О'Двайер.

Он знал, что у Рудольфа не все в порядке с головой.

— Я видел все собственными глазами.

— Ты утверждаешь, что убийство совершили Рильз и Голдштейн?

— Да. Рильз, Голдштейн и Дьюки Маффетор.

— О'кей, кого они убили?

— Моего друга Рэда Халперта.

О'Двайер и Туркус переглянулись. Речь шла об убийстве, совершенном семь лет назад. Изрешеченное пулями тело девятнадцатилетнего вора Рэда Халперта было обнаружено 25 ноября 1933 года на свалке в Браунсвилле. Раскрыть это преступление полиции не удалось.

— Я был там, — взволнованно рассказывал Рудольф, — я все видел. Рэда перехватили, когда он выходил из дома. Эти трое подонков. Они увели его «прогуляться».

— Почему же ты столько лет молчал? — изумился прокурор.

— Вот, — Мок приподнял рубашку и показал длинный красный шрам на животе, — это тоже их работа! В меня стреляли, но мне повезло, пуля попала неглубоко, и я сам смог вытащить ее. Я молчал, потому что боялся. Не знаю почему, но вот уже полгода Рэд снится мне каждую ночь. И я больше не могу молчать. Эта история не дает мне жить спокойно.

На лицах О'Двайера и Туркуса было написано недоверие. Однако чем черт не шутит…

— Хорошо, рассказывай, — решил прокурор.

И Рудольф рассказал все, что знал. Хотя многие моменты вызывали сомнение, сказанного им все же было достаточно для ареста Рильза, Голдштейна и Маффетора. Начальник 12-го

браунсвиллского дивизиона капитан Уильям Салливан получил приказ задержать их. Он сделал это весьма необычным способом. Отдавая себе отчет, что искать подозреваемых по трущобам — безнадежное дело, капитан переоделся в штатское и отправился в ресторан «Сити-Паб», где любил ужинать Эйби Рильз. Владелец ресторана Томми Фрэкас был неприятно удивлен его появлением. «Сити-Паб» считался бандитским местечком, и полицейские предпочитали сюда не заглядывать.

— Добрый вечер, капитан, — не протягивая руки, сказал Фрэкас, — вы пришли арестовать кого-то из моих клиентов?

— Когда-нибудь, но не сегодня, — в тон ему ответил Салливан, — я хочу попросить тебя о небольшом одолжении, Томми.

— Я не обязан делать вашу работу за вас.

— Полегче, Томми. Дыши глубже и слушай. Если увидишь Кида Твиста, Багси или Дьюки, передай, что завтра в восемь утра я жду их в своем кабинете. О'кей?

Фрэкас молчал. Его лицо было непроницаемо. Но капитан не ждал ответа.

— Я думаю, ты понимаешь английский язык, — бросил он и вышел.

«Избегайте шаблонов, мыслите нестандартно» — таково первое правило хорошего юриста и хорошего полицейского. Метод капитана Салливана подействовал. Ровно в восемь ноль-ноль гангстеры появились в участке. Не понадобилось даже выписывать повестки.

Они не боялись. За свою недолгую жизнь Рильз успел побывать в полиции семьдесят раз, Голдштейн — сорок семь. Дьюки Маффетор — мелкая сошка — имел несколько приводов за хулиганство и употребление наркотиков в присутственных местах. Чтобы гангстеры не смогли договориться о совместных показаниях, их разбросали по разным тюрьмам. Рильза отправили в тюрьму Томбс, Голдштейна — на Статен-Айленд, Маффетора в Бронкс. Первые двое были крепкими ребятами, поэтому О'Двайер распорядился хорошенько «раскрутить» третьего.

По истечении сорока восьми часов арестованным было предъявлено обвинение в убийстве первой степени. Следователи взялись за Маффетора. Они убеждали его, что Рильз и Голдштейн на свои деньги запросто могут нанять адвокатов, которые представят дело так, что организатором убийства будет он. Затем следователи рассказали, как Багси и Кид Твист попытались подкупить Гарри Рудольфа, обещая ему за молчание десять тысяч долларов. Это действительно было так. Мок сам сообщил прокурору о попытке подкупа, совершенной при помощи одного

из заключенных. Нищему Маффетору и не снились такие деньги. Он был всего лишь шестеркой. Он даже допускал, что пронырливые подельники свалят всю вину на него, но все равно молчал, потому что стукач в тюрьме не выживает. Он понятия не имел, что такое настоящая «раскрутка».

— Твою жену и малыша выбросили на улицу, они не смогли заплатить за квартиру, — сообщил помощник прокурора, — а жены Рильза и Голдштейна купаются в золоте.

Выдержать это Маффетор уже не мог. Туркус разъяснил ему, что свидетель имеет право получить денежное вознаграждение за сотрудничество с властями. Дьюки никогда не согласился бы бесплатно сдать подельников.

— Да, я участвовал в убийстве Рэда Халперта. Но не убивал. Я только вел машину.

— Почему его убили?

— Я не знаю. Рильз не говорил мне. Причину должен знать Сэмми Левин, потому что он готовил приманку.

— Что ты имеешь в виду?

— Убрать Халперта помог его друг Уолтц. С ним договаривался Левин.

— Ты готов подтвердить свои показания под присягой?

— Если мне и моей жене обеспечат надежную охрану.

Оформив показания Маффетора, Бартон Туркус выписал ордер на арест Сэмюэля Левина. Белокурый красавец с томными голубыми глазами, Левин внешне ничем не напоминал гангстера. Он слыл любимчиком бруклинских девчонок. Два года назад он женился и твердо решил завязать с преступной деятельностью. Устроившись водителем в компанию грузоперевозок, Левин зарабатывал мало, но честно. Впрочем, во время работы в «Корпорации убийств» он получал ненамного больше денег, потому что Рильз и другие главари имели обыкновение зажимать гонорары.

Когда жена Левина Хелен забеременела, ему пришлось занять у Гарри Питсбурга сто долларов, чтобы внести аванс в клинику. Поскольку банда предоставляла займы любому желающему по системе «пять за шесть», Левин должен был вернуть двести двадцать долларов. Он так и не смог вырваться из долговой кабалы. Преступный мир крепко привязал его к себе. Левин не мог знать, что полицейские спасли ему жизнь. Банда считала его ненадежным, и Эйби Рильз отдал приказ о его ликвидации. Убийство было назначено на 1 марта, но за неделю до этого Левина арестовали.

Сэмми стойко хранил молчание. Разговорить его не помог даже «конвейерный» допрос, продолжавшийся двое суток почти

без перерыва. Тогда О'Двайер и Туркус применили другую тактику. Они устроили Левину очную ставку с женой и маленькой дочерью.

— Хотите спасти вашего мужа? — резко спросил Туркус. — Это зависит только от вас. Убедите его говорить.

Красавица Хелен залилась слезами и бросилась в объятия мужа:

— Дорогой! Я тебя умоляю… Ради нас расскажи им всю правду.

Вместе с Хелен заплакала маленькая Барбара. Это было уже слишком. Левин, обожавший жену и дочь, начал терять самообладание. К тому же он знал, что, пока сидит в тюрьме, они голодают.

— Я готов дать показания, но только в том, что касается лично меня, — заявил Левин.

О'Двайер и Туркус напрасно обрадовались. Сэмми надул их: признал свое соучастие в угоне автомобиля, который потом использовали киллеры. И все. Однако Туркус решил надавить на него по-настоящему.

— Как хочешь, Сэм, но ты дал показания в присутствии твоей жены. Отныне она — свидетель обвинения, и ее жизнь подвергается опасности.

Взбешенный Левин завопил:

— Ах ты, ирландская сволочь!

— Подумай, Сэм, — подзуживал Туркус, — у твоих дружков везде свои люди, даже в нашей конторе. Они ни перед чем не остановятся. Так что все в твоих руках. Уведите его!

Левин провел в камере кошмарную бессонную ночь. Он знал, что парням из «Бруклинского объединения» раз плюнуть — убить его жену и дочь. Утром он, сломленный и поникший, начал давать показания. Прежде всего Туркус потребовал рассказать правду об убийстве Рэда Халперта.

Незадолго до убийства Халперт обчистил квартиру богатого ювелира. Имея на руках драгоценностей на солидную сумму, он решил продать их Гарри Питсбургу, который помимо заказных убийств занимался скупкой краденого. Штаб браунсвиллской банды располагался в клубе «Корнер». Халперт пришел туда, показал Красавчику Гарри свой товар и объявил цену:

— За все это я хочу три куска.

— Ты что, спятил? Семьсот баксов — и ни центом больше, — услышал он в ответ.

— Это ты спятил, если думаешь, что я соглашусь.

Разговаривать с Гарри Питсбургом подобным образом было все равно что дразнить голодного волка.

— А ну, проваливай отсюда, — зарычал он.

Рэд Халперт молча собрал драгоценности и ушел. А почему бы не получить побрякушки бесплатно, подумал Красавчик Гарри? Он вызвал Сэма Левина и приказал побольше разузнать «об этой заднице Халперте». Сэмми воспользовался услугами некоего Уолтера Сайджа, которого Рэд считал своим другом. От себя Гарри Питсбург пообещал предателю должность управляющего игровыми автоматами в барах на Сэнд-авеню. С этого момента участь Халперта была решена. Сайдж встретился с ним и рассказал, что знает хорошего покупателя, который интересуется драгоценностями. У молодого вора не было оснований не доверять своему другу. Он отправился домой за товаром. Сайдж сказал, что вместе с покупателем будет ждать его в баре Ханта. Все дальнейшее, как говорится, было делом техники. Когда Рэд Халперт вышел из дома с драгоценностями в кармане, его схватили Рильз и Голдштейн, вывезли за город и хладнокровно прикончили. Но они не могли знать, что эту сцену издали наблюдал Гарри Рудольф, которого Рэд пригласил выступить свидетелем при заключении сделки. Кстати, Уолтер Сайдж не протянул долго. Рильз заподозрил его в сокрытии доходов. Утруждать себя проверкой Кид Твист не стал, а разрешил проблему привычным способом. Сайджу устроили «прогулку» в горах Катскилл, во время которой Гарри Питсбург нанес ему тридцать два удара своим любимым оружием — ледорубом. Сэмми Левин тоже участвовал в этом — он вел машину.

Затем Сэмми выложил правду об убийстве букмекера Соломона Голдштейна, в котором были замешаны сицилийцы Хэппи Мойон и Дашер Аббандандо. Услышав имена авторитетов из района Оушен-Хилл, Туркус потребовал более подробного рассказа об их деятельности. Левин, которому уже нечего было терять, дал показания о шести убийствах. Таким образом, Рильз, Голдштейн, Питсбург, Мойон и Аббандандо — вся верхушка «Корпорации убийств» — были окончательно скомпрометированы. Начиная это дело, прокурор О'Двайер даже представить себе не мог, насколько длинной окажется раскручиваемая им цепочка.

— Теперь-то мы сможем припереть к стенке этого подонка Рильза, — с удовлетворением заметил Туркус, просматривая запротоколированные показания Рудольфа, Маффетора и Левина.

— В любом случае его песенка спета, — согласился прокурор.

— Так я еду в Тобс, мистер Двайер?

— Конечно, Барт. Держи меня в курсе.

Кид Твист встретил помощника прокурора жалобами на

сплошное беззаконие:

— Мистер Туркус, это полный беспредел! Больше месяца я полирую тюремные нары. Спрашивается, за что? Как вы могли поверить этому чокнутому Моку? Да он же с тараканом в котелке!

Рильз выразительно постучал себя пальцем по виску и без передышки продолжил:

— Не убивал я никакого Халперта! Первый раз в жизни слышу это имя! Я заявлю протест окружному судье. Я требую освобождения из-под незаконного ареста по ложному обвинению.

Внутренне подленько ухмыляясь, Туркус подождал, пока Кид Твист наговорится вдоволь.

— У тебя все? — спросил он, когда убийца замолчал. — О'кей, хочу тебя обрадовать, Эйби. С дутыми обвинениями покончено. На, читай!

Туркус с наслаждением, эдаким небрежным жестом швырнул на стол копии показаний трех свидетелей. Пока Рильз читал, помощник прокурора с живым интересом наблюдал за его лицом. Выражение благочестивого возмущения сначала сменилось на скучающе-презрительную маску, сквозь которую затем проступила ошарашенность и далее причудливый симбиоз растерянности, страха и бешеной злобы. «Что с парнем делается! — невольно подумал Туркус. — Какая богатая гамма переживаний!»

Кид Твист шумно засопел.

— Что скажешь, Эйби? Как тебе понравилось это криминальное чтиво?

Рильз с ненавистью буравил Туркуса глазами и молчал.

— Эйби, только не надо делать вид, что ты внезапно стал немым, — с издевкой произнес помощник прокурора, — это тебе не поможет. Догадываешься, почему? Хоть язык у тебя отнялся, но задница в полном порядке и вполне подойдет для электрического стульчика. Как вы там его называете между собой? Кажется, «танцплощадкой», верно?

Рильз хранил молчание, глядя в стену остановившимся взглядом.

— Ну, будь здоров, Эйби, — помощник прокурора вышел из камеры.

На следующий день по обвинению в убийстве первой степени были арестованы Фрэнк Хэппи Мойон и Фрэнк Дашер Аббандандо — главари сицилийской ветви «Корпорации убийств». Узнав об этом, Рильз вызвал своего адвоката и попросил передать письмо жене.

Эта историческая дата сохранилась в полицейских архивах вплоть до минуты. 22 марта 1940 года в 17 часов 30 минут Рози

Рильз, жена Кида Твиста, появилась в кабинете окружного прокурора О'Двайера.

— Мой муж хотел бы встретиться с вами, мистер О'Двайер, — заявила она, — как можно скорее. Он хочет дать показания.

— Мы обдумаем это предложение, — церемонно ответил окружной прокурор. Едва Рози вышла за дверь, как темпераментный Туркус принялся обрабатывать шефа:

— Это наш единственный шанс… Кид Твист все знает про их дела… Опираясь на его показания, мы сможем полностью выкорчевать браунсвиллскую банду.

— Действуй, Барт, — разрешил прокурор. Туркус снял трубку и позвонил в тюрьму Томбс.

— Говорит помощник окружного прокурора. Прошу немедленно доставить подозреваемого Рильза для допроса. Благодарю вас.

Убийца отнюдь не выглядел взволнованным или удрученным. Напротив, он держался весьма уверенно:

— Господин прокурор, за сто штук я могу нанять лучшего адвоката в Нью-Йорке, и он отправит всех ваших свидетелей на помойку. Показаний одного свихнувшегося придурка и двух ничтожных подонков явно недостаточно, чтобы меня угробить. Даже я это знаю. И вы тоже. Триста девяносто девятая статья…

Кид Твист имел в виду статью 399-ю уголовно-процессуального кодекса штата Нью-Йорк, которая гласила: «Ни один обвинительный приговор не может быть вынесен лишь на основании свидетельств участников преступления, если не имеется подтверждений в виде вещественных доказательств и показаний прочих свидетелей (очевидцев), которые позволят определенно установить участие обвиняемого в совершении преступления». Ни тем, ни другим обвинители не располагали. Хороший адвокат действительно мог добиться оправдания Рильза.

— Поэтому условия ставлю я, — уверенно продолжал убийца. — Мистер О'Двайер, сразу хочу сказать, что знаю очень много. Как только я начну говорить, вы станете знамениты. Ваше имя войдет в историю, как имена Дьюи и Ла Гардиа. Я обеспечу вас хорошим стартом для политической карьеры. — При этих словах прокурор поморщился, так как Рильз попал прямо «в яблочко». — Но вы должны предоставить мне и моей жене определенные гарантии. Я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз.

Оставшись наедине, прокурор и убийца сразу заспорили. Рильз шел напролом и в обмен на свои признания требовал полной безнаказанности.

— Это невозможно, — урезонивал его О'Двайер, — общественность этого не допустит. Мы признаем тебя виновным в убийстве второй степени[43], и я буду лично ходатайствовать о смягчении наказания.

Рильз взъярился и ударил кулаком по столу:

— Об этом не может быть и речи! Никакое убийство вы мне не пришьете!

Торг продолжался почти всю ночь. Резкий, жесткий, бескомпромиссный. Каждая из сторон стремилась надуть другую. Наконец уже под утро, издерганные и утомленные, Рильз и О'Двайер пришли к взаимоприемлемому соглашению: от десяти до пятнадцати лет тюрьмы, задним числом обжалование приговора, изменение формулировки на «условно» и два билета на пароход, отбывающий в Рио-де-Жанейро, куда не дотянутся щупальца Высшего Совета.

Вполне удовлетворенный, Кид Твист решил не откладывая начать игру и сразу выкинул козырную карту — поведал окружному прокурору правду об убийстве Датча Шульца. До этого принято было считать, что Голландец погиб от рук конкурентов из еврейской мафии, причем мотивы и обстоятельства убийства оставались совершенно неизвестны. Показания Рильза позволили прояснить истинную картину. Но самое главное — он назвал имена убийц. В то же утро О'Двайер выписал ордера на арест Чарли Уоркмана, Менди Вейсса и Алли Танненбаума. Туркус тем временем продолжал допрос, и к середине дня пришлось выписать еще несколько ордеров на имена Гарри Питсбурга, Луиса Капоне и ряда других профессионалов. Как говорится, их взяли тепленькими. Ничего не подозревающие убийцы пили утренний кофе, когда за ними пришли полицейские.

Эйби Рильз обладал феноменальной памятью. Он с потрясающей точностью вспоминал факты, даты, имена, места проведения акций и даже потенциальных свидетелей, полностью отвечающих требованиям статьи 399-й. Он пролил свет на обстоятельства двухсот пятидесяти (!) убийств, отнесенных к категории нераскрытых. Кроме того, Кид Твист открыл глаза прокурору — и, без преувеличения, всей американской общественности — на существование в Нью-Йорке чудовищной индустрии смерти, которую именовал «Бруклинским объединением», а журналисты прозвали «Корпорацией убийств». Он раскрыл структуру и объяснил механизм работы этой организации.

В большинстве своем гангстеры начинали работать на «Корпорацию» не добровольно. Вербовщиками выступали главари вроде Мойона или Питсбурга. Сам Рильз признал, что тоже

занимался этим. Наемников вербовали из числа уголовной шпаны, отиравшейся возле притонов, принадлежащих «Корпорации» в Браунсвилле и Оушен-Хилл. Парни без роду без племени, с детства влачившие жалкое существование в черном сердце трущоб, они были готовы поставить на кон последнюю рубашку. Карточный азарт, наркотики, а потом новый срок — так проходила большая часть их бессмысленной жизни. Присмотрев кого-то из этой публики, вербовщик предлагал ему деньги по обычной системе: один доллар в неделю за каждые пять, взятые в долг. Когда сумма долга выходила за разумные пределы, вербовщик требовал немедленно вернуть деньги. Должник, естественно, оказывался неплатежеспособен. Тогда вербовщик предлагал выбор: или тебе переломают кости специалисты по выбиванию долгов, или ты совершишь убийство, долг тебе прощают и накидывают сто долларов за работу.

Самым большим заблуждением наемников, завербованных таким способом, было то, что дело ограничится только одной мокрухой. После первого убийства парень попадал в полную зависимость от главарей «Корпорации». Если он отказывался выполнять второй заказ, его убивали, если соглашался во второй раз и в третий, его тоже убивали, потому что он слишком много знал. Причем чистка производилась очередным наемником, завербованным точно так же. Этот «конвейер смерти» работал бесперебойно, ибо в трущобах никогда не ощущалось недостатка в нищих оборванцах, начисто лишенных совести. Однако иногда хладнокровие, инициатива и сноровка, проявленные наемником при выполнении первых заказов, привлекали внимание вербовщиков. «Корпорация» всемерно развивала способности новичка, и он переходил в ранг профессионалов, за которыми закреплялись постоянные источники дохода. Таких профи в «Корпорации» насчитывалось не более ста, но если учесть, что, по оценкам Рильза, в разное время ее численность колебалась в пределах от пятисот до полутора тысяч наемников, то можно себе представить, сколько трупов было разбросано в тайных захоронениях или на дне Гудзона!

Кстати, Рильз, а затем Алли Танненбаум, продержавшийся всего десять дней, указали полиции несколько тайных кладбищ в графстве Салливан, Катскиллских горах и в лесах Джерси. В последующие дни все идентификационные лаборатории в Нью-Йорке были загружены работой по горло, ибо в местах, указанных гангстерами, полицейские обнаружили десятки полуразложившихся трупов. Разоблачения Рильза заняли первые полосы всех крупных американских газет.

Весть о небывалой катастрофе дошла и до городка

Даннемора. В тюрьму Клинтон ее принес Фрэнк Костелло. Как обычно, надзиратель Мерфи оставил его наедине с Лаки Лючано.

— Чарли, беда! — возопил Костелло. — Рильз раскололся. Он сдает всех. Люди Лепке горят как свечки.

Лаки замер. Эйби Рильз участвовал в убийстве Сальваторе Маранцано и хорошо знал, кто именно отдал приказ. Это грозило королю гангстеров смертным приговором. Однако не время было предаваться мрачным раздумьям, надо действовать — действовать, пока не поздно!

Фрэнк Костелло безмолвно ждал решения босса. Лаки взял себя в руки и спокойно спросил:

— Кого уже взяли?

— Капоне, Питсбурга, Танненбаума, Голдштейна… — стал перечислять Костелло. По мере того как перечень удлинялся, Чарли становился все более мрачным.

— Кто занимается этим делом?

— Билл О'Двайер.

— А что поделывает Дьюи?

— Сидит в Олбани и на всех поплевывает[44].

— О'Двайер — это хорошо[45], — задумчиво протянул Лаки. — Вот что, Фрэнк, все протоколы показаний Рильза должны быть у меня. Мне надо крепко подумать.

— Я предусмотрел это, Чарли. Я привез протоколы с собой.

Костелло передал Лаки увесистую папку. Лаки улыбнулся уголком рта:

— Мы всегда понимали друг друга, верно?

— Ты будешь знать все, что напоет эта сволочь Рильз, от первого до последнего слова, — пообещал Костелло.

Черты лица Лаки стали жесткими:

— Отправляйся в Нью-Йорк. Передай приказ всем подонкам этой страны: награда за Рильза — сто тысяч долларов, за Танненбаума — семьдесят. Подними на ноги всех полицейских. Можно попытаться убрать этих стукачей в тюрьме.

— Хорошо, я попробую.

Вернувшись в свою камеру, Лаки стал напряженно думать. Предательство Рильза образовало в структуре преступного синдиката зияющую брешь, и ворвавшийся через нее вихрь мог смести их всех.

Между тем главари «Корпорации убийств», парализованные страхом перед неизбежной расплатой, передали на волю приказ убивать всех, кто мог бы подтвердить показания четверых раскаявшихся. Под удар попали те самые профессионалы, ранее составлявшие «корпус неприкосновенных». Массовые убийства продолжались в течение нескольких недель. Волна террора

захлестнула преступный мир.

Вместе со своим автомобилем взлетел на воздух Бенни Танненбаум. Дерти Джим Феррако был перерезан надвое автоматной очередью из притормозившего рядом «Форда», причем стрелял его близкий приятель Вито Гурино. Джек Паризи (Дэнди) получил пулю в затылок в бильярдной на 44-й улице. Прямо в подъезде собственного дома был убит Тони Ромеро — заряд крупной дроби разворотил ему грудную клетку. Печально окончил свою блестящую карьеру неразговорчивый убийца Макс Голлоб — полицейские, вломившиеся к нему в квартиру с ордером на арест, обнаружили его тело в ванной с пятьюдесятью ножевыми ранениями. Изысканная сицилийская казнь выпала на долю Фрэнка Спеллано. Брат Хэппи Мойона Дьюк вместе с Вито Гурино залил ему горло расплавленным оловом. Напоследок проявив милосердие, Дьюк Мойон выстрелил Спеллано в голову. Чтоб не мучился. Анджело Латтаро был убит на вокзале Гранд-Сентрал при попытке сбежать из Нью-Йорка. В свою очередь, тех, кто занимался чисткой, уже выслеживали головорезы из «Пепл ганг», направленные в Нью-Йорк по просьбе Багси Сигела.

Устроенная синдикатом бойня обернулась против него самого. Многие стойкие бандиты, которые никогда бы не позволили себе произнести ни одного слова признания, к своему великому разочарованию поняли, что ни былые заслуги, ни репутация — ничто не может спасти их от рук слепых палачей. Разве что… правосудие. Видя в этом единственное средство остаться в живых, они сдавались властям и начинали говорить. Так было, например, с Анджело Каталано, которого в один и тот же день пытались убить дважды. Когда по нему открыли огонь из проезжающего мимо автомобиля, его выручила великолепная реакция. Каталано бросился на землю, и только одна пуля слегка задела плечо. Зажимая рану рукой, он побежал к своему дому. Наспех перевязавшись, стал собирать вещи, и в этот момент дверь затрещала под мощными ударами. Анджело три раза выстрелил по двери и, воспользовавшись краткими мгновениями передышки, выпрыгнул в окно. Остановив машину, он под угрозой оружия заставил водителя отвезти его в окружную прокуратуру. Примерно таким же образом О'Двайер получил в свое распоряжение еще двадцать свидетелей. Дальше тянуть не имело смысла. Процессы начались один за другим.

25 апреля 1940 года был осужден Чарли Уоркман. Он получил пожизненное заключение.

13 мая суд присяжных приговорил к смертной казни Фрэнка Хэппи Мойона и Фрэнка Дашера Аббандандо. Приговор был приведен в исполнение в тюрьме Синг-Синг 12 февраля 1942

года.

9 сентября наступила очередь Гарри Питсбурга и Багси Голдштейна. Их казнили 12 июня 1941 года.

17 августа перед судом предстали Багси Сигел, Фрэнк Карбо и Чамп Сегал. Им было предъявлено обвинение в убийстве Гарри Гринберга, но коварным адвокатам удалось сорвать процесс.

Всего же стараниями Рильза и Танненбаума удалось упрятать в тюрьму около пятидесяти убийц. Часть из них была казнена, прочие получили пожизненные сроки заключения. Непосредственная опасность нависла над всеми боссами Высшего Совета, но прежде всего — над Лепке.

Последнее, самое веское слово в этой истории осталось за губернатором Дьюи. Он не мог допустить, чтобы О'Двайер обогнал его по рейтингу избирательских симпатий. Обладая неограниченной властью в штате, Дьюи отдал приказ судить «врага общества номер один» Луиса Бачелтера и двух его подручных — Менди Вейсса и Луиса Капоне. Процесс над ними начался 21 сентября 1941 года. Государственным обвинителем выступил Бартон Туркус. Перечень преступлений, совершенных этими палачами, был воистину бесконечным. 31 ноября присяжные единогласно вынесли вердикт: смертная казнь. Однако Высший Совет приложил все усилия для того, чтобы максимально оттянуть исполнение приговора. Лепке, Капоне и Вейсс провели в тюрьме Синг-Синг еще три долгих года. Казнь состоялась 9 марта 1944 года. Что же касается Эйба Рильза, то ни один босс не мог чувствовать себя в безопасности, пока он оставался жив. Это — одна из самых темных историй американского преступного мира. До сих пор, по прошествии стольких лет, неизвестно, каким образом его убили и кто это сделал. Версий очень много, но ни одна из них не выдерживает серьезной критики. Поэтому автор ограничится общеизвестными фактами.

…Специально для проживания Рильза и Танненбаума был отведен шестой этаж отеля «Хаф Мун» на Кони-Айленде. Этих двух доносчиков охраняли более тщательно, чем золото Форт-Нокса. Но утром 12 ноября 1941 года труп Эйба Рильза обнаружили на улице, под окнами отеля. Все комиссии, занимавшиеся расследованием этого дела, смогли убедительно доказать только одно: Кида Твиста выкинули из окна, и в момент падения он сломал себе шею. Смерть наступила мгновенно. Дальше следствие так и не продвинулось. После случая с Рильзом Алли Танненбаума поразила внезапная потеря памяти, и он уже не представлял опасности для боссов преступного мира. Говорят, Лаки Лючано устроил в честь смерти Рильза торжественную

попойку в тюрьме Клинтон, на которую были приглашены даже надзиратели. Так или иначе, но правосудие остановилось буквально в одном шаге от главных заправил организованной преступности. И кто знает, как обернулось бы дело, поживи Рильз еще немного. Избавившись от него, Лаки Лючано всерьез занялся проблемой своего освобождения.

Глава 17
Гавана

Судья Филипп Маккук не был суеверным человеком и не стал приписывать воле злого рока те странные, а затем и трагические происшествия, которые внезапно случились с ним, его близкими и принадлежащим ему имуществом. То он обнаруживал в бензобаке своего автомобиля сахарный песок, то ни с того ни с сего выходило из строя рулевое управление или отказывали тормоза. На дорогах у судьи так часто случались аварии, что патрульные полицейские, обращаясь к нему, уже стали называть его по имени. Однажды сгорел его гараж вместе с только что купленным новеньким «Крайслером». Огонь перекинулся на дом, за который судья еще не успел выплатить последний взнос.

Затем при самых загадочных обстоятельствах умерла жена Филиппа Маккука. Врач долго колебался, прежде чем выдать разрешение на погребение. После этого наступила очередь одного из сыновей… И добропорядочный судья Маккук не выдержал больше — он отправился в Даннемору, чтобы повидать Чарльза Лаки Лючано.

Встреча состоялась в кабинете тюремного врача. Как Маккук ни пытался держать себя в руках, пережитые потрясения были слишком сильны, и с неприкрытым отчаянием в голосе он спросил:

— Мистер Лючано, как вы можете так поступать?

Чарли не удержался от усмешки:

— Что, господин судья, правосудие зашло в тупик?

— Моя жена, мой сын.

— Вы что, пришли сюда выдвинуть обвинение против меня? — ледяным голосом осведомился Лаки.

— Нет, что вы, нет. Господи…

— В таком случае что вам угодно?

— Мистер Лючано, — почти прошептал судья, — отведите несчастья от моего порога. Видит бог, их было немало. Я достаточно наказан.

— Видите ли, мистер Маккук, по натуре я — не альтруист и поэтому имею право требовать от вас встречной услуги. Или вы считаете, что это не так?

У судьи сдали нервы. Он поспешил отвернуться, но Лаки заметил блеснувшие на его глазах слезы.

— Как же так можно, — бормотал судья, сморкаясь в платок, — жену, сына…

— А как вы могли упрятать на пятьдесят лет ни в чем не повинного человека? — резко спросил Лаки. — Вы же знали, что обвинение Дьюи было фальшивкой. Это ваша справедливость? Значит, наши с вами понятия о справедливости расходятся! Хотели поживиться шкурой Чарли Луканиа, как господин Дьюи? Сделать карьеру? Прослыть самым честным? Платите по счету, мистер Правосудие!

Судья молчал. Его плечи вздрагивали. В голосе короля гангстеров слышалось злобное торжество:

— Какие громы и молнии вы в меня метали в зале суда, не забывая подставить свою физиономию под объектив репортера! Мошенник, вот вы кто! Это говорю вам я.

Судья покорно сносил издевки Лаки. Достаточно насладившись его унижением, король гангстеров перешел на деловой тон:

— Завтра мой адвокат подаст на ваше имя ходатайство с просьбой о моем досрочном освобождении ввиду полного исправления. Вы удовлетворите это ходатайство. Что будет дальше, вас не касается. Если мне еще понадобится ваше содействие, мой адвокат свяжется с вами и все подробно расскажет. Ну, мистер Маккук, у вас есть шанс искупить свою вину.

— Я согласен, мистер Лючано.

— О'кей, — удовлетворенно произнес Лаки, — теперь можете считать, что все ваши неприятности закончились.

Разобравшись с судьей, Чарли Луканиа приступил ко второму этапу, исполнение которого обеспечивал Вито Дженовезе.

К тому времени Вито пользовался неограниченным доверием диктатора Муссолини и министра внутренних дел Италии графа Чиано. «У каждого человека есть свой скелет в шкафу» — это весьма избитое выражение касалось и графа Чиано, который с наслаждением предавался тайному пороку — нюхал кокаин. Дженовезе взял на себя снабжение графа «ангельской пудрой». Связным между Вито и Лаки Лючано был сицилиец Кармине Таланте, который после осуждения Лепке взял на себя контрабанду героина в Штаты. Что интересно, еще в 1940 году Чарли Луканиа вошел в контакт с секретной службой военно-морских сил США и предложил «ухлопать Гитлера». «В нашем распоряжении в Италии находится один из лучших стрелков в мире, — заверял Лаки. — Мой друг Дженовезе сможет устроить так, что он приблизится к Гитлеру на дистанцию выстрела». Как знать, по какому пути развивалась бы дальше мировая история, если бы коммодор Гаффенден[46] дал разрешение на эту операцию. И недаром Марио Пьюзо в своей книге «Крестный

отец» совершенно серьезно написал: «Доверили бы семейным кланам мафии управлять политикой государств, глядишь, и мировой войны никогда бы не было».

Террор, развязанный дуче на Сицилии, поставил мафию на колени.

Префект Палермо Чезаре Мори почти в полном составе отправил в концентрационные лагеря все одиннадцать семейств Общества Чести. Так на ровном месте возникла фигура некоего Калоджеро Вицини, с которым Вито Дженовезе наладил тесные связи при посредничестве Таланте. Когда в 1943 году союзники высадились на Сицилии, именно Калоджеро Вицини по просьбе Лаки Лючано обеспечил беспрепятственную высадку десанта. От этого славного дела выиграли все. Союзные войска заняли Сицилию практически без выстрела. Вицини, поддержанный оккупационными властями, перевоплотился из никому не известного главаря в дона Кало, «капо ди тутти капи».

Лаки Лючано получил долгожданное помилование: коммодор Гаффенден неофициально ходатайствовал за него перед губернатором Дьюи.

Итак, 2 февраля 1946 года Том Дьюи подписал распоряжение о досрочном освобождении из-под стражи гражданина Сальваторе Луканиа. Губернатор опять сознательно допустил ошибку в формулировке. Поскольку Лаки реально не являлся гражданином США, Дьюи принял решение о его высылке из страны обратно в Италию, тем самым еще раз продемонстрировав общественности свою принципиальность.

Лаки Лючано под конвоем доставили на борт парохода «Лаура Кин», следующего в Геную. Боссы мафии со всей страны съехались в Нью-Йорк, чтобы попрощаться со своим королем. Как полагалось по обычаю, упраздненному самим же Лаки, они принесли повелителю толстые конверты с деньгами в знак уважения. Общая сумма, собранная «на дорогу», достигла почти миллиона долларов. Не было шумного банкета и обильных возлияний. Лаки Лючано за время, проведенное в тюрьме, привык к постной пище и не мог есть даже спагетти. Судовой кок поджарил для него немного рыбы. Джо Адонис съездил в ближайший ресторан, привез несколько ящиков красного вина кьянти. Большая часть ужина прошла в молчании.

Когда капитан отдал приказ разводить пары, боссы встали. Выпив по последнему стакану, разбивали их «на счастье». Поочередно обнимали Чарли и целовали в обе щеки. А якорная цепь уже ползла вверх.

Лаки Лючано вышел на палубу. Завыл корабельный гудок. Вода под винтами забурлила. Пароход медленно тронулся в

открытое море. Причал все более удалялся, и группа богато разодетых людей, машущих шляпами, постепенно растворялась в темноте. Вскоре Лаки не различал уже ничего, кроме мириад огней огромного города, видимых издалека. А потом и они скрылись в сыром тумане. Теперь Америка была потеряна для Лаки навсегда. Он ощутил давящую боль в груди и внезапную адскую усталость. Король гангстеров по-своему любил страну, которой причинил так много зла. Здесь он стал великим человеком, а его имя стало достоянием истории. Он осознавал, что с его депортацией в Америке закончилась целая эпоха, которую он творил своими руками. Но надо было жить дальше.

…Неаполь — это город нужды, порока, богатых вилл, грязных трущоб и традиционно высокого уровня преступности. Однако появление здесь Лаки Лючано не вызвало всплеска криминальной активности. Бывший босс боссов вел себя тихо. По крайней мере, пока. Он поселился на виа Тассо, ничем не примечательной улице в южной части города. В обычном пятиэтажном доме снял небольшую квартиру и в расписке указал свое подлинное имя — Сальваторе Луканиа. Итальянские власти решили сразу показать, что с ними шутки плохи. Лаки привлекли к суду за контрабандный ввоз в страну 57 тысяч долларов (что было по меньшей мере странно, так как при себе он имел гораздо больше) и оштрафовали за незаконный импорт американского автомобиля «Линкольн», зарегистрированного в Нью-Джерси. С первых дней пребывания на итальянской земле за ним следили агенты секретной службы из Интерпола. Наблюдатели зафиксировали неоднократное появление в доме на виа Тассо визитеров из Америки, но задерживать их не было оснований.

Немного обжившись в Неаполе, Чарли решил, что пора браться за дело. Прежде всего было необходимо установить прямую связь с Обществом Чести. Предлог для поездки на Сицилию нашелся самый невинный — Лаки захотел побывать у себя на родине, в Леркала-Фридди. Дон Калоджеро Вицини заранее знал о его предстоящем визите и подготовил торжественную встречу.

В палермском аэропорту Пунта-Раизи Лаки ожидал Фрэнк Кополла, такой же изгнанник, отчаянно скучавший по Америке. Но если Лаки пострадал от козней Тома Дьюи, то на хвост Кополле наступил Генри Анслингер. Фрэнк погорел на торговле героином. Его посадили в тюрьму, но он внес залог и, освободившись, бежал на Сицилию, ибо свобода все-таки намного дороже залога. До побега Кополла жил в Детройте и часто бывал в Нью-Йорке. С Лаки его объединяла искренняя любовь к этому «главному городу мира» и желание любой ценой вернуться в

Америку. В прошлом их пути не пересекались, но поближе познакомиться не мешало.

— Мое почтение, мистер Лючано. — Кополла протянул руку, на которой ярко сверкал золотой перстень.

— Старушка Сицилия, — растроганно произнес Лаки, оглядываясь вокруг.

Кополла повел его к своему роскошному «Кадиллаку».

— Во, — он любовно похлопал ладонью по хромированному крылу, — выписал из Штатов. Здесь днем с огнем не сыщешь хорошую тачку, одни горбатые «Фиаты». Да я перестал бы себя уважать, если б ездил в этом итальянском корыте. А так все карабинеры передо мной в струнку тянутся!

В салоне был кондиционер, радиоприемник и бар с напитками.

До Палермо было двадцать минут пути. Кополла открыл бутылку «Кинг рансом»:

— За встречу, Чарли!

— За встречу, Фрэнк!

Кополла снимал виллу в респектабельном районе Партинико. Было видно, что в средствах он не нуждался, жил на широкую ногу. Гангстеры устроились в кабинете. Пришло время серьезного делового разговора. Чарли указал пальцем на потолок, что означало: нас не подслушивают?

— Расслабься, — Кополла засмеялся, — здешним фараонам далеко до ФБР.

— Я смотрю, ты при деньгах, — заметил Лаки, — занимаешься бизнесом?

— Нет. У меня есть кое-что в банке Лугано. Можно сказать, живу на сбережения. А дела никакого.

— Ты знаешь, Фрэнк, чутье подсказывает мне, что эта страна имеет большое будущее. Хотя бы в качестве перевалочного пункта для порошка. А со временем здесь можно будет построить несколько лабораторий и наладить хорошее производство.

— Пустая затея, Чарли, — отмахнулся Кополла, — нам не дадут развернуться. Что за люди здесь? Пастухи! Деревня. Безмозглые, вонючие и пьяные. Нет размаха. Все, на что они способны, — это торговать яблоками и палить из своих дурацких лупар. Ты знаешь, где меня принимал дон Кало, ихний «капо ди тутти капи»? Не поверишь — в коровнике! Ты можешь себе это представить, а? Я, как дурак, приперся в Виллальбу в лучшем костюме, а меня заводят в поганый сарай, где коровы срут мне под ноги!

— Фрэнки, послушай, мне тоже все здесь не нравится, но что делать, надо зарабатывать на жизнь. Я думаю только об одном:

вернуться в Штаты. Но без больших денег этого не сделаешь.

Глаза Кополлы заблестели.

— Черт возьми, Штаты, а? Все бы отдал, последний доллар, чтобы вернуться туда.

— Сейчас наркотики дают триста процентов прибыли. Через пять лет будет в два раза больше. У нас есть деньги, на которые мы сможем купить весь этот гребаный остров.

— Здесь все решает дон Кало. А он — против наркотиков.

— В Организации есть правило: на своей территории каждый делает что хочет, — возразил Чарли.

— Так-то оно так. Я бы хоть сейчас… По чести говоря, скучно без дела. И время девать некуда. Подумай, на весь город один нормальный ресторан! Чертова дыра!

— Дело будет, Фрэнки, — пообещал Лаки Лючано, — из Америки скоро должен приехать один парень. Для начала он будет толкать для нас десять-двенадцать килограммов в месяц.

Кополла восторженно выругался:

— Тысяча чертей! Я могу поучаствовать, Чарли? Беру на себя поставки реактивов. В Мессине есть небольшой химзавод. Там можно достать ангидрид. В любых количествах.

— Хорошо, мы обсудим это, когда я приеду сюда в следующий раз, — Лаки поднялся, — а пока, Фрэнк, я хочу попросить тебя об услуге: отвези меня в Леркала-Фридди.

— Без проблем, — охотно согласился Кополла.

В Леркала-Фридди съехались главы всех одиннадцати семейств Общества Чести. Всего три года прошло с момента высадки союзников на Сицилии, а мафия не только восстановила свою структуру, но и сумела достичь прежнего, довоенного могущества. Места старых главарей, стертых в лагерную пыль, заняли другие, такие же усатые и чопорные. Все вернулось на круги своя, будто на острове никогда не было «железного префекта» Чезаре Мори, нанесшего мафии так много смертельных ран.

Местные капо-мафиозо плохо знали, кто такой Лаки Лючано. Это имя не говорило им ничего. Но для них было достаточно рекомендации дона Кало, который представил заокеанского гостя как настоящего человека чести, достойного уважения. Старомодный сельский праздник, устроенный по случаю возвращения Лаки на родину, — с танцами под мандолину и заунывными народными песнями, — не вызвал у него особого восторга. Он был слишком американизирован. Он предпочел бы хороший стриптиз и какой-нибудь модный негритянский оркестр. Лаки слишком ясно ощущал отчуждение этих людей. Между ним и этими усачами-ортодоксами, напичканными архаическими

предрассудками, была глубокая пропасть. Единственная «родственная душа» — Фрэнк Кополла — остался в Палермо. Он не пользовался ни малейшим авторитетом среди местных главарей. Напротив, «усатые папаши» осуждали Фрэнка за развязные манеры, излишнюю говорливость, щегольский внешний вид и черт знает за что еще. Впрочем, это не имело особого значения. Лаки плевать хотел на то, уважают его эти типы или нет. Он знал, что ему отпущено ума и хитрости больше, чем всем им вместе взятым. И, если понадобится, он устроит здесь новую «сицилийскую вечерню», дабы обновить дряхлеющую кровь в жилах мафии. Но Лаки надеялся, что ему удастся убедить дона Кало принять участие в прокладке через Сицилию нового маршрута или в крайнем случае не мешать это делать другим, более предприимчивым людям.

Внимательно осматривая родную деревню, покинутую в раннем детстве, Чарли подумал, что, несмотря на прошедшие сорок лет, здесь почти ничего не изменилось. Та же отвратительная горная дорога, вся в выбоинах и ухабах. Те же выжженные солнцем узенькие клочки неплодородной каменистой почвы и маленькие, неуклюжие хижины, лепящиеся на склонах гор. Единственный признак технического прогресса, насмешливо отметил Лаки, — стекла в окнах вместо бычьих пузырей или бумаги, как это было во времена его детства. Так что, как ни крути, цивилизация медленно, но верно проникала даже в самые мрачные глубины Сицилии.

Лаки вздохнул с облегчением, когда скучное празднество наконец закончилось. Приглашенные капо-мафиозо разошлись по отдельным комнатам, любезно предоставленным местным помещиком в двухэтажном каменном доме. Усадьба да маленькая церквушка — вот все достопримечательности, которые были в Леркала-Фридди. Против воли Лаки чувствовал отвращение. Его манил блеск больших городов, где жизнь мчится со скоростью курьерского поезда. С новой силой в душе всколыхнулась тоска по Америке, которую Лаки тщательно загонял подальше в подсознание. Единственным средством спастись от хандры был бизнес.

…Дон Калоджеро Вицини ждал Лаки в маленькой беседке. В темноте тускло мерцал поставленный на камень старый керосиновый фонарь. Примерно шагах в двадцати маячили две безликие фигуры телохранителей дона Кало. Проходя мимо них, Чарли заметил, что оба одеты в овечьи тулупы мехом наружу. Грубые заскорузлые руки сжимали ложа лупар — сицилийских обрезов — традиционного оружия мафиозо. Любой мальчик с «пушкой» из трущоб Ист-Сайда выглядел бы намного круче, чем

эти пастухи.

В то время Калоджеро Виччини исполнилось пятьдесят лет. Черты его лица были тяжелые и грубые, будто вытесанные из камня. Равнодушный, властный взгляд бесцветных глаз заставлял трепетать каждого сицилийца вне зависимости от занимаемого положения. Дона отличала изрядная небрежность в одежде — пиджак висел на нем мешками, а брюки никогда не знали утюга. Галстуков и носовых платков дон также не признавал. Поскольку на Сицилии молчаливость считается признаком настоящего мужчины, сильная половина населения острова всегда старалась сказать одно слово, когда нужно было сказать два, а если требовалось одно, сицилийцы предпочитали язык жестов. Так вот, дон Кало по праву считался самым молчаливым из всех сицилийцев. Даже на важнейших сходках, где принимались судьбоносные решения, он умудрялся обходиться одним-двумя словами. Все остальные наизусть знали, как толковать тот или иной жест повелителя. Шевеление пальцев означало сомнение, сжатые губы — неодобрение, кивок головой — согласие и тому подобное. Человеку, незнакомому с манерой дона Кало вести переговоры, было порой очень трудно понять его, и тогда в дело вступал переводчик, на ухо шептавший значение жестов. Лаки Лючано, наслышанный о причудах старика, предварительно проконсультировался в Палермо и, таким образом, был готов к непосредственному общению.

В тусклом свете фонаря лицо короля сицилийской мафии казалось неживым.

— На Сицилии время не имеет значения. Его как бы нет. Особенно в таких местах, как Леркала-Фридди, — сказал Чарли. Дон Кало кивнул.

— Ты знаешь, я никогда не стал бы говорить о деле, которое не сулит хорошей выгоды.

Дон снова кивнул.

— Ко мне в Неаполь часто приезжают друзья из Штатов. Они говорят, что Организация начинает новый большой проект, который через пять лет принесет огромные деньги — на каждый вложенный доллар десять-двенадцать долларов прибыли. Пока еще не поздно, мы могли бы вложить в это дело пару миллионов. Долларов, — уточнил Лаки.

Дон Кало заинтересованно моргнул глазами.

— Вопрос только один: где взять эти два миллиона? На него есть простой ответ: заработать на белом порошке.

При упоминании о наркотиках на лице старого дона появилось настороженное выражение.

— До войны наш общий друг Вито Дженовезе закупал сырье в

Турции и затем перевозил в Марсель, где существовала хорошая школа специалистов и было отлаженное производство. Но все испортила проклятая война. Город разрушен, наши люди рассеяны по всему свету. Поэтому я предлагаю возобновить производство здесь, на Сицилии. Если мы займемся этим, то снизим себестоимость продукта, по крайней мере, в шесть раз. Я могу договориться с турецкими контрабандистами. Доставка до Сицилии обойдется нам в две тысячи долларов за десять кило кофеина, о реактивах позаботятся наши друзья, а из этих десяти можно получить один килограмм героина. Раньше мы покупали готовый продукт в Марселе по восемнадцать тысяч за кило и потом продавали в Штатах по сто пятьдесят тысяч. Даже если вычесть расходы на перевозку и подмазку таможни, прибыль все равно была семь к одному. Но сейчас, во-первых, цены на порошок выросли почти в два раза, а, во-вторых, мы избавились от посредников-французов. Итак, мы платим две тысячи за 10 килограммов сырья, перерабатываем его в своих лабораториях и продаем в Штаты один килограмм порошка за 250–300 тысяч. Проблему доставки и продажи я беру На себя, тут все схвачено. Заработанные деньги мы вкладываем в игорные империи Гаваны, Лас-Вегаса и Рино. Через пять лет наши имена внесут в список богатейших людей мира в журнале «Форбс».

Дон Кало пошевелил пальцами. Но тут случай был настолько особый, что жестами не отделаешься. Дону пришлось поднатужиться и произнести целую речь:

— Сальваторе, то, чем ты занимаешься для себя, — это твое дело и не касается никого. Но здесь я старший, поэтому мне решать. И я решил: нет. На Сицилии этого зла быть не должно. Пока я жив, никаких наркотиков не будет. Нам не нужна эта мерзость.

Старик замолчал. Чарли понял, что это все. И без того он присутствовал при уникальном событии: дон Кало заговорил. Такое случалось не чаще, чем северное сияние в Объединенных Арабских Эмиратах. «А благодаря кому ты стал главным боссом, старый мерзавец?!» — злобно подумал Лаки. Но эта мысль появилась с досады, и он понимал, что дон Кало ничего ему не должен. Конечно, пока Лаки оставался королем гангстеров, он мог заставить старика считаться с собой. Но то время прошло. По существу, теперь он был один. Ни прежним влиянием, ни прежними финансовыми возможностями он не обладал. Зато дон Кало крепко держал в руках вожжи власти. И если он сказал, что на Сицилии наркотиков не будет, значит, их действительно не будет, ибо приказ капо ди тутти капи священен, и его нарушение карается смертью. Чарли был один в чужой стране. Для начала

следовало бы найти союзников среди местных главарей, но ни один из них еще не «дозрел». Они продавали воду и фрукты и были вполне довольны своими жалкими доходами. Время больших перемен на Сицилии еще не пришло.

Ничего толком не добившись, Лаки вернулся в Неаполь. Он решил попытать счастья и открыть собственное дело. Человек из Америки, о котором Лаки рассказывал Фрэнку Кополле, зря потратился на билеты. Его звали Джозеф Бонди.

Он собаку съел на торговле наркотиками и сразу скептически отнесся к идее Чарли оборудовать собственную лабораторию в Неаполе.

— Мистер Лючано, легавые следят за каждым вашим шагом. Мы не успеем выпарить даже двух килограммов порошка, как нас возьмут за задницу. Самое лучшее, что можно сделать, так это производить товар на Сицилии. Там всюду чертовы горы, уйма разных островов и уследить за отправкой груза очень трудно.

— Пока старый дурак Виччини жив, Сицилия для нас закрыта, — с раздражением ответил Чарли. Бонди вздохнул:

— Тогда придется подождать. Конечно, мы на этом теряем, но что поделать.

— О'кей, отправляйся обратно в Штаты, жди моего звонка. Мы начали не с того конца. Прежде надо было съездить в Турцию, договориться насчет сырья.

…В августе 1946 года Лаки Лючано на пароходе «Либерито» прибыл в Стамбул. Турецкие контрабандисты, весьма заинтересованные в сотрудничестве, обеспечивали его безопасность. Понимая, что за ним пристально следят агенты Интерпола, Лаки усиленно заметал следы. Однажды ночью он таинственным образом исчез из номера гостиницы. Через полчаса он уже находился на борту шхуны, идущей в Трапезунд. Сразу по прибытии в порт Лаки пересел в ожидающий его автомобиль. За чертой города была оборудована небольшая взлетно-посадочная площадка. Турок, способный более-менее вразумительно говорить по-английски, объяснил: «В горы надежного наземного пути нет. Мы возим товар по воздуху». Контрабандисты приготовили для Лаки старый двухмоторный «Бичкрофт». «Лучшее, что у нас есть», — заверил сопровождающий.

Полет продолжался недолго — примерно полтора часа. «Бичкрофт» приземлился на какой-то узенькой полосе в горах. Летчик мастерски владел машиной: после короткой пробежки самолет послушно замер в каких-то пятнадцати футах от скалы. Лаки встречали несколько турок. Один из них, одетый в костюм европейского покроя, с акцентом сказал по-английски: «Добро пожаловать».

Немного отдохнув с дороги, Чарли приступил к переговорам. Турки показали ему маковые плантации и полевые агрегаты, в которых изготовлялась «морфинная основа».

— Война сильно навредила нашему бизнесу, — рассказывали турки, — мы потеряли много полезных связей. Сейчас нам приходится все начинать сначала.

— Какой урожай будет в этом году? — полюбопытствовал Чарли.

— Я не могу отвечать за всех, мистер Лючано. Но в нашем районе к концу августа мы предполагаем собрать пятьдесят тонн опиума. Такого количества хватит на две тысячи килограммов морфинной основы.

— То есть можно будет получить примерно сто пятьдесят килограммов готового продукта, — прикинул Лаки.

— Не знаю, мистер Лючано, мы не занимаемся переработкой.

— Проблема в том, что я не могу платить больше.

— О нет, мистер Лючано, мы не согласны. На нас лежит риск при транспортировке. Наши друзья на таможне требуют за свои услуги очень большое вознаграждение. Кроме того, местные крестьяне просят за весовую единицу сырья триста пятьдесят долларов. Поэтому наши условия — три с половиной тысячи и ни центом меньше.

В результате длительного торга Лаки удалось сбить цену на четыреста двадцать долларов. Обе стороны остались не слишком довольны друг другом.

— Господа, — пожимая контрабандистам руки, сказал Чарли, — в сентябре я буду вести переговоры с моими американскими друзьями, и, если ваши условия их устроят, я пришлю за товаром своих людей.

За три недели пребывания в Турции Лаки объездил весь «опиумный пояс» и заключил договоры на приобретение пятнадцати тысяч килограммов морфинной основы. Он знал только одно правило — у кого деньги, у того и власть. С помощью очень больших денег Лаки рассчитывал рано или поздно вернуться в Америку.

В дом на виа Тассо пришла телеграмма из Гаваны. Там было всего два слова: «Отель “Насьональ”». Старые друзья приглашали принять участие в игорном бизнесе на Кубе. Об этом Лаки договорился с Мейером Лански во время прощальной трапезы в кают-компании парохода «Лаура Кин». Тогда между ними состоялся примерно следующий разговор:

— Где записано, что ты должен безвылазно сидеть в Италии, Чарли? — сказал Лански. — Гавана — это почти Америка, пятьдесят второй штат. У нас там всюду друзья. Я позабочусь о

том, чтобы тебя приняли с должным уважением.

— Да, но чертово американское правительство может пронюхать об этом и потребовать моей высылки из страны.

— Послушай, ты сделал для разведслужбы достаточно?

— Все, что они хотели.

— Ты выполнил свой гражданский долг. А если кое-кто забыл об этом, мы напомним. В конце концов, Куба считается самостоятельным государством, и правительство Соединенных Штатов нашему другу Фульхенсио Батисте — не указ. Мы будем вместе работать на сахарном острове, как в старое доброе время. Будем строить казино и отели. Твоя голова нам всем очень пригодится.

— Дай мне знать, — не колеблясь, согласился Лаки.

И вот долгожданная телеграмма была получена.

Чтобы не вызвать подозрений, Лаки сел на трансокеанский пароход, следующий в Венесуэлу. Из Каракаса он вылетел в Мехико. В столице Мексики нанял частный самолет, и через четыре часа оказался в аэропорту Ранчо-Бойерос, на благодатной кубинской земле. Прямо по взлетной полосе навстречу Лаки несся сияющий Мейер Лански.

— Чарли, старина-а-а! — восторженно завопил он.

Гангстеры крепко обнялись и долго хлопали друг друга по плечу.

— Поехали скорее. Посмотришь, что мы успели сделать с этим городом!

Роскошный «Линкольн» Мейера Лански в Гаване знали все и почтительно уступали ему дорогу. Пока ехали, Мейер разлил по бокалам шампанское и взахлеб рассказывал об идущем в городе грандиозном строительстве:

— «Насьональ» уже готов! Не отель — сказка! Недавно открыли два казино. Наплыв игроков потрясающий, больше, чем мы ожидали. Специально для наших заведений пришлось оборудовать воздушную трассу, представляешь? Ха-ха-ха!

Отель «Насьональ» возвышается над лазурным заливом, как сторожевая башня. Это самое удачное сравнение, поскольку построен он в стиле рыцарского замка двенадцатого века. Отель расположен в центре Гаваны, в современном районе Веладо и выглядит красивым памятником старинной архитектуры. Со всех сторон его окружает тропический сад с пальмами и экзотическими гладкоствольными пушками, из которых двести лет назад стреляли испанцы. В 1946 году строительство игорной империи только разворачивалось. В Гаване открылись несколько кабаре, бар-ресторан «Ла сирена», казино «Парижьен» и «Новое казино», два бассейна и «Кубана клаб» — салон местной

аристократии. Самолетом из Соединенных Штатов — час пути. На уик-энды сюда был проложен воздушный мост из Флориды.

В холле отеля «Насьональ» в честь появления Лаки Лучано оркестр грянул торжественную мелодию. Но Мейер Лански торопил его подняться наверх. На девятом этаже, в роскошном номере, Чарли встретили дружными аплодисментами и хлопаньем пробок от шампанского.

— С возвращением! — дружно закричали Фрэнк Костелло, Джо Адонис, Вито Дженовезе и Альберт Анастасиа. Растроганный, потрясенный до глубины души, Лаки взволнованно произнес:

— Ребята, у меня нет слов.

Джо Адонис с таинственным видом подошел к двери:

— А сейчас — сюрприз. Раз, два…

— Три! — дружно гаркнули боссы.

Джо распахнул дверь. Под грохочущий ритм зажигательного «попурри» в номер с веселым визгом вбежали загорелые хорошенькие девушки.

Из одежды на них были только серебряные пояски и туфли на высоких каблуках. Вслед за ними, наяривая на ходу будоражащую кровь мелодию, в номер вошли стильно одетые негры.

— Лучшие девочки в Гаване! Лучший на Кубе оркестр! — объявил Джо Адонис. — Для тебя, Чарли!

Пока девушки исполняли разнузданный кубинский танец, Лаки с жаром хлопал в ладоши и смеялся от души. Только сейчас он понял, как сильно соскучился по блеску американского образа жизни. Желая еще больше раззадорить девчонок, Лаки вытащил из бумажника толстую пачку долларов и швырнул под потолок. Зеленый дождь осыпал разгоряченных танцовщиц. Деньги действительно заставили их вертеться быстрее. Следуя примеру Чарли, остальные боссы, хохоча во все горло, принялись запускать в воздух свои доллары. Крупные банкноты кружились и медленно падали, как фантасмагорический зеленый снег, девушки отчаянно стучали каблучками по паркету, музыканты не жалели своих рук и легких. Потом девушки танцевали прямо на столах. Изрядно набравшиеся гангстеры совали доллары им за пояски, не считая. Негры, окосевшие от гомерических порций великолепного шампанского, сильно фальшивили. Один из них, в припадке пьяного патриотизма, вдруг заиграл гимн Соединенных Штатов.

— Жаль, здесь нет нашего доброго друга Фрэнка Синатры, — сетовал Костелло. — Чарли, он исполнил бы для тебя «Декабрьскую ночь».

Лаки не отвечал, поглощенный двумя красотками, сидевшими у него на коленях. Посмеиваясь, Костелло поманил

пальцем девушку, которая стояла на столе прямо перед ним и «охлаждалась» шампанским. Она бросила бокал на пол и тотчас спустилась вниз:

— Я к вашим услугам, мистер Костелло.

— Называй меня просто Фрэнк, малышка.

…Утром Лаки Лючано проснулся довольно поздно, но в отличном настроении. Мейер Лански ждал его в холле отеля:

— Сейчас кратковременный дружеский визит к синьору Пекуэньо.

— Кто он такой? — поинтересовался Лаки.

— Министр внутренних дел и наш добрый друг. Я называю его просто по имени. А зовут его Альфредо. Он выдаст тебе визу.

— На какой срок?

Лански улыбнулся:

— На неограниченный. Потом сразу поедем в Мирамар, на аудиенцию к президенту Бенито Херреро.

— Он тоже наш добрый друг?

— Само собой. На этом острове у нас только друзья. Альфредо Пекуэньо, развеселый сибарит, одетый в великолепный мундир со множеством регалий и медалей, долго тряс руку Чарли.

— Мистер Лючано, очень рад, весьма рад познакомиться с вами. Надеюсь, ваше пребывание на Кубе будет долгим и приятным.

Визу он оформил мгновенно, собственноручно и с подобающей торжественностью вручил Лаки. Уже в салоне автомобиля тот заметил:

— Ну и тип этот Пекуэньо! Больше смахивает на шулера, чем на главного «фараона».

— Ты недалек от истины, Чарли, — отозвался Мейер Лански, — Альфредо обожает хороший покер, рулетку и веселых женщин. Иногда он даже не прочь передернуть.

— Ну и страна! — восхитился Лаки.

— Подожди, сейчас увидишь президента.

Дворец главы кубинского государства находился в аристократическом районе Мирамар. Это было большое, изящное здание в колониальном стиле — с портиками и колоннадами. Во времена владычества испанцев здесь размещалась резиденция генерал-губернатора. По-видимому, Мейер Лански частенько заглядывал сюда, так как стоявшие на входе солдаты, завидев его, взяли винтовки «на караул».

Полицай-президент Кубы Бенито Херреро представлял собой принципиально иной тип, нежели министр Пекуэньо. Коренастый, худощавый, затянутый в строгий мундир без каких бы то ни было

побрякушек, он излучал холодное спокойствие и живо напомнил Лаки профессионального убийцу. Опять же ощущения не обманули экс-короля американской мафии. Карательные экспедиции в глубь острова, которыми руководил Херреро, мало чем отличались от рейдов эсэсовских зондеркоманд. «Красная зараза» проникла на Кубу, и полицай-президент выжигал ее каленым железом. Он растянул узкие бледные губы в некое подобие улыбки:

— Добро пожаловать на сахарный остров, мистер Лучано. Как вам понравилась Гавана?

— Великолепно. Это рай!

— Да… Если бы не красные голодранцы в горах, здесь был бы действительно рай.

— Мистер Херреро, мы обещаем удвоить отчисления в фонд помощи правительству, — вмешался Мейер Лански.

— Как тебе этот парень? — спросил он после окончания аудиенции.

— У него твердая рука, — ответил Лаки.

— Ты прав, как всегда. Он контролирует всю торговлю кокаином в Гаване. Разумеется, в этом бизнесе участвуем и мы. Наше дело — поставлять товар. У нас есть один француз в Парагвае, очень ловкий малый. Он обеспечивает доставку до Панамы. Представляешь, на корню скупил весь генералитет — товар привозят на транспортных самолетах военно-воздушных сил!

— Кокаин — это интересно, — заметил Чарли.

— Безусловно. Скоро он войдет в моду и в Америке, но пока превалирует спрос на героин.

Лански рассказал, что местные ребята создали хороший рынок сбыта кокаина в Гаване. В кругах состоятельных дельцов и аристократии «ангельская пудра» считалась восхитительной роскошью, призванной дарить наслаждение в той же мере, в какой его дарят изысканные блюда и редкие напитки, не предназначенные для повседневной жизни. По сравнению с героином кокаин считался легкой забавой, чем-то вроде невинного флирта. Кубинцы ставили его в один ряд с развлечениями в казино и адюльтером — можно получить массу удовольствия, если не заходить слишком далеко.

— Мы тоже потихоньку толкаем кокаин в наших заведениях, — добавил Лански. — Определенно, это стоящее дело. Но не такое, как героин.

Чтобы обеспечить Лаки как можно более комфортную жизнь, друзья сняли для него роскошную виллу в Мирамаре, возле самого берега моря. Уже на третий день его пребывания на Кубе

из Америки приехали гангстерские боссы, заинтересованные в делах с героином. Не тратя времени на развлечения, они собрались на вилле Лаки Лючано.

Он снова ощущал себя главным боссом. Все эти люди достигли высокого положения благодаря ему. И сейчас, затевая дело на сотни миллионов долларов, Лаки вел их за собой.

— В Нью-Йорке все с ума посходили, — рассказывал Джо Профачи, — спрос на порошок растет день ото дня.

— У нас цена за весовой килограмм доходит до трехсот тысяч, — заявил представитель Чикаго Чарли Фишетти. Лаки Лючано взял слово:

— Итак, друзья, для каждого из нас очевидны выгоды этого бизнеса. Хочу сказать, что в Италии я даром времени не тратил. Мне удалось достигнуть договоренности с турецкими производителями. Они гарантируют поставку сырья, которого хватит для производства шестисот килограммов порошка.

— Вопрос в том, где переработать такое количество морфина, — заметил Мейер Лански.

— На него есть ответ. Остров Корсика.

Взоры присутствующих обратились на Лаки. Он обладал удивительной способностью решать любые проблемы.

— Я вел переговоры с Союзом корсиканцев. Эта Организация внушает мне доверие. Они готовы разместить на своей территории несколько «лабораторий» и взять на себя доставку товара в Гавану. Как его вывезти отсюда — это уже наше дело.

— Сколько они хотят? — заинтересованно спросил Вито Дженовозе. После Арнольда Ротштейна и Лепке он оставался единственным по-настоящему крупным наркодилером. Его операции охватывали все Восточное побережье. Он вызывал у Лаки серьезные опасения как конкурент.

— Их условия — двадцать пять тысяч за килограмм готового продукта.

— Ни хрена себе, — проворчал Вито.

— Но это не окончательное условие, — заверил Лаки, — думаю, мне удастся значительно сбить цену.

— Передай этим чертовым корсиканцам, что за такие деньги я смогу проложить новый маршрут, подальше от них.

— Не горячись, Вито, еще ничего не ясно.

— Нас могла бы устроить цифра двадцать тысяч, — высказался Джо Бонанно.

— В крайнем случае двадцать две, — добавил Профачи.

— Не знаю, не знаю. Турки требуют за единицу сырья три с половиной — четыре тысячи. Война принесла всемирную инфляцию. Корсиканцы вряд ли согласятся на двадцать — так

нарушается паритет цен.

— Это их проблемы.

— Не забывайте, что Корсика очень удобное место, — напомнил Лаки, — гораздо лучше, чем Марсель.

— Решаем так, — предложил Мейер Лански, — возьмем среднюю величину — двадцать две тысячи — и ни центом больше. Время не ждет. Сейчас сезон сбора опиума в самом разгаре.

— Мои люди ждут сигнала ехать на Корсику и в Турцию. Если этим делом не займемся мы, займутся другие.

Лючано и Лански призвали боссов поскорее шевелить мозгами.

— Ладно, пусть пока будет так. В следующем году мы все равно собьем цены, — решил Дженовезе. «Советник» Мейера Лански Гос Гринбаум склонился к уху шефа и что-то негромко сказал.

— Второй вопрос, — вздохнул Лански, — проблемы с Лас-Вегасом.

Тут все боссы зашумели разом.

— Сигела надо оттуда убирать, — требовали они, — он только пускает деньги по ветру со своей сучкой.

Лански скорбно наклонил голову. Он очень боялся за Багси, с которым был неразлучен с детства. Не раз он пытался его образумить, но парень, похоже, таки вляпался в дерьмо.

Еще в середине тридцатых годов штат Невада, в котором были официально разрешены азартные игры, привлек внимание гангстеров. Именно Багси Сигел первый сумел распознать в двух тогда еще никому не известных, затерянных в пустыне городках Лас-Вегас и Рино будущие центры игорных империй. Но как следует развернуться в Неваде помешал сначала Том Дьюи, сделавший карьеру на шкурах гангстеров, а затем — война. Однако весной 1945 года сходка авторитетных боссов в Нью-Йорке постановила организовать закрытое акционерное общество с уставным капиталом в полтора миллиона долларов для строительства в Лас-Вегасе первого отеля — «Фламинго». Строительством руководил Багси Сигел. Примерно в это же время он познакомился с молоденькой красоткой Вирджинией Хилл, помешанной на гангстерах, которая до него успела побывать любовницей Чарли Фишетти и Джо Адониса. Багси… по уши влюбился, несмотря на свои 42 года и репутацию отчаянного бабника. Как говорится: вот тебе бес в ребро! Ради Вирджинии он развелся с женой, бросил двух дочерей и стал тратить больше, чем мог себе позволить. «Малышка Джинни» обожала роскошь, дорогие автомобили, норковые шубы и бриллианты не менее чем

в три карата. Трудно поверить, но она заставила Багси прикарманить часть денег, отпущенных на строительство отеля, а затем и сама запустила лапки в уставный фонд. Когда в 1954 году в отеле «Фламинго» шли ремонтные работы, каменщики обнаружили в фундаменте небольшую нишу, в которой стоял старый, проржавевший от времени сейф. Это был тот самый железный ящик, где Багси Сигел хранил украденные у компаньонов деньги. В августе 1946 года крупнейшие пайщики братья Ротберг, еврейские авторитеты из Нью-Джерси, прислали в Лас-Вегас своих людей, которые долгое время вели целенаправленную слежку за Багси и его любовницей. Им удалось выяснить, что Вирджиния Хилл имеет в банке Цюриха условное конто, на котором лежит сумма в полмиллиона долларов. Сигел был непоправимо скомпрометирован. Однако Мейер Лански изо всех сил пытался его спасти.

— Друзья, друзья, — успокаивал он возмущенных боссов, — каждый человек может совершить ошибку. Никто от этого не застрахован.

— Мейер, я тебя уважаю и всегда принимаю к сведению твое мнение, — горячился Уилл Моретти, — но ошибки Бена обходятся нам слишком дорого. Шутка ли: первоначальную смету утвердили в полтора миллиона, а пришлось выложить шесть. Это немыслимо! Если он не может затянуть удавку на шее своей суки и утопить ее в озере, значит, он больше не тот человек, которого мы знали все эти годы. Значит, мы больше не можем ему доверять наши деньги.

— Извини, Мейер, — мягко сказал Джо Адонис, — но я думаю, что Уилл прав. За шесть миллионов можно было построить два таких отеля, как «Фламинго». Но ведь его еще даже не построили!

— Неизвестно, ошибка ли это. Может, он эти деньги просто «скрысятил», — безжалостно произнес Вито Дженовезе. Лански возразил:

— Это еще надо проверить! Я знаю Бена столько, сколько себя помню. Он никогда не был «крысой». И вы все об этом знаете тоже.

— Не забывай, что время изменяет людей. И часто не в лучшую сторону, — вдруг высказался Лаки.

Вот теперь Мейеру стало по-настоящему страшно. Мнение экс-короля имело прежний вес и могло повлечь за собой немедленное вынесение смертного приговора. Лански терялся в догадках, пытаясь понять, почему Багси стал Лаки поперек дороги.

— Чарли, ребята, — дрожащим голосом сказал Мейер, —

нельзя так сразу решать судьбу такого человека, как Бен. Вспомните, сколько он сделал для всех нас.

— Это в прошлом. А разговор идет о том, что сейчас, — процедил Вито Дженовезе.

— Я прошу вас не ради Бена, ради меня. Дайте мне немного времени. Я завтра же вылетаю в Лас-Вегас. Вы можете прислать туда своих контролеров. Мы хорошенько во всем разберемся и решим по справедливости.

Боссы поворчали, но все же согласились. Авторитет Мейера Лански был очень высок, и отказать ему они не могли.

Оставшись вдвоем с Лаки Лючано, Мейер спросил:

— Чарли, я понимаю, почему эти жадные ублюдки хотят убить Бена. Но ты… Почему ты?

— Мейер, я знаю — Бен тебе как брат. И я отлично понимаю твои чувства. Но чувства — это личное, а речь идет о деле. Неужели ты не понимаешь, что Бен может нам все испортить? Хорошее начало — это половина дела. Подумай, что поставлено на карту. Мы планируем вложить в Лас-Вегас пятьдесят миллионов, которые получим от продажи порошка. Через десять лет мы будем отмывать через Лас-Вегас сотни миллионов долларов и вкладывать их в легальный бизнес. А это уже миллиарды. Так будет, но только в том случае, если место Бена займет другой, более толковый парень, который не станет терять голову из-за шлюхи и лезть в карманы своих друзей.

— Все-таки я считаю, что мы должны дать ему шанс, — упрямо возразил Лански.

— Что же, поезжай туда, попробуй что-то с делать. Но лично я думаю, что уже поздно.

Багси и Вирджиния жили в Беверли-Хиллз, в шикарной двухэтажной вилле, по виду напоминавшей небольшой замок. Мейер Лански появился не вовремя — очередной скандал был в самом разгаре. Дверь открыл плотный мужчина лет сорока в очках. Откуда-то сверху доносились пронзительные крики, перемежающиеся со злобной руганью.

— Что здесь происходит? — строго спросил Лански.

Мужчина поправил съехавшие на кончик носа очки.

— Простите, а вы кто? — вопросом на вопрос ответил он. Телохранитель Лански молча отшвырнул его с дороги, освобождая дверной проем для босса. Лански вошел в просторный холл. Наверху с грохотом упало что-то тяжелое.

— Эге, — заметил телохранитель, — босс, может, я сначала схожу посмотрю?

— Кто вы? Что вам нужно? — повторил вопрос очкарик. Лански посмотрел на него без всякого выражения.

— А ну, заглохни, — рыкнул телохранитель. Внезапно раздался громкий женский визг и снова тяжелый грохот. Очкарик забеспокоился:

— Господи, я же предупреждал…

— Что там такое? — Лански снял шляпу и бросил ее на голову неизвестно зачем здесь поставленного бронзового льва. Встретившись глазами с немигающим взглядом телохранителя, очкарик поспешно объяснил:

— Семейная ссора.

— Ты кто такой?

— Я доктор Бленк.

— Что ты здесь делаешь?

— Жду, пока они успокоятся, чтобы отпаивать обоих валерьянкой. От нервов, знаете ли, хорошо помогает.

— Да они там поубивают друг друга.

— Весьма возможно, — док пожал плечами, — буквально то же самое я говорил им вчера. Но все бесполезно.

— Пошли наверх, растащим их, — предложил Лански. — Я приехал издалека, и мне нужно срочно поговорить с Беном.

— Простите, но это опасно для жизни. У мистера Сигела при себе револьвер. Сейчас он находится в состоянии аффекта и может застрелить любого человека, сам того не желая.

— Ладно, я поднимусь к нему. Ты пока приготовь успокоительное. Оставайся здесь, Нат, — приказал Лански телохранителю и стал подниматься по мраморной лестнице.

Крики доносились из спальни. Лански появился там в тот момент, когда красавица Джинни, извергая площадную брань, срывала с пальчика обручальное кольцо. Багси жадно припал к бутылке с виски. Наконец Вирджиния освободилась от кольца и яростно швырнула его под ноги Сигелу:

— На, забери этот кусок дерьма, а лучше — отнеси своей паршивой женушке! Пусть она виляет перед тобой своей жо… А я себе цену знаю! Хоть завтра уеду отсюда в Париж, и пропадай тут, к чертовой матери, со своим говеным отелем. Придурок!

Взбешенный Багси вдребезги расколотил об пол бутылку.

— А ну, заткнись! — заорал он. — Закрой свой поганый рот, иначе я засуну тебя в дробилку для отбросов — вообще исчезнешь без следа!

— Очень хорошо! — взвизгнула Вирджиния. — Я рада, что ты мне это сказал, потому что сделаю с тобой то же самое.

Багси рванулся к ней, но Лански крикнул: «Бен!» — и он замер как вкопанный. Даже не глядя на своего нежданного спасителя, Вирджиния Хилл выскользнула из комнаты.

Багси шумно дышал. Он был сильно пьян. Сжимая кулаки,

бормотал: «Стерва… чертова сука… Убью…»

— Остынь, Бен! — резко приказал Лански. Постепенно на лице Сигела проступило осмысленное выражение.

— Мейер? — неуверенно произнес он. — Дружище! Ты откуда?

— Из Гаваны.

— Гавана… — мечтательно сказал Багси. — Когда-нибудь я построю там парочку казино… Я всем докажу…

— У меня плохие новости, Бен, — перебил Лански.

Багси шаркающей походкой подошел к бару, вынул бутылку французского коньяку и упал в кресло:

— Садись, Мейер. Давай выпьем за Лас-Вегас, будущую всемирную столицу развлечений. Только ты можешь меня понять… А эта стерва… не-е-ет… Кровь из меня пьет, сука.

— Хватит бухать, Бен. У тебя неприятности.

— Я знаю.

— Нет, ты не знаешь. Вчера было собрание пайщиков. Они требуют твою шкуру. Даже Чарли с ними согласен. Сечешь?

— Чарли? Расскажи, как он?

— Как прежде: энергичный, толковый и деятельный. Затевает дело на сотни миллионов…

— Дайте мне пять лет, и я тоже буду ворочать сотнями миллионов…

— Бен, ты должен остановиться, пока не поздно.

— О чем ты?

— Ты знаешь, о чем.

— В следующий раз я эту шлюху по стенке размажу.

— Вся ее требуха не стоит полмиллиона долларов, — врезал ему Лански. Сигел мгновенно протрезвел.

— Мейер, я об этом ничего не знал. Это какая-то ошибка. Да что эти пятьсот кусков, через год я верну в десять раз больше. Ты же знаешь, предприятие себя окупит.

— Само собой это не случится, Бен. Надо работать. Много работать. А ты, я смотрю, все забросил.

— Я ничего не забрасывал! К Рождеству в отеле уже будет игра. Так и передай друзьям.

— Бен, ты уверен?

— Даю слово.

Лански встал:

— Ну смотри. Если будет, как ты сказал, тебе все простят. Если нет — ты покойник. И я ничего не смогу для тебя сделать.

Вечерним рейсом Мейер вылетел обратно в Гавану. На сходке он объявил, что Багси держит ситуацию под контролем и открытие отеля состоится 26 декабря. В тот же день Лаки Лючано

отправил своих эмиссаров в Турцию и на Корсику. На Кубе начались лихорадочные приготовления к приемке огромной партии героина. Корсиканцы передали, что согласны на двадцать две тысячи за килограмм. Теперь почти ежедневно боссы устраивали совещания на вилле Лаки. Решались вопросы транспортировки героина в Соединенные Штаты, его складирования и обеспечения безопасности всей операции. Кроме того, боссы единодушно поддержали предложение Мейера Лански вложить тридцать миллионов в строительство казино на острове Пинос, который гангстеры намеревались превратить в Монте-Карло и Сан-Ремо вместе взятые. Поглощенные приятными деловыми хлопотами, боссы понятия не имели, что на Кубе против них работает специальная следственная бригада.

Разумеется, о появлении на сахарном острове особо опасного преступника Лючано не могли не узнать компетентные органы. Прежде всего это касалось ведомства Генри Анслингера, поскольку во всех международных картотеках, включая картотеку Интерпола, Лаки значился как торговец наркотиками. Когда информация поступила в Центральное управление ФБН в Вашингтоне, Анслингер сразу смекнул, что в воздухе запахло крупными партиями героина. В пожарном порядке началась разработка плана специальной операции. Шеф ФБН очень спешил, опасаясь, что его опередят конкуренты из ведомства Гувера. Однако беспокоился он напрасно. Профессиональные преступники больше не интересовали «сторожевого пса американской демократии». В Америке наступала эпоха маккартизма, и ФБР с головой ушло в борьбу с «красной опасностью». Отправляя на Кубу группу агентов и техников во главе с Райаном Олливером, Анслингер коротко ввел их в курс дела:

— Лючано появился на острове неспроста. Наверняка он попытается протащить в страну крупную партию белого порошка. Кроме того, есть сведения, что верхушка мафии сейчас находится в Гаване. Значит, что-то они там затевают. Вы должны раздобыть доказательства преступного сговора Лючано с главарями мафии и выяснить, какие преступления они готовят.

Агенты прибывали на Кубу по одному. Они играли роль добродушных и недалеких американских туристов, под влиянием экзотики охотно позволяющих себя облапошить. По ночам техники монтировали сложное подслушивающее оборудование, а агенты сверяли данные наружного наблюдения. По привычке и те, и другие выкуривали огромное количество сигарет — так им легче работалось. В номерах дым стоял коромыслом.

Но они не замечали ни малейшего дискомфорта, а скорее

наоборот.

— Самое простое, что мы можем сделать, — это подсоединиться к телефонной линии, — рассуждал Олливер, — но этого недостаточно. Мы должны знать, о чем они говорят за закрытыми дверями. Днем Лючано валяется на пляже или выходит в море на яхте. Возвращается в разное время — от четырех до шести вечера. На вилле постоянно проживают садовник, двое слуг и повар. Проблема в том, как заставить их покинуть дом хотя бы на пятнадцать минут.

Однако времени не было. Из Вашингтона требовали результатов. Чтобы хоть как-то оправдать расходы на операцию, Олливер отправил шефу протоколы перехваченных телефонных разговоров. Но вилла была по-прежнему недосягаема. Наконец удача улыбнулась агентам. Лаки уехал на охоту в горы и на сутки отпустил прислугу, техники проникли на виллу и установили «жучки» везде, где только смогли. Через два дня боссы собрались на совещание, и агенты зафиксировали каждое слово. Разговоры были более чем компрометирующие. Олливер ликовал. Вскоре из Вашингтона пришло распоряжение о возвращении группы в Соединенные Штаты. В обстановке строгой секретности Генри Анслингер начал подготовку к операции по перехвату первой партии героина, которая должна была прибыть на Кубу в конце октября.

27 октября 1946 года в Гавану прибыл небольшой торговый корабль «Зелие» под греческим флагом. В трюмах находились ящики с апельсинами и лимонами. Как объяснил таможенникам капитан, смуглый, бородатый мужчина лет сорока, изъяснявшийся по-английски с ужасным акцентом, — груз транзитный, судно следует в Новый Орлеан. Целью прибытия на Кубу капитан указал необходимость дать отдых команде после утомительного океанского перехода, а также пополнить запасы пресной воды, угля и продовольствия.

— Сколько вы собираетесь пробыть на Кубе? — задал вопрос проверявший документы офицер.

— Двое суток.

Таможенники не стали проводить досмотр груза, поскольку насчет этого корабля имелись соответствующие указания сверху. Оформив разрешение на стоянку, они покинули борт «Зелиса».

Около двух часов ночи на причал тихо въехал «Олдсмобил» с погашенными фарами. Водитель из кабины дважды мигнул фонариком. В ответ на «Зелисе» вспыхнул и погас сигнальный прожектор. Из машины вышли четыре человека. Трое были вооружены короткоствольными автоматами и охраняли четвертого, который держал в одной руке пистолет, а в другой —

кожаный «дипломат». С корабля осторожно спустились двое — капитан и помощник. Остальные члены экипажа встали на борту с оружием наготове.

— Хэлло, я Джо Бонди, — негромко произнес парень с «дипломатом», — время не ждет.

— Вы правы, время — деньги, — отозвался капитан.

— Вам привет от нашего общего друга Чарли.

— Все в порядке, — корсиканец обернулся и кивнул своим парням.

— Груз доставлен без потерь?

— Да. Как договаривались, сто килограммов.

Контрабандисты вынесли на берег картонные ящики с товаром.

— Откройте, — потребовал Джо Бонди. Корсиканец приподнял крышку. Внутри лежали целлофановые пакеты с белым порошком. Бонди осторожно проткнул один ножом и попробовал кристаллы на язык.

— Что-нибудь не так? — спросил капитан.

— О'кей, кэп, все нормально. Сейчас будем взвешивать и считать.

Один из охранников принес весы.

— Деньги, — напомнил корсиканец.

— Ах да, пардон. — Бонди щелкнул застежками «дипломата» и передал его капитану. Пока сицилийцы тщательно взвешивали пакеты с товаром, корсиканцы считали свои доллары.

— О'кей, мистер Болонте, — Джо Бонди протян руку, — было приятно иметь с вами дело.

— Полиция! Всем оставаться на своих местах! — внезапно проревел в мегафон грубый голос. Со всех сторон вспыхнули прожекторы.

— Твою мать! — сквозь зубы процедил Бонди. Корсиканец побледнел и выронил «дипломат». Вдруг какой-то придурок с борта «Зелиса» выстрелил из винтовки — должно быть, сдали нервы. Тотчас полицейские открыли ответный огонь. Бонди с корсиканцем бросились на землю. Несколько тел шумно плюхнулись в воду.

— Сдавайтесь, подонки! — проревел голос из мегафона. — На размышление десять секунд… Девять… Пять… Три…

На палубе «Зелиса» контрабандисты усиленно тянули вверх руки. Джо Бонди отчаянно застонал, когда на его запястьях щелкнули наручники.

Государственный секретарь США пригласил кубинского посла в Белый дом и вручил ноту американского правительства, в которой говорилось о крайней нежелательности присутствия

Лаки Лючано на Кубе, поскольку оно представляет опасность для Соединенных Штатов. Удивленному послу была предъявлена весьма неприятная для него информация о том, кто, где и при каких обстоятельствах подкупил высокопоставленных кубинских чиновников, сколько конкретно получил каждый за предоставленную мафии возможность открыть на острове игорные дома и заведения, торгующие наркотиками. В одной связке упоминались имена Лански, Пекуэньо, Костелло, Херреро, Дженовезе и Батисты. Госсекретарь потребовал немедленной высылки Лючано с территории Кубы.

Мейер Лански узнал об этом гораздо раньше кубинского министра иностранных дел. Надев свой лучший костюм, он потребовал аудиенции у его превосходительства Фульхенсио Батисты и был незамедлительно принят. В довольно резкой форме Лански напомнил диктатору о миллионных взятках, ранее полученных им от мафии, а также о том, что в скором времени на острове Пинос будет построена игорная империя, и если синьор Батиста желает принять участие в этом деле, то он должен непоколебимо отстаивать интересы своих друзей. После разговора с диктатором Лански вернулся в Мирамар, где его с нетерпением ожидал Лаки Лючано.

— Чарли, тебе не о чем беспокоиться. Когда я немного поделился с Батистой нашими планами на будущее, у него сразу потекли слюни. Конечно, пришлось поторговаться, не без этого. Полмиллиона наличными сейчас и пятнадцать процентов с оборота казино на острове Пинос — и пусть вашингтонские придурки хоть каждый день присылают сюда свои сраные протесты. Наплевать и забыть.

Однако Лючано не спешил расслабляться:

— Этот кретин Бонди все знает про мои дела с порошком. Представь, его взяли с сотней килограммов в руках! Он расскажет им что угодно, даже то, чего никогда не было. Федералы легко сфабрикуют любое дело.

— Хоть десять дел, — засмеялся Лански, — тебе от этого ни жарко, ни холодно. Конечно, Куба из разряда стран «домино», янки делают здесь что хотят, но если Батиста скажет «нет», им ничего не светит. Номинально Куба считается независимым государством, а значит, имеет право проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Никто не может заставить Батисту выдать тебя властям Соединенных Штатов или депортировать с острова.

— О'кей, сейчас наша главная забота — как доставить на Кубу следующую партию товара? Сколько мы потеряли, Мейер?

— Два миллиона двести тысяч. Может, на этот раз выберем

другой маршрут? Что ты скажешь насчет Мексики? Груз можно перебросить по воздуху через Матаморрос.

— Нет, лучше Куба. Наш добрый друг мистер Анслингер уверен, что один раз мы здорово обожглись и больше сюда не полезем. Именно поэтому менять маршрут не стоит. Простой психологический расчет, Мейер.

— Мы здорово рискуем. Еще один такой прокол — и мы все вылетим с Кубы как пробки.

— Весь этот бизнес построен на риске. Кто не рискует, тот не выигрывает. Я уверен, прокола не будет. Надо только, чтобы о прибытии груза никто ничего не знал. И вот еще что я придумал: пустим побольше пыли. Подготовим ложный маршрут, устроим, чтобы об этом узнало ФБН. А пока они будут гоняться за призраками, мы под шумок доставим товар в Штаты.

Подставной маршрут был проложен через Монреаль. За долю от прибыли местный капо-мафиозо согласился «поднять пыль». Очередной груз с Корсики должен был прибыть на Кубу в январе 1947 года. Однако осуществлению этого плана вновь помешал Генри Анслингер.

Шеф Федерального бюро по борьбе с наркотиками обратился непосредственно к президенту Трумэну. Для доклада он подготовил некоторые фрагменты перехваченных разговоров боссов мафии и небольшую статистическую справку.

— Наркотики, — докладывал Анслингер президенту, — это не просто сфера криминального бизнеса. Они представляют огромную социальную опасность, так как способствуют росту общеуголовной преступности и глобальной деградации общества. Поскольку 85 процентов наркоманов — молодые люди в возрасте от 14 до 25 лет, героин уничтожает американскую молодежь, будущее нашего государства.

Гарри Трумэн направил кубинскому премьер-министру официальное требование немедленно выслать Лаки Лючано в Италию. Но даже вмешательство президента Соединенных Штатов ничего не изменило. Деньги мафии оказались сильнее. Вероятно, Трумэн и сам об этом догадался, поскольку отдал приказ прекратить весь экспорт на Кубу. Остров, на котором, кроме сахарного тростника, игорных домов и кокаина, больше ничего не было, по существу, оказался в настоящей экономической блокаде. Что показательно, подобные жесткие внешнеполитические меры предпринимались государственной администрацией США ради выдворения с Кубы одного-единственного торговца наркотиками. Воистину, Лаки Лючано имел полное право собой гордиться, поскольку для борьбы с ним была задействована вся американская дипломатия. Но даже этого

оказалось недостаточно! Премьер-министр Грау Сан-Мартин направил в Вашингтон протест по поводу столь грубого вмешательства во внутренние дела Кубы. В виде частичной уступки американцам министр внутренних дел Пекуэньо распорядился посадить Лаки под домашний арест. Президент Трумэн не на шутку рассердился: какому главе сверхдержавы понравится столь наглое и откровенное пренебрежение к его власти? История с Лаки грозила обернуться крупными внешнеполитическими осложнениями. Возможно, представитель гаванской резидентуры ЦРУ намекнул Батисте, что в Вашингтоне могут найти для Кубы другого диктатора, более покладистого. И генерал пошел на попятную. Лаки Лючано бросили в лагерь для интернированных. Затем офицеры тайной полиции в самых осторожных выражениях сообщили, что для него будет лучше, если он добровольно покинет территорию Кубы. Понятное дело, в условиях тотального давления властей США не могло быть и речи ни о каком героине. Лаки отправил на Корсику своего человека с просьбой пока отложить отправку второй партии товара. Две недели спустя экс-король преступного мира отбыл назад в Италию на борту турецкого парохода «Бакир». Во время отплытия на пирсе было больше полицейских, чем друзей. Прощание Лаки с друзьями состоялось в отеле «Насьональ». Для развлечения собравшихся боссов был приглашен известный певец Фрэнк Синатра, поддерживавший тесные связи с гангстерами Западного побережья и, помимо прочих услуг, создавший рекламу Лас-Вегасу. Но его великолепный баритон не смог развеять сумрачного настроения уголовных авторитетов. Это была последняя встреча Лаки Лючано с верхушкой американской мафии.

Несмотря на то что открытие отеля «Фламинго» действительно состоялось 26 декабря, Багси Сигел не смог вернуть себе былое доверие мафии. Даже Мейер Лански махнул на него рукой. Вирджиния Хилл оставалась рядом с Багси, что вызвало еще большее раздражение боссов, получивших подтверждение наличия контовых счетов в Швейцарии. Втайне от Сигела Мейер Лански организовал новое акционерное общество «Невада проджект корпорейшн», которому после смерти Багси должны были перейти права собственности на отель. Боссы мафии, до предела озлобленные полосой неудач, жаждали крови.

20 июня 1947 года Сигел обсуждал текущие дела с менеджером казино отеля «Фламинго». Его личные телохранители куда-то исчезли, но он не придавал этому значения. Багси наслаждался бразильским кофе, у него не было никаких тревожных предчувствий. Вирджиния Хилл улетела в

Париж — два дня назад они крупно поссорились и надавали друг другу пощечин. Около десяти часов менеджер поблагодарил Багси за превосходный кофе и отправился домой. Сигел, которому нечего было делать и некуда идти, вернулся в гостиную. Почти пятнадцать минут за ним наблюдал высокий, широкоплечий мужчина, одетый в темный костюм и потому полностью сливавшийся с окружающим мраком. Он был опытен и умел ждать. Решив, что время пришло, киллер извлек из кармана оружие. Он выстрелил шесть раз. Со звоном лопнуло дорогое швейцарское стекло, которое купила в Женеве Вирджиния Хилл. Окровавленный Багси так и остался сидеть на диване с конвульсивно зажатым в руке свежим номером «Лос-Анджелес таймс». Киллер не стал проверять результаты стрельбы — знал, что не промахнулся. В Сигела попали все шесть пуль, две из которых нанесли смертельные раны. Даже сегодня, спустя 53 года, когда многие тайны мафии давным-давно раскрыты, имя убийцы Багси Сигела остается неизвестным. Кто после этого осмелится утверждать, что «Корпорация убийств» прекратила свое существование вместе с Лепке?

Руководство игорной империей взял на себя советник Мейера Лански Гэс Гринбаум. Благодаря его усилиям Лас-Вегас стал той столицей развлечений, которую сегодня знает весь мир. Рядом с «Фламинго» выросли десятки более современных, более роскошных и относительно дешевых отелей, фешенебельных казино и лучших в мире (по утверждению «знатоков») публичных домов. Самым знаменитым и помпезным считается отель «Метро-Голдвин-Майер», некий пантеон кинозвезд. В умело освещенных витринах выставлены наряды, в которых Марлен Дитрих снималась в фильме «Голубой ангел», пояс с пистолетами игравшего ковбоев Рональда Рейгана, любимые галстуки Джорджа Рафта. Украшения звезд, парики звезд, письма, автографы… Всякий средний американец, благоговеющий перед Славой, ходит здесь на цыпочках, затаив дыхание.

Семикилометровая улица Стрип сплошь застроена отелями и казино, в которых играют на любые суммы. Как утверждал Гэс Гринбаум: «Европейские казино предназначены только для богачей. Мы построили казино для всех. К нам можно прийти с одним долларом и с миллионом, в смокинге и в джинсах. Нигде в мире вы не сможете привести в казино детей. В Лас-Вегасе это разрешено. Пока родители играют, наш квалифицированный персонал надежно присматривает за детьми».

Забегая вперед, автор сообщает, что участь Гринбаума была еще более печальной, нежели постигшая Сигела. Он стал слишком много пить и, подобно Багси, прикарманивать доходы. З

декабря 1958 года управляющая домом, в котором жили Гэс Гринбаум с женой, как обычно, принесла в его квартиру почту. Дверь была широко распахнута. Гринбаум лежал на пропитанном кровью диване со связанными за спиной руками. Полицейский врач при осмотре насчитал на трупе 36 ножевых ранений. Неподалеку находилось тело жены Гринбаум с пулей во лбу. На лице женщины застыла предсмертная маска ужаса. Вероятно, ее заставили наблюдать казнь мужа. Лас-Вегас приносит мафии 2 миллиарда долларов каждый год. Что стоит человеческая жизнь по сравнению с такими деньгами? Ничего не стоит.

Глава 18
Король наркобизнеса

Губернатор Дьюи, отдав распоряжение о депортации Лаки Лючано, сам того не ведая, изобрел отличный способ избавляться от нежелательных на территории США элементов. Вслед за своим экс-королем пинка под зад получили немало его бывших «подданных». В Неаполе появились Щербатый Доминик Петрелли и ранее небезызвестный в Манхэттене наркоторговец Анджело Джанини. Все высланные из Америки гангстеры по привычке группировались около Лючано. Но сам Лаки после кубинской истории предпочел «залечь на дно» и переждать поднятую вокруг его имени шумиху. Однако он по-прежнему держал руку на пульсе событий, ничего не упуская из виду. Он ждал благоприятного момента, чтобы вновь вступить в большую игру. И своего дождался.

В первые послевоенные годы мафия была не единственной силой на Сицилии. До сих пор сицилийцы помнят имя Сальваторе Джулиано. Только он один осмелился бросить открыто вызов дону Кало. Джулиано возглавлял большую, хорошо вооруженную банду, которая орудовала в горах Катании. Он не подчинялся никому. Его любимым занятием было вешать карабинеров и полицейских. Некоторое время американцы носились с идеей отделения Сицилии от Италии и создания на острове сепаратистского государства. Джулиано прочили в диктаторы. Пока американцы поддерживали его, дон Кало не мог ничего предпринять. Однако в конце концов ставка была сделана на мафию. В подчинении Джулиано к тому времени находилось несколько сот боевиков, которые умели только воевать и совершенно не желали разоружаться. Не дожидаясь, пока это сделает мафия, Джулиано решил напасть первым. Буквально в считанные дни стрельба разгорелась по всей Западной Сицилии.

8 июля 1948 года люди Джулиано застрелили главаря мафии Партинико Санте Флореса. Власть дона Кало пошатнулась. Именно тогда Фрэнк Кополла решил, что пришло его время. Он разработал превосходный план ликвидации Джулиано и всех его сторонников, но взамен потребовал разрешения на торговлю героином. Дону Кало пришлось произнести короткую речь:

— Франческо (никаких имен, кроме сицилийских, дон не признавал), мои уши устали слушать про эту мерзость. Можешь торговать, но так, чтобы об этом никто не знал. Если погоришь — помощи от меня не жди.

Обрадованный Кополла позвонил в Неаполь. Трубку сняла любовница Лаки Лючано, известная куртизанка Айджи Лиссонио. Кополла был немногословен:

— Я прошу передать синьору Луканиа, что погода в Палермо очень благоприятная. Вы запомнили?

— Погода в Палермо благоприятная, — повторила Айджи.

Кополла тотчас повесил трубку. Нельзя было дать возможность агентам секретной службы идентифицировать его голос. Лаки предупреждал всех своих друзей, что его телефон прослушивается. Не желая возбуждать подозрений, Лаки остался в Неаполе, а вместо себя отправил на Сицилию Щербатого Петрелли. Фрэнк Кополла встретил его не слишком любезно:

— Для меня было бы очень важно переговорить лично с мистером Лючано.

Петрелли напыжился:

— В данный момент я представляю его интересы. Он не смог приехать, потому что Интерпол следит за каждым его шагом. Любая поездка сопряжена для него с большим риском.

— Понимаю. Дело в том, что времена на Сицилии наконец-то изменились.

— Мистер Лючано осведомлен о благоприятной ситуации, — высокомерно ответил Петрелли.

— Мне необходимо наладить поставки сырья из Турции. Старик разрешил оборудовать лабораторию в моей зоне влияния — здесь, в Партинико. Помимо сырья, я хотел бы воспользоваться услугами квалифицированных специалистов по переработке.

— Не проблема. Сколько процентов составит доля мистера Лючано?

— Пятьдесят.

— Вы имеете возможность самостоятельной доставки и продажи товара?

— Да, но ограниченную.

— В таком случае вам придется забыть о пятидесяти процентах. Мистер Лючано гарантирует доставку на Восточное побережье и продажу от сорока до пятидесяти килограммов порошка ежемесячно. Но его доля должна быть не менее семидесяти процентов.

— Ты спятил, парень? — зарычал Кополла. — Я начинаю это дело и согласен работать только на равных паях.

Переходя на неофициальный язык, Петрелли заметил:

— Без Лаки ты влезешь в огромную кучу дерьма. Только он обладает опытом транспортировки крупных партий товара. Сам ты протянешь недолго, как эти придурки Ла Барбера.

— Их подставили, — угрюмо пробубнил Кополла.

— Ты тоже от этого не застрахован.

— Рискну.

Петрелли вернулся в Неаполь ни с чем.

— Кополла хочет иметь пятьдесят процентов, — рассказал он своему боссу.

— Жадность и недальновидность не доводят до добра, — так отреагировал на это Лаки. Он нашел простое решение — прибрать к рукам источники сырья. Волей-неволей каждый наркоделец будет вынужден обращаться к нему. В августе 1948 года Лаки навестил своих старых друзей в Турции и договорился о приобретении восьмидесяти процентов урожая опиума. Из Америки к нему приехал Мейер Лански с деньгами для оплаты застрявшей на Корсике партии героина.

— Как идут дела на Кубе? — справился Лаки.

— Неплохо. Но вся загвоздка во вкладе. Друзья потеряли много денег из-за той истории. Никто не хочет рисковать. Нам нужно десять миллионов, чтобы завершить строительство пяти новых казино.

— Мы можем получить их за порошок.

С задумчивым видом Лански откинулся на спинку кресла:

— Знаешь, Чарли, я часто вспоминаю старые добрые времена. А сейчас во всем — нестабильность. На Кубе откуда-то появились красные, чертовы повстанцы. Мне даже страшно подумать о том, к чему это может привести. Мы успели вложить в сахарный остров почти сорок миллионов, и надо еще столько же. Не дай бог что-то случится с Батистой… Кое-кто из наших втихаря продает красным оружие, надеется с их помощью переменить власть, чтобы потом получить наши заведения в качестве презента от благодарного кубинского народа. Ты можешь себе это представить?

— Кругом предатели, — согласился Лаки, — и с каждым днем их становится все больше и больше. Нам надо быть очень осторожными, Мейер. Дело с героином я беру в свои руки. Отныне все поставки сырья будут идти через меня. Так и передай Вито, Кармине и всем остальным, кто заинтересован в этом бизнесе.

— О’кей, Чарли. Только тебе и можно это доверить. Когда ты отправишь груз с Корсики?

— Через десять дней ровно.

Лански передал ему чемодан.

— Здесь полтора миллиона.

На этот раз все обошлось благополучно. Сто тридцать килограммов героина пересекли границу Соединенных Штатов.

Генри Анслингер знал об этой партии, однако место и время ее прибытия оставалось неизвестно. Статистические данные говорят о том, что усилиями всех правоохранительных органов вместе взятых удается перехватить не более десяти процентов наркотиков от общего количества их контрабандного ввоза. Поэтому понятно, откуда появилась цифра 50 миллионов долларов, которые мафия получила от наркобизнеса в 1948 году.

Эмиссары Вито Дженовезе прибыли в Турцию с опозданием. Практически весь опиум скупил Лаки Лючано. Несмотря на свою давнюю взаимную неприязнь, еще более усугубляемую конкуренцией, Вито и Чарли полюбовно договорились насчет разделения труда в сфере наркобизнеса. Лючано предложил двадцать тысяч за килограмм чистого героина, а Дженовезе было все равно, у кого покупать, если его устраивала цена. Кроме Вито, Лаки заключил соглашения на поставки порошка с представителями Чикаго, Лос-Анджелеса, Филадельфии и ряда других американских городов.

Чтобы организовать производство подобных масштабов и при этом не подставлять себя под удар, Лаки придумал простой, но хитрый трюк. Он тайно встретился с директорами трех крупных химических компаний, которые за взятку в миллиард лир и восемь процентов от прибыли согласились заняться производством героина на своих предприятиях. И фирма «Сакко», и акционерное общество «Сайпон», и парфюмерная компания «Шиапарелли», выпускавшая знаменитые на весь мир духи, имели лицензии на производство химических продуктов и полуфабрикатов. На территориях предприятий были созданы специальные секретные цеха. Подбор персонала, наем специалистов по переработке, охрану и поставки необходимых реактивов взял на себя Лаки Лючано. Три года лаборатории работали, как часы. За это время они произвели около 500 килограммов высококачественного героина. По налаженному маршруту товар вывозился в Америку либо на месте приобретался оптовыми торговцам. Общая стоимость доставленного в Соединенные Штаты наркотика составила 200 миллионов долларов. Но, как это чаще всего бывает, Лаки погорел на контактах. Слишком много разных людей имели с ним дела. Кое-кто из них довольно давно работал на ФБН, а кое-кто попался с поличным итальянской полиции и в обмен на свободу развязывал свой язык. В конце концов преступный сговор был раскрыт.

Операцию проводили карабинеры. Довольно бесцеремонно они ворвались в приемную генерального директора фирмы «Сакко» Анджело Пуццоли. Увидев группу вооруженных людей в

пятнистой униформе, секретарша испуганно пискнула. Карабинеры не делали различия между дверью директора крупной фирмы и дверью обыкновенного головореза из трущоб. Они действовали, как привыкли, то есть высаживали двери ногами.

Пуццоли подскочил как ужаленный. На глазах четырех заместителей карабинеры заломили ему руки и защелкнули на кистях «браслеты».

— Что… Что такое?! — возмутился директор. — Кто вам дал право сюда врываться?!

Лейтенант карабинеров молча сунул ему под нос ордер на арест.

— Именем Итальянской республики. Достаточно?

— Я протестую! Я требую адвоката! — орал директор, пока двое здоровенных сержантов под руки вытаскивали его из кабинета. Заместители так и остались стоять с раскрытыми ртами. Тем временем бригада следователей произвела обыск на фабрике. Карабинеры ворвались в «секретный цех», когда работа шла полным ходом. Люди в белых халатах и респираторах делали свое дело спокойно, без суеты. В нос карабинерам ударил едкий запах уксусного ангидрида. Но это не помешало им приемом дзюдо швырнуть на пол каждого преступника и надеть наручники. В один день было арестовано около пятидесяти человек и конфисковано тридцать килограммов героина. Допросы шли всю ночь и половину следующего дня. Директора фирм были богатыми людьми, поэтому к ним применяли методы интеллектуального воздействия. Зато специалистам-химикам здорово досталось. Их «кололи» при помощи пытки, именуемой «бочка».

Раздетого догола преступника крепко привязывали к железному столбу, а на лицо надевали открытую маску для подводного плавания. В нее постепенно вливали ведро морской воды. Пока преступник задыхался, ему сдавливали мошонку и били дубинкой по пяткам. Никто не смог выдержать этого более четырех часов. Все единодушно называли имя Доминика Петрелли. Именно он предложил эту работу.

С директорами пришлось повозиться чуть дольше.

— Синьор Пуццоли, объясните, пожалуйста, каким образом на территории принадлежащей вам фабрики оказалась лаборатория, занимавшаяся производством героина?

— Я об этом ничего не знаю. Никто меня не спрашивал, никто не ставил в известность.

— Простите, — живо возразил следователь, — но на складах вашей фирмы найдено большое количество уксусного ангидрида

и некоторых других химических веществ, используемых для получения героина в лабораторных условиях. Подсчеты наших экспертов показывают, что обнаруженных реактивов хватит для производства пятидесяти килограммов наркотика. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Повторяю, мне ничего не известно. Капоретти, — обернулся директор к своему адвокату, — сделайте же что-нибудь! Это недопустимо. Меня хотят впутать в грязное дело. Заявите протест, жалобу, я не знаю!

— Успокойтесь, синьор Пуццоли, успокойтесь, — ответил адвокат, — пока что все законно. Они имеют право задавать вам такого рода вопросы.

— Как я могу быть спокойным! О, господи…

— Господин директор, — перебил его причитания следователь, — сейчас мы в присутствии вашего адвоката проведем очную ставку со старшим лаборатории по производству наркотиков. Он дал показания, что именно вы, лично, предоставили ему помещение.

— Это ложь! — взвизгнул Пуццоли.

— Аналогичные показания, — невозмутимо продолжал следователь, — получены от охранника склада номер четыре, в котором хранились реактивы. Имеются показания и других свидетелей. Пожалуйста, читайте.

Ознакомившись с содержанием протоколов, директор побледнел. Адвокат прочел и озабоченно покачал головой:

— Итак, синьор Пуццоли, вы находитесь перед выбором — либо провести остаток жизни в тюрьме, либо облегчить свою участь путем чистосердечного признания.

Пуццоли схватился за сердце:

— Я плохо себя чувствую. Я не могу говорить. Капоретти, заявите, что я болен! Мне плохо.

— Сейчас мы проведем судебно-медицинскую экспертизу на предмет выяснения истинного состояния вашего здоровья, — безжалостно засмеялся следователь, — но если вы симулируете, вам придется отвечать за дачу ложных показаний. Это помимо торговли наркотиками.

— Протестую, — заявил адвокат, — мой клиент имеет право на медицинскую помощь. Я требую прекратить допрос и отправить синьора Пуццоли в больницу.

— Конечно, конечно. Я не возражаю. Только в клинике его заодно осмотрят и наши полицейские врачи. Надеюсь, синьор адвокат, вы не усматриваете в этом нарушение закона?

Прижатый к стене, Пуццоли согласился говорить и назвал имя Лаки Лючано. Подобным образом удалось «расколоть»

остальных директоров.

Щербатый Петрелли был арестован в публичном доме. Карабинеры не удержались от улыбок, когда застали его в номере без штанов. Можно сказать, что «старина Дом» в свои пятьдесят с лишним лет был полон сил и молодого задора. К известию о своем аресте он отнесся совершенно спокойно, так как его арестовывали более шестидесяти раз. Не теряя чувства юмора, он попросил карабинеров:

— Слушайте, ребята, может, подождете за дверью пять минут, а? Мне тут надо срочно закончить одно дело.

Щербатый подмигнул и шлепнул по заднице лежавшую рядом с ним недовольную проститутку. Карабинеры засмеялись, но руководивший группой лейтенант пригрозил:

— Даю тебе пятнадцать секунд на сборы. Если за это время не оденешься, потащим тебя через весь город голозадым.

Ворча, Петрелли стал натягивать свой костюм:

— Жлобы… Чертовы легаши… Везде одинаково тупые, в любой стране. Человеку в тюрьму идти, когда еще девочку придется пощупать — это понимать надо!

На допросах Щербатый все отрицал. Когда его придавили показаниями двадцати свидетелей, он сломался и предложил свои услуги в качестве осведомителя.

— Я знаю много пушеров по обе стороны океана, — рассказывал Петрелли, — они меня тоже знают и верят мне. Я могу спокойно подойти к ним с магнитофоном в кармане и записать любой интересующий вас разговор. Сообщите обо мне в Америку, мистеру Анслингеру. Мы с ним старые друзья. Думаю, он захочет иметь со мной дело.

Но едва следователи начинали задавать вопросы насчет Лаки Лючано, как Щербатый моментально замыкался в себе. Его показания позволили вскрыть сеть розничных торговцев, но вытянуть из него имя организатора героиновой аферы не удалось. До особого распоряжения Петрелли заперли в специальную тюрьму для «расколовшихся», которую преступный мир именовал «крысятником».

Опираясь на показания трех директоров, итальянские власти сделали попытку привлечь Лаки Лючано к ответственности за организацию особо опасного преступного предприятия. Но взять его было не так-то просто. Лаки внес залог в размере двухсот миллионов лир и до суда вернулся в свою комфортабельную квартиру на виа Тассо. Он нанял одного из самых дорогостоящих адвокатов в Италии, но, кроме законных, прибегнул и к другим методам защиты.

Перед началом процесса в свидетельскую комнату вошел

неизвестный полицейский.

— Слушайте меня внимательно, крысы, — процедил он, буравя свидетелей глазами, — я передаю вам слова синьора Луканиа. На процессе вы должны держать свои пасти на крепком замке, тогда ваши жены и дети останутся живы.

Ошеломленные свидетели молчали. Только Пуццоли нашел в себе силы спросить:

— Наши семьи… Где они? Скажите, сеньор, умоляю, что с ними?

— Они в надежном месте. С ними ничего не случится, если вы окажете небольшую услугу синьору Луканиа, — полицейский злобно усмехнулся, — только не надо делать вид, что вы не знали простую истину: нельзя безнаказанно клеветать на такого уважаемого человека. Я предупредил. Решайте.

Это был безошибочный ход. На юге Италии, как нигде в мире, почитается культ СЕМЬИ. Кровные, родственные узы возведены в ранг священных. Любой мужчина, не задумываясь, пойдет на все, лишь бы отвести угрозу от своих родных и близких.

Никто не мог понять, почему свидетели обвинения внезапно замолчали. Разгром довершил профессиональный адвокат:

— Господин судья, я прошу вас вспомнить известкую притчу о великом арабском поэте Хафизе, которой более девятисот лет. Веселый бродяга и эпикуреец Хафиз был избит толпой на багдадском базаре за насмешливый отзыв о собственных же стихах. «О мое славное имя! — воскликнул он. — Раньше ты принадлежало мне, но теперь, наоборот, я принадлежу тебе. Меня избили во имя несравненного Хафиза, теперь не хватает только, чтобы во имя Хафиза меня повесили!» Нечто подобное произошло сегодня с синьором Луканиа, которого я имею честь защищать. Вокруг его имени создано необычайно стойкое предубеждение, хотя в ходе разбирательства дела суду не было предъявлено ни единого доказательства причастности моего подзащитного к торговле наркотиками. Синьор Луканиа сполна заплатил по счету, предъявленному правосудием Соединенных Штатов. Он ведет добропорядочный образ жизни и не участвует ни в каких незаконных деяниях. Для меня остается загадкой причина, по которой правоохранительные органы продолжают преследовать синьора Луканиа и фабриковать против него уголовные дела. Однако предвзятое мнение блюстителей порядка не имеет значения для разбирательского дела. Суд прежде всего интересуют факты, а они отсутствуют. Ваша честь, я требую оправдания моего подзащитного, поскольку его действия не содержат состава преступления!

Лаки вышел из зала суда свободным человеком. Но

свидетели, провалившие процесс, так легко не отделались. Напрасно они молили прокурора о снисхождении и оправдывали свое молчание нависшей над их семьями опасностью.

— Сделайте официальное заявление о похищении, — требовал прокурор, — укажите имя Луканиа как организатора.

— Ваша милость, мы не можем этого сделать. Наши семьи никто не защитит!

— Мы позаботимся об охране.

— Ваша милость, вы сами знаете, что такое мафия. Рано или поздно нас всех убьют. Они не знают пощады и не забывают нанесенных обид.

— Ничего, после первых пяти лет в тюрьме вы запоете по-другому, — пообещал прокурор.

Директора химических компаний были отданы под суд. Их приговорили к пятидесяти годам лишения свободы. Теперь избавить их от тюрьмы могла только смерть. Но ни один не решился дать показания против Лаки Лючано.

Свидетельств арестованных наркодельцов оказалось достаточно, чтобы прикрыть «турецкий маршрут». Итальянская полиция провела крупномасштабную спецоперацию совместно с правоохранительными органами Франции и Турции. Вся верхушка Союза корсиканцев и около двухсот больших и малых контрабандистов оказались за решеткой. Кроме того, турецкая армия провела зачистку в «опиумном поясе» на северо-востоке страны. Более трех четвертей всех маковых плантаций были выжжены и засыпаны зернистой солью. Почва в этих местах уже ни на что не годилась.

Лаки Лючано не мог смириться со своим выходом из игры. Деньги не должны лежать мертвым грузом в швейцарских банках, они должны делать новые деньги. Все было достаточно просто: если больше нельзя покупать опиум в Турции, значит, его надо купить в другом месте. Лаки знал, где. В Гонконге!

Диаспоры этнических китайцев рассеяны по всему миру. Еще в девятнадцатом веке торговля опиумом была широко распространена в любой точке земного шара, где основывали свою колонию иммигранты из Поднебесной империи. Так называемые «опиумокурильни» располагались в каждом китайском квартале. Опиумный бизнес издавна считался прерогативой «желтых». Однако в девятнадцатом веке на смену растительным наркотикам пришли синтетические, и китайцы с тем же успехом занялись производством и распространением героина. По мере роста спроса на белый порошок происходило последовательное увеличение посевных площадей опийного мака. Сянганская мафия — триада — избрала наркобизнес своей

главной сферой деятельности. Еще в двадцатых годах были налажены прочные деловые связи с основным потребителем героина — Соединенными Штатами. Вторая мировая война и двухлетняя японская оккупация Гонконга привели к долговременному разрыву контактов с западными партнерами. Однако в послевоенные годы произошли два события чрезвычайной важности. Первое: гражданская война в Китае закончилась поражением сторонников Гоминьдана, и генералы вроде Ли Вен Гуана нашли себе занятие в виде торговли героином. Остатки гоминьдановской армии взяли под охрану маковые плантации. Второе: в связи с ликвидацией турецкого маршрута возникла необходимость проложить новый — вернее, восстановить старый маршрут Гонконга. Этим и решил заняться Лаки Лючано.

В июле 1951 года он вылетел в Гонконг и на таможне предъявил итальянский паспорт на имя Сальваторе Луканиа. В аэропорту Лаки ждали люди главаря местной триады. На встречу с гостем из Италии собрались все самые крупные наркодельцы. Местом сходки стал фешенебельный отель «Небесная империя» в аристократическом районе Ванхой. Китайцы известны своей строгой иерархичностью, поэтому из всех присутствовавших правом ведения переговоров обладали только трое — босс местной триады Лой Мау, опиумный король Кхун Са и бывший генерал Мо Хейн. Все они отлично владели английским языком. Диалог главным образом разворачивался между Лаки и Кхун Са, поскольку он контролировал источники сырья. Коренастый, необычно широколицый для китайца, с аккуратной прилизанной прической, опиумный король больше смахивал на респектабельного банковского служащего.

— Какой урожай ожидается в этом сезоне? — прежде всего спросил Лаки.

Кхун Са вежливо улыбнулся:

— Около шестисот тонн сырого опиума.

— Мистер Луканиа, — вступил в разговор Лой Мау, — нам известно, что в свете последних, весьма прискорбных, событий производство товара является для вас большой проблемой. Мы готовы взять это на себя.

— Мы разместим лаборатории в горах, где нам никто не будет мешать. Любые случайности здесь исключаются — мы полностью контролируем ситуацию, — добавил Кхун Са.

— Также мы можем организовать надежную доставку товара в Америку, — предложил Лой Мау.

Лаки отказался.

— Транспортировкой я займусь сам. Назовите цену, господа.

— Из Гонконга будет — семь тысяч за килограмм. Лучших условий вы нигде не найдете.

— Да, пожалуй. Я гарантирую покупку пятидесяти килограммов ежемесячно. Естественно, по мере увеличения спроса объемы закупок будут соответственно возрастать. Думаю лет через пять достигнуть трех-четырех тысяч килограммов в год.

— Мистер Луканиа, — взял слово генерал Мо Хейн, — я хотел бы посвятить вас в некоторые наши планы на будущее. Часть денег, которые мы заработаем в результате совместного бизнеса, пойдут на создание независимого Шанского государства. Его территорией станет плато на стыке границ Бирмы, Таиланда и Лаоса, где расположены все наши опийные плантации. Таким образом мы предполагаем обеспечить неприкосновенность основных сырьевых баз. Сейчас мы формируем собственную армию, задачей которой будет не только охрана плантаций, но и нанесение контрудара в случае вторжения правительственных войск какой-нибудь из сопредельных стран. Вы понимаете, мистер Луканиа? Графически Шанское плато можно представить в виде треугольника. Это будет золотой треугольник, который, я уверен, принесет миллиардные доходы[47]. Как видите, мы серьезные люди. Нас не страшит даже самое сильное правительственное давление. Отстаивая наши и ваши интересы, мы можем развернуть в джунглях настоящую войну. У нас есть все, вплоть до артиллерии.

— Я все же надеюсь, что до этого не дойдет, — улыбнулся Лаки. — Господа, через неделю у меня состоится встреча с американскими друзьями. Мы обсудим ваши предложения.

…Что плохо для Лаки Лючано, то хорошо для Вито Дженовезе. Крах турецкого маршрута на время выбил сицилийца с черного рынка. Вито предоставился хороший шанс монополизировать наркобизнес. Именно Дженовезе сумел в короткие сроки наладить поставки знаменитого коричневого героина из Мексики. Амбиции честолюбивого мафиозо быстро росли. Обладая большими деньгами, он жаждал большой власти. Аналогичные замыслы будоражили воображение Альберта Анастасиа. В 1951 году ему исполнилось пятьдесят шесть, но в иерархии организации он все еще считался второстепенным человеком. Всю жизнь ему приходилось кому-нибудь подчиняться. Это было несправедливо. Анастасиа совершенно не устраивала должность «капо» в семействе Мангано. Кроме выбивания долгов, он работал по своей старой специальности — заказным убийствам. Имея в подчинении банду профессиональных киллеров, созданную по образцу «Корпорации убийств», Анастасиа решился на захват власти в семье.

Братья Винченцо и Филипп Мангано получили благословение дона Джузеппе Бальзамо на управление семьей в далеком 1924 году. Их полномочия подтвердил дон Сальваторе Маранцано во время коронации в Пэлхем-Бей в 1931 году. Никогда никто не оспаривал их главенства, поэтому оба брата шлялись по городу без охраны. Действительно, чего им было бояться, ведь всюду были только друзья. Альберт Анастасиа не преминул этим воспользоваться.

Подобно многим гангстерам, Филипп Мангано любил азартную игру. Конечно, открыто играть в Нью-Йорке закон запрещал, но существует много способов обойти непопулярный запрет. Игорные притоны и букмекерские конторы скрывались в задних комнатах баров или в подсобных помещениях супермаркетов. Настоящей страстью Фила Мангано были скачки, и практически каждый день он посещал букмекерскую точку в обувном магазине на Саккет-стрит в Бруклине. 18 апреля 1951 года Фил, как обычно, просматривал программу забегов. В нынешнем сезоне фаворитом был Вихрь, чистопородный английский скакун. Он выиграл три чемпионата подряд. Достойных соперников пока что не было, поэтому Фил без особых колебаний принял решение.

Букмекер по кличке Рики Одноглазый принимал ставки в маленькой комнатке для обслуживающего персонала. Мусоля во рту потухшую сигару, он старательно вносил зарегистрированные номера в толстый гроссбух.

— Привет, Рики, как поживаешь? — бросил Фил Мангано. Обезображенное шрамами лицо букмекера расплылось в слащавой улыбке.

— Времена нынче спокойные, поэтому надеюсь дожить до Рождества.

— Каким я буду по счету?

Одноглазый сверился с книгой:

— Номер семьдесят девять.

— Нечет — это плохо, — заметил Мангано и достал бумажник, — два куска на Вихря.

— Сию минуту, — букмекер заскрипел старомодным пером.

— Какие на него ставки?

Не отрываясь от работы, Одноглазый сказал:

— Сейчас три к одному. К полудню, я думаю, будет семь к одному. Чертова кляча способна обогнать метеор.

— Да, Вихрь недаром жрет свой овес. Что и говорить! Этот парень, его хозяин, к концу сезона станет миллионером.

— Кто может знать, мистер Мангано? — глубокомысленно заметил букмекер. — До конца сезона еще дожить надо. Я имею в

виду лошадку. Как бы с ней не произошел несчастный случай. Слишком уж она резвая, себе же во вред.

В комнату заглянул Джо Флорино, парень из банд Анастасиа.

— Господа, вход только по одному, — предупреди. Одноглазый.

— Заткнись, — бросил Джо, — мистер Мангано, меня к вам неотложное дело.

Получив квитанцию, Фил вышел в коридор.

— Меня прислал Альберт. Он ждет вас на углу Юнион-стрит возле столба с часами.

— Зачем? Что случилось?

— Я не знаю. Меня просили только передать это.

Мангано отправился к перекрестку с Юнион-стрит.

Под часами стоял неприметный черный «Паккард». Анастасиа распахнул заднюю дверцу:

— Садись, Фил.

Забравшись в салон, Мангано спросил:

— В чем дело?

Анастасиа сидел спереди. Рядом с Мангано на заднем сиденье был смуглый, узкоплечий убийца с набриолиненной прической. Кажется, его звали Карлеотти. За всю дорогу он не проронил ни слова.

— Куда мы едем?

Анастасиа, казалось, колебался, прежде чем ответить:

— Фил, мне неприятно говорить тебе это… Похоже, в семье завелся предатель. Только что мне позвонил один парень, сказал, что готовится заговор и тебя хотят убрать.

— Кто? — ледяным голосом спросил Мангано.

— Я не знаю. Такие разговоры нельзя вести по телефону. Все, что я сделал, так это договорился о встрече. Сам понимаешь, не мое это дело. Ты должен послушать, что он скажет, и принять правильное решение.

— Где этот тип?

— Он ждет нас на Берген-Бич.

Пока Филипп Мангано терялся в догадках, «Паккард» выехал за черту жилых массивов Бруклина. Берген-Бич был пустынным заболоченным местом, где редко появлялись люди. Близость моря ощущалась в воздухе по какому-то сырому йодистому запаху. Мангано вышел из машины и осмотрелся. Кругом песок и заросли камыша. Нехорошее место. Когда Карлеотти вытащил пистолет, Филипп Мангано повернулся к Анастасиа и злобно процедил сквозь зубы:

— Ну ты и сукин сын!

Тот невозмутимо пожал плечами:

— Я не виню тебя за эмоции, Фил. Это естественно. Так же, как то, что старики уходят, а их место занимают молодые. Так было всегда и так будет.

— Ничего, Винченцо устроит разбор. Тебя порежут на куски, как свинью.

— Вот тут ты ошибаешься, Фил, — Анастасиа сунул в рот сигарету и прикурил от золотой зажигалки, — даже если все водолазы этой страны разом нырнут на Дно Гудзонова залива, твоего братца им ни за что не найти.

Филипп Мангано пошатнулся.

— Не держи на меня зла. Ты же понимаешь, это деловая мера. — Анастасиа отвернулся.

— Будь ты проклят, скотина! — бешено заорал Мангано.

Карлеотти прицелился. Он выстрелил три раза, хотя вполне хватило бы одной пули. Труп Филиппа Мангано обнаружили на следующий день около десяти часов утра. Коронер, проводивший осмотр тела, невольно поморщился: пули 45-го калибра вдребезги разнесли голову мертвеца. Застывшие брызги мозга валялись в радиусе пяти футов. Глаз у трупа не было: их успели выклевать вороны.

Лейтенант О'Брайен, начальник отдела по расследованию убийств в 32-м округе, первым делом решил поговорить с братом погибшего Филиппа Мангано — Винченцо. По неофициальной оперативной информации, Винс Мангано возглавлял одно из пяти семейств мафии в Нью-Йорке, и лейтенант мог твердо рассчитывать на упоминание своего имени в газетах. Возможно, думал О'Брайен, расследование этого убийства привлечет внимание общественности. Тщательно почистив мундир, лейтенант отправился в пригородный район Йонкерс, где размещалась резиденция братьев Мангано. В послевоенные годы среди гангстеров пошла мода на приобретение недвижимости в пригородах. Особняк в таком районе, как Йонкерс, считался символом преуспевания. О'Брайену пришлось припугнуть охранников арестом за сопротивление властям, прежде чем его пустили в дом. Жена Винса Мангано встретила полицейского далеко не любезно.

— Миссис Мангано, я лейтенант О'Брайен, — он показал удостоверение, — мне необходимо срочно поговорить с вашим мужем.

— Его нет дома, — сухо ответила женщина.

— Вы не могли бы сказать, где его можно найти?

— У вас есть ордер на арест?

— Нет, но…

— В таком случае я больше не скажу ни слова, — отрезала

женщина и повернулась к полицейскому спиной.

— Минутку, — быстро сказал О'Брайен, — боюсь, вам все-таки придется ответить на мой вопрос.

— Не раньше, чем здесь будет мой адвокат.

Лейтенант не обратил внимания на этот выпад:

— Дело в том, что полтора часа назад мои подчиненные обнаружили на Берген-Бич тело Филиппа Мангано.

— Что?! — Маска равнодушия мгновенно исчезла с лица женщины. — А…

— Он убит.

— Как… убит?

— Тремя выстрелами в голову, — бодро ответил О'Брайен, — так где ваш муж, миссис Мангано?

В ее глазах лейтенант без труда прочел выражение тревоги.

— Вчера он поехал в клуб демократической партии на Клинтон-стрит.

— И до сих пор его нет?

— Да.

— Припомните, в котором часу он уехал?

— Н-ну… Около десяти утра.

— О'кей, спасибо.

В клубе демократов Винченцо Мангано не оказалось. Лейтенант просмотрел книгу записи посетителей, но имени Мангано там не нашел. Ни дома, в Йонкерсе, ни в клубе на Клинтон-стрит Винс не появлялся все последующие дни. Стало ясно, что он разделил судьбу брата — с тем лишь отличием, что его тело так и не было найдено. Без всякой надежды на успех лейтенант О'Брайен принялся допрашивать нью-йоркских авторитетов. Он понимал, что таким способом убийство раскрыть нельзя. Смысл этой комедии заключался в том, чтобы продемонстрировать общественности результативность и оперативность работы правоохранительных органов. Рядовой налогоплательщик должен быть уверен в своей защищенности!

— Как вы думаете, кому была выгодна смерть Филиппа Мангано? — спросил О'Брайен у Альберта Анастасиа. Тот скорбно покачал головой:

— Не знаю… Не могу в это поверить… Я знал Фила и Винса очень близко. Мы были друзьями тридцать лет. Я любил их как братьев… Вы спрашиваете, кто убил Филиппа? Он был в дружбе со всеми. Я не знаю никого, кто мог бы убить такого замечательного человека.

Зато Джо Адонис на допросе предложил собственную версию:

— В газетах, кажется, писали, что Фила нашли без штанов? Я думаю, он наставил кому-то рога и его убили на почве ревности.

Лейтенант О'Брайен сообщил представителям прессы, что напал на след, после чего отправился к своему капитану и получил разрешение сдать дело в архив, как не имеющее перспективы раскрытия. Офицеры, работавшие в архивном управлении, остроумно прозвали сектор хранения нераскрытых дел об убийствах «братской могилой».

Пятнадцать капо семьи Мангано собрались в закрытом клубе на Коламбиа-стрит. Стулья главы семьи и консильере пустовали. По праву старшинства сходкой руководил Анастасиа.

— Цель собрания, — сказал он, — избрать нового дона и советника. Винс и Фил погибли. Что поделать, все умирают — кто-то раньше, кто-то позже. Мы найдем убийц и накажем их, как того требуют правила нашей Организации. Но семья не должна оставаться без отца. Кто хочет сказать слово?

Капо смекнули, что Анастасиа лепит горбатого. Некоторые знали причину убийства и имя организатора. Но за спиной Анастасиа была сила. Ни один капо не имел такой армии убийц и не мог шагнуть к власти через его труп. Выход был только один.

— Я выдвигаю Альберта Анастасиа, — первым высказался Тони Фиала по прозвищу Барракуда. Остальные четырнадцать капо поспешили присоединиться к нему, ибо промедление означало смерть. Место советника занял верный сторонник Анастасиа Джо Флорино.

Фрэнк Костелло встретился с новым главой семейства Мангано в номере отеля «Уолдорф-Астория». Изрядно одряхлевший, согнутый годами, дипломат мафии номинально возглавлял Высший Совет преступного синдиката. Положения «numero ипо» он достиг благодаря всеобщему уважению, а не силе. С появлением таких фигур, как Дженовезе и Анастасиа, власть Костелло неминуемо должна была пойти на убыль. Многие боссы понимали это.

— Один бог знает, как я устал от крови, — со вздохом произнес Костелло, — все идет к тому, что скоро мы перебьем друг друга. Винченцо и Филипп были настоящими людьми чести. Они никому не делали зла. Их смерть ничем нельзя оправдать.

— Да брось, Фрэнки. Кому какое дело? Разве кто-то обратился к тебе и потребовал созвать Comissione?

— Пока нет.

— И не потребуют, уж будь уверен.

— По нашим правилам, я должен провести разбор, не дожидаясь напоминания об этом.

— Семья Мангано сама во всем разберется. Даю слово.

Костелло молчал.

— Мы ведь давние друзья, Фрэнки. Подумай, только я могу

помочь тебе против Вито Дженовезе.

— Что за страшные времена, — обреченно пробормотал старый босс, — никому нельзя верить. Ведь я мешаю не только Дженовезе.

Анастасиа отпрянул как от пощечины:

— Фрэнк, как ты можешь думать обо мне такое?

— Делай, что хочешь, Альберт. Винса и Фила все равно уже не вернуть.

— Спасибо, Фрэнки. Я твой должник.

Костелло, казалось, не слышал его. Он ушел в себя.

Торжествующий Анастасиа тихо выскользнул из номера.

Вито Дженовезе усиленно интриговал против Уилла Моретти. Он ни разу в жизни не играл в шахматы, но интуитивно действовал, как хороший гроссмейстер, очищая поле от вражеских фигур и двигая на их место свои. Старинный друг Костелло, Уилл Моретти возглавлял мафию в Нью-Джерси. Его поддержка существенно усиливала власть главы Высшего Совета. Однако в последние годы Моретти сильно сдал. Как некогда Аль Капоне, он заразился сифилисом. Болезнь еще не достигла критической стадии, но временами Моретти не отдавал отчета в своих словах, что было очень опасно. Костелло распорядился упрятать его в бедлам, под надзор нанятых мафией докторов. Тем не менее губернатор Дьюи выдернул теряющего рассудок гангстера из сумасшедшего дома и заставил его предстать перед комиссией сенатора Кефовера. Никто не смог воспрепятствовать этому. Поскольку в любой момент у Моретти могла поехать крыша, на допросе присутствовали лечащий врач со шприцем наготове и здоровенный санитар. Сенатор Кефовер рассчитывал, что больной рано или поздно сболтнет лишнее, надо только как следует его запутать. Для допроса Моретти он назначил трех следователей. Напрасно нанятые Высшим Советом адвокаты, требовали запретить допрос психически невменяемого человека. Моретти все же пропустили через «конвейер». Хотя он никого не выдал, но, на взгляд Вито Дженовезе, внимательно прочитавшего протоколы, наплел много лишнего. Следователи тоже чувствовали слабость Моретти. На втором допросе он сказал еще больше. Кроме того, ему льстило внимание журналистов. Он радовался, встречая свое имя на страницах газет, и понемногу в нем просыпалось тщеславие. Вот тут-то Вито Дженовезе потребовал собрать Высший Совет.

— Мы все можем погореть из-за этого психа! — кричал он, потрясая копиями протоколов. — Чем меньше мозгов становится у него в голове, тем длиннее его чертов язык. Мало того, наш чокнутый Уилли решил заделаться фотомоделью. Его рожу

щелкают все кому не лень, а он только радуется.

— Вито прав, — высказался Томми Луччезе. К нему присоединились Бонанно и Профачи. Костелло отмалчивался. Он хорошо понимал, что Моретти не спасти.

— Предлагаю убрать придурка! — бросил Дженовезе. Никто против этого не возражал.

— Какая из семей возьмет на себя чистку? — задал вопрос Костелло. Со своего места поднялся Стролло, советник дона Вито.

— Семья Дженовезе, — объявил он. На лице Костелло мелькнула легкая усмешка:

— Я так и думал. Теперь надо решить, кто возглавит семью в Нью-Джерси?

— Выдвигаю Кармине Таланте, — твердо произнес Дженовезе. Он был спокоен, потому что предварительно договорился с донами трех семейств. Костелло и Анастасиа остались в одиночестве.

— Выдвигаю Фрэнка Скализе, — сказал глава семейства Мангано. Но Луччезе, Боннано и Профачи поддержали кандидатуру Таланте. Партия осталась за Вито Дженовезе.

Утром 4 октября 1951 года главный врач доктор Мидлоу сообщил Уиллу Моретти, что режим лечения решено изменить со стационарного на домашний.

— Вам будет полезна перемена обстановки, — объяснил док, — в кругу семьи и друзей вы почувствуете себя гораздо лучше.

Свое возвращение домой Моретти решил отпраздновать в любимом ресторане «Лидо», который располагался в облюбованном гангстерами пригородном районе Парк Клифсайд. Интересно, что владельцем этого заведения был «солдат» семьи Дженовезе Джо Валачи, будущий всемирно известный разоблачитель мафии. Моретти появился в ресторане около двенадцати дня и заказал хороший ленч. В это время посетителей было немного — двое почтенных итальянцев сидели за столиком возле окна и о чем-то тихо беседовали. Заказ принимал лично Валачи.

— Соблаговолите подождать пять минут, мистер Моретти. А пока не желаете ли кофе и свежую газету?

— О'кей, Джо, я подожду.

Вместо кухни Валачи направился в свой кабинет, снял телефонную трубку и набрал номер. Дождавшись ответа, произнес только два слова:

— Он здесь.

Прежде чем выйти в туалет, Валачи заглянул в зал. Уилл Моретти увлеченно читал «Кроникл», где на первой странице

красовалась его фотография.

— Анджело, я тут схожу по-маленькому, — предупредил повара Валачи.

Моретти настолько увлекся, что не заметил троих мужчин, внезапно появившихся в зале. Они были одеты совершенно одинаково: в серые плащи и черные шляпы. Глаза убийц скрывали большие солнцезащитные очки. Все произошло очень быстро. Приблизившись к Моретти на дистанцию десять футов, киллеры открыли огонь из пистолетов 38-го калибра. Град пуль изрешетил его тело. Брызги крови взлетели даже на потолок. Вместе со стулом Моретти опрокинулся на пол. В него попало двенадцать пуль. Вслед за убийцами из ресторана выскользнули двое стариков-итальянцев. Они прожили на свете немало лет и хорошо знали суровый закон родной земли: свидетели своей смертью не умирают. Мафию в Нью-Джерси возглавил Кармине Таланте, давний партнер Вито Дженовезе в наркобизнесе.

Издалека Лаки Лючано внимательно наблюдал за событиями в Нью-Йорке. Об убийстве Моретти сообщил ему пожаловавший в гости Мейер Лански.

— Анастасиа и Дженовезе дерутся за власть. Остальные стоят в стороне и ждут, кого из этих двоих первым вынесут вперед ногами.

— И ты тоже, Мейер?

— А зачем мне все это? — вопросом на вопрос ответил Лански. — У меня хватает забот в Гаване и в Лас-Вегасе. Деньги, которые я зарабатываю, определяют уровень моего личного влияния на дела Организации. Мне не нужно никого убивать, чтобы со мной считались.

Лаки засмеялся:

— Вот поэтому я предпочитаю иметь дело с тобой. Никто из этих мясников долго не протянет. Ты переживешь их всех.

— Знаешь, Чарли, чего я хочу? Чтобы ты вернулся в Штаты и снова взял Организацию в свои руки. Тогда будет стабильность, которой сейчас так не хватает.

— Время для этого еще не пришло…

Лаки замолчал, отдавшись теплому, но одновременно давящему на сердце чувству ностальгии. Лански тактично отвел глаза.

— Несмотря на то что Вито поставил своего человека в Нью-Джерси, особых преимуществ это ему не дает. Реальная власть у Анастасиа, которому Костелло нужен только как ширма, — загнав воспоминания об Америке куда-то далеко в лабиринты своего мозга, Лаки переключился на дела насущные.

— Я думаю, первым от этой грызни пострадает именно

Костелло. Он мешает Дженовезе и скоро станет поперек горла Анастасиа, — заметил Лански.

— Ничего. Не надо им мешать. Пусть грызутся. Кстати, Мейер, я хочу через тебя передать пару слов для Вито.

— Конечно, Чарли, о чем речь.

— Мои друзья из полиции предупредили меня, что Джанини и Петрелли работают на Бюро по борьбе с наркотиками. Скажи о этом Вито. Скоро их выпустят из местного «крысятника» и отправят обратно в Штаты. Передай, что разговаривать с ними о делах нельзя — могут иметь при себе «клопа».

Лански удивился:

— С чего вдруг ты решил спасать задницу Вито?

— Это моя стратегия, — объяснил Лючано, — сейчас Вито делает в Штатах мою работу. Поэтому я должен дать ему возможность погулять на свободе еще немного. Пусть наворочает гору трупов и завалит страну героином. Ты же знаешь, Анслингер объявил меня наркодельцом номер один. Когда Вито окончательно зарвется, всех собак станут вешать на него. А я буду чист и, пожалуй, смогу вернуться. Кто убивает? Дженовезе! Кто продает наркотики? Снова Дженовезе! Помнишь, как было с этими парнями из Чикаго — их, кажется, звали Рикка и Джонкана? Их выслали, но героина на улицах меньше не стало. Через год они смогли добиться отмены решения о высылке.

Лаки усмехнулся:

— И сейчас опять торгуют героином.

Мейер Лански привез с собой два миллиона долларов на приобретение огромной партии белого порошка. Лючано объявил ему условия китайцев. Затем боссы приступили к обсуждению способа доставки в Америку первых ста килограммов товара.

Еще в 1942 году Анджело Джанини первый раз попался на торговле наркотиками. Агенты ФБН взяли его с поличным, и суд без колебаний вынес приговор: десять лет лишения свободы. В тюрьме Джанини пришлось несладко, поэтому люди Анслингера легко завербовали его. Он вышел на свободу, вновь занялся своим прежним ремеслом и время от времени поставлял в ФБН информацию. В виде ответной услуги ведомство Анслингера сквозь пальцы смотрело на его дела с героином. А когда Джанини хватала полиция, он легко выкручивался, утверждая, что участвовал в преступной деятельности по заданию ФБН.

Когда его выслали, Джанини решил заняться контрабандой. В разоренной войной Италии ощущалась острая нехватка предметов первой необходимости — и прежде всего лекарств. Джанини спекулировал пенициллином, морфием и другими препаратами, которые приносили легкие деньги. Помимо

торговли контрабандой, он играл на черном валютном рынке. Заработанные деньги он вкладывал в героин. Приобретенный оптом порошок частично продавал в Италии, частично переправлял в Америку. Безнаказанность вскружила ему голову, и вскоре он крупно влип на торговле фальшивыми долларами. Джанини провел в неаполитанской тюрьме более полутора лет, прежде чем ему удалось отправить отчаянное письмо в Центральное бюро ФБН. Приехавшие из Америки агенты потребовали его освобождения. Прокуратура Неаполя выполнила это требование. В Нью-Йорке Генри Анслингер подал ходатайство на имя губернатора с просьбой отменить решение о высылке «добровольного помощника правосудия» Анджело Джанини. Вся эта бумажная канитель закончилась утечкой информации. Джанини вернулся в Нью-Йорк не только засвеченным, но и приговоренным к смерти. Тайный суд семьи Дженовезе был, что называется, скорым и правым. Дон Вито оценил голову предателя в десять тысяч долларов. Советник передал заказ на убийство капореджиме Джону Робилотто. Но произошла маленькая заминка: Джанини заметил на хвосте чужаков и, почувствовав опасность, ушел на дно.

— Мы упустили его, — доложил капо советнику семьи Дженовезе Тони Стролло.

— Ищите, — потребовал тот, — если мы не сумеем наказать предателя, репутация семейства сильно пострадает. Отвечать за это будешь ты, Джонни.

— Я не должен отвечать за чужие ошибки. Это несправедливо.

— Но ведь ошиблись ТВОИ ЛЮДИ. Ты их послал выслеживать «крысу».

— Сколько времени у меня есть? — угрюмо спросил Робилотто.

— Это решает дон Вито, а не я.

— Джанини любит играть. Мне нужно время, чтобы обшарить игорные дома.

— Сделай проще: пусть твои люди от имени дона Вито передадут каждому крупье, чтобы сразу позвонил, как только заметит этого подонка.

Робилотто расставил капканы. Теперь оставалось ждать, пока жертва угодит в один из них.

Через несколько дней Анджело Джанини появился в манхэттенском ночном ресторане «Золотой ключ».

— Братишка, — обратился он к бармену, — я слышал, здесь у вас бывает крупная игра?

Бармен пристально посмотрел на него, пытаясь определить,

откуда этот парень и что у него на уме.

— Слушай, в прежние времена хозяином здесь был Фрэнки Гайянта. Мы хорошо знали друг друга.

— Не знаю, я здесь недавно, — ответил бармен.

— О'кей, меня интересует только покер. Налей мне двойной скотч, я посижу, подожду.

Со стаканом в руке Джанини направился в зал. Бармен показал его крупье:

— Этот парень говорит, что хотел бы сыграть.

— Хорошо, Майк, занимайся своим делом, я проверю.

Опытным глазом крупье присмотрелся к человеку, которого интересовал покер. Джанини спокойно пил свое виски и курил сигарету.

— Похоже, сегодня в самом деле удачный день, — пробормотал крупье. Он узнал этого типа. Его искали люди из семьи Дженовезе. Оказать им услугу означало заработать немалые дивиденды на будущее. Крупье позвонил по номеру, оставленному Джоном Робилотто. Когда тот приехал в «Золотой ключ», крупье показал ему Джанини:

— Это он?

— Он.

Заметив в глазах капо стальной блеск, крупье забеспокоился:

— Джонни, я оказал тебе услугу.

— Чего ты хочешь?

— Твои счеты с этим типом меня не касаются. То, что с ним случится, — тоже не мое дело. Я только прошу, чтобы это случилось подальше от моего заведения. Я не хочу привлекать внимание легавых. Мы платим начальнику отдела по контролю за азартными играми пятнадцать кусков каждый месяц.

— Я понял. Больше не говори, — отрезал Робилотто.

— Спасибо, Джонни, — с облегчением вздохнул крупье, — так я скажу, что он сегодня играет у нас?

Робилотто молча кивнул.

Анджело Джанини вышел из-за стола в полшестого утра. Ему не очень везло, но он получал удовольствие от самой игры. Через черный ход охранник вывел его на улицу. Возле тротуара приткнулся одинокий «Бьюик». Когда Джанини как следует рассмотрел пассажиров, было уже поздно. Двое вооруженных здоровяков схватили его и затолкнули в машину. Джон Робилотто неторопливо прикрутил глушитель к стволу «магнума». Стиснутый по бокам, Джанини даже не смог шевельнуться. От страха он намочил в штаны. Ледяной ствол уперся ему в лоб.

— За всех, кого ты продал, — с этими словами Робилотто дважды нажал на спусковой крючок. Пули прошли через голову

насквозь. Все заднее стекло залепили брызги мозга.

Труп Джанини выбросили из машины на углу 221-й улицы и Десятой авеню. «Бьюик» облили бензином и подожгли. Обгорелые автомобили не были редкостью в трущобах, поэтому никогда не привлекали внимание полиции.

…В кармане Доминика Петрелли лежал адрес Нью-Йоркского департамента ФБН. Офицер-куратор приказал ему явиться туда немедленно по прибытии в город. Однако Щербатый завернул в первый попавшийся кабак и хорошенько напился. После принятой внутрь смеси «кьянти» и шотландского виски у него появились другие желания. Но для начала надо было раздобыть денег. Петрелли вспомнил, что в Ист-Сайде у него есть старый друг Джо Валачи, дела которого вроде бы шли неплохо. Порывшись в карманах, Щербатый вытянул оттуда последние два доллара. Этих денег хватало на метро и трамвай, но не больше. Пошатываясь и распространяя вокруг себя густой запах перегара, Петрелли побрел на станцию метро.

Джо Валами держал небольшой гриль-бар на 165-й Восточной улице. В этом заведении собиралась местная шпана и назначали встречи своим клиентам торговцы наркотиками. Когда Щербатый ввалился в бар, Валачи разговаривал по телефону с Тони Строллo.

— Наши друзья в Неаполе предупредили, что этот подонок Петрелли вышел из тюрьмы. Если вдруг появится у тебя, немедленно дай знать.

Валачи удивился, но не стал спрашивать, почему консильере назвал Щербатого подонком. Строллo сам объяснил это:

— Я знаю, ты с ним дружил, Джо. Мне неприятно говорить тебе это, но он скурвился.

— Не может быть, Тони, это какая-то ошибка.

— Нет. Нас предупредил человек, слово которого никогда не вызывало сомнений. Будь осторожен, Джо, Щербатый может иметь при себе магнитофон и записывать разговор для ребят из Бюро по борьбе с наркотиками. Ты понял?

«Легок на помине», — подумал Валачи, заметив в зале Доминика Петрелли. Щербатый тоже его увидел.

— Джо-о, дружище! — завопил он в пьяном восторге и полез обниматься.

Валачи постарался, чтобы его голос звучал как можно естественнее. Даже под мухой Щербатый все равно мог учуять опасность.

— Откуда ты взялся, старик? — фамильярно спросил Валачи.

— Из Италии. Вот, мать ее, дерьмовая страна.

— Да, я слышал, тебя депортировали. Ну, давай по

стаканчику. За твое возвращение, Дом.

Гангстеры чокнулись и выпили.

— Слушай, как тебе удалось снова вернуться в Штаты? — полюбопытствовал Валачи.

— В трюме. — Щербатый треснул кулаком по столу и выругался. — Ты знаешь, что это такое: двадцать семь дней под палубой грузового парохода? Чуть не подох! Давай, Джо, по второму разу, за встречу.

Чокаясь с ним, Валачи подумал: «Лучше бы ты действительно подох».

— Меня доконала эта проклятая Италия, — жаловался Петрелли. — Знаешь, сначала все было совсем неплохо. Я работал с Чарли Лаки Лючано, делал хорошие бабки на порошке. Потом кто-то настучал, наше предприятие прикрыли, я сам чуть не загремел на тридцать лет, но успел вовремя унести ноги.

— Повезло тебе, Дом, — заметил Валачи.

— Первые два дня на пароходе я тоже так думал. А сейчас — нет. У меня в кармане осталось двадцать пять центов. Послушай, Джо, по старой дружбе, одолжи мне пятьсот монет. Как встану на ноги, я тебе сразу отдам.

Валачи развел руками:

— У меня нет столько.

— Ну, дай, сколько есть.

— В кассе долларов сорок и в кабинете еще сотня, — прикинул Валачи.

Щербатый вздохнул:

— Лучше, чем ничего.

— Подожди, я принесу.

Зайдя в свой кабинет, Валачи позвонил Тони Строллo.

— Задержи его, сколько сможешь, — приказал консильере, — хотя бы на полчаса. Я попрошу Робилотто прислать своих людей. Что он тебе говорил?

— Просил одолжить денег.

— И все?

— Все.

— Дай, сколько бы ни попросил. Потом сочтемся.

Валачи вернулся в бар и протянул Щербатому деньги.

— Здесь двести. Я из своих личных немного добавил.

Петрелли схватил его руку:

— Джо, ты настоящий друг! Поэтому я скажу только тебе…

— Ну, — Валачи разлил виски по стаканам.

— На Кубе я знаю одного парня. Ему срочно нужны деньги, поэтому он продает по двенадцать тысяч за килограмм. Мы можем начать совместное дело. Хорошо заработаем.

Валачи насторожился. Слишком уж смехотворную цену назвал Щербатый. Это было очень подозрительно.

— Ты знаешь, Дом, — тщательно подбирая слова, сказал он, — я сейчас этим не занимаюсь.

— Да брось ты! — Петрелли придвинулся к нему, обдав запахом перегара. — Там все чисто, я этого человека знаю давно.

— Синьор Валачи, вас к телефону, — позвал бармен.

— Извини, Дом. — Валачи подошел к стойке и взял трубку из рук бармена.

— Мы на месте, — сообщил Джо Робилотто.

— О'кей, понял.

Придав своему лицу озабоченное выражение, Валачи подошел к Щербатому.

— Дом, я сожалею, только что звонил один мой друг. Мне надо срочно с ним встретиться. Поговорим в другой раз, о'кей?

— Хорошо, — Петрелли тяжело поднялся, — я приду завтра.

Заплетаясь в собственных ногах, Щербатый вышел на улицу. Возле входа в гриль-бар стоял молодой стильно одетый парень и курил сигарету. Щербатый не обратил на него внимания: обычный хулиган, впереди у которого ничего нет, кроме тюрьмы. Таких ребятишек в Ист-Сайде навалом. Парень выбросил сигарету и в два быстрых шага настиг Петрелли. Рванул его за плечо, упер ему в живот ствол револьвера и трижды нажал на спуск. Рядом притормозила машина. Убийца нырнул в салон. Раскинув руки, Петрелли неподвижно лежал на тротуаре. Из огромной рваной раны в животе стекали на асфальт густые красные струйки.

…В последний день февраля 1955 года все крупные радиостанции Соединенных Штатов передали известие о гибели очередного гангстерского босса. «Вест-Ориндж, штат Нью-Джерси. Безусловно, дамы и господа, самая главная новость сегодняшнего дня пришла именно оттуда», — захлебываясь словами, тараторили дикторы Эй-Би-Си, Эн-Би-Си, Си-Би-Эс и прочих, прочих, прочих. — «Около десяти часов утра известный еврейский гангстер Абнер Цвиллман, по прозвищу Лонджи был найден повешенным в подвале собственного дома. По заявлению пресс-центра местного департамента полиции, следствие склоняется к версии о самоубийстве. Как считают следователи, мотивы суицида вполне очевидны: власти штата Нью-Джерси готовили против Лонджи Цвиллмана обвинение в уклонении от уплаты налогов, и он поспешил расстаться с жизнью, чтобы не окончить ее в тюремной камере. В беседе с представителями прессы начальник отдела по расследованию убийств лейтенант Эндрю Невилл напомнил, что подобным же образом покончил с собой в 1943 году знаменитый гангстер Фрэнк Китти. Слухи о возможных

разборках между еврейской и итальянской ветвями мафии, результатом которых могла стать смерть Цвиллмана, представители органов власти категорически опровергают. Как известно, в последние годы Лонджи Цвиллман вел светский образ жизни, доходы получал от содержания легального ипподрома, большую часть свободного времени посвящал охоте за молоденькими девушками и не участвовал ни в каких криминальных делах».

Одно маленькое уточнение. Когда детективы вынули Цвиллмана из петли, судмедэксперт при детальном осмотре трупа обнаружил под отчетливо видным «узором» от веревки тоненькую красную полосочку. Такой след могла оставить только сицилийская удавка — гаррота. О своем открытии врач немедленно сообщил лейтенанту Невиллу.

— Без сомнения, это убийство, сначала потерпевшего задушили, а уже потом, мертвого, вздернули на веревке.

Невилл немного подумал.

— Вот что я тебе скажу, Марти. Возможно, ты этого не знаешь, но в нашей работе иногда бывают вещи, о которых лучше помалкивать.

— Простите, сэр, я не совсем понял…

— Ну, это же просто, — снисходительно улыбнулся лейтенант, — посчитай-ка, сколько у нас в этом месяце было убийств?

— Точно не помню. Немного больше десяти.

— О'кей, а сколько из них раскрыто?

— Семь или восемь.

— Вот видишь, только половина. И я спрашиваю тебя, Марти, на кой хрен нам нужно еще одно убийство? Тем более в последний день месяца, когда шеф подводит итоги. И тем более без всяких перспектив раскрытия. Ты же знаешь, как чисто работают эти ребята из мафии. Имей в виду: мне не нужно лишнее пятно на мундире. Да и кто он такой, этот Цвиллман? Гангстер, подонок. Как, Марти, ты со мной согласен?

— Вполне, сэр, — кивнул эксперт, — вот только патологоанатом…

— Что?

— Он тоже будет осматривать труп, сэр.

— Пока мы оформим все бумажки, пройдет время, пресса забудет про этого придурка, и тогда мы передадим труп гражданским. Мне кажется, женушка этого типа не очень-то расстроена, ей все равно, повесился ли он сам или ему помогли.

Общественность с легкостью «проглотила» версию о самоубийстве. Однако гангстеры хорошо знали истинную

подоплеку происшедшего. Цвиллмана убрал Вито Дженовезе. Не то чтобы Лонджи ему мешал или его смерть имела какой-то смысл. Это был вызов Мейеру Лански. Что означает власть в преступном мире? Прежде всего силу. Авторитет Костелло зиждился на его политических связях. Он никогда не применял убийство в качестве средства убеждения либо достижения своих целей. Фрэнка уважали. Но не боялись. И это было главной причиной шаткости его власти. Вторым человеком в иерархии преступного мира Америки считался Лански. Его личная власть определялась огромными деньгами, которые он получал от контроля за игорными империями и торговли наркотиками. Лански не был особенно агрессивен и не одобрял насилия. Отдав приказ об убийстве его старого друга Цвиллмана, Вито Дженовезе рассчитывал, что Лански, слишком занятый Гаваной, не станет связываться с ним из-за человека, чья смерть никак не затрагивала деловые интересы. Для Лански имел значение только Доллар, но большинство гангстеров смотрели на это иначе. Если кто-то убьет твоего друга, за его смерть надо отомстить — таков закон преступного мира. Размышляя над этим, Мейер Лански поймал себя на мысли, что ему меньше всего хочется ввязываться в такую авантюру, как война с Вито Дженовезе. В Гаване и Лас-Вегасе одновременно строилось около двух десятков новых отелей и казино. Малейшая заминка в строительстве грозила огромными убытками. Без сомнения, Вито удачно выбрал время. Лански понимал, что, с одной стороны, убийство Цвиллмана прощать нельзя, но, с другой — Вито может запросто приказать своим головорезам устроить парочку взрывов на строительных площадках, и миллионы долларов вылетят в трубу. Предприятия еврейской мафии были слишком уязвимы. Мейер Лански не решился принять вызов Дженовезе, в результате чего много потерял во мнении преступного мира. Одним точным ударом дон Вито сбросил конкурента со второй иерархической ступени и занял его место. Теперь для достижения вершины власти необходимо было сделать два последних шага — убрать Костелло и Анастасиа. Дженовезе, с молчаливого согласия главарей пяти семейств, начал готовиться к захвату трона «капо ди тутти капи». Луччезе, Бонанно и Профачи предпочитали держаться в стороне от этой грызни. Вся Организация пребывала в состоянии тревожного ожидания. Большинство гангстеров склонялись к мнению, что грядет большая резня между семьями Дженовезе и Мангано. Вспоминая то время, «раскаявшийся» Валачи говорил: «Жизнь при Костелло была спокойной и приятной, но с появлением Вито начались бесконечные интриги и убийства. До нас доходили кое-какие слухи, и каждый день мы ждали, что

начнется война. Кругом только и было разговоров об этом. Сказать по правде, тогда я опасался разговаривать даже с друзьями. Вы понимаете, это могла быть проверка, и одно лишнее слово означало смерть. Я боялся услышать неприятную новость и оказаться в беде из-за того, что вовремя не заткнул уши…»

Время шло, но Вито Дженовезе не терял его даром. Он искал брешь в обороне своего врага Анастасиа.

— Распорядись, чтобы ко мне привели Карло Гамбино, — приказал дон Вито Тони Стролло. И уточнил: — Только нежно.

«Консильере» передал приказ одному из капореджиме. В семействе Мангано Карло Гамбино занимал скромную должность капо-габолотто, то есть главного сборщика дани. Найти его было довольно легко, поскольку большая часть рабочего дня капо-габолотто проходила в конторе на 65-й Восточной улице. Гамбино заканчивал трудиться ровно в шесть часов вечера и, сопровождаемый своим телохранителем Фрэнки, возвращался домой, в пригород Тодт-Хиллз. Но в тот день его привычный распорядок дня был неожиданно нарушен. Гамбино успел только выйти. В следующий миг словно из-под земли перед ним выросли четыре широкоплечие фигуры. Фрэнки потянулся было к своей кобуре, но один из парней угрожающе рыкнул:

— Не дергайся, мужик.

Стрелять они пока не собирались, поэтому Гамбино хладнокровно спросил:

— Эй, ребята, откуда вы? Кто вас прислал?

— Карло, с тобой хочет поговорить наш босс.

— Поговорить?

— Да, именно поговорить.

Гамбино перевел дух.

— Кто ваш босс?

— Дон Вито… Эй, скажи своему парню, чтобы держал руки подальше от пиджака. Мы не хотим никого убивать.

— Фрэнки, расслабься, — коротко бросил Гамбино.

— Садись в машину, Карло, — один из людей Дженовезе сделал приглашающий жест рукой. Возле тротуара мягко припарковался серебристый «Кадиллак». Машина, присланная доном Вито, означала уважение. Фрэнки шагнул к тачке вслед за боссом.

— Твой парень должен остаться, — потребовали «солдаты» Дженовезе.

— О’кей. Фрэнки, жди меня здесь.

Тот отошел в сторону с явным облегчением. Он считал, что это ловушка.

Гамбино помрачнел, когда по обе стороны от него расселись

здоровенные костоломы.

— Не беспокойся, Карло, так у нас принято, — заверил старший, устроившийся спереди. Около часа «Кадиллак» мчался до резиденции дона Вито в Атлантик-Хайлендз. Фешенебельный двухэтажный особняк, окруженный живописным садом, произвел на Гамбино неизгладимое впечатление. Дженовезе встретил его весьма радушно, как старого друга, крепко обнял и, по обычаю, поцеловал в обе щеки:

— Добро пожаловать в мой дом, Карло. Проходи, садись.

Немного оглушенный роскошной обстановкой, Гамбино молча опустился в предложенное гостеприимным хозяином кресло. Дон Вито подвинул к нему ящик с дорогими сигарами:

— Надеюсь, мои люди были вежливы с тобой? Если нет, скажи, я сдеру с них шкуры, потому что просил передать мое приглашение с подобающим уважением.

— Я не в претензии, дон Вито. Все в порядке.

— Хорошо. Очень хорошо. Вот что, Карло, мы знаем друг друга давно, и я всегда считал тебя достойным человеком.

— Спасибо, дон Вито.

— А каждый достойный человек, — развивал свою мысль Дженовезе, — имеет право на достойное место под солнцем. Как ты считаешь?

— Считаю, что вы правы, дон Вито. — Гамбино не показывал вида, однако был немало озадачен словами Дженовезе. Он чувствовал, что сейчас должно произойти что-то очень важное.

— Конечно, я прав. У меня, знаешь ли, глаз наметан на хороших людей, и мне не нравится, когда всякие подонки занимают места, на которых должны быть хорошие люди. Карло, я говорю тебе об Альберте Анастасиа. Этот калабрийский dizgraziato подло убил всеми уважаемых Винса и Фила Мангано. Я не думаю, что он заслуживает того положения, которое сейчас занимает. И еще я думаю, что ты больше подходишь для руководства семьей Мангано. По старой дружбе я готов поддержать тебя.

Взволнованный, потрясенный до глубины души, Гамбино невольно привстал:

— Дон Вито… Дон Вито, у меня нет слов, чтобы выразить мою благодарность!

— Не нужно слов, Карло. Докажи это делом.

— Я готов оказать вам любую услугу, дон Вито.

— Ты понимаешь, Анастасиа хорошо знает всех моих людей. Никто не сможет подойти к нему, чтобы отомстить за смерть моих друзей Винса и Фила Мангано.

— Доверьте это мне, дон Вито, — попросил Гамбино.

— Ты уверен, что справишься?

— Слово человека чести.

Дженовезе предупредил:

— Смотри, ничего не предпринимай, пока я все не подготовлю.

Вито позвал консильере и приказал ему отвезти Гамбино домой. Отдав необходимые распоряжения, Строллo вернулся в кабинет дона.

— Все благополучно, дон Вито?

— Вполне. Дальше тянуть с Костелло нет смысла. Ты нашел человека, который сможет им заняться?

— Да, дон Вито.

Дядюшка Фрэнк — так называли Костелло более молодые гангстеры. Любовно и вместе с тем уважительно. Было очень трудно найти человека, который согласился бы убить дядюшку Фрэнка. Такого мафия могла объявить вне закона. Выход был один — найти стрелка в семье Дженовезе, чтобы дон Вито своим авторитетом защитил его. Убрать Костелло вызвался Винченцо Джиганте, который когда-то давно, еще в тридцатые годы, кое-что не поделил с дядюшкой Фрэнком. Сицилийцы, как известно, очень долго помнят нанесенные обиды и даже по прошествии многих лет рады возможности сквитаться.

Поздно вечером Фрэнк Костелло возвращался из ресторана «Копакабана». Подобно покойным братьям Мангано, он ездил по городу без охраны. По канонам мафии особа капо ди тутти капи неприкосновенна, и Костелло крепко уповал на это. Он или не знал, или не понимал, что тип вроде Дженовезе сам для себя решает, что можно, а что нельзя.

Убийца ждал Костелло в холле роскошного дома на Сентрал-Парк-авеню. Он пропустил «клиента» вперед и позволил ему дойти до лифта, затем выхватил пистолет и подошел ближе, чтобы иметь возможность получше прицелиться. Услышав шаги за спиной, Костелло обернулся. Убийца убедился, что у дядюшки Фрэнка отменная реакция. Не успел он нажать на спусковой крючок, а Костелло уже отпрянул в сторону. Довернув ствол, киллер торопливо выстрелил. Костелло подпрыгнул, ударился спиной об стену и рухнул на каменный пол. Увидев кровь, убийца бросился к выходу.

Пуля 36-го калибра чиркнула Костелло по шее. Рана была болезненная, кровоточащая, но неопасная. Подоспевший привратник перевязал дядюшку Фрэнка и вызвал полицию. В больнице окончательно пришедший в себя Костелло держался стоически. Детективы из отдела по расследованию убийств спрашивали у него:

— Кто в тебя стрелял, Фрэнк?

А он, как полагалось правильному мафиозо, отвечал:

— Понятия не имею.

Впрочем, Костелло не врал. Он действительно толком не успел рассмотреть убийцу. Однако поймать киллера удалось неожиданно быстро. Его видел привратник и сумел довольно толково описать приметы. Полиция арестовала Винченцо Джиганте через два дня. Привратник опознал его как человека, которого видел выбегающим из подъезда после отчетливо слышного выстрела. Джиганте, которому грозило длительное тюремное заключение, слал дону Вито отчаянные письма. Дженовезе хладнокровно ответил:

— Передайте Винсу, чтобы не распускал сопли. С ним все будет о'кей.

Дон Вито был мудр. Он предвидел, что Костелло на суде не скажет ни слова, ибо споры между гангстерами не касаются никого, кроме них самих. Все так и вышло. Показания привратника ничего не стоили без подтверждения потерпевшего, а Костелло заявил, что первый раз в жизни видит Винченцо Джиганте и не может утверждать, что стрелял именно он. Присяжные оправдали убийцу. Однако Джиганте отнюдь не чувствовал себя в безопасности. Обвести вокруг пальца суд присяжных сравнительно нетрудно, но от суда мафии не уйти. Даже заступничество дона Вито не могло помешать убийцам Альберта Анастасиа наделать дырок в шкуре Джиганте. Несостоявшийся киллер трясся от страха всю дорогу до дома и вертел головой во все стороны, проверяя, нет ли за ним слежки. Благополучно доехав, Джиганте собрал столько денег, сколько смог, и в тот же день исчез из Нью-Йорка.

Демонстрируя свое могущество и презрение к противнику, Вито Дженовезе открыто заявил на сходке главарей мафии, что лично отдал приказ убрать Костелло. Боссы долго молчали. Десять лет назад подобное было немыслимо. Гангстер, без всяких на то причин осмелившийся поднять руку на капо ди тутти капи, подлежал немедленному уничтожению вне зависимости от ранга в Организации. Однако дон Вито был жив-здоров. Никто не собирался его убивать. Напротив, главари пяти семейств даже одобрили его действия.

— Организация должна быть в твердых руках, а Костелло слизняк, — высказался Джо Профачи. После покушения на дядюшку Фрэнка он открыто вступил в союз с семьей Дженовезе.

— Ему самое место в конгрессе, среди болтунов, — заметил Бонанно. Томми Луччезе объявил о своей позиции в более мягких выражениях:

— Сейчас наступили трудные времена. После комиссии Кефовера правительство напустило на нас новую комиссию — Маклеллана. В наш бизнес с порошком и лотереей лезут всякие там ниггеры, пуэрторикашки, кубинцы и прочая цветная шваль. Фрэнк должен был остановить это, дать им всем по рукам. Но он стал слишком старый и уже не может принести никакой пользы. Ему пора на покой.

Из всех главарей отсутствовал только Альберт Анастасиа. Однако дон Вито как бы между прочим сказал, что в семье Мангано у него немало друзей. Эге, смекнули боссы, приехавшие в Нью-Йорк из других штатов, похоже, тут все решено заранее. Еще не став капо ди тутти капи, Вито Дженовезе уже диктовал свою волю всей мафии. Анастасиа и Костелло остались в одиночестве. Теперь их устранение было лишь вопросом времени.

Неизвестно, как складывались дальнейшие отношения между Костелло и Анастасиа и что послужило причиной разрыва между ними. Возможно, дядюшка Фрэнк отдался на волю своего инстинкта самосохранения — быть может, под старость жить хочется намного сильнее, чем в молодости? 24 октября 1957 года он созвал большую сходку и объявил, что оставляет дела.

— Эй, Фрэнки, а кого ты предлагаешь на свое место? — нагло осведомился Вито Дженовезе. Костелло некоторое время смотрел на него неподвижным и немигающим взглядом. Боссы притихли, ожидая скандала. Но Костелло отвел глаза.

— Вы сами выберете себе главаря, достойного вас, — прохрипел он, — а я больше не хочу иметь с вами ничего общего. Наверное, я вернусь на родину, в Калабрию, чтобы мирно доживать свои дни подальше от вашего жуткого мира.

Сгорбленный, с бессильно обвисшими плечами, Костелло медленно удалился. Это была его последняя встреча с верхушкой американской мафии. Участь Альберта Анастасиа, по существу, была решена. Но никто не ожидал, что это случится так скоро.

…Утром следующего дня Анастасиа выехал из своей обнесенной чугунным забором резиденции в Форт-Ли на новеньком «Олдсмобиле». Машину вел телохранитель Тони. Больше никакой охраны в тот день при Анастасиа не было.

— Мы едем в Бруклин, босс? — спросил Тони.

— Нет, сначала в «Парк Шератон». Сегодня у меня встреча с руководством профсоюза. Я должен выглядеть на миллион долларов.

Тони повел машину в Манхэттен, к фешенебельному отелю «Парк Шератон», где Анастасиа имел обыкновение бриться и подправлять прическу.

Парикмахерская Гроссо располагалась на первом этаже.

Выйдя из машины, Анастасиа приказал телохранителю:

— Отгони тачку в подземный гараж и можешь быть свободен на пятнадцать минут. Сходи выпей кофе.

— О'кей, босс. — Тони отъехал.

Анастасиа вошел в зал, сдал гардеробщику свое дорогое велюровое пальто и шутливо сказал мастеру:

— Я в вашем полном распоряжении, синьор Боччини.

Парикмахер едва успел накрыть Анастасиа белой простыней, как в зале появились два человека с масками на лицах. Они явно пришли сюда не для стрижки, что можно было без труда определить по зажатым в их руках револьверам. Парикмахер испуганно пискнул и выронил ножницы.

— Что с вами, дорогой синьор Боччини? — удивился Анастасиа.

— Ложись, если хочешь жить! — рявкнул за спиной грубый голос. Парикмахер послушно плюхнулся на пол животом.

Анастасиа понял, что сейчас должно произойти. Срывая с себя простыню левой рукой, он сделал попытку дотянуться правой до кобуры на плече. Но киллеры уже открыли огонь. Как потом показала экспертиза, убийцы были изрядными мазилами. Они выпустили десять пуль с расстояния метр семьдесят пять, но из них только половина попала в цель, остальные же вдребезги разнесли большое зеркало. Ребята отчаянно дергали спусковые крючки, и даже с такой мизерной дистанции рассеивание у них было просто чудовищное. Первая пуля попала в левую руку, вторая в кисть правой, третья в спину, четвертая в ягодицу и только последняя, пятая, угодила в затылок. Анастасиа с грохотом рухнул на пол, потянув за собой пузырьки с тоником, лосьоны, флаконы с одеколоном и любимую вазу синьора Боччини. Сделав свое дело, убийцы бросились вон из парикмахерской. На бегу они сорвали с себя маски и выбросили пистолеты. Что интересно, их не ждал автомобиль. Киллеры предпочли скрыться в метрополитене.

Похороны Альберта Анастасиа Нью-Йорк запомнил надолго. В Малой Италии к флагам привязали черные траурные ленточки. Процессия растянулась на добрые две мили. Десять лучших итальянских оркестров Нью-Йорка наяривали печальный похоронный марш, слышный, должно быть, во всем Ист-Сайде. Пять семейств прибыли на похороны в полном составе. Как это обычно бывает на подобных мероприятиях, вокруг процессии роем вились полицейские и агенты ФБР. С кинокамерами, фотоаппаратами, сверхчувствительными микрофонами, биноклями, подзорными трубами и прочими новинками техники.

На лицах гангстеров застыло выражение торжественной

скорби. Кисть, свисавшую с серебряной крышки гроба, который обошелся в пятьдесят тысяч долларов, держал Карло Гамбино. Рядом с ним шагал капо ди тутти капи — дон Виттоне Дженовезе. Позади него почтительно следовали трое главарей нью-йоркской мафии. Суровую и молчаливую жену Анастасиа, одетую во все черное, вели под руки двое сыновей. За ними медленно ехали десять грузовиков с венками и цветами. В глазах рябило от надписей золотом: «Наша скорбь не имеет границ», «Верному сыну католической церкви», «Мы будем мстить до последнего вздоха». Консильере Джо Флорино плакал, не стесняясь своих слез, ведь вместе с Альбертом от него уходила власть. Вряд ли Гамбино, который, по слухам, направил убийц, потерпит рядом с собой верного пса Анастасиа. Зато рабочие в доках смеялись и поздравляли друг друга: «Спасибо тем парням, которые избавили нас от этого паука!»

Дон Вито предполагал устроить церемонию коронации в лучшем чикагском отеле «Президент». Но передумал. Магадцино, босс мафии из Буффало, предложил собраться в своем охотничьем поместье, которое располагалось в живописном уголке Аппалачских гор. На коронацию дона Вито съехались главари всех 24 семейств сицилийской мафии. Они не подозревали, что охотничье поместье Магаддино находится под пристальным наблюдением офицеров департамента по борьбе с организованной преступностью.

Старший группы захвата сержант Эдгар Кроссвелл устроился на верхушке пихты со сверхмощным биноклем. В армии он был снайпером, поэтому прекрасно себя чувствовал на высоте пятидесяти футов. Внизу, под деревом, стоял его помощник с блокнотом и вносил в список имена прибывших гангстеров.

— «Линкольн»! — закричал Кроссвелл. — Записывай, Фарли, Джей — ти-Джей, двести тридцать пять — шестьсот одиннадцать…

Он немного подправил резкость:

— По-моему, это Траффиканте, босс из Майами. Который он там по списку?

— Двадцать второй, — ответил Фарли.

Пятнадцать минут спустя в список было занесено последнее, двадцать четвертое имя. Кроссвелл спустился с пихты и как следует размял затекшие ноги.

— Все, — сказал он, — грифы слетелись. Пора их брать.

Телохранители Магадцино развели в камине огонь. Немного согревшись, боссы уселись за длинный стол. При появлении Вито Дженовезе все встали.

— Друзья мои… — начал было он. Дон Вито продумал

торжественную речь до мелочей. Но в тот день ему было не суждено ее произнести. С тяжелым грохотом полицейские вынесли дверь и ворвались в святилище коза ностры.

— Сорвалось, — процедил сквозь зубы дон Вито.

— По распоряжению главы сенатской комиссии Герберта Маклеллана вы арестованы, — первосортным казенным басом проорал сержант Кроссвелл. — Вы имеете право хранить молчание! Все, что вы скажете, может быть использовано против вас!

Ошеломленных гангстеров столь быстро развезли по разным тюрьмам, что избрать капо ди тутти капи они так и не успели. Какая насмешка судьбы! Воистину! Всю свою жизнь Вито Дженовезе стремился к вершинам власти, обманывал, предавал, убивал, и вот в тот самый момент, когда он преклонил чело для принятия короны короля мафии, ему помешали (стыдно сказать!) легавые. Дон Вито долгое время был в полном расстройстве. Под конвоем его доставили в Вашингтон, где он предстал перед следственной комиссией Маклеллана. На все вопросы Вито отвечал вежливо и смиренно.

— Вы гражданин Соединенных Штатов? — спросил сенатор Маклеллан.

— Отказываюсь отвечать на этот вопрос, поскольку ответ может быть использован против меня, — решительно произнес Дженовезе.

— Крайне интересно, почему свидетель не хочет нам сказать, является ли он гражданином Соединенных Штатов? — спросил сенатор Айвз.

— Я отказываюсь отвечать.

— Вероятно, стыдитесь своей деятельности? — иронически заметил Айвз.

— Отказываюсь отвечать, — повторил Вито.

Сенаторы были бессильны пробить стену молчания, которую воздвиг вокруг себя Дженовезе. Допросы прочих арестованных боссов тоже не дали ничего. В неофициальной обстановке сенатор Маклеллан поделился с коллегами своими сомнениями:

— Похоже, все идет к тому, что нам придется отпустить этого мерзавца Дженовезе. Подумать только, во всех трущобах Восточного побережья его знают как самого крупного в стране торговца наркотиками. А мы бессильны что-либо сделать! Господа, это позор.

Впрочем, о том, чтобы Вито не ушел от правосудия, позаботился кое-кто из его «коллег».

Все эти годы Лаки Лючано не упускал из виду происходящее в Америке. Пока Дженовезе стрелял направо и налево, он

скрупулезно, незаметно и терпеливо работал над усовершенствованием китайского маршрута. Годовой оборот его операций достигал восьмидесяти миллионов долларов. Наученный горьким опытом прошлого, Лаки занимался своим бизнесом чрезвычайно осторожно. Информационное прикрытие ему обеспечивал Мейер Лански. Он периодически проталкивал в газеты «правдивые» сведения об экс-короле преступного мира. Если судить по этим публикациям, то Лаки мирно доживал свой век с одной или двумя любовницами, как довольный жизнью богатый пенсионер, и не лез ни в какой криминал. Даже весьма недоверчивый шеф ФБН Анслингер перестал уделять ему особое внимание и целиком переключился на Вито Дженовезе.

В один из жарких июльских дней 1958 года Мейер Лански прилетел в Неаполь в компании смуглого курчавого пуэрториканца. С Лаки Лючано они встретились в заранее условленном месте на берегу моря, где не было ни души.

— Вот, Чарли, — сказал Мейер, — я привез подходящего парня. Знакомься.

Пуэрториканец стеснительно улыбнулся и протянул руку.

— Нельсон Кантеллопс. Пушер.

Лаки растянул губы в ответной улыбке и отрекомендовался не менее оригинально:

— Чарльз Луканиа. Босс наркомафии.

— Как тебе этот тип? — спросил Лански, когда по их просьбе пуэрториканец отошел в сторону.

— Смотря чего он хочет, — задумчиво произнес Лаки.

— Сто кусков и место управляющего каким-нибудь игорным домом на Багамах.

— Ты строишь новую империю, Мейер?

Лански засмеялся:

— Я верен своей первой любви. А Гавана — моя первая любовь. Но, — его лицо стало серьезным, — сложившаяся там ситуация вынудила меня принять кое-какие меры на будущее. Революция все-таки началась, и от этого никуда не деться. Красные дошли до Сагуа-Ла-Гранде. Это каких-то двести километров от Гаваны! Батиста, сволочь, уже пакует чемоданы. Вот я и решил… гм, подстраховаться.

— А как ты вышел на этого черномазого?

— Понимаешь, пуэрториканцы за последнее время сильно пошли в гору, создали свою организацию, наподобие «Сицилийского союза». Они больше не хотят быть мулами[48] мафии. Им хочется делать на порошке свой собственный бизнес. Поэтому они охотно согласились помочь нам убрать Вито и сами нашли парня, который может взять это на себя. Они знают, что с

уходом Вито в мафии начнется грызня за власть, стрельба, кровопускание. Под шумок будет легко захватить рынок. Ведь мафия уже не та, что была раньше, Чарли. Скоро она потеряет контроль за наркотиками. Вопрос ближайших трех-четырех лет.

— Да, они там, в Америке, наделали немало глупостей. Ладно, — Лючано перешел на деловой тон, — завтра мы с черномазым вылетаем в Гонконг. Дальше твое дело, Мейер. Устроишь так, чтобы наш общий друг Генри Анслингер узнал, что пуэрториканец везет партию героина для Вито Дженовезе. Информацию о подпольной сети сбыта в Нью-Йорк я ему передам. И знаешь, что я думаю? Будет лучше, если потом этот парень куда-нибудь исчезнет. О'кей?

Мейер Лански утвердительно кивнул.

Сообщение информационного агентства Ассошиэйтед Пресс. Нью-Йорк, 25 июля 1956 года.

«Сегодня агенты таможенной службы США провели очередную специальную операцию в нью-йоркском порту. Благодаря бдительности и отлаженному взаимодействию ФБН и Федерального таможенного комитета была предотвращена попытка ввоза в страну крупной партии героина. Больше тридцати килограммов наркотика изъято у наркокурьера, являющегося эмигрантом из Пуэрто-Рико. Героин был обнаружен при осмотре багажа в чемодане с двойным дном. Взятый с поличным наркокурьер в настоящее время находится в тюрьме Синг-Синг. Ведется следствие».

Суд без колебаний приговорил Нельсона Кантеллопса к пятнадцати годам лишения свободы. И тогда пуэрториканец потребовал встречи с офицерами ФБН.

— На суде я молчал, — заявил Кантеллопс, — потому что надеялся, что эти сволочи, мои партнеры по бизнесу, выручат меня. Дурак я был, что надеялся. Они бросили меня гнить в тюрьме. Послушайте, у меня есть для вас первоклассная информация, — в подтверждение своих слов пушер поднял вверх большой палец. — Но взамен я хочу выйти на свободу. Я даю слово, что сразу же уеду из страны и больше никогда не вернусь.

Сотрудники бюро скептически усмехались.

— Вот что, парень. Ты сначала хотя бы в общих чертах расскажи, какая у тебя есть информация, и, если она действительно стоящая, можешь считать, что заключил с нами сделку.

— Хорошо, я скажу, для кого доставлял порошок. — Кантеллопс назвал имена четверых капо из семьи Дженовезе.

Офицеры сразу навострили ушки.

— Ты что, в самом деле передавал этим людям наркотики?

Кантеллопс пренебрежительно усмехнулся:

— Вы считаете их крутыми боссами? Ну, начальники, здесь вы здорово ошибаетесь. Пару раз я обсуждал дела с самым что ни на есть крутым боссом.

— Имя! — нетерпеливо потребовали офицеры.

— Вито Дженовезе.

— Эй, парень, а ты не врешь?

— Я спасаю свою задницу, начальник, значит, должен играть честно.

— Ну, о чем вы говорили?

— О делах, — отрезал Кантеллопс, — а еще о бабах. Помню, Вито сказал, что его жена большая сука…

— Эти дела касались наркотиков?

— Слова больше не скажу, пока не подпишем бумажку!

— О'кей, парень. Спокойно.

Когда по всем правилам был заполнен бланк по форме 137 и завизирован начальником Нью-Йоркского департамента, Кантеллопс стал рассказывать:

— Вито обсуждал с Орменто и Пламмери распространение наркотиков в Восточном Гарлеме. Я присутствовал при этом разговоре, потому что должен был получить расчет за доставленную партию товара и заказ на новую.

— Так, еще! — жадно спрашивали офицеры.

— Однажды я был в машине с тремя людьми из семьи Дженовезе. К нам подошел Вито и сказал, чтобы мы везли товар в Бронкс, потому что там «засуха».

— Ты готов свидетельствовать об этом в суде под присягой?

— Да, синьор.

Благодаря показаниям Кантеллопса были арестованы Вито Дженовезе и двадцать три человека из семьи, замешанные в торговле наркотиками. Дон Вито был просто в шоке: не успел он отделаться от преследований со стороны комиссии Маклеллана, как случились новые неприятности. Навестить его в тюрьме Райкерз-Айленд приехал сам Генри Анслингер.

— Ну, Вито, на этот раз ты действительно влип! — с нескрываемым злорадством заявил шеф ФБН. Дженовезе посмотрел на Анслингера ничего не выражающим, пустым взглядом и повернулся к нему спиной.

Адвокаты дона Вито приложили все усилия, чтобы отсрочить начало процесса. Юридическая волокита растянулась почти на год. При посредничестве друзей из полиции Дженовезе предложил Кантеллопсу семьдесят тысяч долларов отступного.

Но тот отказался взять деньги.

— Тут что-то не так, — недоумевал дон Вито. Однако разбираться уже не было времени.

В марте 1959 года начался судебный процесс. Дженовезе был признан виновным в преступном сговоре с целью сбыта наркотиков и приговорен к тридцати годам лишения свободы[49]. Нельсон Кантеллопс был освобожден от уголовной ответственности. Выйдя из зала суда, он сразу же сел на пароход, идущий в Нассау. По прибытии на Багамские острова Кантеллопс неожиданно исчез. Больше его никто никогда не видел.

С устранением Дженовезе мафия вступила в период хаоса. Как и рассчитывал Лаки Лючано, растерянные боссы один за другим стали обращаться к нему за советами, как жить дальше. Только он один своим авторитетом мог уберечь Организацию от развала. А развал между тем шел полным ходом. Некие братья Галло подняли вооруженный мятеж в семье Профачи, пытаясь захватить власть. Вновь, как в тридцатые годы, Манхэттен стал зоной ожесточенных уличных сражений. Гремели взрывы и автоматные очереди, лилась кровь, и даже Комиссия донов не могла остановить эту бойню.

Одним коварным, подлым ударом Лаки Лючано вернул себе главенство над преступным миром и контроль за международной торговлей наркотиками. Мейер Лански тоже вздохнул с облегчением: Дженовезе активно вторгался в игорные империи Лас-Вегаса и Рино. Прежде чем его упрятали, он все же успел отхватить себе жирный кусок. Теперь в глазах боссов коза ностры Лаки Лючано оставался единственным кандидатом на трон капо ди тутти капи. А Мейер Лански начал с того, что вытеснил людей Дженовезе из Лас-Вегаса. При этом оба искренне считали себя людьми чести, хотя им было не впервой подставлять своих коллег по ремеслу.

Глава 19
Заговор против президента

— Восемнадцать миллионов долларов, Чарли! — с отчаянием воскликнул Мейер Лански. — Восемнадцать! Когда я удирал оттуда во всю прыть, не думал об этом. А в самолете вспомнил.

— Твой сын Джек остался в Гаване. Он присмотрит за этими деньгами, — успокоил Лаки.

— Но, боже мой, как быстро все перевернулось! Еще утром в городе был порядок, а в полдень уже пришли красные, и начался бардак.

Во время панического бегства из Гаваны Лански не успел вывезти обналиченную прибыль от игорных заведений и теперь испытывал воистину адские мучения. Что эти красные мерзавцы сделают с его деньгами?

— Я потерял больше всех! — стенал он. — Страшно подумать, мои миллионы попали в грязные руки голодранцев! Знаешь, Чарли, теперь я понимаю чувства бедняги Фрэнка. Когда убийцы Дженовезе едва не пристрелили его, как собаку, он не смог вынести такого неуважения к себе. Он сказал тогда: «Все катится к черту!» И был прав! Теперь, когда я потерял свои предприятия на Кубе, пора наконец всерьез подумать о спокойной старости. Я не собираюсь проводить остаток жизни в Америке. Эта страна меня разочаровала. Я хочу приобрести недвижимость на Святой земле, перевести в Израиль все свои капиталы и, когда коммунисты придут уже в Америку, уехать, не потеряв ни цента.

— Коммунисты? В Америке? — Лаки криво усмехнулся.

— Не смейся, не смейся. Они везде!

Но не только Лански подсчитывал убытки. Миллионы долларов потеряли Фишетти, Траффиканте и многие другие боссы. Их несколько обнадежило заявление президента Эйзенхауэра: «Мы не потерпим коммунистов возле наших границ».

В апреле 1961 года из числа кубинских эмигрантов были подготовлены силы вторжения. Как только в заливе Кочинос начался бой, для руководивших операцией офицеров ЦРУ стала очевидна необходимость поддержки наемников с воздуха. Министр обороны Макнамара позвонил в Белый дом, испрашивая у президента Кеннеди разрешение на применение авиации.

— Вы сошли с ума, генерал! — ответил президент. — Если в это дело открыто вмешаемся мы, значит, вмешаются и русские. А я не хочу начинать свое президентство с третьей мировой войны!

В приемной министра обороны нервно расхаживал из угла в угол заместитель директора ЦРУ генерал Кейбелл.

— Вы можете войти, — пригласила секретарша.

Кейбелл торопливо прошел в кабинет.

— Президент назвал меня сумасшедшим, — обреченно произнес Макнамара.

— И это все?

— Все.

— Да он сам спятил! — закричал Кейбелл. — Красные нанесли по нашим десантным кораблям удары с воздуха. Без поддержки нашей авиации они обречены. Операция на грани провала! Это катастрофа общенационального масштаба!

— Я отлично понимаю вас, Чарльз, — уныло сказал министр обороны, — но верховный главнокомандующий сказал «нет». Я тут ничего не могу сделать.

В подтверждение собственной беспомощности Макнамара развел руками. Со страшными проклятьями генерал Кейбелл бомбой вылетел из кабинета и помчался по лестнице вниз, перескакивая через три ступеньки. Офицеры, завидев бегущего сломя голову генерала, шарахались в сторону и растерянно отдавали честь.

На улице Кейбелл прыгнул в служебный автомобиль и отдал приказ:

— В Государственный департамент!

Через пятнадцать минут он уже сидел в кабинете госсекретаря Дина Раска.

— Вы знаете президента давно, — втолковывал генерал, — он полностью доверяет вам. Позвоните ему, убедите его, пока еще не поздно. К вашему мнению он наверняка прислушается.

Не долго думая, Раск набрал номер Белого дома и передал Кеннеди просьбу представителя ЦРУ. Президент ответил коротким, сухим отказом.

— Дайте мне трубку, — зашипел генерал. Почти полчаса он снова и снова просил, убеждал президента в необходимости оказать немедленную помощь кубинским наемникам.

— Это может привести к необратимым внешнеполитическим последствиям! Пока я президент Соединенных Штатов, я не допущу вмешательства наших вооруженных сил в этот конфликт! — твердо возражал Кеннеди.

Взбешенный генерал Кейбелл швырнул трубку и яростно выругался.

— Предатель! — кричал он. — И вся его свита — шайка грязных предателей!

Тут генерал спохватился:.

— Извините, мистер Раск. Я прошу вас не принимать эти слова на свой счет, поскольку вы честно выполнили свой долг патриота и гражданина.

— Вам нужно успокоиться, генерал.

Кейбелл, не прощаясь, вышел из кабинета.

Не меньше руководства ЦРУ в успехе операции были заинтересованы боссы мафии, мечтавшие вернуть свои казино, и некоторые олигархи, предоставившие миллионы долларов на покупку оружия и создание учебных баз для наемников.

В истории редко бывают случаи, когда интересы полярных прослоек общества совпадают. Но если это все же случается, то следует ожидать великих потрясений.

…Лэнгли, Вирджиния, штаб-квартира Центрального разведывательного управления. Экстренное совещание руководящего состава. 15 октября 1961 года. Присутствуют: директор Ричард Хелмс, экс-директор Аллен Даллес, отправленный в отставку после провала операции в заливе Кочинос, начальник службы внутренней безопасности Шеффилд Эдвардс, начальник управления «W» Уильям Харви.

Хелмс: Господа, план «Мангуст», на который мы возлагали столько надежд, благополучно провалился.

Даллес (*насмешливо*): Опять ошибка в расчетах?

Хелмс: Детали мне пока что неизвестны.

Харви (*с места*): Господин директор, я уже подготовил доклад.

Хелмс: Внимание, джентльмены.

Харви: Похоже, все население Кубы серьезно болеет шпиономанией. По крайней мере, я могу твердо ручаться, что тайная полиция Кастро действует очень оперативно. Иначе как объяснить, что нашего человека задержали за два дня до того, как он успел выстрелить в Бородача?

Хелмс: Обстоятельства задержания известны?

Харви (*с сомнением*): Есть информация, что его взяли в каком-то универмаге. Однако причины (*пожимает плечами*) — это тайна за семью печатями.

Даллес (*раздраженно*): И это говорите вы, разведчик!

Харви: У нас на Кубе нет агентурной сети. Никакой антикастровской оппозиции попросту не существует. Это все выдумки журналистов.

Хелмс: Надеюсь, управление «W» имеет новые разработки по данной проблеме?

Харви: Совершенно верно, сэр.

Даллес: Не могли бы вы… Разумеется, в общих чертах…

Харви: С позволения господина директора… (*Хелмс*

утвердительно кивает.) Нам известно, что Бородач любит подводную охоту и, кроме того, собирает со дна так называемые караколес — перламутровые раковины. В нашей технической лаборатории изготовлено несколько таких караколес, одно прикосновение к которым разорвет ныряльщика на куски. Мы планируем подбросить их на коралловый риф, где часто бывает Бородач.

Даллес (*недоверчиво*): Вы что, серьезно разрабатываете подобного рода операцию?

Харви: Бесполезно посылать на остров Свободы нашего человека с ружьем. Нужно какое-нибудь нестандартное, я бы даже сказал, нетривиальное решение.

Даллес: Но только не дурацкое!

Хелмс (*примирительно*): Господа, господа! Обращаю ваше внимание, что сегодня среди нас находится начальник службы Ай-Си полковник Эдвардс. Не далее как вчера он подал на мое имя докладную записку. Предоставим ему слово.

Эдвардс: Благодарю вас. Я вполне согласен с мнением господина Харви о необходимости нетривиального решения. Но способ, предложенный начальником управления «W», откровенно говоря, ни к черту не годится.

Харви: Нет, позвольте…

Хелмс: Соблюдайте субординацию, Уильям. Прошу вас, полковник, продолжайте.

Эдвардс: Если не ошибаюсь, еще Никколо Макиавелли сказал, что цель оправдывает средства. Разумеется, если эта цель благая.

Даллес (*нетерпеливо*): К чему вы клоните, полковник?

Эдвардс: Я говорю о том, что мы все-таки разведчики и никогда всерьез не занимались разработкой операций по ликвидации наших политических противников. Единственное оптимальное решение проблемы с Бородачом — поручить его ликвидацию профессионалам. Заинтересованным к тому же в исчезновении Бородача и его режима в целом. Они имеют опыт проведения таких операций.

Даллес: Полковник, вы нас достаточно заинтриговали.

Эдвардс: Вы помните громкое убийство президента Гватемалы Хосе Кастильо Армаса? Что любопытно, виновные до сих пор не найдены.

Харви: Его вроде бы застрелил какой-то сумасшедший одиночка с левыми связями.

Эдвардс: Согласно официальной версии — да. На самом деле это была работа одного из наших преступных синдикатов.

Хелмс: И вы предлагаете…

Даллес (*поспешно*): Это весьма интересная мысль. В данном случае цель действительно оправдывает средства.

Эдвардс: Несомненно, только специалисты из мафии смогут справиться с этой задачей. Их профессионализм вне конкуренции. В пользу такого решения говорит также то, что все расходы на проведение операции мафия возьмет на себя.

Хелмс: Они могут выставить нам встречные требования. Слишком опасно.

Эдвардс: Ни в коем случае, сэр. Они хотят только одного: вернуться на сахарный остров и спокойно заниматься своим игорным бизнесом. В данном случае у нас общие интересы.

Хелмс: Ну, хорошо, допустим. Но кто из них за это возьмется?

Эдвардс: Во всем мире есть только один человек, способный организовать подобное мероприятие, — Чарльз Лаки Лючано. В прошлом он уже имел дело с нашей службой и, я думаю, охотно поможет нам сейчас, если пообещать ему отмену решения о его высылке из Соединенных Штатов.

Хелмс: Я вижу, вы все продумали, полковник.

Эдвардс: Да, сэр. У меня на примете есть один бывший агент ФБР. Он поможет нам установить связь с Мейером Лански, а уже через него мы выйдем на контакт с Лючано.

Хелмс: Хорошо, я доложу президенту. Разумеется, в общих чертах, не упоминая имени Лючано. Прошу вас задержаться сегодня на работе. Думаю, мы сможем приступить к разработке плана операции сразу после моего возвращения из Белого дома.

… Президент Кеннеди пребывал не в самом лучшем расположении духа. Ситуация вокруг Кубы становилась все более напряженной. Назревал кризис.

— Не может быть и речи! — отрубил президент. — Ваш предшественник Даллес сделал все, чтобы облегчить русским вмешательство в кубинские дела. Из-за этой авантюры в заливе Кочинос нам даже нечего им противопоставить, русские объявили нас агрессорами! А вам известно, мистер Хелмс, что они приступили к сооружению шахт для пусковых установок? На Кубе! Каких-то полторы тысячи миль отсюда! Но вам этого мало. Вы хотите еще устроить террористический акт, который позволит русским ввести на Кубу войска.

— Господин президент…

— Замолчите! Я запрещаю вам проводить какие бы то ни было специальные операции на территории Кубы! Вы меня поняли?

— Так точно, господин президент.

Кеннеди с минуту помолчал.

— Знаете ли, Хелмс, до меня доходят странные слухи о якобы имеющем место сотрудничестве возглавляемой вами службы с организованной преступностью.

Директор ЦРУ остолбенел.

— Господин президент, — выдавил он, — уверяю вас, эти слухи не имеют под собой никакого основания.

Кеннеди пристально посмотрел на него.

— На днях начинает работу следственная комиссия сенатора Черча. Она займется проверкой, в том числе и вашей деятельности. Будет лучше, если эти слухи не подтвердятся. Иначе я подыщу на ваше место другого человека.

Хелмс вышел из президентского кабинета как оплеванный. Прямо из приемной он позвонил полковнику Эдвардсу: «Все отменяется. Можете быть свободны».

…Даллас, штат Техас, 12 ноября 1961 года. Встреча ведущих техасских капиталистов и нефтепромышленников. Председательствует миллиардер Говард Хант. Среди присутствующих — уволенный в отставку генерал Кейбелл.

— Говорю вам, ребята, — ораторствовал Хант, — на чем испокон веков держалась Америка? На уважении к капиталу и людям, которые им обладают. Мы, олигархи, всегда были опорой государственной власти. Мы подняли эту страну на первое место в мире по уровню промышленного производства. Мы сделали доллар всемирной валютой, благодаря нам и только нам Америка считается сверхдержавой. Никто и никогда не смел посягнуть на наши привилегии, потому что это были заслуженные привилегии. А что сделал этот подонок?

— Залез в наш карман, сволочь! — выкрикнул Гарри Синклер, нефтяной барон, прославившийся тем, что однажды за вечер просадил 800 тысяч долларов в игорном доме.

— Отмена налоговых льгот для крупных корпораций — это грабеж среди бела дня! — заметил Эдвард Мейерс, монопольный производитель освежающих напитков пепси-кола.

— Непостижимо, но проект нового налогового закона поддерживают многие сенаторы.

Сверкая глазами, Хант заявил:

— Мы должны избавиться от предателей, засевших в Белом доме, должны уничтожить их! Другого пути нет. Я не случайно пригласил сюда своего друга, генерала Чарли Кейбелла. У него есть хорошие новости для нас.

— Бывшего генерала, — с грустной улыбкой поправил Кейбелл.

— Ничего! — взревел Хант. — Уберем этого ублюдка Кеннеди — снова станешь генералом.

— Господа, — начал Кейбелл, — недовольство политикой президента достигло угрожающих масштабов. Причем, что вдвойне обидно, это недовольство выражает элита нашего общества — банкиры, предприниматели, ряд известных политиков. Уступки, которые сделал Кеннеди коммунистам при разрешении кубинской проблемы, нанесли непоправимый ущерб внешнеэкономическому престижу США. Без сомнения, Кеннеди — враг всех честных патриотов в Америке. И, как сказал Говард, единственный выход — прибегнуть к крайним мерам. Я хочу сказать, что наши друзья в Лэнгли уже давно рассматривают эту возможность. Единственное, в чем они испытывают затруднение, — это финансовая сторона мероприятия.

— О чем разговор, дружище? — рявкнул Хант. — Говори, сколько?

— Три миллиона.

— Ребята! — провозгласил Хант. — Мы потеряем гораздо больше, если оставим Кеннеди в живых. Давайте вытаскивайте ваши чековые книжки. Я лично подписываю чек на полмиллиона долларов[50].

Деньги, необходимые для подкупа Верховного Суда Соединенных Штатов, который в виде ответной услуги должен был отменить решение о депортации Лючано, Кейбелл получил незамедлительно. Полковник Эдвардс, с самого начала примкнувший к заговору, встретился с бывшим агентом ФБР Робертом Мэхью. Он не сказал, зачем ему нужно войти в контакт с Мейером Лански, а Мэхью не стал спрашивать.

Босс еврейской мафии был поглощен строительством казино в Нассау. Он долго увиливал от встречи, ссылаясь на занятость. Но когда Мэхью по просьбе полковника Эдвардса передал гангстеру два листа бумаги, один из которых оказался налоговой декларацией, а второй — исчерпывающим перечнем его доходов от игорного бизнеса, Лански сказал: «У меня как раз сегодня свободный день». Предложение полковника «оказать неоценимую услугу своей родине» не вызвало у еврейского босса особого восторга.

— Мистер Гамильтон (под таким именем Мэхью представил полковника), я деловой человек. Меня не интересуют политические игры.

— Какое совпадение, меня тоже, — холодно ответил Эдвардс, — я понимаю, мистер Лански, взывать к вашему чувству долга бесполезно.

— Совершенно бесполезно, уверяю вас.

— Поэтому я взываю к вашему благоразумию. Услуга, о которой я хочу вас попросить, пустяковая. Оказав ее, вы сможете

твердо рассчитывать на благосклонность нашей Организации. К тому же это выгодно для вас.

— Для меня? Выгодно?

— Вы хотите вернуть ваши предприятия в Гаване?

— Вот оно что, — смекнул Лански. — Мистер Гамильтон, почему вы сразу не сказали, что хотите устроить праздник Бородачу?

— Бородач сейчас не самая главная проблема для Америки.

— Вот как? Хорошо, это не мое дело. Чем я могу вам помочь?

— Представьте меня мистеру Лючано. Как друга.

Лански вдруг нахмурился:

— Я бы не советовал вам иметь какие-либо дела с этим человеком. Он сильно изменился. И не в лучшую сторону.

Эдвардс с беспокойством спросил:

— Но его слово еще имеет значение для мафии?

— Не могу вам сказать. Давно не видел никого из этих сицилийских придурков. И не желаю видеть.

— Давайте все-таки вернемся к Лючано.

Лански презрительно скривил губы:

— Наш Чарли решил заделаться писателем. Вы разве не слышали об этом, мистер Гамильтон? Сочинил книжку о гадкой мафии. Называется «Завещание». Ее скоро переведут на английский, чтобы издать здесь, в Штатах. Опозорил всех нас, шлемазл, цудрейте! Вот скажите, мистер Гамильтон, вам было бы приятно, если б парень, с которым вы дружили всю жизнь, вдруг стал копаться в вашем грязном белье да еще вытаскивать его на свет? Прошлое — это прошлое. Да, в молодости я совершил немало ошибок, но к старости люди становятся мудрее. Сейчас у меня почти легальный бизнес, ни к каким наркотикам или убийствам я отношения не имею. А в стране каждый год формируют новую сенатскую комиссию. Эта гребаная книжка все равно что свидетельство против меня, хороший повод прищемить мне… гм, простите.

— Вы напрасно беспокоитесь. Литературное произведение нельзя использовать в качестве доказательства на суде, — успокоил его Эдвардс.

— Какая разница, — заупрямился Лански, — в моем мире не принято вспоминать о прошлом. Это запретная тема.

— Вы обещали мне помочь, — напомнил Эдвардс.

— Хорошо, я позвоню в Неаполь, — неохотно согласился Лански.

Вскоре состоялась встреча представителей ЦРУ с Лаки Лючано. Экс-король гангстеров сильно постарел и осунулся — его мучили частые боли в сердце.

— Давненько ваше ведомство не вспоминало обо мне, — заметил Лаки. В ответ Эдвардс напыщенно произнес:

— Мистер Лючано, рано или поздно это все равно случилось бы, потому что ваше имя принадлежит истории.

Как ни странно, столь примитивная лесть пришлась великому мафиозо по душе. Про себя Эдвардс отметил, что Лански прав — Лючано стал тщеславен, а значит, болтлив. Поэтому вводить его в курс дела не стоило. Тщательно подбирая слова, полковник сказал:

— Мистер Лючано, видите ли, в Америке сложилась такая ситуация, что нам весьма необходимы ваши связи среди ваших американских… э-э-э… коллег. При вашем посредничестве я хотел бы встретиться с Сэмом Джанканой и Сантосом Траффиканте. В виде ответной услуги вы получите разрешение на возвращение в Соединенные Штаты.

Услышав это, Лаки так разволновался, что у него моментально прихватило сердце. Он поспешно извлек из внутреннего кармана золотую табакерку с вензелем «LL». Опасаясь инфаркта, Лаки не курил и вместо табака держал там сердечные пилюли. Проглотив две, он вымученно улыбнулся:

— Старею… Вы знаете, мистер Эдмонтон (у полковника опять было новое имя), совсем недавно похожее предложение сделал мне продюсер Мартин Гош.

— Интересно, — вежливо улыбнулся Эдвардс.

— Он предполагает снять полнометражный фильм о моей жизни и творчестве. — Лаки вздохнул. — Да, да, он так и сказал: «О жизни и творчестве». Это будет боевик, кассовый фильм с Дином Мартином в главной роли. Мы заработаем на этом кучу денег.

— Какова же ваша роль в этом проекте?

— Гош говорит, что лучшего консультанта для фильма, чем я, не найти. Он разговаривал насчет меня с сенатором Сазерлендом. На первых порах мне позволят приехать в Штаты только на несколько дней. После того, как фильм выйдет в прокат и, я надеюсь, получит премию «Оскар», уже ничто не помешает мне остаться в Америке.

— Это не так просто, как вы думаете, мистер Лючано, — заметил Эдвардс.

Лаки хитро прищурился:

— Ну, если, кроме сенатора, мне еще поможете вы — все будет совсем просто.

— Простите, мистер Лючано, один небольшой уточняющий вопрос. Располагаете ли вы достаточным влиянием на синдикаты Майами и Чикаго?

Глаза Лаки превратились в две ледышки.

— Да будет вам известно, мистер Эдмонтон, я до сих пор веду дела с Траффиканте и Сэмом Джанканой.

— Прекрасно! — широко улыбнулся Эдвардс. — В таком случае устройте мне встречу с ними.

У главарей мафии было немало причин ненавидеть Джона Кеннеди и его брата Роберта, который в то время занимал пост министра юстиции. В отличие от своих предшественников, Роберт Кеннеди, длительный срок проработавший в комиссии Маклеллана, имел немалый опыт борьбы с организованной преступностью. Свою деятельность в качестве министра он начал с того, что на десять лет упрятал в тюрьму большого профсоюзного босса, который активно участвовал в операциях по отмыванию денег мафии. В дальнейшем Роберт Кеннеди взялся за коза ностру более основательно. По утверждению известного американского писателя-документалиста Хэнка Мессика, он организовал серию громких судебных процессов, в результате чего за решеткой оказались 19 % людей из семейства Дженовезе, 23 % «кровных братьев» семейства Гамбино и 40 % «посвященных» семейства Луччезе. Прочие источники называют цифру — 2300 членов мафии. Бесспорно, Роберт Кеннеди установил своего рода рекорд, никогда более не повторенный правосудием США. Ведь общеизвестно, что суммарная численность всех 24 семейств коза ностры составляет пять тысяч человек. Также мафия была недовольна политикой президента Кеннеди в отношении Кубы. Между прочим, полковник Эдвардс не зря настаивал на встрече именно с Джанканой и Траффиканте. Эти двое главарей имели личные счеты с братьями Кеннеди, поскольку Роберт отдал, а Джон подписал распоряжение об их высылке с территории США как нежелательных элементов. Джанкана и Траффиканте выложили не один миллион долларов, чтобы вернуться в страну. Предложение полковника убрать президента под прикрытием ЦРУ оба босса встретили с восторгом[51]. С установлением прямого контакта необходимость в посреднике отпала. Но поскольку этот посредник никому не внушал доверия, старые боевые товарищи Мейер Лански, Карло Гамбино, Джо Бонанно, Джо Адонис и Томми Луччезе последний раз вместе собрались на сходку.

— Сначала попробуем отговорить Чарли от участия в съемках этого чертова фильма, — предложил Лански, — быть может, у него еще остались мозги в голове и нам не придется идти на крайности?

— Съемки необходимо запретить, — единодушно высказались боссы. Томми Эболи, гангстер из Нью-Джерси,

удостоился чести передать Лаки решение Высшего Совета. Он вылетел в Неаполь первым рейсом, но вернулся ни с чем.

— Чарли сказал, что его личные дела никого не касаются, — сообщил Эболи ответ экс-короля.

— Тем хуже для него, — процедил Мейер Лански. Высший Совет вынес приговор единогласно.

…Утром 26 февраля 1962 года Лаки Лючано распорядился отвезти его в аэропорт Каподисино. При нем постоянно находился переодетый в штатское итальянский полицейский Чезаре Ресто. Итальянская полиция опасалась покушений на жизнь Лаки и тех осложнений, которые могли бы затем возникнуть. Однако он не довольствовался полицейской охраной и нанял телохранителей, на которых мог положиться. Мысли великого мафиозо занимала предстоящая встреча с продюсером Гошем, который должен был прилететь из Нью-Йорка с готовым к подписанию контрактом. Права на фильм за бешеные деньги выкупила одна из крупнейших американских кинокомпаний — «XX век Фокс».

С утра Лаки не находил себе места. Теперь, когда возвращение в Америку было делом нескольких дней, он страшно волновался и не мог спать по ночам. Его лицо еще более осунулось. Порок сердца, прогрессирующий от бессонницы, напоминал о себе режущей болью. Лаки принимал свои пилюли с интервалом в полтора часа. В то утро, перед выездом из Неаполя, он уже успел принять две. Обычно лекарство начинало действовать через несколько минут, но сегодня оно не приносило облегчения. Боль усиливалась, однако Лаки считал, что это просто от волнения и скоро пройдет. Когда в зале аэропорта объявили прибытие рейса из Нью-Йорка и вскоре появился улыбающийся Мартин Гош, Лаки Лючано судорожно хватал воздух ртом. Продюсер протянул ему руку, но гангстер внезапно потерял равновесие. Гош успел подхватить его.

— Пилюли, пилюли, — хрипел Лаки.

Мартин Гош поспешно достал из его кармана золотую табакерку и вытащил две желатиновые капсулы. Но Лаки отрицательно замотал головой. Он противился. Он не желал принимать свое лекарство. «Неужели яд? — с испугом подумал продюсер». Однако яд — это было бы слишком грубо и старомодно. В капсулах не было ни лекарства, ни яда, там оказалась обыкновенная вода…

Лаки Лючано лежал на мраморном полу, прикрытый плащом. Вокруг суетились люди в белых халатах и полицейские. Приехала «Скорая». Но доктора старались напрасно. Лаки Лючано умер раньше, чем ему успели помочь врачи. Он не получил вовремя

свое лекарство. В больнице собрали его вещи и составили список предметов, которые были у него в карманах. Среди прочих нашли золотой портсигар с выгравированной на крышке надписью: «Моему дорогому приятелю Лаки от его друга Фрэнка Синатры»[52]. Зато золотую табакерку, в которой Лючано хранил пилюли, обнаружить не удалось. Куда она делась, не знал ни полицейский Чезаре Ресто, постоянно находившийся с Лаки, ни нанятые телохранители. Мафия идеально замела следы после того, как, согласно закону молчания «омерта», навсегда закрыла рот бывшему боссу всех боссов.

Эпилог

Лаки Лючано вернулся в Соединенные Штаты, но уже после своей смерти. Федеральные власти выдали разрешение на ввоз в страну тела короля гангстеров, дабы он мог «почить с миром» в американской земле. Однако не следует думать, что таким образом мафия отдала Лаки погребальные почести, как того требовали древние традиции. Отнюдь. Мафия не просто убила его, но и отказала в посмертном уважении. Грешный прах Лаки Лючано доставили в Америку его родственники, не имевшие никакого отношения к преступному миру. При жизни Лаки братья и сестры — добропорядочные, законопослушные люди — сторонились его и не поддерживали с ним отношений. Но прожитые в Америке 50 лет не смогли ослабить прочности уз кровного родства, столь характерных для сицилийцев. Спустя полвека Сальваторе Луканиа наконец вернулся в свою семью. Его похоронили в семейном склепе на кладбище собора Св. Иоанна в нью-йоркском районе Куинс. Лаки построил этот склеп «на всякий случай» еще в эпоху «сухого закона». На похороны не пришел ни один из боссов мафии, поэтому не было ни всеобщего траура в Малой Италии, ни похоронной процессии в три мили длиной, ни гроба стоимостью в пятьдесят тысяч долларов. Лаки Лючано покинул эту землю тихо и незаметно, как обыкновенный рядовой гражданин с годовым доходом не более десяти тысяч. Даже журналистам не удалось заработать ни цента на некрологе, поскольку родственники держали в тайне дату погребения.

Лаки умер, но его имени обеспечена долгая жизнь. Через год после его смерти в Соединенных Штатах вышла книга «Завещание», отшлифованная талантливым пером картина Гоша. Особого интереса воспоминания короля гангстеров не вызвали, поскольку в то время внимание общественности было приковано к убийству президента Кеннеди и начавшейся войне во Вьетнаме. Впоследствии о Лаки Лючано было снято несколько кассовых гангстерских фильмов. Его имя часто фигурирует в книгах авторов вроде Хенка Мессика, которые работают в жанре художественно-документального детектива. Время от времени Голливуд продолжает выпускать боевики, где Лаки Лючано является персонажем первого или второго плана. Последняя работа такого рода — боевик «Громила», снятый на студии «Юнайтед Артисте» в 1997 году.

Со смертью Лаки мафия утратила главенствующую роль в преступном мире Америки. Междуусобные войны вспыхнули в семействах Бонанно, Коломбо и Дженовезе. В ходе кровавых

разборок погибли такие авторитетные главари, как Профачи, Бонанно, Коломбо, Маглиокко и другие. Одному только Карло Гамбино удалось прочно удержать в своих руках власть над семьей.

В конце 60-х годов президент Никсон развернул в Соединенных Штатах войну против героина. Поскольку, согласно легенде ФБР, коза ностра монопольно контролировала наркобизнес, наибольшее количество ударов пришлось именно по мафии. Примерно в 1970 году Карло Гамбино собрал всех еще оставшихся на свободе боссов и объявил знаменитый запрет на торговлю наркотиками. Всякий мафиозо, уличенный в участии в этом грязном бизнесе, подлежал немедленному уничтожению. Впрочем, многие тайком продолжали заниматься столь выгодным делом, и сегодня в этом отношении мало что изменилось. Однако цветные кварталы вышли из-под контроля мафии.

Торговлю наркотиками и нелегальную лотерею прибрали к рукам негры, пуэрториканцы, колумбийцы. Их преступные организации представляют ныне куда большую опасность, нежели мафия.

Лаки Лючано был первым и последним великим боссом, с которым считался каждый бандит в Америке. То ли преступный мир оскудел на гениальные головы, то ли гении нашли иной способ самовыражаться.

Иллюстрации

Лаки Лючано. Тюремная фотография 1936 года.

Кхун Са. Совместно с Лаки Лючано наладил доставку героина в США через Гонконг.

Артур Флегенхеймер, он же Датч Шульц.

Миллионы, полученные от преступного бизнеса, он вкладывал в легальные предприятия и даже добросовестно платил налоги.

Фотография 1936 года.

Тело Эйба Релеса у отеля «Хаф Мун» на Кони-Айленде. 1941 год.

Фрэнк Костелло. 1946 год.

Альберт Анастасия. 1951 год.

Вито Дженовезе в федеральном суде. 8 июня 1958 года.

Об авторе

Артем Рудаков родился в 1959 году. В 1986 году окончил юридический факультет МГУ. После окончания университета работал в Московском уголовном розыске, а затем в Интерполе.

В 1994 году защитил кандидатскую диссертацию. В настоящее время является экспертом по вопросам организованной преступности.

Артем Рудаков

родился в 1959 году. В 1986 году окончил юридический факультет МГУ. После окончания университета работал в Московском уголовном розыске, а затем в Интерполе. В 1994 году защитил кандидатскую диссертацию. В настоящее время является экспертом по вопросам организованной преступности.

Лаки Лючано

Ему удалось пережить таких монстров итальянской мафии, как Аль Капоне, Вито Дженовезе, Фрэнк Айяле. Высоко поднявшись во времена «сухого закона», этот сицилиец стал еще при жизни человеком-легендой. Да, он сделал свои миллионы на героине, игорных и публичных домах, но самые известные американские политики и бизнесмены почитали за честь встретиться с ним. Он был последним Великим боссом «Коза Ностры», человеком, которого боялись и уважали гангстеры всего мира. В его жизни было все — бедность и роскошь, любовь и тюрьма, большая кровь и большие интриги...

ISBN 5-04-004471-2

notes

Примечания

1

Пушер — торговец наркотиками.

2

В дальнейшем Фрэнк Костелло неукоснительно соблюдал эту клятву. Действительно, после 1916 года он никогда больше не попадал за решетку.

3

Энрико Альфано, неаполитанец, возродил «каморру» на американской земле. Был убит сицилийцами из семьи Саетта. Все его владения перешли к победителям.

4

Габолотты — в переводе с сицилийского — сборщики дани.

5

Когда в 1920 году это здание сносили, рабочие обнаружили в фундаменте скелеты двадцати трех человек.

Подобная традиция существует и в российском криминалитете. При вступлении в банду новичок «по понятиям» обязан заплатить так называемые «влазные».

Прохибишен — жаргонное название «сухого закона».

8

По утверждению различных источников, Сальваторе Луканиа в дальнейшем переболел венерическими заболеваниями от 4 до 7 раз.

9

Название «коридора» протяженностью примерно 150 миль вдоль побережья штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси и Коннектикут, через который в период «сухого закона» осуществлялся завоз огромных партий контрабандного алкоголя.

10

Грант — жаргонное название банкноты достоинством в одну тысячу долларов.

11

Смерти никто не избежит.

12

Приветствую юного Цезаря!

13

Подонок, падаль.

14

Неизбежное зло — неминуемо (*лат.*).

15

По традиции каждый мафиозо, вне зависимости от ранга, обязан был носить — усы символ принадлежности к Обществу Чести.

16

Осел — эмблема демократической партии США.

17

Да. Хочешь сказать, я глухой? (*ит.*)

Джузеппе Массерия. Это он подослал убийцу (*ит.*).

19

Но самое интересное в этой истории, пожалуй, то, что Мэттингли был зятем, а Натт — сыном самого Леви Дж. Натта, начальника Федерального комитета по борьбе с наркотиками.

20

В среде гангстеров это название никогда не употреблялось. Его придумали и ввели в обиход журналисты. Гангстеры использовали другое название: «Бруклинское объединение».

21

Мне все осточертело!

22

Здравствуй, сынок (*ит.*).

23

Человеку свойственно ошибаться (*лат.*).

24

С богом.

25

Муссомелли — небольшой город в горной части Сицилии, центр провинции с аналогичным названием.

26

Сицилийская вечерня — резня, устроенная сицилийцами в Палермо в 1282 году, в период правления Карла Анжуйского. Поводом послужило оскорбление французами женщин, шедших к вечерне.

27

Чапероне — духовный наставник. Его присутствие при разговоре с женщиной диктовалось старинным сицилийским обычаем.

Тури — имя, уменьшительное от Сальваторе.

29

Assasine — убийство.

30

Был… и нет его!

Доверенных людей.

32

В присутствии больших боссов нижестоящие гангстеры не имели права сидеть.

33

Мэри Хастингс лично занималась подбором новых работниц для своего борделя. Выезжала в провинцию, знакомилась с красивыми девушками и предлагала им престижную работу в Нью-Йорке. Обманутые жертвы пропадали бесследно.

34

По результатам медицинского осмотра Лаки Лючано в тюрьме Клинтон судебный врач Л. Е. Кайнтхольц составил рапорт, в котором среди прочего было сказано: «Общественно опасный индивидуум, зависящий от наркотиков».

Третий пункт был самый шокирующий. В то время за оскорбление общественной морали привлекались к уголовной ответственности гомосексуалисты, проститутки, сутенеры и дельцы порнобизнеса. Предавая Хиннеса суду по такому пункту, Дьюи преследовал цель подмочить репутацию обвиняемого. И он своего добился. Джимми Хиннес был более чем скомпрометирован. Его политическая карьера закончилась навсегда.

36

Процесс над Лаки Лючано продолжался 36 дней. Нет необходимости подробно описывать все перипетии борьбы обвинения и защиты. Автор ограничится последовательным упоминанием наиболее важных фактов и событий.

37

Турецкий маршрут, проложенный людьми дона Вито Дженовезе, функционирует и по сей день. Единственным изменением является то, что к переработке сырья подключилась сицилийская мафия и теперь изготовление героина осуществляется в окрестностях Палермо. Все «лаборатории», занимающиеся производством порошка, контролируют так называемые «корлеонцы».

В самом деле, репрессии Бенито Муссолини поставили Общество Чести на грань полного уничтожения. Впервые за все пятьсот лет истории мафии на Сицилии государство применило столь жесткие меры для борьбы с ней. Вито Дженовезе помог диктатору отправить в концентрационные лагеря немало традиционных мафиозо. За особые заслуги дуче наградил его орденом «Коммандаторе».

39

В юности Томми Луччезе однажды попал в передрягу. Во время перестрелки пуля чиркнула его по правой руке, отбив два пальца — мизинец и безымянный. С тех пор за ним утвердилось прозвище Трехпалый.

В данном случае имеется в виду «общак», или «черная касса» преступной организации.

41

Тысяча чертей! Боже мой! (*ит.*)

42

Джей Катхилл — федеральный прокурор, занимавшийся расследованием преступной деятельности Багси Сигела.

43

Непредумышленное убийство, которое не карается смертной казнью.

44

В 1940 году Том Дьюи с триумфом был избран губернатором штата Нью-Йорк.

45

Уильям О’Двайер, будучи демократом и честолюбцем, не мог избежать контактов с Фрэнком Костелло. «Смазной банк» щедро субсидировал его избирательную кампанию. В 1945 году О’Двайер был избран мэром Нью-Йорка. В 1951 году сенатская комиссия Кефовера раскопала убедительные доказательства наличия преступных связей О’Двайера с гангстером Костелло.

46

Коммодор Ричард Гаффенден, офицер контрразведки, был непосредственно связан с Чарли Луканиа и передавал ему приказы своего руководства.

47

Слова генерала Мо Хейна оказались пророческими. Сегодня на территории «золотого треугольника» производится около 600 тонн героина в год. Совокупная прибыль от продажи такого количества наркотика составляет более 20 миллиардов долларов.

Мулы — жаргонное название наркокурьеров.

49

В 1969 году Вито Дженовезе скончался от сердечного приступа в тюрьме Атланты, штат Джорджия.

50

Нефтяной король Говард Хант не скрывал своего намерения разделаться с президентом Кеннеди. Так, за день до убийства, 21 ноября 1963 года, он открыто заявил, что не будет плакать, если «кто-то вдруг ненароком шлепнет президента».

51

Автор ни в коей мере не претендует на достоверность изложенной в настоящей книге версии. Достоверно известно только то, что в самом деле имел место заговор военной верхушки, некоторых олигархов и боссов мафии с целью устранения президента Джона Кеннеди. Именно к такому выводу пришли Марк Лейн, Джим Гаррисон и прочие лица, проводившие независимые расследования этого дела. Совершенно понятно, что имена исполнителей и организаторов преступления никогда не будут названы, поскольку всех их ликвидировали в процессе так называемой чистки. Даже Джанкана и Траффиканте не избежали этой участи.

52

По поводу этого портсигара Синатре пришлось давать объяснения перед комиссией Черча.